СМОЛЕНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
1918

Известия Смоленского государственного университета

Научный журнал
Выходит 4 раза в год

№ 4(68), 2024

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 01 декабря 2015 года № 13-6518 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель и издатель

Смоленский государственный университет

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
Рег № ПИ № ФС77-85683 от 28.07.23
Подписной индекс ПН182 (Почта России)

Редакционный совет

М.Н. Артеменков (*Смоленск, председатель*), И.В. Романова (*Смоленск, заместитель председателя*), В.А. Волков (*Москва*), А.Б. Каменский (*Москва*), В.С. Кошелев (*Минск, Республика Беларусь*), А. Молнар (*Дебрецен, Венгрия*), Л.В. Рацибурская (*Нижний Новгород*), Ф.Б. Успенский (*Москва*), Н.А. Фатеева (*Москва*), З.А. Харитончик (*Минск, Республика Беларусь*), И.Р. Чикалова (*Минск, Республика Беларусь*)

Редакционная коллегия

И.В. Романова (*гл. редактор*), А.В. Тихонова (*зам. гл. редактора*), Р.В. Белютин (*отв. секретарь*), С.Н. Андреев, С.Ю. Артемова, Л.И. Ивонина, Д.Е. Комаров, А.В. Королькова, Л.В. Павлова, О.Е. Похаленков, А.М. Ранчин, Ю.Л. Цветков

16+

Адрес редакции и издателя

214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4,
Смоленский государственный университет
E-mail: izwestija@smolgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреев В.С., Павлова Л.В., Романова И.В. Репрезентация Армении в стихотворениях русских поэтов.....5
Новикова О.А. Роман «Не стреляйте в белых лебедей» Бориса Васильева в контексте «деревенской прозы» 19
Скоропанова И.С. «Триптих» Саши Соколова как книга размышлений 31
Чурляева Т.Н. Лирическая событийность: к практике анализа и интерпретации 47
Сафина А.С. О принципах конструирования «городского текста» в романном проекте Петера Розая «Венские файлы».....61
Смирнова Л.Г. Оценочный потенциал глагола в русском языке.....72
Лунькова Е.С. Производные существительные с нулевым суффиксом в смоленских говорах 87
Василевская Е.С. К проблеме построения моделей семантической деривации.....103
Чалова О.Н. Виды высказываний с эксплицитным модусом веры в научном диалоге.....117
Аделева О.П. Атрибутивная структура лирического сборника Теда Хьюза «Ястреб под дождем» 130
Жарикова И.А. Специфика использования образных сравнений в романах Тони Моррисон «Милосердие» и «Боже, храни мое дитя» 143
Павлова П.А. Семантика и структура мало- и крупноформатных энигматических текстов (на материале немецкого языка) 157
Перфильева З.Е. Особенности вербализации эмоции *Angst* в романе А. Хидера «Дворец несчастных».....172

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тихонова А.В. Впечатления путешественников, посетивших Смоленск в 1820–1840-е годы.....187
Коновалов Д.А. Пути взаимодействия украинского движения с германскими органами власти в годы Первой мировой войны (1914–1916) 205
Шумаков М.Д. Организация военного управления в Царицыне летом-осенью 1918 года 216
Голаев М.А. Отношение жителей Смоленска к возвращению города в состав Российского государства в годы Русско-польской войны.....227
Филимонова М.А. Дворцовый переворот 1762 года в России в отражении американской прессы 240

Сведения об авторах 254

Содержание журнала «Известия Смоленского государственного университета» за 2024 год 256

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

В.С. Андреев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» Москва, Россия

Л.В. Павлова, И.В. Романова

Смоленский государственный университет Смоленск, Россия

УДК 821.161.1
DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-5-19

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АРМЕНИИ В СТИХОТВОРЕНИЯХ РУССКИХ ПОЭТОВ[1]

Ключевые слова: *русская поэзия; локальный текст; образ Армении; метафора; концепт.*

В статье отражены результаты исследования репрезентации образа Армении в русской поэзии в контексте изучения Армянского локального текста. Наиболее распространенной является метафора, отождествляющая Армению с Существом. Спектр метафорического видения Армении широк и включает членов семьи (мать, сестру, бабушку, дочь и др.), женщину, мудреца, а также человека вообще, без уточнения социальной роли. Стремление к метафорической интерпретации Армении усиливается в переломные моменты истории и, напротив, ослабевает в относительно более стабильные.

Настоящее исследование выполнено в рамках проекта по изучению Армянского локального текста русской поэзии. Ранее было принято писать главным образом о российско-армянских литературных контактах и о том, в связи с какими событиями в сознание русских писателей (например, О. Мандельштама, М. Петровых, В. Звягинцевой, Е. Николаевской, М. Матусовского и других) вошла Армения, как впечатления о ней, ее природе, истории, культуре отразились в их творчестве – в форме переводов армянских авторов или оригинальных произведений, содержащих армянскую тему. Большинство работ обзорного характера о русско-армянских литературных связях было написано в советский период и в некоторой степени отражает идеологию интернационализма СССР [Амирханян, 1985; Богомолов, 1963; Гаджиев, 1982; Григорян, 1962; Григорян, 1974]. В наше время также преобладают работы обзорного плана о литературных контактах [Джанполадян, 2018; Мхитарян, Рабенко, 2012] или посвященные

[1] Статья подготовлена за счет гранта РНФ, проект 22-18-00339 «Электронный ресурс “Армянский текст русской поэзии”: репрезентация локального текста русской литературы».

отдельным авторам и отражению в их жизни и творчестве армянской темы [Амирханян, 2012; Амирханян М.Д., Амирханян А.М., 2014; Андреева, 2001; Багдасарян, 2013; Кубатьян, 2019; Максудов, 1993 и др.].

Впервые обобщить тенденции в упоминаниях Армении и представлении ее собирательного образа в отечественной литературе взял на себя труд Лев Анненский. Он обратил внимание на то, что об Армении пишут преимущественно писатели второго ряда [Анненский, 1993].

Исследования Кавказского текста русской литературы главным образом посвящены Северному Кавказу и обходят своим вниманием исторический и культурный статус Армении для русскоязычных писателей. Например, В.И. Шульженко рассматривает литературу об этом регионе через призму оппозиции «Петербург – Кавказ», которая является модификацией оппозиции «Север – Юг» [Шульженко, 2017]. А.А. Плисс сосредотачивается на сопоставительном анализе мотивной структуры русской и северокавказской художественной, эпистолярной литературы и публицистики XIX века в контексте диалога культур [Плисс, 2014]. И только Е.В. Потапова, занимаясь изучением Грузинского текста русской литературы, впервые заявила о принципиальном отличии общих тенденций и путей развития Грузинского и Армянского локальных текстов внутри неединого, немонолитного, как выяснилось, Кавказского текста. Она показала, что Грузинский текст русской поэзии формируется в XIX веке. Из локального текста он превращается одновременно в культурный, литературный код, генезис которого заложен в «сильных текстах» о Грузии, подобных пушкинским «Не пой, красавица, при мне…» и «На холмах Грузии лежит ночная мгла…» или лермонтовскому сюжету о Тамаре. Армянский текст русской поэзии складывается в XX веке, он гораздо более многовекторный и менее олитературенный, формируется вокруг истории страны [Потапова, 2023].

В работах Э.Ф. Шафранской, Ш.Р. Кешфидинова, В.И. Карасика показаны механизмы семантизации и поэтической символизации некоторых важных для армянского менталитета образов, например, Арарата как главного символа Армении [Шафранская, Кешфидинов, 2024а], незабудки как символа «выпрямления горя» [Шафранская, Кешфидинов, 2024б], а также розы как символа жизни и смерти – ключевых смысложизненных ориентиров мировосприятия на материале армянского цикла стихотворений С. Липкина. Эти символы представлены в произведениях о трагедии Армении и о сходстве судеб народов, прошедших через геноцид [Карасик, 2023].

Наш подход к изучению Армянского текста русской поэзии учитывает специфику материала исследования, в качестве которого выступают стихотворения русскоязычных авторов об Армении [Амирханян, 2022], всего 442 текста. Нами выделены его формальные признаки, позволяющие всесторонне описать поэтическую картину мира Армянского текста на основе языковой картины мира. Эта модель нашла выражение в системе словарей и указателей, выполненных на материале Армянского корпуса, и развернутой интерпретации их данных. В со-

став интегрированной лексикографической базы входят: частотный словарь, позволяющий объективно выделить наиболее частотные константы локального текста; словарь онимов, базирующийся на представлении о маркированности имен собственных и об их функции культурных знаков; указатель образов, чье назначение – показать пути метафоризации наиболее значимых онимов-констант локального текста, самым частотным из которых является *Армения*; указатель лексических комбинаций с частотными онимами, который позволяет обнаружить общеязыковые, ситуативные или индивидуально-авторские ассоциации авторов с константами Армянского текста. Вся система словарей и указателей отражена на специализированном сайте: https://localtext.linghub.ru/#.

Несомненно, важнейшим аспектом анализа репрезентации Армении в поэзии является ее образное отражение. В определении образа мы следуем классическому подходу в когнитивной лингвистике, в соответствии с которым образом является фрагмент текста, реализующий перенос свойств одного концепта (концепта-источника) на другой (концепт-цель) [Павлович, 1995; Lakoff, Johnson, 1980]. Перенос может осуществляться с помощью различных стилистических средств. К достоинствам настоящего подхода можно отнести возможность получения объективных количественных данных о частотности различных концептов в функции цели и источника, частотности различных моделей образов (сочетаний определенных концепта-цели и концепта-источника). Онтология концептов и детали методики анализа описаны в наших предыдущих работах [Андреев, 2015, 2020; Павлова, 2004]. Выявленные в корпусе концепты и их репрезентанты помещены в таблице 1.

Таблица 1

Перечень концептов в образах, выделенных на исследованном материале

Концепт	Примеры лексических репрезентантов
Армения	Армения, Наири, армянский
Вещество	Снег, прах
Драгоценность	Золото
Пища	Сладчайший
Огонь	Огонь
О́рган	Кровь
Орудие	Вонзаться
Предмет	Пергамент
Природа	Природа
Пространство – небесное – нематериальное – земное – строения	 Небосклон Рай, ад Земля, даль, лес, поле Строить
Психическая сфера	Боль, любовь, откровение, трудолюбие
Растение	Процвесть, цвести
Свет	Свеча
Существо	Дева, Золушка, кормилица, страдалица, сын, феникс

Социальная сфера	Танец
Экзистенция	Жизнь

В корпусе выделено 163 употребления наименования «Армения» и три употребления лексемы «Наири», также используемой для обозначения этой страны. Наименования Армении в трех случаях из четырех встречаются в составе образов (включая все три употребления наименования «Наири»), вне образа – в 25% (здесь и далее процентные данные округляются до целых). Зачастую слово «Армения» участвует в формировании сразу нескольких образов, как в приведенном ниже примере (с концептами Вещество и Орудие):

А Армения *таяла* вдали,
как тает весенний снег,
и *вонзалась* в русское сердце мое,
чтобы там остаться навек.
(С. Шервинский) [Амирханян, 2022, *488*]

Кроме того, в случае развернутой метафоры концепт Армения зачастую реализуется указывающими на него личными местоимениями:

О, нет таких неимоверных мук,
Каких бы ты, моя Армения, не знала
С тех пор, как вся под игом подлых рук,
Прекрасный рай земной, *ты* черным адом стала.
(В. Немирович-Данченко) [Амирханян, 2022, *206*]

Ты скорбный крест, Армения, несла ...
Средь диких зверств, пожаров и разбоев
Грозила смерть – но *ты* не умерла!
Пусть ты была безмолвна, как могила,
Угасла жизнь, не стало красоты, –
Но *ты* в душе глубоко сохранила
Счастливых лет порывы и мечты.
(Ю. Веселовский) [Амирханян, 2022, *214–215*]

Общее количество зафиксированных образов, сформированных на базе 122 употреблений лексемы «Армения» («Наири») в тексте, составляет 160. Концепт Армения выполняет функцию цели в метафорическом переносе во всех случаях, кроме двух, приведенных ниже. В первом из них автор находит в Москве черты Армении, а во втором песня сопоставляется с цветущей Армением.

Опять прийти сюда весной;
Другие отложив прогулки,
И молодеть – тому виной
Луна в Армянском переулке.

Луна Армении в Москве.
Чу!.. Лает вдалеке собака,
Вот-вот змея мелькнет в траве,
Качнется стебель эринджака…
(В. Звягинцева) [Амирханян, 2022, *426*]

И песнь росла, как горный город,
Занесший кровли в высоту,
Как Лори утреннего горы,
Как вся Армения в цвету.
(В. Державин) [Амирханян, 2022, *490*]

У этих же авторов в других, гораздо более многочисленных случаях Армения выступает в качестве цели метафорического познания.

Константой армянского текста, таким образом, является внутреннее понимание Армении поэтами как новой для них и читателя сущности, требующей познания и осознания. Рассмотрим, как именно метафоризуется Армения в стихотворном корпусе.

Наиболее распространена метафора, отождествляющая Армению с Существом (80% случаев). Можно говорить об имплицитном консенсусе, в результате которого Армения предстает в поэтическом сознании как живое существо. Практически во всех случаях это отождествление с человеком (исключением является единственный случай сопоставления Армении с мифической птицей – фениксом, восстающим из пепла: *Отбрось же путы и воспрянь, / Покинь, как феникс, царство тлена, – / Восстань, Армения, восстань!* (Х. Бахчисарайцев) [Амирханян, 2022, *257*]). Наиболее типичным оказывается представление об Армении как о матери живущих в этих краях людей.

Сыны Армении спокойствие вкушали…
(С. Митропольский) [Амирханян, 2022, *46*]

Сыны Армении прияли от небес,
Что в человечестве отец веков вознес…
(С. Митропольский) [Амирханян, 2022, *37*]

Армения прекрасная!
Ты слышишь сыновей?
(С. Кротков) [Амирханян, 2022, *246*]

Однако наделением Армении чертами матери антропоморфная метафора не исчерпывается. Спектр метафорического видения Армении довольно широк и включает членов семьи (мать, сестру, бабушку, дочь – и даже отца и отчима), женщину, мудреца, а также человека вообще, без уточнения социальной роли.

Его воспел отец Армении духовной
Великий Хримиан…
(В. Немирович-Данченко) [Амирханян, 2022, *206*]

Армения, я полюбил тебя
<…>
К тебе прильнул я сразу, как к отцу
<…>
Как отчима, подверг тебя напору,
К тебе шел с трепетом, как к мудрецу.
<…>

Меня ты приняла, не отослала прочь,
А баловала – как родного внука,
Как жить меня учила: «Пробуй, ну-ка!»
Во всем была готова мне помочь.
«В путь!»
(А. Гаспари) [Гаспари, 2021]

Армения – сестра пустынной Иудеи
по небу и Отцу.
(Е. Бершин) [Амирханян, 2022, *597*]

Гляжу я вдаль, на тихие поля,
…
На Золушку мою, на дорогую
Печальную Армению мою.
(В. Звягинцева) [Амирханян, 2022, *418*]

Армения, готовишься взмахнуть рукой!
(С. Кротков) [Амирханян, 2022, *247*]

Такое положение следует признать ожидаемым, с одной стороны, и неожиданным – с другой. Метафора сопоставления с человеком является наиболее распространенной в силу своего базового статуса [Lakoff, Johnson, 1980]. На основании опыта предыдущих исследований [Андреев, 2015, 2020; Павлова, 2004] при такой высокой частотности модели Армения – Существо можно было бы ожидать наличия значительного числа развивающих это сравнение образов, включая сопоставление с Органом, Психической сферой, Предметом и другими концептами, связанными с существованием человека в мире. Подобные образы действительно есть, однако они весьма малочисленны и представляют единичные случаи – своего рода *hapax legomena* и *hapax dislegomena* образного текста.

Армения, звенящая огнем и кровью
Армения, тебя хочу я полюбить!
(С. Городецкий) [Амирханян, 2022, *295*]

А сбоку Армения – божья любовь
(Б. Чичибабин) [Амирханян, 2022, *603*]

Армения вставала откровеньем
в своей красе суровой неспроста.
(Н. Тихонов) [Амирханян, 2022, *336*]

Армения, горе твое от ума,
ты – боли еврейской двойник…
(Б. Чичибабин) [Амирханян, 2022, *605*]

Отсутствует и противопоставление Существо vs Растение, распространенное в поэзии [Андреев, 2015; Павлова, 2004]. Армения сопоставляется с растениями лишь в отдельных случаях: *В пременах Азии Армения цветет* (С. Митропольский) [Амирханян, 2022, *38*].

Несколько более распространено сопоставление Армении с пространством – просторами другой страны, построенным людьми домом, небом.

Быть может, день придет: средь мрачного тумана
Взойдет на небосклон Армении заря.
(Ю. Веселовский) [Амирханян, 2022, *213*]

Судьба великих ваших стариков –
Борцов, певцов, строителей Армении.
(В. Звягинцева) [Амирханян, 2022, *427*]

Душе устроить выходной,
и балансировать над бездной
в горах Армении небесной…
(В. Лобанов) [Лобанов, 2010]

Россия и Армения... Две дали,
Две матери,
две жизни, две земли…
(К. Шакарян) [Шакарян, 2020]

Однако кумулятивный анализ всего корпуса следует признать недостаточным, так как он не учитывает динамику процесса репрезентации Армении в поэзии на протяжении более двух веков.

Рассмотрим изменение образного видения Армении хронологически. Вслед за существующими исследованиями мы выделяем четыре периода. Первый период охватывает XIX век, второй – начало XX века вплоть до двадцатых годов, когда с созданием и укреплением Советского Союза изменились условия существования и Армении, и литературы. Третий период включает поэтические тексты советского периода. Наконец, четвертый период начинается с девяностых годов XX века, когда после распада СССР вновь изменилась политическая и литературная реальность, и продолжается до наших дней.

На рисунке 1 отражены абсолютные данные о количестве употреблений лексемы «Армения» вне образа и в образе.

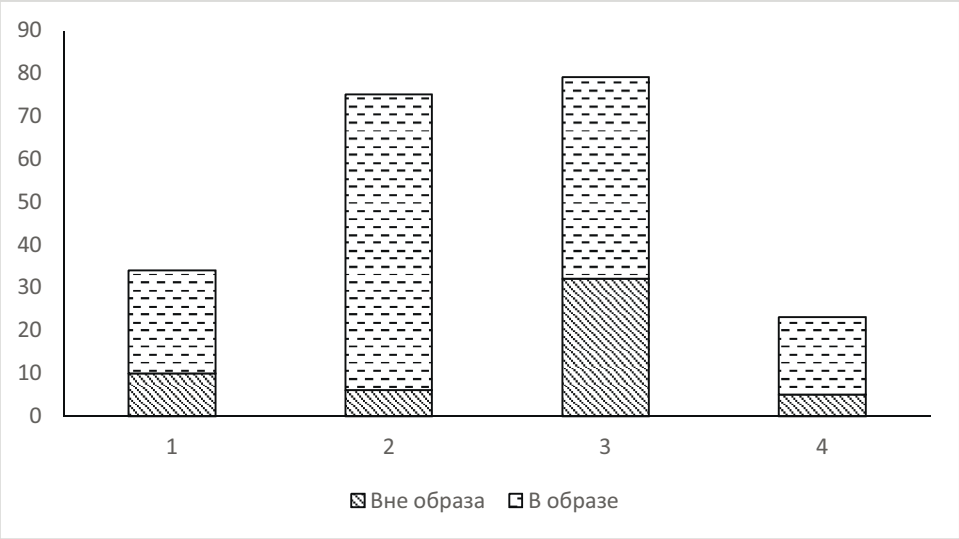


Рис. 1. Употребление лексемы «Армения» в образах и вне образов

Второй и третий периоды характеризуются повышением частоты упоминания Армении в текстах корпуса. Чтобы оценить соотношение употреблений вне образа и в образе, рассмотрим данные о доле образов (%) в общем числе употреблений наименования (рис. 2).

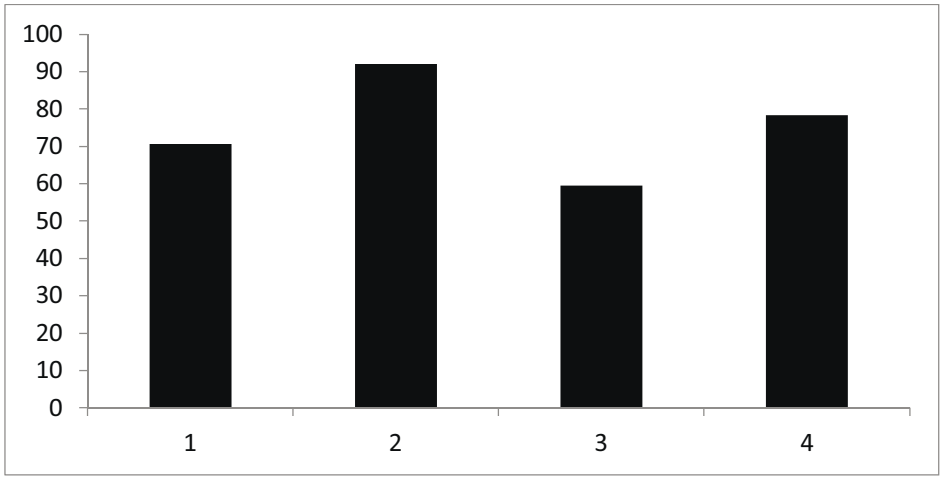


Рис. 2. Доля употребления лексемы «Армения» в составе образа
(% от общего числа употреблений в тексте)

Как мы видим, рост использования топонима Армения во втором периоде сопровождается значительным усилением его метафорического осмысления (более чем в 90% случаев участвует в формировании образов). Затем, в советское время, общее число словоупотреблений велико, однако Армения все чаще начинает рассматриваться описательно, без метафорической интерпретации. В этот период степень образности самая низкая из зафиксированных. Затем происходит возвращение к переосмыслению страны, доля лексем, задействованных в образах, превышает дореволюционный уровень, хотя и не поднимается до величин, зафиксированных в поэзии начала века.

Еще одним показателем является коэффициент разнообразия (рассчитываемый как отношение количества концептов к количеству образов) используемых концептов-источников (рис. 3). Повышение образности во втором периоде происходит, как свидетельствует график, не за счет роста числа сущностей, в которых авторы видят сходство с Арменией, а путем увеличения количества сопоставлений с Существом. Затем разнообразие интерпретаций Армении растет: более существенно от второго к третьему периоду, а затем – в несколько меньшей степени – в четвертом периоде.

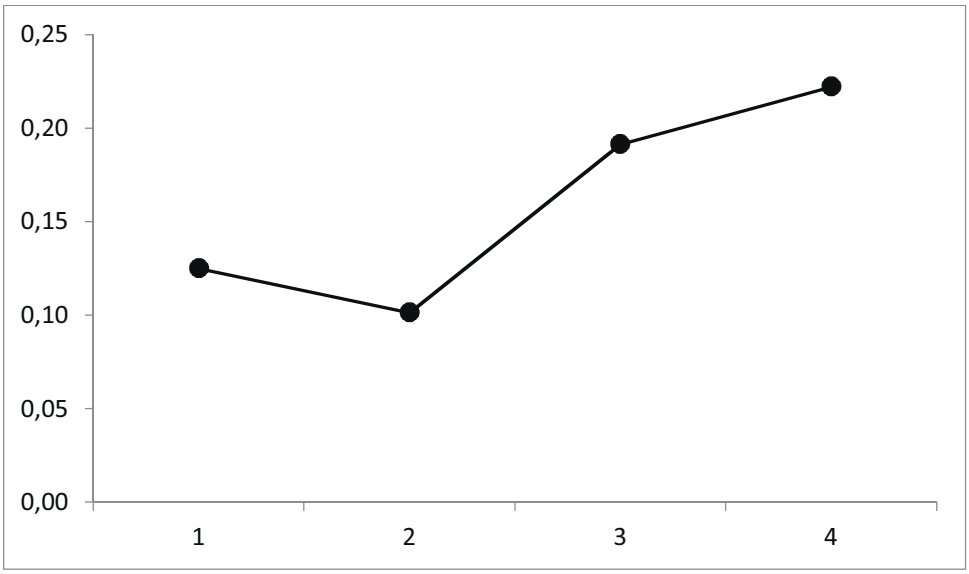


Рис. 3. Коэффициент разнообразия используемых концептов-источников

Доля концепта-источника Существо остается высокой на всем материале. В то же время имеются определенные колебания (рис. 4). Так, начиная со второго периода доля Существа как интерпретанта уменьшается, пока после достижения минимальных значений не начинает вновь расти в четвертом периоде. Следует отметить, что даже в третьем периоде более двух третей метафор остаются антропоморфными.

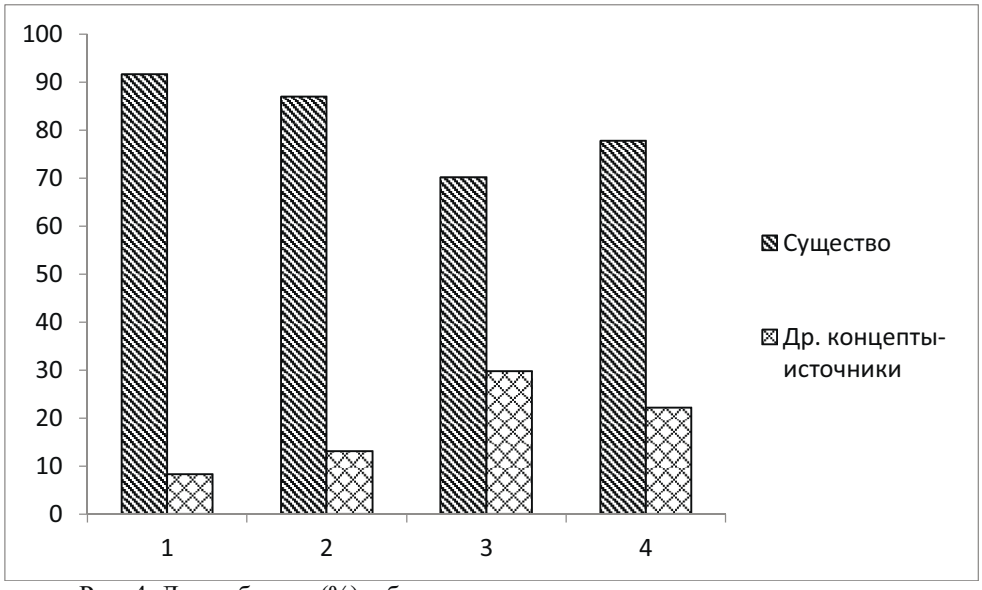


Рис. 4. Доля образов (%), образованных с помощью концепта-источника Существо и других концептов-источников

Чтобы проверить, имеется ли связь между частотностью одушевления Армении и общим числом образов, построим диаграмму рассеяния (рис. 5). На диаграмме ось X отражает долю (в %) использования лексемы Армения в качестве интерпретируемого концепта в образе, а ось Y – долю Существа в функции цели в метафорическом переносе. Точками обозначены периоды.

Как мы видим, периоды 2, 3 и 4 расположены практически на одной линии, которая указывает на положительную взаимосвязь между количеством репрезентантов Существа и общим количеством образов. Вместе с тем корреляция не является сильной – антропоморфная метафора не становится полностью определяющей в образном отображении Армении, на что указывает наклон линии, на которой находятся точки. Особняком стоит первый период. В поэзии XIX века большая доля антропоморфных метафор не привела к аналогичному росту образного переосмысления Армении.

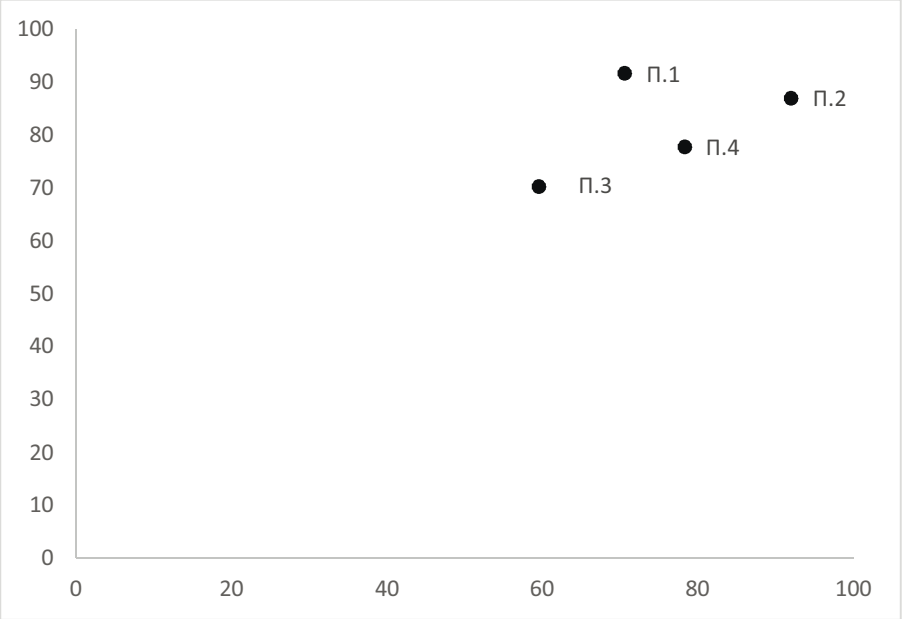


Рис. 5. Периоды в пространстве доли Существа в функции концепта-источника и доли употребления лексемы «Армения» в образе от общего числа употреблений

На основе анализа, проведенного на базе корпуса Армянского текста, можно сделать вывод, что в образной репрезентации Армении существуют определенные константы и динамические тенденции.

Стремление к метафорической интерпретации Армении усиливается в переломные моменты истории и, напротив, ослабевает в относительно более стабильные.

Неизменным остается ведущий прием творческого познания: Армения ассоциируется с человеком, чьи дети – армянский народ. Эта модель становится преобладающей в трех из четырех периодов и фактически определяет

общую степень образного познания. Общим трендом является увеличение концептуального разнообразия: после формирования консенсуса в поэтическом видении Армении как живого существа начинается некоторый отход от этой традиции – постепенно увеличивается количество видов концептов, черты которых авторы находят в Армении. При этом модели с такими концептами не становятся частотными, существуя вплоть до настоящего времени на периферии образного пространства и маркируя, скорее, потенциальную возможность изменения поэтического представления об Армении.

ЛИТЕРАТУРА

Амирханян М.Д. А.С. Пушкин и Армения: к 175-летию гибели А.С. Пушкина. 2-е изд., доп. Ереван: [б. и.], 2012. 115 с.

Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии. Ереван: Копи Принт, 2022. 662 с.

Амирханян М.Д. Интернациональный характер русской литературы в аспекте русско-армянских отношений, XII – начало XX: дис. … д-ра филол. наук. Ереван, 1985. 372 с.

Амирханян М.Д., Амирханян А.М. Лермонтов и армянский мир. Ереван: Лусабац, 2014. 118 с.

Андреев В.С. Квантитативное описание метафоры в стихотворном тексте: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. 145 с.

Андреев В.С. Малый текст: опыт квантитативного анализа // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 4(52). С. 117–126.

Андреева М.Р. Армянские фрески О. Мандельштама. Ереван: Изд-во РАУ, 2001. 184 с.

Аннинский Л.А. Лучина и свеча // Дружба народов. 1993. № 2. С. 169–186.

Багдасарян Р. «Армения, звенящая огнем и кровью…»: геноцид армян глазами очевидца Сергея Городецкого // Голос Армении. 2013. 23 мая. URL: https://www.golosarmenii.am/article/18317/armeniya--zvenyashhaya-ognem-i-krovyu… (дата обращения: 12.12.2023).

Богомолов И.С. Армения в творчестве Якова Полонского. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1963. 124 с.

Гаджиев А. Кавказ в русской литературе первой половины XIX века. Баку: Язычы, 1982. 160 с.

Ганаланян О.Т. Армения в творчестве русских поэтов. Ереван: Айастан, 1967. 86 с.

Гаспари А. В путь! // Литературная Армения. 2021. № 1. С. 73.

Григорян К.Н. Армения в русской литературе и живописи (XVIII – первая половина XIX в.). Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1962. 74 с.

Григорян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X – начало XX вв.). Ереван: [б. и.], 1974. 366 с.

Джанполадян М. Образ Армении в Русской поэзии XX века // Культурная связь России и Армении: прошлое, настоящее, будущее: сборник научных статей и докладов / ред. и сост. И.А. Ширманов. Б\г. Ridero, 2018. URL: https://фб2.рф/kulyturnaya-svyazy-rossii-i-nbsp-armenii-proshloe-nastoyaschee-buduschee-sbornik-nauchnyh-statey-i-d-39856073/read/part-2# (дата обращения: 12.12.2023).

Карасик В.И. Ереванская роза: символизация жизни и смерти в поэзии Семена Липкина // Человек – язык – дискурс: антропоцентрическая лингвистика и лингвистическая антропология: коллективная монография / отв. ред. В.А. Миловидов. Тверь: Тверской государственный университет, 2023. С. 86–95.

Кубатьян Г.И. Одна из двух ипостасей. Армянская тема в поэзии Бориса Слуцкого // Дружба народов. 2019. № 6. С. 238–248.

Лобанов В. А новый век – не брат меньшой // Русская поэзия. XXI век: антология / под ред. Г.Н. Красникова. М.: Вече, 2010. С. 147.

Максудов С. Об интерпретации стихотворения «Армения» и теме смерти в армянских стихах Осипа Мандельштама // «Сохрани мою речь». Вып. 2. М.: Книжный сад, 1993. С. 112–129.

Мхитарян Э.Ц., Рабенко Т.Г. Русско-армянские культурные связи: к истории вопроса // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира. 2012. № 1. С. 203–206.

Павлова Л.В. «И я был раб в узлах змеи…»: об одном из образов лирики Вячеслава Иванова // Известия АН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63, № 1. С. 58–63.

Павлович Н.В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. М.: РАН ИРЯ, 1995. 491 с.

Плисс А.А. Мотивная структура «Кавказского текста» в русской литературе первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2014. 20 с.

Потапова Е.В. «Армянский» vs «грузинский» локальные тексты: к вопросу о генезисе и путях развития // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 4(64). С. 38–54.

Шакарян К. Две родины // Наш современник. 2020. № 8. С. 98–99.

Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Арарат в русской поэзии и метатексте культуры // Арарат: русская и национальные литературы: материалы международной научно-практической конференции (Ереван, 26–29 сентября 2024 года). Ереван: Мекнарк, 2024а. С. 256–264.

Шафранская Э.Ф., Кешфидинов Ш.Р. Незабудка – символ «выпрямления горя» // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре: коллективная монография. М.: ИКД «Зерцало-М», 2024б. С. 458–465.

Шульженко В.И. «Кавказский текст» русской литературы: границы описания и парадоксы восприятия // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 104–108.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 193 p.

V.S. Andreev
PhD in Philology, Doctor, Professor,
National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russia

L.V. Pavlova
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

I.V. Romanova
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Head of Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Representation of Armenia in the Poems of Russian Poets

The article reflects the results of the study of the representation of the image of Armenia in Russian poetry in the context of studying the Armenian local text. The most common metaphor is one that identifies Armenia with a Being. The range of metaphorical vision of Armenia is wide and includes family members (mother, sister,

grandmother, daughter, etc.), a woman, a sage, as well as a person in general, without specifying a social role. The use of the toponym Armenia in the 20th century turns out to be the most frequent. At the beginning of the 20th century, there was a significant increase in its metaphorical interpretation. The desire for a metaphorical interpretation of Armenia intensifies at crucial moments in history and, on the contrary, weakens at relatively more stable ones. The leading method of creative cognition remains unchanged: Armenia is associated with a person whose children are the Armenian people. Nowadays, the number of types of concepts, the features of which the authors see in Armenia, is gradually increasing, models are observed: Armenia → Organ, Armenia → Space, Armenia → phenomena of the Mental sphere. But such models do not become frequent, they exist on the periphery of the figurative space and mark the potential possibility of changing the poetic image of Armenia.

Keywords: *Russian poetry; local text; image of Armenia; metaphor; concept.*

REFERENCES

Amirhanjan M.D. A. S. Pushkin and Armenia: on the 175th anniversary of the death of A.S. Pushkin [A. S. Pushkin i Armenija: k 175-letiju gibeli A.S. Pushkina]. Erevan, 2012. 115 p. (in Russian).

Amirhanjan M.D. Armenia in the mirror of Russian poetry [Armenija v zerkale russkoj pojezii]. Erevan: Kopi Print, 2022. 662 p. (in Russian).

Amirhanjan M.D. The international character of Russian literature in the aspect of Russian-Armenian relations, 12th – early 20th century [Internacional'nyj harakter russkoj literatury v aspekte russko-armjanskih otnoshenij, XII–nachalo XX]. *Dissertation ... doctor of Philology.* Erevan, 1985. 372 p. (in Russian).

Amirhanjan M.D., Amirhanjan A.M. Lermontov and the Armenian World [Lermontov i armjanskij mir]. Erevan: Lusabac, 2014. 118 p. (in Russian).

Andreev V.S. Quantitative description of metaphor in a poetic text: monograph [Kvantitativnoe opisanie metafory v stihotvornom tekste: monografija]. Smolensk: SmolGU, 2015. 145 p. (in Russian).

Andreev V.S. Small text: the experience of quantitative analysis [Malyj tekst: opyt kvantitativnogo analiza]. *Issues of Smolensk State University*. 2020. No 4 (52). pp. 117–126 (in Russian).

Andreeva M.R. Armenian frescoes by O. Mandelstam [Armjanskie freski O. Mandel'shtama]. Erevan: RAU, 2001. 184 p. (in Russian)

Anninskij L.A. [Luchina i svecha]. *Druzhba narodov*, 1993. No 2. pp. 169–186 (in Russian).

Bagdasarjan R. «Armenia ringing with fire and blood...»: the Armenian Genocide through the eyes of eyewitness Sergei Gorodetsky [«Armenija, zvenjashhaja ognem i krov'ju…»: genocid armjan glazami ochevidca Sergeja Gorodeckogo]. *Golos Armenii*, 2013, May 23. Available at: https://www.golosarmenii.am/article/18317/armeniya--zvenyashhaya-ognem-i-krovyu… (accessed on December 12, 2023) (in Russian).

Bogomolov I.S. Armenia in the works of Yakov Polonsky [Armenija v tvorchestve Jakova Polonskogo]. Erevan: AN Armjanskoj SSR, 1963. 124 p. (in Russian).

Gadzhiev A. The Caucasus in Russian literature of the first half of the XIX century [Kavkaz v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka]. Baku: Jazychy, 1982. 160 p. (in Russian).

Ganalanjan O.T. Armenia in the works of Russian poets [Armenija v tvorchestve russkih pojetov]. Erevan: Ajastan, 1967. 86 p. (in Russian).

Gaspari A. Let's go! [V put'!] *Literaturnaja Armenija*, 2021. No 1. p. 73 (in Russian).

Grigorjan K.N. Armenia in Russian literature and painting (XVIII – the first half of the XIX century) [Armenija v russkoj literature i zhivopisi (XVIII – pervaja polovina XIX v.)]. Erevan: Akad. nauk Arm., 1962. 74 p. (in Russian).

Grigorjan K.N. From the history of Russian-Armenian literary and cultural relations (X – early XX centuries) [Iz istorii russko-armjanskih literaturnyh i kul'turnyh otnoshenij (X – nachalo XX vv.)]. Erevan, 1974. 366 p. (in Russian).

Dzhanpoladjan M. The Image of Armenia in Russian poetry of the twentieth century [Obraz Armenii v Russkoj pojezii XX veka]. *Cultural connection between Russia and Armenia: past, present, future. Collection of scientific articles and reports*. Ridero, 2018. Available: https://fb2.rf/kulyturnaya-svyazy-rossii-i-nbsp-armenii-proshloe-nastoyaschee-buduschee-sbornik-nauchnyh-statey-i-d-39856073/read/part-2# (accessed on December 12, 2023) (in Russian).

Karasik V.I. Yerevan Rose: symbolization of life and death in Semyon Lipkin's poetry [Erevanskaja roza: simvolizacija zhizni i smerti v pojezii Semena Lipkina]. *Man – language – discourse: anthropocentric linguistics and linguistic anthropology: a collective monograph*. Tver: Tver State university, 2023. pp. 86–95 (in Russian).

Kubat'jan G.I. One of two hypostases. The Armenian theme in the poetry of Boris Slutsky [Odna iz dvuh ipostasej. Armjanskaja tema v pojezii Borisa Sluckogo]. *Druzhba narodov*, 2019. No 6, pp. 238–248 (in Russian).

Lobanov V. A new century is not a lesser brother [A novyj vek – ne brat men'shoj]. *Russian poetry. XXI century. Anthology*. Moscow: Veche, 2010. p. 147 (in Russian).

Maksudov S. On the interpretation of the poem «Armenia» and the theme of death in the Armenian poems of Osip Mandelstam [Ob interpretacii stihotvorenija «Armenija» i teme smerti v armjanskih stihah Osipa Mandel'shtama]. *«Sohrani moju rech'»*. Issue 2. Moscow: Knizhnyj sad, 1993. pp. 112–129 (in Russian).

Mhitarjan Je.C., Rabenko T.G. Russian-Armenian cultural ties: towards the history of the issue [Russko-armjanskie kul'turnye svjazi: k istorii voprosa]. *Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imja mira*, 2012. No 1, pp. 203–206 (in Russian).

Pavlova L.V. «And I was a slave in the knots of a snake...»: about one of the images of Vyacheslav Ivanov's lyrics [«I ja byl rab v uzlah zmei…»: ob odnom iz obrazov liriki Vjacheslava Ivanova]. Bulletin AN. Series: Literature and Language, 2004. Vol. 63. No 1. pp. 58–63 (in Russian).

Pavlovich N.V. The language of images: paradigms of images in the Russian poetic language [Jazyk obrazov: paradigmy obrazov v russkom pojeticheskom jazyke]. Moscow: RAN IRJa, 1995. 491 p. (in Russian)

Pliss A.A. The motif structure of the «Caucasian text» in Russian literature of the first half of the XIX century [Motivnaja struktura «Kavkazskogo teksta» v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka]. *Abstract of the dissertation ... candidate of Philology*. Mahachkala, 2014. 20 p. (in Russian).

Potapova E.V. «Armenian» vs «Georgian» local texts: on the question of genesis and ways of development [«Armjanskij» vs «gruzinskij» lokal'nye teksty: k voprosu o genezise i put-jah razvitija]. *Issues of Smolensk State University*, 2023. No 4(64). pp. 38–54 (in Russian).

Shakarjan K. Two homelands [Dve rodiny]. *Nash sovremennik*, 2020. No 8. pp. 98–99 (in Russian).

Shafranskaja Je.F., Keshfidinov Sh.R. (a) Ararat in Russian poetry and the metatext of culture [Ararat v russkoj pojezii i metatekste kul'tury]. *Ararat: Russian and national literatures: Materials of the International scientific and practical conference, Yerevan, September 26–29, 2024* [Ararat: russkaja i nacional'nye literatury: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Erevan, 26–29 sentjabrja 2024 goda]. Erevan: Meknark, 2024. pp. 256–264 (in Russian).

Shafranskaja Je.F., Keshfidinov Sh.R. (b) Forget-me-not a symbol of «straightening grief» [Nezabudka – simvol «vyprjamlenija gorja»]. *«Language of flowers» and flowers in language, literature and culture: A collective monograph*. Moscow: IKD «Zercalo-M», 2024. pp. 458–465 (in Russian).

Shul'zhenko V.I. «Caucasian text» of Russian literature: the boundaries of description and paradoxes of perception [«Kavkazskij tekst» russkoj literatury: granicy opisanija i paradoksy vosprijatija]. *Bulletin of DSPU. Social and humanitarian sciences*, 2017. No 1, pp. 104–108 (in Russian).

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 193 p. (in English).

О.А. Новикова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 821.161

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-19-31

РОМАН «НЕ СТРЕЛЯЙТЕ В БЕЛЫХ ЛЕБЕДЕЙ» БОРИСА ВАСИЛЬЕВА В КОНТЕКСТЕ «ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ»

Ключевые слова: *Б.Л. Васильев; «Не стреляйте в белых лебедей»; «деревенская проза»; типологические связи; В. Шукшин; В. Астафьев; В. Распутин.*

Предметом исследования в статье стали типологические связи романа Б.Л. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» (1973), занимающего особое место в творческом наследии писателя, с русской «деревенской прозой» 1960–1980-х годов. По мнению автора статьи, Б. Васильев написал роман, попав под очарование «уникального» явления отечественной литературы второй половины XX века. В романе можно выделить основные черты «деревенской прозы»: следование русской реалистической традиции; «новое» содержание («дефицит духовности», неопочвенническая и экологическая проблематика); ведущий мотив прощания с патриархальным укладом жизни; характерный герой (Егор Полушкин Б. Васильева необычайно близок героям-«чудикам» В.М. Шукшина, а также может быть соотнесен с героиней-праведницей рассказа А. Солженицына «Матренин двор»); наличие определенных образов-символов (Белые лебеди могут быть поставлены в ряд известных мифопоэтических образов: «реки жизни» Енисея у В. Астафьева, Царского лиственя В. Распутина, Калины красной В. Шукшина и др.). Учитывая дату выхода произведения «Не стреляйте в белых лебедей», автор статьи полагает, что здесь может идти речь и об обратном влиянии Б. Васильева на писателей-деревенщиков (Шукшина, Астафьева, Распутина), чьи знаковые произведения «До третьих петухов», «Царь-рыба», «Пожар» появились позже и имеют явные отсылки к означенному произведению Б. Васильева.

По прошествии пятидесяти лет с момента выхода романа «Не стреляйте в белых лебедей» стало очевидным, что данное произведение занимает «особое» место в творческом наследии Бориса Васильева. Именно так оно позиционируется в аннотациях при переиздании в настоящее время [Васильев, 2018; 2019]. Один из первых критиков романа И. Дедков отмечал его некую инородность на фоне ранее написанного автором: «сочинен он каким-то другим человеком» [Дедков, 1973, *47*]. Однако до сих пор вопрос о месте произведения в творчестве Б.Л. Васильева и в русской литературе последней трети XX века в целом не становился предметом изучения. Наше исследование построено на гипотезе о том, что признанная «исключительность» произведения «Не стреляйте в белых лебедей» объясняется тем, что при создании романа Б. Васильев находился под очарованием «деревенской прозы», а после опубликования уже роман в свою очередь оказал воздействие на дальнейшее развитие неопочвеннического направления в литературе 1970–1980-х годов.

Роман «Не стреляйте в белых лебедей» был впервые напечатан в 6–7-м номерах за 1973 год молодежного журнала «Юность». Последующие издания «благодаря редакторской правке» [Карнюшин, Медведева, 2013, *13*] выходили под названием «Не стреляйте белых лебедей». Роман появился в журнале, не относящемся к лагерю консерваторов и почвенников: «Юность» была учреждена «высочайшим повелением в пику “Молодой гвардии”» [Викулов, 1996, *6*]. Однако одна из первых рецензий на роман принадлежала Игорю Дедкову – критику, имя которого в 1960-х годах было прочно связано с демократичным «Новым миром» А.Т. Твардовского, пестовавшего «деревенскую прозу». Критик строго судит произведение Б. Васильева, но, несмотря на развенчание героя, прозорливо подмечает немало тонких деталей, которые впоследствии возьмут на заметку другие рецензенты, обернув при этом минусы в плюсы. (Не исключено, что в данном случае И. Дедков использует «эзопов язык» и другие приемы новомирской критики, когда написанное следовало читать наоборот).

В. Кардин, сравнивая роман «Не стреляйте в белых лебедей» со знаменитой повестью «А зори здесь тихие…», отдавал предпочтение последней. Он полагал, что попытка писателя «“пересадить” сказочную старину в сегодняшний день» оказалась неудачна, заподозрив автора в зависимости от «книжных опосредований, литературно-беллетристических поветрий и завихрений» [Кардин, 1994, *268*]. Рецензент не называет литературные ориентиры, которым следовал Б. Васильев при создании романа. Однако использованные им характеристики наводили читателя на мысль о вторичности написанного. Но выдержавшее испытание временем новаторское произведение писателя-фронтовика выявило тенденциозность приведенных суждений критика. По нашему мнению, речь может идти о воздействии на Б. Васильева такого «уникального явления», как «деревенская проза», «во

многом определившего пути развития русской литературы во второй половине XX века» [Большакова, 2002, *3*]. В результате появилось выдающееся произведение «Не стреляйте в белых лебедей», в полной мере соответствующее почвенническим канонам.

Цель нашей работы – обнаружить типологические схождения романа «Не стреляйте в белых лебедей» с деревенской (неопочвеннической) прозой. Рассмотрим их.

Приверженность русской реалистической традиции. Писатели-деревенщики открыто декларировали близость своего творчества культуре русской классики с ее глубоким содержанием, народностью, психологизмом и выразительностью слова. Они возрождали и углубляли традиции сказовой речи, чтобы ярче раскрыть образ человека «из народа». Ю. Селезнев назвал представителей деревенской прозы «традиционалистами», А. Солженицын – «нравственниками». Эти определения в полной мере могут быть отнесены и к Б. Васильеву. Анализируя роман «Глухомань» (2001), Е. Лесин заметил: «Васильев не изменил своей манере, пишет, как писал и раньше, как писали Леонов и Шукшин, но на другой скорости» [Лесин, 2001, *5*].

Новое содержание. Принято считать, что второе поколение деревенщиков (В. Распутин, В. Шукшин, В. Белов, В. Астафьев и др.) на рубеже 1960–1970-х годов первым заговорило о *дефиците духовности* в советском обществе. Оно же начало активно искать пути его преодоления, обратившись к своим корням, патриархальному деревенскому миру – неиссякаемому кладезю истинно нравственных заветов. В книгах почвенников явственно передано чувство распутья, переживаемого обществом. Не идеализация народа, «не умиление», а «тревога за его духовное здоровье пронизывает книги мастеров “деревенской прозы”» [Лейдерман, 2003, *80*].

Означенная тревога присуща автору и герою романа Б. Васильева – Егору Полушкину. Выступая с трибуны на Всесоюзном совещании работников лесного хозяйства, он напоминает присутствующим: «Мы с вами при добром деле состоим, а доброе дело радости просит, а не угрюмства. Злоба злобу плодит, это мы часто вспоминаем, а вот что от добра добро родится, это не очень. А ведь это и есть главное!» [Васильев, 1994, *138*]. Одно из ключевых понятий почвенничества «мать сыра земля» также звучит из уст центрального персонажа: «Страдает человек. Сильно страдает, мил дружки вы мои хорошие. А почему? Потому сиротиночки мы: с землей-матушкой в разладе, с лесом-батюшкой в ссоре, с речкой-сестричкой в разлуке горькой. И стоять не на чем, и прислониться не к чему, и освежиться нечем» [Васильев, 1994, *35*].

Также для неопочвенников характерна острая постановка *экологических проблем*. У них в полной мере проявляется родственное внимание к «матери-природе», боль за ее беды. В середине 60-х годов сначала в публицистике на всю страну прозвучало честное слово писателей: С. Залыгина (выступление в защиту Западно-Сибирской низменности от затопления под

Нижне-Обскую гидростанцию, 1963); Г. Троепольского («О реках, почвах и прочем», 1965; «Сколько воды человеку нужно?», 1966; «Об осушении и “осушении”», 1966); В. Астафьева («На Каме-реке», 1969). А в 1976 году выходят, пожалуй, самые знаменитые и уже художественные экологические произведения деревенщиков: повести «Царь-рыба» В. Астафьева и «Прощание с Матерой» В. Распутина.

В романе Б. Васильева герой является самым яростным защитником природы. Егор Полушкин наделен способностью видеть и чувствовать красоту мира, однако он не просто созерцатель-эстет, ему «хочется зачерпнуть ладонями эту нетронутую красоту и бережно, не замутив и не расплескав, принести ее людям» [Васильев, 1994, *102*]. Главная цель Егора – поделиться с окружающими первозданными ценностями и сделать все возможное, чтобы сохранить их для будущих поколений. Этой установкой ежедневных малых добрых дел он руководствуется, с радостью перевыполняя должностные обязанности лесника: «упоенно чистил лес, прорубал заросшие просеки, стаскивал в кучи валежник и сухостой» [Васильев, 1994, *116*]; меняет маршрут прокладки труб, чтобы спасти муравейник, и отказывается от прибыльного заработка – сбора лыка, несущего угрозу липовым деревьям.

«Все мы в одном доме живем, да не все хозяева» [Васильев, 1994, *138*], – заявляет с высокой трибуны Полушкин. Он отвергает сложившиеся двойные стандарты в отношении природы, когда повсеместно и громогласно утверждается, что она «дом родной», а «с другой стороны имеем <...> покорение природы», которое оборачивается ее гибелью: «Она молчком умирает, долголетно» [Васильев, 1994, *138*]. Герой отказывается видеть в человеке царя природы, он призывает для всеобщего блага подчиниться ей: «Не царь, вредно это – царем-то зваться. Сын он ее, старший сыночек. Так разумным же будь, не вгоняй в гроб маменьку» [Васильев, 1994, *138*].

Ведущие мотивы «деревенской прозы». Среди таких мотивов выделим *мотив прощания с патриархальным укладом жизни* (наиболее полно проявился в повести «Прощание с Матерой» В. Распутина). Егор Полушкин – человек пришлый в поселке. До переезда он вместе с семьей жил в деревне, работая в колхозе «если не в достатке, так в уважении»; но «с гнезда этого в одночасье вспорхнули <...> Затмение нашло» [Васильев, 1994, *8*]. И. Дедков справедливо замечает: «Все беды Егора, вся драма его – от того лесного поселка. Этот поселок – диавольское место. Он населен грубыми и жестокими людьми. Лиц мы не видим, это темная множественность, она улюлюкает, издевается и стяжает. Тут даже дети испорчены, и светел средь них лишь Колька Полушкин» [Дедков, 1973, *47*].

Примечательно, что намеченные в произведении Васильева яркими мазками отдельные образы (туристов, например) получат более детальное описание у В. Астафьева в «Царь-рыбе» (туристы, браконьеры) и в «Проща-

нии с Матерой» В. Распутина (пожогщики) в 1976 году. А в повести В. Распутина «Пожар» (1985) будет выведен поселок Сосновка, построенный леспромхозом, в котором люди деградируют, превращаясь в архаровцев. Не стесненные полушкинской совестливостью, а движимые алчностью, они занимаются вырубкой леса – неправедным трудом, работой, не требующей души. Водитель Иван Петрович *Егоров*, отстаивающий истинные ценности, едва избежал расправы архаровцев. (Обратим внимание на образованную от знакового имени фамилию героя, о чем пойдет речь далее).

Образ героя. Открытием «деревенской прозы» стали оригинальные характеры сельских жителей, явленные классиками русской литературы XX века: Ивана Африкановича из повести В. Белова «Привычное дело», Егора Прокудина из киноповести «Калина красная» В. Шукшина, семьи Пряслиных из книги Ф. Абрамова «Братья и сестры», так называемых «распутинских старух» – Анны в «Последнем сроке», Дарьи в «Прощании с Матерой» и др.

Отдельная категория персонажей – бунтари / юродивые. Отстаивая законы справедливости для всех, они неизбежно сталкиваются с бюрократической системой. Совестливые герои-бессребреники нередко ценою собственной жизни утверждают незыблемые принципы, борясь со злом в том или ином обличье, отвергая мещанство и жажду наживы. Таковы Федор Кузькин из повести «Живой» Б. Можаева, Настя Сыроегина из повести В. Тендрякова «Поденка – век короткий», знаменитые чудики В. Шукшина.

Лучшие из деревенских жителей становились носителями эстетического идеала, нравственных ценностей. Такое представление об идеале было внове для литературы насаждаемых соцреалистических канонов. «“Простой советский человек” потерял эпитет “советский”, его образ стал определяться не идеологией, а бытийственными координатами – землей, природой, семейными заботами, устоями деревенского уклада» [Лейдерман, 2003, *81*].

Егор Полушкин ближе всего стоит к шукшинскому герою. Расцвет творчества писателя приходится на конец 1960 – начало 1970-х годов. Вышедшие рассказы продемонстрировали всю мощь и оригинальное дарование В.М. Шукшина. Писатель представил необычных персонажей, выламывающихся из предписанных норм поведения. Он давал им разные определения: «чудики», «странные люди», «шизики», «бесконвойные». Герои противостояли официозу, выходили за рамки усредненного жителя. «Нравственно-психологический облик чудика слагается из ряда параметров, важнейшим из которых выступает экстравагантность поступка» [Новожеева, 2013, *221*]. К таким поступкам персонажей-селян можно отнести изобретение «вечного двигателя», покупку микроскопа, салютование из ружья и т.д. Эпизод, когда Полушкин разрисовывает лодки, воспринимается как аллюзия на сцену из рассказа «Чудик».

Таблица 1

Сравнение эпизодов рассказа В. Шукшина «Чудик» и романа Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей»

Василий Шукшин «Чудик» (1967)	Борис Васильев «Не стреляйте в белых лебедей» (1973)
«По верху колясочки Чудик пустил журавликов – стайку уголком, по низу – цветочки разные, травку-муравку, пару петушков, цыпляток… Осмотрел коляску со всех сторон – загляденье. Не колясочка, а игрушка. Представил, как будет приятно изумлена сноха, усмехнулся. – А ты говоришь – деревня. Чудачка. – Он хотел мира со снохой. – Ребенок-то как в корзиночке будет» [Шукшин, 1998а, 1, *436*]	«Вместо казенных черных номеров на небесной сини лодок были ярко намалеваны птицы, цветы и звери: гусенок, щенок, георгин, цыпленок. Егор выписал их броско, мало заботясь о реализме, но передав в каждом рисунке безошибочную точность деталей: у щенка – вислые уши и лапа; у георгина – упругость стебля, согнутого тяжелым цветком; у гусенка – веселый разинутый клюв. – Вот и радостно всем станет, – живо продолжал Егор. – Я – на цыпленке, а ты, скажем, на поросенке. Ну-ка, догоняй! Соревнование» [Васильев, 1994, *26*]

Шукшинского героя-чудика зовут Василием *Егорычем* Князевым. Так назвал его «писатель не случайно», ибо «Имя Егорий, Георгий означает возделыватель земли, ее хранитель и защитник, а также победоносец» [Новожеева, 2013, *220*]. В связи с этим нельзя не вспомнить о *Егоре* Прокудине, самом знаменитом герое Шукшина («Калина красная»). Киноповесть о тезке Егора Полушкина появилась в журнале «Наш современник» в № 4 за 1973 год (то есть за два месяца до начала публикации романа Б. Васильева в «Юности»; а в 1979 году, уже после смерти Шукшина, писатель выпустит рассказ «Великолепная шестерка», герой которого Петр Дементьевич *Прокудов* умирает в конце).

С точки зрения обывателя, Полушкин действительно совершает чудачества: оказавшись в Москве, целый день проводит в зоопарке, вместо того чтобы ходить по «ГУМам и ЦУМам»; вместо заказанных покупок везет из Москвы две пары лебедей – одержимостью идеей превратить Черное озеро в прежнее Лебяжье он опять же напоминает так называемых «забуксовавших» на какой-то одной мысли персонажей Шукшина: Моню Квасова, помешанного на создании «вечного двигателя» («Упорный»), Андрея Ерина, сутками просиживающего в наблюдении за микробами («Микроскоп»); Броньку Пупкова, повторяющего сотню раз выдуманную историю о покушении на фюрера («Миль пардон, мадам!») и др. Однако васильевский герой – истинный художник, которому, как уже было отмечено, хочется поделиться с окружающими нетронутой природной красотой. Мастер золотые руки, он не только умеет увидеть и оценить прекрасное, но и созидает его: из погубленной липы вытесывает скульптуру – тонкую фигуру женщины, поправляющей волосы; выстругивает из дерева петуха, который на крыше

смотрится как живой, став главной достопримечательностью поселка, «чудом местного народного умельца» [Васильев, 1994, *6*].

Шукшинские чудики – бессребреники. В отличие от их истеричных жен и тещ, сосредоточенных преимущественно на материальной стороне жизни («Микроскоп», «Жена мужа в Париж провожала», «Мой зять украл машину дров» и др.). Такую же картину мы наблюдаем и у Б. Васильева. «Нелюдь заморская заклятье мое сиротское господи спаси и помилуй бедоносец чертов!» [Васильев, 1994, *5–6*], – вопит жена Егора Харитина; она на протяжении всего романа «кормильца своего критикует». Полушкин совершенно далек от стяжательства: считай, бесплатно строит дом для семьи свояка, ремонтирует жилище учительницы, в убыток себе продает мясо на базаре и пр. «Из-за бумажек этих да чтоб печаловаться? Жизни красоту ими измерять? Слезы утирать? Да спалить их всенародно в жгучем пламени! Спалить и на пепле вприсядку плясать! Хоровод вокруг пламени этого! Чтоб застывшие согрелись, чтоб ослепшие прозрелись! Чтоб ни бедных, ни богатых, ни долгов, ни одолжений!» [Васильев, 1994, *53*], – громогласно заявляет Полушкин.

Герой открыт душою и бесхитростен, чем нередко пользуются окружающие. Таковы, например, туристы, приезжающие поохотиться и порыбачить на лесном озере. Желая развеселить гостей, Егор пляшет перед ними, не осознавая унижения. Этот эпизод побуждает вспомнить сцены из итогового произведения Шукшина «До третьих петухов», в котором героя – Ивана-дурака бесовская нечисть (Баба-Яга, ее дочь, Змей Горыныч и черти) вынуждает плясать.

Таблица 2

Сравнение эпизодов рассказа В. Шукшина «До третьих петухов» и романа Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей»

Борис Васильев «Не стреляйте в белых лебедей» (1973)	Василий Шукшин «До третьих петухов» (1975)
1. «– Ты лучше спляши нам для веселья-то. Ну?.. Ай, люли, ай, люли! “Светит месяц, светит ясный…” – Не надо! – крикнула было рыжая. – Он же на ногах не стоит, что вы! – Кто не стоит? Егор не стоит? Да Егор у нас – молоток! – Давай, Егорушка! Ты нас уважаешь? – Уважаю, хорошие вы мои! – Не надо, тятька! – Надо, Колюшка. Уважить надо. И – радостно. Всем – радостно! А что мурашей вы пожгли, то бог с вами. Бог с вами, мил дружки мои хорошие! Захлопал плешивый:	1. «Иван постоял в тягостном раздумье… Поднял руку и печально возгласил: – “Сени”! – Три, четыре, – сказала голова. – Пошли. Баба-Яга и дочь запели: Ох, вы сени, мои сени, Сени новые мои… Они пели и прихлопывали в ладоши. Сени новые-преновые Решетчатые… Иван двинулся по кругу, пристукивая лапоточками… А руки его висели вдоль тела: он не подбоченился, не вскинул голову, не смотрел соколом. – А почему соколом не смотришь? – спросила голова. – Я смотрю, – ответил Иван.

– “Калинка, калинка, калинка моя, в саду ягодка малинка, малинка моя!..” Шевелись, Егор! Пели, в ладоши хлопали: только сынок да рыжая смотрели сердито, но Егор их сейчас не видел. Он видел неуловимые, расплывающиеся лица, и ему казалось, что лица эти расплываются в счастливых улыбках. – Эх, мил дружки вы мои хорошие! Да чтоб я вас не уважил?.. Три раза вставал – и падал. Падал, хохотал до слез, веселился, и все хохотали и веселились. <...> Кривлялся Егор, падал – и хохотал. От всей души хохотал, от всего сердца: весело ему было, очень даже весело. – Ай, люли, ай, люли! Два притопа, три прихлопа!.. – Не надо!.. – закричал, затрясся вдруг Колька, вырвавшись из рук рыжей. – Перестань, тятька, перестань!» [Васильев, 1994, *36–37*]	– Ты в пол смотришь. – Сокол же может задуматься? – О чем? – Как дальше жить… Как соколят вырастить. Пожалей ты меня, Горыныч, – взмолился Иван. – Ну сколько уж? Хватит…» [Шукшин, 3, *290-291*]. 2. « – Последний раз спрашиваю: будешь плясать? – О, проклятие!.. – застонал Иван. – Да что же это такое-то? Да за что же мне муки такие? – “Камаринскую”! – велел Изящный черт. – “Пошехонские страдания”. Музыканты-черти заиграли “Камаринскую”. И Иван пошел, опустив руки, пошел себе кругом, пошел пристукивать лапоточками. Он плясал и плакал. Плакал и плясал» [Шукшин, 1998б, 3, *299*]

Унижение героя посредством пляски налицо в обоих произведениях. У нас нет данных о том, что Шукшин читал роман «Не стреляйте в белых лебедей», хотя трудно поверить, что писатель не был знаком с публикациями популярнейшего журнала 1970-х годов. Говорить, таким образом, теперь уже о влиянии Б. Васильева на В. Шукшина в отсутствие доказательств мы не можем, поэтому констатируем факт типологического сходства. Заметим лишь, что сцены танца в рассказах Шукшина, написанных до сказки («Далекие зимние вечера», «Степка», «Классный водитель», «Гринька Малюгин», «Верую», «Танцующий Шива» и др.), не отождествлялись с унижением персонажа.

Процитированные схожие сценические ситуации позволяют сделать еще одно наблюдение: Иван-дурак, исполняя танец, выступает подневольным человеком, попавшим в хитроумно расставленные сети своих противников. Но то, что он унижен, сознает в полной мере. В эпизоде встречи с Медведем признается последнему о пережитом по вине Змея Горыныча: «И страху натерпелся, и напелся, и наплясался… И уж так-то теперь на душе тяжко, так нехорошо – ложись и помирай. <...> Вот же как он меня исковеркал! Всего изломал. <...> Да и не бил, а… хуже битья. И пел перед ним, и плясал… Тьфу! Лучше бы уж избил. <...> Унизил. Да как унизил!» [Шукшин, 1998б, 3, *292–293*].

Полушкин же намеренно выставляет себя на всеобщее осмеяние, «скоморошничает» под известные русские напевы. Понимание происходящей пляски как прилюдного унижения отца открывается сыну героя. Он болезненно реагирует на увиденное, обвиняя во всем чужаков: «Тятька, перестань!.. – сквозь слезы кричал Колька и тащил отца с поляны. – Перестань же!.. <...> Злые вы! – кричал Колька. – Злые, гадкие! Вы нас, как мурашей тех, да? Как мурашей?..» [Васильев, 1994, *36–37*].

Дальнейшее повествование о похожем на юродивого герое, наделенном чертами святости, все более превращается в житийный рассказ. Бедоносец Егор (таковым именуется он в романе 24 раза – с осуждением (или насмешкой); чаще всего его так называют жена (7 раз) и свояк Федор Ипатович (8 раз)) постепенно трансформируется в Георгия Победоносца (подробнее об этом см. в публикациях И. Дедкова [Дедков, 1973], В. Карнюшина и М. Медведевой [Карнюшин, Медведева, 2013]). Характеристика Егора «бедоносец» – один из лейтмотивов романа, сопровождаемый различными эпитетами: «бедоносец чертов» (самое частотное, 8 словоупотреблений), «бедоносец божий» (3 словоупотребления), «бедоносец юродивый», «бедоносец, божий недогляд», «бедоносец несчастный» (по одному словоупотреблению). «Бедоносец чертов» в начале романа трансформируется в «бедоносца божьего» в финале.

В. Карнюшин свидетельствует: «Знаю точно, что роман “Не стреляйте…” построен полностью на его споре с Шукшиным, а точнее, с его “чудиками”. Разница только в подходе: Шукшин стоял на принципе – “добро должно быть с кулаками”, а Васильев на христианских – “подставь и правую”. Это я знаю точно, потому что говорил с ним об этом. Он в свое время очень увлекся Шукшиным, но в какой-то момент решил поспорить – появился роман “Не стреляйте”» [Карнюшин].

Определяя место легенды о Св. Георгии в романе «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, И.В. Романова доказала, что «жизнь главного героя в нем строится по житийному принципу “по имени – житие”»; в прозаической части автор «мыслит своего главного героя ближе к Св. Егорию – врачевателю и землепашцу, охранителю от волков, то есть святому славянских культов», когда «во главу угла ставится не воинская доблесть, а позиция страдательная» [Романова, 1997, *14*]. Данную характеристику можно отнести и к произведению «Не стреляйте в белых лебедей». Б. Васильев, как и Б. Пастернак, явил нам «агиографический текст»: героя отличает смирение; перед лицом смерти Полушкин прощает своих убийц («Не знал бы – казнил, – вдруг тихо и внятно сказал Егор. – А знаю – и милую» [Васильев, 1994, *146*]). Именно эта сцена вызвала резкое неприятие советских критиков. В. Кардин, в частности, писал: «Кротость, смиренное отпущение грехов создают, конечно, ореол, необходимый вероучителю. Но мотив всепрощения в этом случае чужероден, фальшив. Не только с юридической, но и с моральной точки зрения. Простить браконьеров значит поощрять браконьерство, предавать природу» [Кардин, 1974, *267*].

По нашему мнению, произошедшая с героем метаморфоза по превращению героя-чудика в юродивого и святого может быть объяснена воздействием на Б. Васильева рассказа А.И. Солженицына о героине-праведнице «Матренин двор» (1963). (Данный рассказ оказал в целом мощное влияние на писателей-деревенщиков, переориентировав их с социальной проблематики в область нравственную). О своем отношении к А. Солженицыну Васильев сказал в 1994 году: «Я отношусь к нему с огромным уважением <…>

И пишет он ведь только на русскую тему – в этом смысле Солженицын очень русский человек, который Россию унес с собой. Не каждому это удается…» [Изотов, 2024, *164–165*].

Наличие определенных образов-символов. Поэтика «деревенской прозы» направлена на обретение «глубинных опор духовного существования», «символов Вечного»; ее создатели ищут «те основы, на которых держится духовный мир отдельного человека и народа в целом – понятия Бога, святости, духовного подвига, поклонения, паломничества, служения и т.п.»; эти образы связаны с «мифопоэтической традицией», обретая «плоть в микро- и макрообразах предметного мира» [Лейдерман, 2003, *80–81*]. К примеру, для В. Астафьева таким глубочайшим образом становится «река жизни» – Енисей; для В. Распутина – Царский лиственъ, символ единства природы и человека; для В. Шукшина – Калина красная, олицетворяющая «горькую любовь и преждевременно пролитую кровь».

В ряд таких же символических образов можно поставить и белых лебедей Васильева. В современном исследовании читаем: «“Не стреляйте в белых лебедей!”, – говорят или даже кричат нам. Это похоже на призыв и предостережение, на заклинание или завет (убить Лебедя – навлечь страшное несчастье; дети, увидевшие мертвого Лебедя – не выживают…). В названии ощутимо особое, взволнованное отношение автора к материалу жизни, избранному для романа, желание отчетливо выразить смысл книги» [Карнюшин, Медведева, 2013, *12*].

Подводя итог сказанному в статье, отметим следующее. Генетическую связь романа Б. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» с отечественной «деревенской» (почвеннической) прозой 1960–1980-х годов (указанными произведениями Шукшина, Распутина и Астафьева) мы считаем очевидной. И связь эта двусторонняя: по-видимому, роман Б. Васильева был не просто прочитан названными авторами, но прочитан творчески, иначе трудно объяснить выявленные в текстах авторов явные схождения и пересечения.

ЛИТЕРАТУРА

Большакова А.Ю. Феномен деревенской прозы: Вторая половина XX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 49 с.

Васильев Б.Л. Не стреляйте в белых лебедей: роман. М.: АСТ, 2019. 256 с.

Васильев Б. Не стреляйте в белых лебедей: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 256 с.

Васильев Б.Л. Собрание сочинений. В 8 т. Смоленск: Траст-Имаком, Русич, 1994. Т. 2. 496 с.

Викулов С. Что написано пером… // Наш современник. 1996. № 9. С. 3–27.

Дедков И. Сказание о Егоре Бедоносце // Литературное обозрение. 1973. № 4. С. 44–47.

Изотов С. «Свобода требует рамок…» (из интервью газете «Смоленские новости») // Маленькая родина большой страны. Смоляне о Борисе Васильеве: статьи, воспоминания, материалы / авт.-сост. В.А. Карнюшин. 2-е изд. Смоленск – М.: Свиток, 2024. С. 163–169.

Кардин В. О лебедях и «лебедушках» // Новый мир. 1974. № 2. С. 264–268.

Карнюшин В.А. Письмо О.А. Новиковой от 12 апреля 2019 г. // Личный архив О.А. Новиковой.

Карнюшин В.А., Медведева М. Перечитывая классику: Житие святого Бедоносца «советского» (христианские мотивы в романе Бориса Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» // Этих дней не смолкнет слава: сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию войны 1812 года, 70-летию разгрома фашистских войск под Москвой, 70-летию начала Сталинградской битвы (23 марта 2012 года) / под ред. В.А. Карнюшина, Т.Н. Хриптуловой. М.: Образование, 2013. С. 11–27.

Лейдерман Н.Л. Открытия и тупики «деревенской прозы» // Современная русская литература. 1950–1990-е годы: учебное пособие для вузов. В 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 2. С. 80–84.

Лесин Е. Ускоренная перемотка времени // Книжное обозрение. 2001. 22 октября. С. 5.

Новожеева И.В. Маргинальный тип личности в деревенской прозе 1970-х годов (по произведениям В.М. Шукшина) // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 219–223.

Романова И.В. Семантическая структура «Стихотворений Юрия Живаго» в контексте романа и лирики Б. Пастернака: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1997. 18 с.

Шукшин В.М. Собрание сочинений. В 6 кн. Книга первая: Охота жить. Рассказы. М.: Надежда-1, 1998а. 512 с.

Шукшин В.М. Собрание сочинений. В 6 кн. Книга третья: Странные люди. М.: Надежда-1, 1998б. 528 с.

O.A. Novikova
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Literature and Journalism,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Boris Vasilyev's Novel «Don't Shoot the White Swans» in the Context of «Village Prose»

This study investigates the typological connections of Boris Vasilyev's novel «Don't Shoot the White Swans» (1973), which occupies a «special» place in the author's oeuvre, with Russian «village prose» of the 1960s–1980s. According to the author of the article, B. Vasilyev, in creating the novel, was influenced by «village prose», recognized as a «unique phenomenon» of Russian literature in the second half of the 20th century. This influence is evident in the novel's similarities to its main features: adherence to the Russian realist tradition, «new» content (spirituality deficit, neo-soil and ecological issues), the predominant theme of bidding farewell to the patriarchal way of life, a characteristic protagonist (B. Vasilyev's Yegor Polushkin is remarkably close to V.M. Shukshin's «eccentric» heroes and can also be compared to the righteous heroine of A.I. Solzhenitsyn's story «Matryona's Home»), and the presence of specific symbolic images (White Swans can be placed alongside well-known mythopoetic images such as the «river of life» Yenisei in V.P. Astafyev's works, the Tsar's Larch by V. Rasputin, and V. Shukshin's «Red Kalina», among others). Considering the release date of «Don't Shoot the White Swans», the author of the article suggests that there might also be a reverse influence of B. Vasilyev on village

prose writers (Shukshin, Astafyev, Rasputin), whose landmark works «Before Cockcrow», «Tsar Fish», and «The Fire» appeared later and contain clear references to Vasilyev's aforementioned work.

Keywords: *Boris Vasilyev; novel «Don't Shoot the White Swans»; «village prose»; typological connections; V. Shukshin; V. Astafyev; V. Rasputin.*

REFERENCES

Bolshakova A.Yu. The Phenomenon of Village Prose: The Second Half of the 20th Century [Fenomen derevenskoj prozy: Vtoraya polovina XX veka]. *Abstract of the dissertation ... doctor of Philology*. Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, 2002, p. 49 (in Russian).

Vasilyev B.L. Don't Shoot the White Swans: Novel [Ne strelyajte v belyh lebedej: roman]. Moscow: AST Publishing, 2019. 256 p. (in Russian).

Vasilyev B. Don't Shoot the White Swans: Novel [Ne strelyajte v belyh lebedej: roman]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus, 2018. 256 p. (in Russian).

Vasilyev B.L. Collected Works: In 8 Volumes [Sobranie sochinenij. V 8 t.]. Smolensk: TRUST-IMACOM, RUSICH, 1994. Vol. 2. p. 496. (in Russian).

Vikulov S. Written by the Pen ... [Chto napisano perom …]. *Our Contemporary.* 1996. No 9. pp. 3−27 (in Russian).

Dedkov I. The Tale of Yegor the Unfortunate [Skazanie o Egore Bedonosce]. *Literary Review.* 1973. No 4. pp. 44−47 (in Russian).

Izotov S. «Freedom Requires Boundaries ...» (from an interview with the newspaper «Smolensk News») [«Svoboda trebuet ramok ...» (iz interv'yu gazete «Smolenskie novosti»)]. *Little Homeland of a Great Country. Smolensk Residents about Boris Vasilyev: Articles, Memories, Materials*. Compiled by V.A. Karnyushin. 2nd edition. Smolensk-Moscow: Svitok, 2024. pp. 163−169 (in Russian).

Kardin V. About Swans and «Swans» [O lebedyah i «lebedushkah»]. *New World.* 1974. No 2. pp. 264−268 (in Russian).

Karnyushin V.A. Letter to O. A. Novikova dated April 12, 2019 [Pis'mo O.A. Novikovoj ot 12 aprelya 2019 g.]. *Personal Archive of O. A. Novikova*. (in Russian).

Karnyushin V.A., & Medvedeva M. Rereading the Classics: The Life of Saint Unfortunate «Soviet» (Christian Motifs in Boris Vasilyev's Novel "Don't Shoot the White Swans") [Perechityvaya klassiku: ZHitie svyatogo Bedonosca «sovetskogo» (hristianskie motivy v romane Borisa Vasil'eva «Ne strelyajte v belyh lebedej»]. *The Glory of These Days Will Not Fade: Collection of Materials of the VI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 200th Anniversary of the War of 1812, the 70th Anniversary of the Defeat of the Fascist Troops near Moscow, and the 70th Anniversary of the Beginning of the Battle of Stalingrad*: March 23, 2012. Edited by V.A. Karnyushin, T.N. Khriptulova. Moscow: Education, 2013. pp. 11−27 (in Russian).

Leiderman N.L. Discoveries and Dead-Ends of «Village Prose» [Otkrytiya i tupiki «derevenskoj prozy»]. *Modern Russian Literature. 1950–1990s: In 2 Volumes: A Textbook for Universities.* Moscow: Academy, 2003. Vol. 2. pp. 80−84(in Russian).

Lesin E. Fast Forward in Time [Uskorennaya peremotka vremeni]. *Book Review.* 2001. October 22. p. 5 (in Russian).

Novojeeva I.V. The Marginal Personality Type in Village Prose of the 1970s (Based on the Works of V. M. Shukshin) [Marginal'nyjtiplichnosti v derevenskoj proze 1970-h godov (po proizvedeniyam V.M. SHukshina)]. *Bulletin of Bryansk State University.* 2013. No 2. pp. 219−223 (in Russian).

Romanova I.V. The Semantic Structure of "Yury Zhivago's Poems" in the Context of the Novel and Lyrics of B. Pasternak [Semanticheskaya struktura «Stihotvorenij YUriya ZHivago» v kontekste romana i liriki B. Pasternaka]. *Abstract of the dissertation ... doctor of Philology*. Smolensk, 1997. 18 p. (in Russian).

Shukshin V.M. Collected Works in 6 Books. The first book. The desire to live. Stories [Sobranie sochinenij. V 6 kn. Kniga pervaya: Ohota zhit'. Rasskazy]. Moscow: Publishing House «Nadezhda-1», 1998. 512 p. (in Russian).

Shukshin V.M. Collected Works in 6 Books. Book Three. Strange People [Sobranie sochinenij. V 6 kn. Kniga tret'ya: Strannye lyudi]. Moscow: Publishing House «Nadezhda-1», 1998. 528 p. (in Russian).

И.С. Скоропанова

Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь

УДК 821.161.1.09«20»(092)СоколовА.В.

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-31-47

«ТРИПТИХ» САШИ СОКОЛОВА КАК КНИГА РАЗМЫШЛЕНИЙ

Ключевые слова: *книга стихов; триптих; размышления; судьба человечества; поэтика открытости; «мир-текст»; образ «смотрителя».*

Предметом изучения в статье является книга стихов Саши Соколова «Триптих», пронизанная размышлениями о прошлом, настоящем, будущем человечества. Цель исследования – охарактеризовать сверхисторическую концепцию автора в произведении, раскрыть особенности ее художественно-эстетического воплощения.

Использованные методы – рецептивный, герменевтический, интертекстуальный.

Указывается, что составные части книги: «Рассуждение», «Газибо», «Филорнит» – образуют единый метатекст, характеризующийся развитием общей темы: подведения итогов минувшего столетия, осуществляемого в тесном сцеплении с подведением итогов собственной жизни. Акцентируется доминантная роль лирического начала, проявляющаяся и в размышлениях о принципах оценки и подачи социально-исторического материала. Лирический герой наделяется чертами «гражданина мира», думающего о судьбе всего человечества, отвергающего любой тип жесткой идеологичности. Сам процесс мышления воссоздается с использованием поэтики открытости. Отсюда – присущие триптиху бессюжетность, отсутствие четко обозначенного начала и конца, импрессионистичность, прием «потока сознания», организующая роль музыкального кода в I части, кода театра с массой лиц, фигур, суждений, перебивающих друг друга во II, использование нарастающего интертекстуального пласта и кода живописи в части III. Благодаря этому историческое развитие приобретает у Саши Соколова алинейность, что подчеркивает образ «прошло-

настояще-будущего» времени. Главным событием на Земле за тысячелетия тысячелетий признается появление самого феномена бытия – это высшая ценность, которой нет равных и с позиций отстаивания которой автор оценивает все происходившее и происходящее. Осуждаются непрекращающиеся войны, отрицающие «право на жизнь», и современные «глобальные олухи», подведшие человечество к грани самоуничтожения. Миссией смотрителя, служащего защите жизни и культуры, самих основ бытия, наделяется у Саши Соколова искусство (включая искусство слова – литературу), и свои размышления «обо всем на свете» он соотносит с «миром-текстом».

Результаты исследования, проведенного в настоящей статье, могут быть востребованы литературоведческой наукой и в преподавательской деятельности при изучении современного этапа развития русской литературы.

В конце XX – начале XXI века в русской литературе появляются произведения, которые подводят итоги истории, оценивают ее достижения и провалы, вскрывают допущенные людьми ошибки, осуждают преступления, дабы не повторять их в настоящем и будущем. Глобальность поднимаемых проблем предопределяет крупные формы таких произведений. Это романы («Пирамида» Л. Леонова, «Эрон» А. Королева, «Желтый дом» Ю. Буйды), книги стихотворений («Кустарник» А. Кушнера, «Разговоры с Богом» Г. Русакова, «Парафразис» Т. Кибирова), триптихи («Путь Христа», «Сошествие в ад», «Рай» Ю. Кузнецова, «Книга пустот», «Флейта и прозаизмы», «Двери закрываются» В. Сосноры) и др. Встраивается в данную парадигму и книга Саша Соколова «Триптих», опубликованная в 2012 году.

Выступил с ней Саша Соколов, прославившийся в 1970–1980 годах романами «Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия», после многолетнего молчания, что, казалось бы, должно было предопределить повышенное внимание к его книге, но ее чрезвычайная сложность и особый взгляд автора на глобализацию не вызвали широкого резонанса. Между тем соколовский «Триптих» – явление уникальное, на все времена.

Жанровое определение созданного обозначено самим автором, и состоит триптих из трех книг стихотворений: «Рассуждение», «Газибо», «Филорнит», при относительной самостоятельности каждой из них образующих единый метатекст в 268 страниц. Отличает «Триптих» от родственных произведений лирическая доминанта, и не просто пропущенность истории через себя, а выход на нее при осмыслении итогов собственной жизни, так что внешний мир опосредованно преломляется в «Триптихе» через внутренний, главным образом – через размышления лирического героя, выступающего в функции нарратора. Отсюда – неформальная, подчеркнуто личностная интерпретация феномена истории – как она переживается и осмысляется конкретным человеком.

Но процесс мышления и его творческого воплощения отнюдь не является линейным, строго логизированным, напротив: он стихиен, прихотлив, идет рывками, легко меняет свое направление, сопровождается приливами и

отливами мысли, паузами, возвратами, повторами, самопоправками, ассоциациями, кристаллизацией продуманного и движим не только интеллектом, но и чувствами, смутными догадками, силой воображения. Чтобы более или менее адекватно его воссоздать, Саша Соколов обращается в I части триптиха к импрессионистическому стилю, передающему мгновенную фиксацию первого впечатления об интересующем объекте размышления и перетекающему в «поток сознания», в каковом «мысли, ощущения, внезапные ассоциации постоянно перебивают друг друга и причудливо, “нелогично” переплетаются» [Осповат, 1987, *292*]. Во II части в родственной манере автор переходит к многоголосью и сосредоточен на теме войн в истории человечества, судьбах возникающих из-под его пера персонажей и собственной реакции на излагаемое. В III части развивается один из мотивов II части, связанный с образом «смотрителя» как потенциального хранителя жизни и культуры.

Импрессионизм Саша Соколов всегда высоко ценил, так как в его восприятии он наиболее близок самой природе творчества (творческого процесса) – явления во многом стихийного, на самом раннем его этапе (когда замысел произведения еще в зародыше) возникающего в бессознательном, откуда вдруг к автору приходит какой-то звук, рифма или образ, им овладевающие и требующие разработки. В таком подходе к искусству Саше Соколову видится прежде всего свобода творчества – его непосредственность, искренность, незапрограммированность той или иной идеологией. Данный тип творчества близок музыкальному, и музыкальный код, определяющий тон, темп, подъемы и спады мелодического движения стиха, занимает в книге заметное место. Он сплавляет воедино все компоненты отчетливо прозаизированного свободного стиха, отнюдь не напевного, а говорного. Время от времени указываются и музыковедческие обозначения типов предпринимаемой аранжировки: «контрданс», «кадриль», «цикл щипковых», «рио-ритм», «речитатив», «многоголосье», «кифары», «вокализы», «арии», «на клавикордах», «на струнных», «фисгармония», «трубить», «кводбилет» и др.

«Поток сознания» у Саши Соколова – движущая сила процесса размышлений и тоже будет упомянут автором.

Характеризуя организацию триптиха, Саша Соколов как бы приводит замечания возможных критиков:

> действие вещи не развивается, нету даже
> завязки, пренебрегая фабулой, вы откровенно
> манкируете сюжетом [Соколов Саша, 2012, *18*].

Вот что автор отвечает:

> милостивые государи,
> здесь составляется подлинный человеческий
> документ, а вы нам тут про какую-то
> литературную мишуру, не мешайте [Соколов Саша, 2012, *18*].

Триптих Саши Соколова действительно бессюжетен. Композиция его рваная, совершенно свободная и передает только что пришедшее лирическому герою в голову, само собой вырвавшееся из души. Он же легко перескакивает с одного соображения на другое, часто связанное с предыдущим ассоциативно, нередко уходит в сторону, подхватывая мелькнувшую попутно мысль, либо дает возможность прозвучать каким-то еще голосам.

Поэтика открытости, распространяющаяся на все элементы текста, указывает на влияние французского «нового романа», открытия которого переносятся в поэзию и получают дальнейшее развитие.

Все это вместе взятое позволяет очень естественно и непринужденно передавать размышления о минувшем XX столетии, каковое

только что, вот те на,
увлеченное ветром истории, отлетело,
что называется, прочь, отлетело бездумно,
будто бы некий лист [Соколов Саша, 2012, *38*], –

что совмещено с раздумьями о собственной жизни, большая часть которой уже позади.

Как и во многих других случаях, Саша Соколов на сказанном не останавливается, а прибегает к приему самопоправки-уточнения: лучше не отлетело, а что? а оно отмелькало, будто пронесшийся поезд, оставив в памяти нечто вроде пейзажа. Автор прикидывает, как лучше его передать, ибо все варианты по-своему хороши:

во-первых, порывами, что порывами,
мыслить можно порывами, в стиле ветра,
но не истории, а простого, обыденного,
который из воздуха,
это во-первых [Соколов Саша, 2012, *43*], –

потом

можно в стиле реки, то есть плавно
и вместе с тем несколько, что ли, лукаво,
поскольку река безусловно с излуками,
и, наконец, скрупулезно и тщательно, так,
как мыслит тростник, можно мыслить [Соколов Саша, 2012, *44*].

И соколовские «порывы ветра» указывают на импрессионистический тип письма, и река с излуками отсылает к «потоку сознания» У. Джеймса, а упоминание «мыслящего тростника» воскрешает в памяти строки стихотворения Ф. Тютчева «Певучесть есть в морских волнах…»:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что, море,

И ропщет мыслящий тростник? [Тютчев, 1988, 124], –

причем эпиграф к стихотворению:

Est in arundineis modulatio musica ripis[1]

«заимствован у римского поэта IV в. до н. э. Авзония», а «Мыслящий тростник – образ, восходящий к известному афоризму Б. Паскаля: “Человек – всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но он тростник мыслящий”» [Кузина, Пигарев, 1988, *412–413*].

У Саши Соколова мыслительные способности человека не переоцениваются; но, подобно тому как тростник под порывами ветра колышется, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, и поэт определенным образом реагирует на происходящее в мире, и не всегда интеллектуально, а во многом через получаемые впечатления, вызывающие в душе те или иные настроения, не всегда достаточно отчетливые. Таким образом музыкальный принцип развития темы отстаивается. Саша Соколов комментирует это так:

на вашем месте мы выбрали бы стиль тростника,
желательно европейского, и о том никогда бы,
что говорится, не горевали [Соколов Саша, 2012, *45*].

На вопрос запутавшихся в бесконечно разбегающихся высказываниях, о чем размышляет условный «мыслящий тростник», каковому уподобляется лирический герой, следует ответ:

поверите ли, про все на свете [Соколов Саша, 2012, *50*].

Свой подход Саша Соколов оправдывает тем,

что тростник
догадался о самом важном [Соколов Саша, 2012, *46*]:

бытие состоялось, произошло, и тростник – его часть.

…то, что должно было сбыться,
уже сбылось и творением завершилось,
и если складывается впечатление, будто
что-то еще происходит, творится,
то это именно впечатление,
то есть не более чем [Соколов Саша, 2012, *46*].

И здесь, и далее автор обрывает мысль, передавая непосредственность процесса размышления, отнюдь не состоящего из готовых формул. Вместе с тем он акцентирует тот факт, что более важного события в истории Земли, чем возникновение феномена жизни, не было. Это главный дар, каковой обрели люди,

[1] Есть музыкальная стройность в прибрежных тростниках (*лат.*).

если
взглянуть на дело не с точки зрения нынче,
которая на поверку оказывается то и знай
точкой зрения слепоты,
и при том далеко не куриной,
а посмотреть с точки зрения вечности [Соколов Саша, 2012, *26*].

Бытие как главная для планеты Земля и для человека ценность – вот точка отсчета, с каковой Саша Соколов рассматривает историю и человеческую жизнь. Способ существования бытия – становление, и оно как бы постоянно пульсирует, включая в себя и изменения, и повторение своих основополагающих констант: рождений и смертей, дней и ночей, зим и лет… Повторяемость сигнализирует об устойчивости бытия, и изменения, в том числе вносимые людьми, не должны подрывать его основ. Свои наблюдения Саша Соколов подтверждает ссылкой на Ю. Левитанского, писавшего:

это знают даже дети –
было все уже на свете,
все бывало, – говорю.
[Левитанский, 1987, *222*]

Но при этом автор «Триптиха» трансформирует категорию времени: будущее у него вбирает в себя и прошлое, и само рано или поздно становится прошлым, и делать на него ставку как на спасительный идеал – опрометчиво; настоящее же, поскольку еще не стало прошлым, итоги которого можно подвести, ускользает от подлинного понимания:

ибо все это было однажды в будущем, но,
побыв, миновало, кануло, обернулось былым
и бытует лишь в качестве заблуждений, иллюзий,
а что касается настоящего, то поскольку оно
без зазрения ускользает, постольку
пребыть в нем ничто не в силах [Соколов Саша, 2012, *47*].

Образ «прошло-настояще-будущего» времени Саша Соколов распространяет и на историю человечества, лишая ее тем самым принципа линейности, предполагающего движение из века в век по восходящей, непрекращающегося подъема на все более высокую ступень прогресса. Вопреки этому в «Триптихе» акцентируется повторяемость истории. Приблизиться к ее лучшему пониманию позволяет поэту синтез стихов не только с музыкой, но и с кодом театра,

а театр,
как известно любой гертруде,
есть именно театр [Соколов Саша, 2012, *187*].

Отсылка к У. Шекспиру[2] проясняет, что имеется в виду метафора «мир – театр» и «люди в нем – актеры».

Столь расширительное использование обосновывается тем, что:

– реальной жизни присущи явления, для которых используются театральные жанровые обозначения: драма, трагедия, комедия;

– в жизни много лицедейства: притворного, наигранного, скрывающего суть;

– поведение людей не так уж редко условно, подчинено определенным «режиссерским» установкам;

– каждый человек наделен в жизни какой-то ролью: социальной, семейной и т.д.;

– у Шекспира нередко фортуна или случай играют человеком;

– постановка все новых пьес эквивалентна смене эпох, вбирающих тем не менее приметы мира-театра.

Но у самого Саши Соколова имеется в виду театр как эквивалент творчества: он

> играется не на публику, а исключительно про себя [Соколов Саша, 2012, *189*], –

поэтому

> немодной конкретики типа сцены и реквизита [Соколов Саша, 2012, *188*]

в нем нет. В воображении сочиняющего масса лиц, фигур, суждений, вариантов человеческих судеб, пролетающих мимо либо остановленных автором, осуществляющим свой отбор, вступающим в род диалога с виртуальными персонажами, дающим кому-то из них слово, повествующих о себе, размышляющих, ведущих споры. Этот мир-театр творец искусства несет в себе. Собственная точка зрения в процессе размышлений дополняется другими, пусть и не устраивающими автора, но тем не менее существующими. А к настоящему времени человечество накопило столько разных идей, верований, философий, каждая из которых выражает претензии на обладание Абсолютной Истиной, что игнорировать этот факт при осмыслении судьбы человечества, не принимая во внимание разделяющие его доктрины, невозможно. Саша Соколов избегает «окончательных» суждений, сосредоточен на воссоздании самого процесса размышлений, привлекает к своим раздумьям и читателей, с которыми как бы ведет непринужденный разговор. В творимом «театре» для него важно,

> чтобы действие,
> увлекая и поучая,
> творилось неугомонно и плавно,
> и всякого рода условности были почти
> незаметны [Соколов Саша, 2012, *185*].

---

[2] Сам У. Шекспир апеллировал в этом случае к таким предшественникам эпохи Античности, как Пифагор, Лукиан, Эпиктет, Сенека, Петроний и др.

А на вопрос: не сторонник лирический герой

теории
равенства всех на свете умов и перцепций [Соколов Саша, 2012, *195*], –

то есть средневекового плюрализма с присущим ему представлением о множественности независимых друг от друга истин, – отвечает отрицательно. Так, трансцендентальная аналитика И. Канта по выделению начал чистого рассудочного знания не без иронии характеризуется в триптихе как

театр чистого разума,
вдохновенно молчащий на всю кромешную
махашунью [Соколов Саша, 2012, *190*], –

так как аналогичные построения буддизма с его «великой пустотой» И. Кантом проигнорированы.

Саша Соколов не выступает как обличитель (получалось бы: он сам обладает Истиной в Высшей Инстанции), скорее – как печально-иронический элегик, да и ирония его время от времени переходит в юмор (в том числе – в подшучивание над самим собой). Он прекрасно понимает, что все стороны мира и существующие в нем связи в своих размышлениях не охватит, и как бы в шутку предлагает использовать прием *перечня*, но, скорее всего, имеет в виду не бухгалтерский перечень, а конкретизм неоавангардистов:

то-то и то-то, то-то и то-то, то-то и то-то [Соколов Саша, 2012, *9*], –

намекая, что всего не перечислить.

Размышляющий о мире лирический герой и аттестует себя «не то чтобы гражданином мира», но наиболее близким к данному определению человеком. «Гражданин мира» традиционно считает своим Отечеством весь мир, все страны, существующие на Земле, включая, естественно, собственную страну: его волнует судьба всего человечества. У Саши Соколова есть и свой оттенок – он сторонник мира в мире, а не войны, защитник самого феномена бытия, каковое дано людям. Обозначается тот как «всеобщий сад» – явление прекрасное, «вертоград»[3] – аналог рая, о чем вслед за апостолом Павлом, С. Полоцким, А. Чеховым, Н. Гумилевым, Б. Пастернаком напоминает Саша Соколов. Здесь поэт предлагает сделать цезуру-паузу, дабы читатель вспомнил о бытийной стороне своей и чужой жизни, о судьбе человечества.

Подумать есть о чем. Далее автор напоминает о своих предшественниках в мире искусства, которые стремились донести до людей подобные идеи, вообще – подорвать узкомещанские, допототно-убогие представления о жизни, расширить их мыслительный горизонт. Портрет одного из них – вольнодумца, либертинца, бунтаря, имя которого стало использоваться как

[3]Устаревшее название сада или виноградника.

нарицательное для обозначения настоящего поэта, – Сирано де Бержерака дает Саша Соколов:

бродячий мыслитель, бунтарь, трубочист,
он трубил о нем с кровель и трубадурил
с карнизов,
он вдохновенно стучался в любые двери
и, наконец, отмечает биограф, достукался:
светлого, млечного тебе пути, очарованный
мыкарь,
усекновенный властями по поводу лунатизма
и бреда искусством [Соколов Саша, 2012, *82*].

О нем – пьеса Э. Ростана «Сирано де Бержерак», он – прототип персонажа романа У. Эко «Остров накануне». Но судьба его драматична, и многие создатели искусства подвергались преследованиям. Вопреки всему данный человеческий тип не исчез, что подтверждают цитатные отсылки к «Очарованному страннику» Н. Лескова и «Песенке об открытой двери» Б. Окуджавы.

Следуют рассуждения о роде искусства, каковое Саша Соколов не приемлет, хотя, на первый взгляд, его хвалит – но автор изощренно иронизирует. Своему воображаемому собеседнику он предлагает выпить

за встречу,
за цвет акаций и ассигнаций,
за вежливость между народами,
за благополучие их величеств,
берите шире: за все замечательное и изящное,
в том числе за искусство,
в котором опять же все, точно в правильном
чеховском человеке,
обязано быть припудрено и приятно [Соколов Саша, 2012, *84*].

Описан тип искусства нормативного, предзаданного, приглаженного, напоминающего чеховского «человека в футляре», во всем следующего казенным догмам. Это искусство-подделка, выдающее себя за истинное. Появляется метафорическое уподобление такового бюрократическому учреждению, где каждая мелочь на контроле: царит формализм, а живой жизнью и не пахнет.

Возникает и начинает развиваться тема «смотрителя», образ какового разветвляется и наряду с привычным денотативным значением служащего, осуществляющего надзор за порядком в какой-то сфере жизни, обретает и метафорические характеристики. Ведь смотреть можно и в рот кому-то, и сквозь пальцы, и правде в глаза.

«Смотрителем» может быть у Саши Соколова самый обыкновенный человек любой национальности, предпочитающий чистое созерцание активному воздействию на мир. Подобный выбор может быть сознательным, может – стихийным. Вот как описан один из таких:

смотритель случайный, прохожий,
притом далеко не здешний,
заезжий из области истинной нежности,
с берегов оясио [Соколов Саша, 2012, *98*].

Оясио – морское течение в северной части Тихого океана, движущееся мимо Китая и России по направлению к Японии и несущее с собой прохладу. В японской мифологии по этому течению прибывают боги; в китайском даосизме Лао-цзы культивируется «дао-путь», избираемый совершенномудрым, следующим общемировому естественному ритму событий и действующий – недеянием, дабы не нанести миру вред. У Саши Соколова, испытав *дунь-у* (внезапное просветление) и впав в *у-вей* (недеяние), описываемый

…устроился обыкновенным смотрителем
из окна в клубе *го* [Соколов Саша, 2012, *98*].

Типичной европейской активности (к сожалению, включающей в себя и агрессивность) противопоставляется восточная самоотстраненность, созерцательность, медитативность.

Разные типы смотрителей зафиксированы в литературе. Таковы, скажем, «кладбищенский смотритель» – наблюдатель-мыслитель японской литературы, смотритель маяка Стеббс из «Блистающего мира» А. Грина или смотрители Идиллиума Павел Алхимик и Алексис де Киже в романе В. Пелевина «Смотритель. Орден желтого флага» (кн. 1) и «Смотритель. Железная бездна» (кн. 2). Но вместе с тем есть и «Станционный смотритель» из пушкинских «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина»: и служивый на станции, обеспечивающий проезжающим смену лошадей Самсон Вырин, и тип «маленького человека», «высмотренный» и введенный А. Пушкиным в русскую литературу. А сколько «высмотрено» ею другого.

Высшим метафорическим выражением понятия «смотритель» и становится в «Триптихе» искусство (включая искусство слова), которое рассеивает мрак, выступает хранителем культуры, служит защите жизни, ее гуманных основ.

Подтверждает свое суждение Саша Соколов, в том или ином виде отсылая к знаковым именам мировой культуры, хотя, как правило, полузашифрованным, рассчитанным на их узнавание высококвалифицированными читателями. Нарочито вперемешку упоминаются либо цитируются современные и давно ушедшие из жизни создатели культуры, тем самым удостоверяя вневременную значимость их творчества; точно так же писатели неотрывны у Саши Соколова от мыслителей, ученых, композиторов, режиссеров, великих учителей человечества: все они так или иначе влияли друг на друга. Таковы в «Триптихе» Х. К. Андерсен, А. Куросава, Т. Кибиров, Муций Сцевола, А. Апухтин, Цицерон, И. Кант, Н. Гоголь, Ф. Тютчев, В. Брюсов, Л. Андреев,

К. Чуковский, Экклезиаст, ваганты, Е. Рейн, Х. ван Рейн Рембрандт, Л. ван Бетховен, К. Линней, С. Полоцкий, Д. Андреев, Э. Буарек, И. Ильф и Е. Петров, К. Монтоверди, М. Булгаков, Будда, Христос, Лао-цзы, У. Шекспир, Лу-Лунь (Юнь-Янь), Д. Байрон, А. Пушкин, И. Тургенев, Ю. Левитанский, Б. Окуджава, В. Крупин, Д. Верди, куртуазные маньеристы, О. Мандельштам, Б. Пастернак, К. Федин, А. Чехов, В. Шукшин, К. Абэ, У. Эко, С. Фогельсон, С. де Бержерак, Э. Ростан, Н. Лобачевский и др. Немало у Саши Соколова модернизированного, перекодированного; часто он ограничивается намеком; тем не менее вырисовывается широкое культурное пространство, в каковом существует лирический герой «Триптиха», как бы тоже подключаясь к миссии «смотрителя». Ощутима в этом постмодернистская ориентация автора, отказывающегося от Трансцендентального Означаемого, апеллирующего к «миру-тексту», воплощая представление о множественности становящейся истины, или плюрализм / монизм.

«Гражданин мира», лирический герой произведения естественным образом использует как русскую, так и иноязычную лексику, частично воспроизведенную и русскими буквами («эвиты», «анхелиты», «боден-зее», «челесте», «канцониа́лланаполетана», «йаволь», «фадо», «бутадеус», «чешч», «оясио», «эсперар», «бонобо», «вицэвэрса», «требьен», «нахтштюк», «такумидори», «эктоморф» и др.), и на языке оригинала («omenos», «impromptu», «amabiles», «otempora», «vivace», «piecebypiece», «vavia», «fuerashoo», «Arrepentioss», «zusammen», «furniture, «überalles», «ciao», «arrivederci» и др.).

Конечно, и от обновления лексического состава языка не отказывается автор («лаконика», «местоимеет», «одумок», «<маэстр>сканделло», «филинология», «мыкарь», «живосечения», «шармантные», «межеум», «интуит», «стозимья», «птицезрец», «кундалинила», «запятайство», <был> «моменталом», «приват-примат» и др.) – все у него переплетено между собой: новое и старое, свое и чужое, как и в самой жизни.

Различные цитаты могут переделываться, комбинироваться, дополняя друг друга:

> во дни своих треволнений <И. Тургенев>
> с надеждой не расставайтесь <Б. Окуджава> [Соколов Саша, 2012, *105*], –

как и взаимоотрицать семантику друг друга:

> идущий тропою трепета в сторону
> просветленья приветствует тебя,
> внешний мрак <название работы С. Кьеркегора «Страх и трепет»
> корректирует возглас гладиатора:
> «Идущий на смерть приветствует тебя, Цезарь»> [Соколов Саша, 2012, *71*].

Перекодируются в контексте времени, передавая состояние лирического героя, расхожие фразеологизмы, пословицы, поговорки:

> где наша не унывала [Соколов Саша, 2012, *135*];

то же относится к популярным для советской эпохи идеологемам, развенчиваемым в триптихе.

Неразложимый, казалось бы, оборот «ансамбль песни и пляски» переделывается, и вот что получается:

мы все убываем теперь на линию,
в оркестровую яму траншеи,
в ансамбль, если вдуматься, похоронной
песни и свистопляски [Соколов Саша, 2012, *124*].

Завершать высказывание, каковому как будто лирический герой привержен, может перечеркивающее его финальное слово:

побеседовать об изящном,
изящном в том славном плане,
в котором столь пламенел
о нем удалой бутадеус [Соколов Саша, 2012, *81*], –

ибо «бутадеус» – одно из наименований Агасфера – Вечного Жида, ударившего Христа. Так наносится пощечина приспособленческому искусству.

Ведет Саша Соколов пародийно-ироническую игру с популярными политическими догмами. Таков в «Триптихе» тезис «справедливые войны», о котором говорится:

справедливые
войны случаются слишком часто,
число справедливых вдов все растет [Соколов Саша, 2012, *103*].

Тут автор иронизирует над тем, что каждая страна в любую эпоху подает свою войну как справедливую, и от этой псевдосправедливости с ростом возможностей науки и техники гибнет все большее число людей, в XX столетии насчитывающих уже десятки миллионов, а подлинной справедливости, выражающейся в отстаивании главного из прав человека – права на жизнь (сформулированного Т. Гоббсом), на Земле все нет и нет.

Подобные «игры человечества» Саша Соколов не без горечи, но и с насмешкой уподобляет игре в карты, когда каждый надеется выиграть. Не случайно (шутит Саша Соколов) они когда-то именовались «крестовыми» (походами), совершавшимися на религиозной почве,

а затем как назло
наступила эпоха мизе́рного подкидного,
презренного [Соколов Саша, 2012, *218*], –

порождавшего все новые войны, расценивавшиеся как будто бы необходимые, справедливые, героические, пусть и представлявшие собой организованные массовые убийства, возведенные в большую степень. Грань между справедливым и несправедливым стиралась.

Находились и противники, испытывавшие «оторопь и афронт», но в кровопролитной истории задавали тон власть имущие (= «короли» из карточной колоды), каковые

> до того поглупели,
> что приказали все низменное возвысить,
> а все высокое низвести [Соколов Саша, 2012, *219*].

Высокое в данном контексте – жизнь человека, низкое – догматика, оправдывающая умерщвление избранных во враги.

В том же духе все продолжается и в XXI веке, и ко вступившему в эпоху глобализации человечеству Саша Соколов прилагает определение «глобальные олухи». Это люди, не понимающие, что творят, и дошедшие до грани самоуничтожения в обсуждаемой термоядерной войне. Государственный, национальный, групповой, индивидуальный эгоизм, привычка к убийствам, безмыслие перевешивают в их душах все остальное. Паламедис[4], считавшийся самым умным среди людей, остался только в мифе.

Современность у Саши Соколова включает в себя «дежавю» («уже было» Э. Буарека), и прежде всего – в головах людей. В текст вводятся голоса отстаивающих ставшее привычным человекоистребление:

> увы, господа,
> смерть на линии иногда неприглядна,
> но я обязан напомнить, что войны наши,
> что б там ни бубнили штафирки
> от бухгалтерии, истинно справедливы,
> а главное, обустроены столь гуманно, что, пав,
> мы, как словно бы некие фениксы,
> возрождаемся к *витануова*,
> для новых битв [Соколов Саша, 2012, *150*], –

ибо подаются как пример героизма для все новых и новых поколений. Неудивительно, что конца сменяющим друг друга войнам не видно. Разгон к небытию нарастает.

Саша Соколов снова делает паузу на всю страницу, как бы предлагая задержаться на сказанном и по-настоящему обдумать происходящее. Пустой лист символизирует возможную пустоту впереди. Допускает, впрочем, автор и ответное безразличие, наплевательство, индифферентность, ведь

> сколько раз твердили миру [Крылов, 1982, *25*], –

об угрозе всечеловеческой катастрофы: все не в прок. Вечно всем «некогда», но

> все эти ваши некогда обращаются в полное
> никогда [Соколов Саша, 2012, *23*], –

[4] Герой древнегреческой мифологии, поражавший своим умом. Ему приписывалось изобретение букв, чисел, счета времени, мер и весов, монет.

констатирует нарратор. По-настоящему интересует людей потребление и преуспеяние, так что Саша Соколов переключается на разговор о «мебели», каковая не должна затмевать все остальное, и сам человек – превращаться в «мебель».

В третьей части «Триптиха», продолжая выдерживать форму неформального разговора с читателем, автор возвращается к теме «смотрителя», но образ такового двоится. Это «смотритель по службе» – охранник в музее насекомых, можно сказать, «дежурный по экспозиции» представленных в нем экспонатов, себя характеризующий словами:

вы же видите, кто я:
обыкновенный блюститель,
что, право же, как-то ни с чем не вяжется
и вообще нелепо [Соколов Саша, 2012, *251*].

Но в самом заурядном, самом посредственном, казалось бы, индивиде скрыт совсем другой человек, которого – вопреки окружающей мертвечине – тянет в мир, полный воздуха и света. Когда он выходил покурить на балкон

и подолгу глядел сквозь фрагменты
полупрозрачного витража,
то тогда совершенно непринужденно
смотрителем также в пространство [Соколов Саша, 2012, *240*], –

становился. Сначала совершенно бездумно. Наблюдая за полетом птиц в небе, в птицезрица-филорнита постепенно превратился: обрел способность сочувствовать, сопереживать пернатым,

наконец, просто-напросто восхищаться ими [Соколов Саша, 2012, *251*].

Все это – на уровне созерцательном и не извлекая для себя никакой корысти. Внешнему взгляду происходящее в душе персонажа не видно, а возникшее притяжение к птицам позволило ей не зачахнуть, укрепить связь человека с миром естественной природы. Неудивительно, что и в людях он начинает различать нечто, роднящее их с птицами. Одна посетительница музея показалась ему чем-то похожей на *botaurus stellaris*, как определяет сам Саша Соколов, мысль которого делает очередной крутой вираж, переносясь в Венецию, где видел

сравнительно небольшую, понурую,
но при этом весьма грациозную цаплю,
чье сизое оперение отливает лиловым [Соколов Саша, 2012, *257*].

Последние десять страниц триптиха и посвящены воспоминаниям о венецианском пейзаже, в который вписана удивительная цапля. Автор предпочитает код живописи и не жалеет оттенков красок для описания красоты и неповторимости этого чуда природы. Вечером, при свете зажженной чичероне спички, птица кажется переливающейся перламутром (от *лат*. «перл» – маленькая груша, *устар*. жемчужина). Да и огонек на мгновенье вспыхнувшей спички, осветившей чешую на стопах цапли, стоявшей на

стрелке, навсегда врезался в память. Так Саша Соколов продлевает взгляд «смотрителя в пространство» до пределов другой страны, создавая привлекательный ее образ. Как можно понять, автор настраивает литературу способствовать достижению сближения между народами, сколь безнадежным это ни казалось бы в определенных обстоятельствах. В литературе Саша Соколов видит защитника самого бытия, покушение на которое обернется крахом человеческой цивилизации:

> что постоянно, что насовсем:
> вот что важно [Соколов Саша, 2012, *26*].

Поэтому самоощущение «гражданина мира», сознающего свою причастность всему происходящему на планете, и ответственность за судьбу человечества, убежден Саша Соколов, наиболее соответствует задаче предотвращения Третьей мировой войны, как и отказу от причисления к «справедливым» непрекращающихся локальных войн. Прямо это не формулируется, но вытекает из возникающего в «Триптихе» многоголосья перебивающих, оспаривающих или дополняющих друг друга виртуальных персонажей мира-театра, возникающих из-под пера Саши Соколова. Крылатая мысль уподобляется птице, тянущей человека ввысь, а не в бездну.

Шутливый по отношению к самому себе тон, постоянное ускользание лирического героя от жесткой определенности, разветвляющийся характер его размышлений о самом главном отражают установку автора полускрыться,

> чтобы в некотором пониманьи остаться [Соколов Саша, 2012, *136*]:

ни под кого не подлаживаясь, создать книгу новаторскую, обращенную ко всем, способствующую перенастройке сознания. Саша Соколов убежден, что его «примиренческая» книга нужна людям и останется в литературе, осуществляющей миссию «смотрителя». Так что завершающее произведение «Arrivederci» (*ит.* – «до свидания») – не столько жест прощания с читателем, сколько выражение надежды на будущую встречу.

ЛИТЕРАТУРА

Крылов И.А. Басни. Драматургия. М.: Правда, 1982. 368 с.

Кузина Л.Н., Пигарев К.В. Комментарии // Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. С. 400–470.

Левитанский Ю. Годы. М.: Сов. писатель, 1987. 352 с.

Осповат А.Л. «Поток сознания» // Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1987. С. 292–293.

Соколов Саша. Триптих. М.: ОГИ, 2012. 268 с.

Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. 480 с.

I.S. Skoropanova
PhD in Philology, Doctor, Professor,
Chair of Russian Literature,
Belarusian State University
Minsk, Belarus

Sasha Sokolov's «Triptych» as a Book of Reflections

The subject of analysis in the article is Sasha Sokolov's book of poems «Triptych», permeated with reflections on the past, present and future of mankind. The aim of the research is to characterise the author's superhistorical concept in the work, to reveal the peculiarities of its artistic and aesthetic embodiment.

The methods used are receptive, hermeneutic, intertextual.

It is pointed out that the constituent parts of the book – «Reasoning», «Gazibo», «Philornit» form a unique metatext, characterised by the development of a common theme: summarizing the past century, carried out in close connection with summarizing the results of his own life. The dominant role of the lyrical beginning is emphasised, which is also manifested in the reflections on the principles of evaluation and presentation of socio-historical material. The lyrical hero is endowed with the traits of a «citizen of the world», thinking about the fate of all mankind, rejecting any type of rigid ideology. The whole process of thinking is recreated using the poetics of openness. Hence the inherent plotlessness of the triptych, the absence of a clearly defined beginning and end, impressionism, the technique of «stream of consciousness», the organising role of the musical code in Part I, the code of theatre with a mass of faces, figures, and judgments interrupting each other in Part II, and the use of a growing intertextual layer and the code of painting in Part III. Historical development in Sasha Sokolov, becomes alinear, which emphasises the image of «past–present–future» time. The main event on Earth over the millennia is recognised as the emergence of the phenomenon of existence itself – it is the supreme value that has no equal, and the author evaluates everything that has happened and is happening from the standpoint of defending it. The incessant wars that deny the «right to life» and modern «global oafs» that have brought humanity to the brink of self-destruction are condemned. Sasha Sokolov gives art (including the art of words – literature) the mission of a caretaker, serving to protect life and culture, the very foundations of existence, and relates his reflections «about everything in the world» to the «world-text».

The results of the research conducted in this article can be demanded by literary science and in teaching activities in the study of the modern stage of development of Russian literature.

Keywords: *book of poems; triptych; reflections; fate of mankind; poetics of openness; «world-text»; image of the «caretaker».*

REFERENCES

Krylov I.A. Fables. Dramaturgy [Basni. Dramaturgija]. Moscow: Pravda, 1982. 368 p. (in Russian).

Kuzina L.N., Pigarev K.V. Comments. Tyutchev F.I. Poems. Letters. Memories of contemporaries. [Kommentarii. Stikhotvoreniia. Pis'ma. Vospominaniia sovremennikov]. Moscow: Pravda, 1988. pp. 400–470 (in Russian).

Levitansky Yu. Years [Gody]. Moscow: Sov. writer, 1987. 352 p. (in Russian).

Ospovat A.L. «Stream of Consciousness» [«Potok soznaniia»]. *Literary Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Sov. encycl., 1987. pp. 292–293 (in Russian).

Sokolov Sasha. Triptych [Triptikh]. Moscow: OGI, 2012. 208 p. (in Russian).

Tyutchev F.I. Poems. Letters. Memories of contemporaries [Stikhotvoreniia. Pis'ma. Vospominaniia sovremennikov]. Moscow: Pravda, 1988. 480 p. (in Russian).

Т.Н. Чурляева

Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Россия

УДК 821.161.1

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-47-61

ЛИРИЧЕСКАЯ СОБЫТИЙНОСТЬ: К ПРАКТИКЕ АНАЛИЗА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Ключевые слова: *теория лирической сюжетности; лирический сюжет; эйдетическая природа лирической событийности; феноменологическое описание лирического события; А. Ахматова.*

Основная цель статьи раскрывается в обсуждении проблемы терминологической атрибутированности понятия «лирическая событийность». Исследователи не находят единого основания для определения природы лирической событийности. Дискуссионными остаются вопросы: могут ли быть «приспособлены» к лирическому тексту термины, понятийно связанные с повествовательным прозаическим текстом? Меняется ли их объем / содержание в случае инструментального использования в анализе и интерпретации лирического текста? Какими методами следует изучать структуру лирического события, если сам предмет изучения – сложно поддающаяся описанию материя?

В статье отмечается, что в практике анализа и интерпретации лирики термины «лирический сюжет», «лирическая событийность», «лирическая фабула» приобретают отличное от прозаической событийности содержательное наполнение, сопряженное с лирической природой текста. Природа лирической событийности раскрывается через эйдетическую выраженность, что влечет за собой иную аксиоматику в формировании ее смыслового содержания и значения.

Теоретические положения, разрабатываемые в аспекте феноменологического описания лирической событийности, раскрываются на материале стихотворения А. Ахматовой.

В современной сюжетологии категории *сюжета* и *фабулы* как ключевые инструменты анализа художественных повествовательных текстов получили глубокое теоретико-методологическое изучение, направленное на выявление сущностно-содержательных свойств и структурных признаков. Наиболее известные, содержательно плотные формулировки понятий сюжета и фабулы были даны в трудах русских формалистов В.Б. Шкловского («О теории прозы» (1925)) и Б.В. Томашевского («Теория литературы. Поэтика» (1925)), в рамках структурно-семиотической школы Ю.М. Лотманом («Проблема сюжета» (1970) и др.), а также в исследованиях М.М. Бахтина и круга его единомышленников – В.Н. Волошинова и П.Н. Медведева («Формальный метод в литературоведении» (1928), «Формы времени и хронотопа в романе» (1975) и др.).

В теории формалистов сюжет понимается как намеренная деформация фабульной последовательности, как нарушение хронологической фабульной логики, требующее от читателя дополнительных рецептивно-интеллектуальных усилий в понимании смыслового содержания текста произведения. Так, фабула виделась Шкловскому материалом, сюжет – парадигмальным развертыванием фабульных элементов: «<...> фабула есть лишь материал для сюжетного оформления» [Шкловский, 1929, *204*].

Б.В. Томашевский также разделял сюжет и фабулу по способам их организации в пространстве художественного текста. Фабула у Томашевского – «<…> единая система событий в их взаимной внутренней связи» [Томашевский, 1996, *180*]. При этом, уточняет Б.В. Томашевский, «занимательная цепь событий» специальным образом должна быть распределена в пространстве текста с тем, чтобы «сделать из фабульного материала литературную комбинацию» [Там же, *181*]. Таким образом, сюжет в сюжетологической модели Томашевского – это «разработанная схема произведения в противоположность фабуле, которая является схемой события, являющегося предметом произведения» [Томашевский, 2006, *116*].

Сюжет в концепции Ю.М. Лотмана, в отличие от формалистского парадигмального понимания, понятие синтагматическое, целиком принадлежащее диегезису, миру героя. Поэтому Лотман отождествляет сюжет с героем, способным «пересекать структурные границы культурного пространства», «цепь поступков образует сюжет» [Лотман 2004, *276*]. Ключевой единицей сюжетосложения становится событие, меняющее действие, состояние или цели персонажа («<...> событие – это пересечение запрещающей границы» [Лотман, 1970, *288*]), наделенное «определенным смыслом <…>, а также определенной временной, причинно-следственной или какой-

либо иной упорядоченностью <…>» [Лотман, 2004, *296*]. К фабуле в разработке теории сюжета Лотман практически не обращался, ей отводилась вспомогательная роль по воссозданию конкретно-исторических примет изображенной действительности мира героя.

Рассуждения М.М. Бахтина и круга его единомышленников относительно интеллигибельной (смыслообразной) природы сюжетосложения косвенным образом соотносятся с разысканиями русских формалистов. Бахтин, Волошинов, Медведев также разводят понятия сюжета и фабулы – сюжет приравнивается ими к «процессу рассказывания» [Бахтин, 1998, *223*], а «фабула развертывается вместе с сюжетом: рассказываемое событие жизни и действительное событие самого рассказывания сливаются в единое событие художественного произведения» [Там же, *247*]. В рамках предлагаемого подхода опосредованно соотнесенный с «рассказываемым событием» сюжет видится результатом наррации как выраженной интенции субъекта дискурсии (повествователя, рассказчика), раскрываемой, в свою очередь, в процессе восприятия художественно воспроизведенных событий и «действительного события самого рассказывания».

Итак, в отечественной сюжетологии за понятием *сюжет* закрепляется значение организованной определенным образом последовательности рассказываемых действий (процессов, событий), за *фабулой* – значение содержательной основы сюжета. Прозаическое событие наделяется фабульным и/или сюжетообразующим значением в силу обусловленности внешними (каузальными / темпоральными) или внутренними (субъективными) параметрами, их динамическим взаимодействием. Динамика здесь связана с движением, сомнением, побуждением, действием, выраженными в разной степени конкретности: ситуациями, не ведущими к изменению, лишь детализирующими действие или состояния персонажа (фабула), и ситуациями, имеющими смысловое (ценностное) значение, меняющими его положение и/или цели (сюжет). Структурообразующими понятиями прозаической событийности являются цель, мотив, причины, которые, в свою очередь, поддаются внешней рационализации, объяснению и истолкованию. Иными словами, вменяемые прозаической событийности свойства позволяют с помощью рационально-логических действий раскрывать в той или иной степени глубины смысл художественного содержания в его опосредованной связи с формой.

В отличие от достаточной концептуальной выраженности прозаической событийности понятийный аппарат системы лирического сюжетосложения все еще находится в стадии научной рефлексии. Причина затянувшегося процесса установления границ лирической событийности индуцирована, на наш взгляд, более сложной природой лирического события. В связи с этим интересно обратиться к тем сюжетологическим разысканиям, в которых понятие *лирическая событийность* получает убедительную понятийно-теоретическую

обоснованность и выраженность. Значительный вклад в развитие теории лирической сюжетности внесли Ю.М. Лотман и Ю.Н. Чумаков.

Понятие поэтического сюжета Ю.М. Лотман строил через оппозицию «проза – поэзия», элементы которой, по его мнению, состояли в тождественных связях: «Поэзия и проза не отгорожены непроходимой гранью, и в силу целого ряда обстоятельств прозаическая структура может оказывать на поэтические произведения <…> очень большое влияние. Влияние это особенно сказывается в области сюжета» [Лотман, 1996, *107*]. Вместе с тем Лотман выделяет в качестве специфического признака поэтической сюжетности «большую степень обобщенности <…>. Поэтический сюжет претендует быть не повествованием об одном каком-либо событии, рядовом в числе многих, а рассказом о Событии – главном и единственном, о сущности лирического мира» [Там же]. Вследствие этого «сюжетное движение поэтического текста строится иначе, нежели в прозаическом»: «Сюжет в прозе возникает как последовательность повествовательных эпизодов» [Лотман, 1994, *197*], тогда как в лирическом тексте «элементы поэтического сюжета не следуют друг за другом, а взаимодействуют, составляя единую сложную конструкцию» [Там же, *198*]. Интерференция планов выражения и содержания затрагивает не только формальный уровень лирического текста, но и его смысловую структуру. В связи с этим, как утверждает Ю.М. Лотман, «единицы сюжета суть единицы смысловые» [Там же, *198*].

Ю.Н. Чумаков в более поздней работе проблематизирует лотмановское определение поэтического сюжета, насыщая тему новыми аспектами рассмотрения. Вводя в научный оборот понятие *лирический сюжет*, Чумаков отталкивается от другой дихотомической пары – «лирика – эпос» как наиболее чужеродных по родовой классификации. Необходимость в раскрытии сущностных свойств лирической сюжетности «иной аксиоматики» объясняется Ю.Н. Чумаковым тем, что «обоснования лирического сюжета лежат <…> на радикальном размежевании его с сюжетом эпическим» [Там же]. Ю.Н. Чумаков раскрывает сущность лирического сюжета через ценностно-смысловое понятие *событие-состояние*: «Что же касается лирического сюжета, то его следует доопределить, назвать событием-состоянием, чтобы термин соответствовал функциональным качествам мира – изменчивости и инертности» [Чумаков, 2009, *9*].

Комментируя предложенную Ю.М. Лотманом структурно-смысловую модель поэтического сюжета, Ю.Н. Чумаков приходит к мнению, что механизм построения лирической сюжетности иной: «<…> генерация сюжета (в понимании Лотмана. – *Т. Ч.*) направлена в тексте снизу вверх (если моделью считать расширяющуюся воронку) или изнутри к внешнему контуру (если модель сферическая). Множество низовых элементов структуры вливается в верхние, более крупные единицы сюжета, претендуя на логиче-

скую проясненность и упорядоченность, устремляясь навстречу последовательной повествовательной прозе» [Там же, *5*]. В логике Ю.Н. Чумакова поэтический дискурс – это не что иное, как «многолинейное скопление, в котором смысловые потоки движутся в сторону неопределенности <…> Калейдоскопическая комбинаторика низовых элементов не проясняет смысловых значений, но затемняет их за счет моторно-энергетических ресурсов. Возникает подобие броуновского движения низовых элементов, восприятие которых не нуждается ни в уровневом различении, ни в аналитической упорядоченности» [Там же, *6*].

Для нас значимым моментом в концепции Ю.Н. Чумакова является акцентуация чувственной природы лирического события-состояния, обладающего принципиальным свойством неадекватной (непрямой) выразимости. Лирический сюжет оказывается не чем иным, как поэтическим способом его манифестации: «лирический сюжет включает обращенные вспять ходы, радиальные, центробежные и центростремительные и т.п. <…> В пределе его, по-видимому, невозможно изобразить никакими линиями» [Там же, *10–11*]. Подчеркивая принципиально нерациональную природу лирической событийности, Ю.Н. Чумаков все же видит возможность ее описания. Невзирая на то, что «многоплановость и многолинейность» лирического сюжета усиливаются в силу того, что «верхний слой текста складывается из смысловых блоков, источником которых является генеративный континуум в низовых его слоях» [Чумаков, 2009, *10–11*], и, следовательно, возможности рационального «схватывания» смысловой логики крайне малы, так как континуально-дискретная сущность лирической событийности не подвластна адекватному (прямому) ее отражению, Ю.Н. Чумаков все же допускает возможность ее феноменологически-герменевтического истолкования: «<…> И в то же время его структура не существует на-самом-деле, но предустанавливается производной от наших конструирующих интенций <…> его переживание в качестве эстетического предмета все равно континуально <…>» [Там же, *10–11*]. То есть возможность выразить ценностно-смысловое движение лирического события все же закрепляется за лирическим сюжетом в случае его феноменологического описания.

Действительно, любое чувственное восприятие имеет или порождает событийный смысл, имеющий множество способов выражения. Именно в силу отмеченных выше черт лирического сюжета существо лирического события-состояния выражается через душевные акты сознания – эмоции, чувства, состояния, акты оценки, суждения, которые, в свою очередь, переходят во владение непрямого выражения. И это значит, что значительный объем состава душевного переживания все же останется «за скобками» языкового и логического выражения, непрямо отсылающего к несловесно выраженному акту сознания.

На наш взгляд, феноменологически схватываемые контуры лирической событийности напрямую отсылают к ее эйдетической природе. Не углубляясь в теорию эйдоса А.Ф. Лосева, обозначим существенные для настоящего исследования позиции. В этой связи есть смысл привести значимый фрагмент из эйдетической теории А.Ф. Лосева, в котором раскрывается целостно процессуальная природа эйдоса (выраженная сущность). Эйдос сам в себе, говорит А.Ф. Лосев, «и единое, и становление» [Лосев, 1990, *81*]; эйдетический смысл раскрывается как континуально-дискретный. В самом эйдосе, полагает А.Ф. Лосев, содержится энергетическая потенция к взаимосвязям и движению [Там же]. «Эйдос Лосева, – отмечает Л.А. Гоготишвили, – это своего рода энергетический смысловой заряд с актуальной и потенциально смысловой валентностью, который одновременно и синтаксически разделен, одновременно и подвижен внутри себя, и вступает в особые синтаксические и динамические соотношения вовне себя с другими эйдосами в качестве цельно-единого, порождая, тем самым, новые эйдетические комплексы, которые вновь и вновь и едины и раздельны, и покоятся и движутся <…>» [Гоготишвили, 2006, *305–306*]. Обрисовывая феноменологическую природу лосевского эйдоса, Гоготишвили говорит о двунаправленности эйдетического смысла, формирующегося разными фокусами сознания, с одной стороны, интенционально направленного на созерцаемую смысловую предметность, с другой – в зависимости от характера аттенциональной активности постоянно меняющихся смысловых значениях предмета.

Поэтому рассмотрение порождаемых актом лирического сознания смыслов, переходящих в зону непрямых, становится возможным лишь в феноменологической плоскости, то есть лирическое событие может быть опосредовано только через феноменологическое описание активно движущегося сознания лирического субъекта, динамика которого задается сменяемостью созерцаемой (интенциональной) и мыслимой (аттенциональной) направленности самого сознания. Существенный момент видится в том, что и созерцание (чувственное восприятие), и ментальное (мыслимое) движение сознания смещаются и одновременно распадаются в зависимости от перемещающегося фокуса внимания лирического субъекта. Таким образом, динамические смещения интенциональной и аттенциональной активности сознания лирического субъекта, происходящие в разных плоскостях и в разных направлениях, и есть существо лирической событийности.

Итак, если динамическую эйдетическую сущность лирического события мыслить феноменологически, тогда процесс разделения сюжета и фабулы, обязательный в анализе прозаического сюжетосложения, становится практически невозможным в силу того, что в лирической эйдетике эти понятия отождествляются. Но, возможно, одновременно с этим и различаются своим феноменологическим функционированием, выражая в зависимости от фокуса феноменологического созерцания либо интенциональную, либо аттенциональную активность лирического сознания.

Допустимость относительной объективации лирического события была высказана в статье Л.Я. Гинзбург «Частное и общее в лирическом стихотворении» (1980). Рассуждая о лирическом событии, Л.Я. Гинзбург раскрывает его экзистенциальную природу, тем самым обнажает сущность лирики как таковой: «Лирика – это прежде всего разговор об основных человеческих ценностях или о том, что их разрушает, уничтожает» [Гинзбург, 1987, *88*]. Лирические темы, по мнению Гинзбург, «всегда экзистенциальные», так как «касаются коренных аспектов бытия человека и основных его ценностей» [Там же]. Л.Я. Гинзбург отмечает, что экзистенциальность в лирике «не всегда выражена словесно», зачастую «она только мерцает, мелькает, появляется с тем, чтобы исчезнуть, порой появиться снова» [Там же, *89*].

Одним из способов поэтического видения, осознания и выражения жизненно важных для лирического сознания ценностей, по мнению Гинзбург, становится поэтическая индукция как способ поэтической манифестации лирической событийности в ее динамичном становлении. Индуктивность поэтического видения раскрывается Гинзбург «как самоценная познавательная структура, как ракурс бытия, через который мы проходим на пути к экзистенциальной теме» [Там же, *96*]. Движение лирической мысли направлено от частного к общему, тяготеющему к символизации [Там же, *96*]. Помимо 1) конкретности ситуации, которая единична и в то же время символически расширяется, поэтическая индукция эксплицируется через 2) контекстуальность; 3) пространственно-временную локализацию лирической ситуации; 4) структурную целостность.

Таким образом, «поэтическая индукция», с одной стороны, как способ лирического видения, с другой – как средство его отражения, несет в себе сюжетообразующий потенциал, так как сохраненные лирической индукцией предметно-смысловые значения способны конкретизировать ситуации («предметные, психологические, событийные») в движении от частного к экзистенциальному. Если вернуться к определению лирического сюжета Ю.Н. Чумакова как «события-состояния», структуры которого «не существует», поэтическая индукция видится способом объективации направленного процесса лирической мысли, чувства, состояний в той или иной степени интенсивности переживания, следовательно, видится возможностью его интенционального «схватывания» сознанием читателя.

Трактовка лирической событийности И.В. Силантьевым, предлагающим раскрывать существо лирического события в дискурсивном аспекте, является своего рода продолжением исследовательской логики Ю.Н. Чумакова и Л.Я Гинзбург: «<...> состояние окружающего мира <...> актуализируется в восприятии лирического субъекта и субъективируется им. Происходит диалогическая встреча двух начал лирического субъекта и субъективированного им объекта восприятия – что приводит к качественному изменению состояния самого лирического субъекта, а также его коммуникативного двойника в образе

читателя» [Силантьев, 2009, *40*]. Источником лирической событийности, как полагает исследователь, становится «дискретная динамика состояний лирического субъекта», сущность лирического события видится в ценностно-смысловом изменении «состояния лирического субъекта, несущем экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для вовлеченного в лирический дискурс читателя» [Там же].

Феноменологический след в раскрытии природы лирической событийности можно усмотреть и в определении лирического сюжета А.А. Чевтаева, по мнению которого лирическое сюжетосложение раскрывается как «динамика внутренних движений, стремящихся к констатации некоего абсолютного настоящего, постольку хронологические и причинно-следственные отношения в лирике подвергаются качественным изменениям и нередко замещаются ассоциативными связями»; «события, составляющие основу некой внешней истории, оформляются в лирический, а не в эпический сюжет, в котором событием становится <…> трансформация ментальных параметров субъекта <…>» [Чевтаев, 2012].

Из сказанного можно заключить, что проблема трудно выразимого существа лирического события может быть отчасти решена в совместности герменевтических и феноменологических усилий сознаний лирического субъекта и читателя. Возможность объективации внутренних движений сознания лирического субъекта, составляющих основу лирической событийности, сохраняется за лирическим сюжетосложением. В этой связи роль лирической сюжетности видится и во внешнем отражении внутренне переживаемой лирическим субъектом ситуации, и вместе с тем в актуализации смыслового потенциала интериоризированных знаков, опосредующих процессы напряженной работы лирического сознания. Раскрытие внутреннего содержания внешних действий в их сложной дискретно-процессуальной динамической связи и будет соотносится с анализом сюжетообразующих элементов лирической событийности.

Вероятностную модель феноменологического описания лирической событийности можно представить на материале стихотворения А. Ахматовой «Проводила друга до передней»:

Проводила друга до передней,
Постояла в золотой пыли.
С колоколенки соседней
Звуки важные текли.
Брошена! Придуманное слово, –
Разве я цветок или письмо?
А глаза глядят уже сурово
В потемневшее трюмо (1913)[1].

[1] Здесь и далее стихотворение цитируется по изданию: Ахматова А. Собр. соч. В 6 т. Т. 1: Стихотворения. 1904–1941. М.: Эллис Лак, 1998. С. 158.

Лирическое высказывание, на первый взгляд, кажется сюжетным. Однако лирическая событийность здесь носит фрагментарный, принципиально незавершенный (принцип поэтической недосказанности!) характер. На наш взгляд, ситуация расставания, нарративно развернутая в первой строфе, не является лирическим событием, но выступает лишь фоном для обозрения процессуальности события-состояния: его рождения, развития, трансформации. Расставание задает лишь внешние относительно очерченные контуры лирического события, напрямую не раскрывающие сути внутренних действий лирического субъекта. В лирическом высказывании явно редуцированы присущие высказыванию как таковому признаки информативности и композиционной завершенности, при этом дается ряд экспрессивно окрашенных, а также интенционально нагруженных деталей. Так, из восьми строк стихотворения лишь первая строка раскрывает некоторые обстоятельства лирической ситуации. При этом лирический субъект умалчивает о каких-либо причинах расставания, «друг» здесь всего лишь образная деталь, интенционально указывающая на рождающиеся у него здесь-и-сейчас чувства и мысли.

И все же общая направленность смыслового движения лирической событийности от частного (конкретного) к общему (экзистенциальному) вполне просматривается, так как сюжетно-фабульная реконструкция лирических ситуаций и внутренне переживаемых лирическим субъектом состояний через частично раскрываемый в диегезисе порядок действий представляется возможной. Выявление направленности внутреннего континуально-дискретного процесса чувственного восприятия и ментального видения ситуации лирическим субъектом может привести к пониманию ценностно-смыслового содержания лирической событийности.

Лирическая ситуация расставания получает пространственно-временную локализацию единичной ситуации, разворачивающейся в конкретном ограниченном пространстве (передняя) и времени (*золотая пыль*). В первой строфе строится прозаическое пространство и время с предметными, зримыми атрибутами: закат солнца, в косых лучах которого невидимая пыль приобретает зримые очертания; колокольный звон вечернего богослужения; сумеречное время суток, отраженное в потемневшем зеркале трюмо.

Вероятностная история расставания также может быть лишь намечена, исходя из поэтических элементов, потенциально нагруженных множественными смысловыми значениями. Эмоционально окрашенная внутренняя реплика *Брошена!* задает один из возможных (мелодраматичных) вариантов интерпретации ситуации расставания: возлюбленный бросает потому, что полюбил другую, и эта причина оскорбительна для брошенной ради другой возлюбленной. Однако лирический субъект называет предавшего ее любовь – *другом*. Слово вряд ли здесь случайно. Возможно, истинная причина ухода понятна лирическому субъекту настолько, что становится поводом для его объяснения и тем самым оправдания. И тогда

естественно сочувствующей видится реакция бывшей возлюбленной, когда вместо мелодраматической развязки – слез, истерики, экстатических состояний – уважение к тому, кто способен испытывать настоящую подлинную страсть, подавляющую само желание вырываться из-под ее власти. Поэтому испытывающий эту любовь-страсть – товарищ, друг.

Однако бесспорным является факт того, что языковое выражение акта сознания не может быть абсолютно изоморфно тому, что на самом деле выражается. Динамическая связь интенционально высвечиваемой внешней событийности и процессуально с ней соотносимой динамики аттенционально выражаемого внутреннего действия приводит к усложнению и углублению смыслового содержания чувственного и ментального переживания / осмысления ситуации расставания. В силу чего сюжетно-фабульный анализ лирической ситуации, разворачивающейся в первой строфе, демонстрирует наличие различных версий ее развития, но все они так или иначе свидетельствуют об их житейской правдоподобности, не выходят за пределы частного, локального. Однако образы второй строфы, контекстуально обусловленные образной семантикой первой, втягиваясь в воронку возникающих и пересекающихся друг с другом коннотативных значений, вбирают в себя, помимо частных, универсальные, смысл которых выводит ситуацию из эмпирического в экзистенциальное пространство. Поэтому смысловое значение освещаемых сознанием физических действий и соотносимых с ними внешних пространственно-временных образов не может ограничиваться лишь объективацией косвенным образом выражаемых обстоятельств расставания.

Действительно, уже в начальном стихе первой строфы *Проводила друга до передней* читатель не получает для истолкования общего смысла лирической ситуации расставания деталей в силу того, что интонационное ударение без какого-либо ущерба с точки зрения лексико-семантического значения фразы можно поставить на словах *проводила, друга, передней.* Получается, что подлинный (экзистенциальный) смысл высказывания прямо не выражается, но особым образом может быть извлечен из него. Акт сознания в своей полноте принципиально невыразим.

Объективация мысли возможна лишь с помощью сил извне, в частности фокусом другого направленного вовне сознания. Этим «другим» для себя становится рефлектирующая грань сознания лирического субъекта, сообщающего о том, что собственная мысль выступает имманентным предметом мысли. Языковая манифестация акта сознания может объективироваться через осознание лирическим субъектом реальности собственной мысли. Ввиду этого более отчетливо выражение экзистенциального смысла раскрывается в заключительных стихах второй строфы в образе *сурового взгляда*, являющегося сильным интериоризированным знаком мысли, акта сознания. Исходя из ракурса рефлектирующего сознания лирического субъекта, можно предположить, что только вторая строфа подсказывает, что в

начальном стихе первой строфы фокус внимания скорее смещается на слово *проводила*, тем самым фиксируется факт того, что лирический субъект находится в зоне акта осознания описываемых в диегезисе действий.

Личностный смысл начальной реплики раскрывается не через внешние, чувственно воспринимаемые, объективирующие реальность детали, а через акт сознания, при этом не прямо индуцируемый, но подразумеваемый. Аттенциональная активность лирического сознания раскрывается тогда, когда фиксация физических действий – *Постояла в золотой пыли* – при наслаивании описательного и зрительного повествовательных элементов (цвет пыли) дает эффект объемного поэтического изображения. Семантически не выраженный акт сознания существенно влияет на смысл высказанного: зрительный образ *золотой пыли* метафорически отсылает к одной из пространственных ипостасей бытия – воздуху. В строчках *С колоколенки соседней / Звуки важные текли* посредством наложения и описательного, и зрительного, и слухового элементов рефлектирующего сознания лирического субъекта фиксируется осознание себя, своей целостности не только в пространстве, но и во времени, в ситуации здесь-и-сейчас. Звон колокола слышится сейчас, но и ощущается через касающиеся тела потоки звука, отсылающие к другой пространственной ипостаси бытия – воде (течь может только вода (влага)). А потому колокольный звон сознанием наделяется метафорической спасающей от не-бытия (жизнь без любви равна смерти) живительной силой воды.

Несловесно выраженный акт сознания, не семантизированный в прямом языковом и логическом виде, индуцируется наложением разных актов сознания, зрения, слуха и ощущений, объективирующих сознание, наделяется плотью, делается видимым. Поэтому звон колокола – это не только слышимо, но и внутренне обозреваемо: тело души обретает контуры, наделяется силой. Лирическое «я» обретает себя осознанием цельности себя: *я* не есть то, что мгновение назад было *мной*, когда *меня* лишили жизни, разлюбив. В таком смысловом развороте поэтически-образной предметности оформляется лирическая событийность: в реальности сознания процессуально развертываясь в направлении от не-бытия к бытию-в-себе, она наделяется экзистенциальным статусом.

Взаимонаслоение разных актов сознания наблюдается не только в интенциональном аспекте чувственного восприятия, но и в аттенциональном аспекте собственно ментальных движений сознания, когда происходит взаимное наслаивание созерцания, осмысления и оценивания. Так, начальный стих второй строфы, состоящий из реплики *Брошена!*, на первый взгляд, передает эмоциональное переживание себя в ситуации «смерти» любви. Но, с другой стороны, эмоционально-чувственное продолжается в форме высказанной рефлексии – *Придуманное слово*, свидетельствующей уже о факте осмысления и оценивания себя с оглядкой на чужое слово о себе и о рождающемся благодаря силе рефлексии сопротивлении принятию оценки себя другим – *Разве я*

цветок или письмо? Словесно не выраженный здесь акт сознания, направленный на со-противопоставление себя другому, раскрывается в стремлении личностного осознания своего «я», которое не есть предмет этого мира, вещь. Слово *брошена,* пропущенное через рефлексию, оценивается сознанием как чужое, неприемлемое и не применимое для себя. Стремление обретения себя посредством себя имплицитно раскрывается в последних строках второй строфы. Образ *потемневшего трюмо* – знак, интенционально передающий чувственно-эмоциональную реакцию лирической героини, а также аттенциональный знак мысли, свидетельствующей о происходящих внутренних переменах экзистенциального свойства – собственном выборе самой себя как личности, постигшей свою экзистенцию.

Таким образом, лирическая событийность в этом стихотворении раскрывается в логике движения от конкретного (частного) к общему (экзистенциальному). Объектом лирического переживания в интенциональном и аттенциональном ракурсах становится ситуация расставания, ценностно-смысловой событийный статус которой раскрывается в процессе ее рефлексивного осознания лирическим субъектом и воспринимающим сознанием читателя. Рекурсивно восстанавливаемые сюжетообразующие элементы, референциально отражающие работу мысли, позволяют индуцировать в лирическую событийность семантически невыраженные акты сознания лирического субъекта и тем самым актуализировать экзистенциальную природу личностно приобретаемых ценностей. Сюжетообразующая логика лирической событийности в стихотворении А. Ахматовой раскрывается в непрямо отраженном субъективированном событии переживания чувства утраты любви, но вместе с тем и в феноменологически выраженном акте сознания, восстанавливающем границы субъектности. И в этом опосредованно выражаемом смысле, требующем напряженного ответного интеллектуально-чувственного участия сознания читателя, видится несомненная ценность ахматовского стихотворения.

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова А. Собр. соч. В 6 т. Т. 1: Стихотворения. 1904–1941. М.: Эллис Лак, 1998. 968 с.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 234–407.

Медведев П.Н Формальный метод в литературоведении // Бахтин М.М. Тетралогия. М.: Лабиринт, 1998. С. 109–196.

Гинзбург Л. Частное и общее в лирическом стихотворении // Гинзбург Л. Литература в поисках реальности: Статьи. Эссе. Заметки. Л.: Советский писатель, 1987. С. 87–113.

Гоготишвили Л.А. Радикальная новация Лосева // Гоготишвили Л.А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 302–415.

Лосев А.Ф. Философия имени // Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. С. 11–192.

Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994. С. 11–246.

Лотман Ю.М. Проблема поэтического сюжета // Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста: статьи и исследования. СПб.: Искусство – СПб, 1996. С. 107–109.

Лотман Ю.М. Семиосфера и проблема сюжета // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2004. С. 276–297.

Силантьев И.В. Лирический мотив в стихотворном и прозаическом тексте // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 39–56.

Томашевский Б.В. Краткий курс поэтики. 3-е изд. М.: КДУ, 2006. 192 с.

Томашевский Б.В. Фабула и сюжет // Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 179–190.

Чевтаев А.А. Сюжетно-фабульная структура лирического нарратива // Narratorium. М.: РГГУ, 2012. № 2(4). URL: http://narratorium.rggu.ru/section.html?id=10826 (дата обращения: 30.04.2024).

Чумаков Ю.Н. Лирика и лирический метасюжет (часть 1) // Сюжет, мотив, история: сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Силантьев. Новосибирск: Наука, 2009. С. 3–31.

Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. С. 177–204. URL: https://monoskop.org/images/7/75/Shklovsky_Viktor_O_teorii_prozy_1929.pdf (дата обращения: 07.05.2024).

T.N. Churlyaeva
PhD in Philology, Associate Professor,
Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russia

Lyrical Plot Composition: to the Practice of Analysis and Interpretation

The main purpose of the article is revealed in the discussion of the problem of terminological attribution of the concept of lyrical eventfulness. Researchers do not find a single basis for determining the nature of lyrical eventfulness. Questions remain debatable: can terms that are conceptually associated with a narrative prose text be «adapted» to a lyrical text? Does their volume / content change in the case of instrumental use in the analysis and interpretation of a lyrical text? What methods should be used to study the structure of a lyrical event if the subject of study itself is a matter that is difficult to describe?

The article notes that in the practice of analysis and interpretation, the terms lyrical plot, lyrical eventfulness, lyrical plot acquire a content content that is different from prosaic eventfulness, associated with the lyrical nature of the text. The nature of lyrical eventfulness is revealed through eidetic expression, which entails a different axiomatics in the formation of its semantic meaning.

Theoretical principles applied in the aspect of a phenomenological description of lyrical eventfulness are revealed using the example of a poem by A. Akhmatova.

Keywords: *theory of lyrical plot; lyrical plot; lyrical eventfulness; phenomenological nature of lyrical eventfulness.*

REFERENCES

Akhmatova A. Collection. Op.: in 6 volumes. Vol. 1. Poems. 1904–1941. [Sobr. soch.: v 6 t. T 1. Stikhotvoreniya. 1904–1941]. Moscow: Ellis Luck, 1998. 968 p. (in Russian).

Bakhtin M.M. Forms of time and chronotope in the novel [Formy vremeni i khronotopa v romane]. *Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. Research from different years.* Moscow: Fiction, 1975. pp. 234−407 (in Russian).

Medvedev P.N. Formal method in literary criticism [Formal'nyy metod v literaturovedenii]. *Bakhtin M.M. Tetralogy.* Moscow: Labyrinth, 1998. pp. 109−196 (in Russian).

Ginzburg L. Particular and general in a lyric poem [Chastnoye i obshcheye v liricheskom stikhotvorenii]. *Ginzburg L. Literature in search of reality: Articles. Essay. Notes* Leningrad: Soviet writer, 1987. pp. 87−113 (in Russian).

Gogotishvili L.A. Losev's radical innovation [Radikal'naya novatsiya Loseva]. *Gogotishvili L.A. Indirect speaking.* Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2006. pp. 302−415 (in Russian).

Losev A.F. Philosophy of the name [Filosofiya imeni]. *Losev A.F. From early works*. Moscow: Pravda, 1990. pp. 11−192 (in Russian).

Lotman Yu.M. Lectures on structural poetics [Lektsii po struktural'noy poetike]. *Yu.M. Lotman and the Tartu-Moscow semiotic school*. Moscow: Gnosis, 1994. pp. 11−246 (in Russian).

Lotman Yu.M. The problem of poetic plot [Problema poeticheskogo syuzheta]. *Lotman Yu.M. About poets and poetry: Analysis of poetic text: articles and studies*. Saint Petersburg: Art-SPb, 1996. pp. 107−109 (in Russian).

Lotman Yu.M. Semiosphere and the problem of plot [Semiosfera i problema syuzheta]. *Lotman Yu.M. Semiosphere.* Saint Petersburg: Art-SPb, 2004. pp. 276−297 (in Russian).

Silantiev I.V. Lyrical motive in poetic and prose texts [Liricheskiy motiv v stikhotvornom i prozaicheskom tekste]. *Siberian Philological Journal.* No 2. 2009. pp. 39−56 (in Russian).

Tomashevsky B.V. A short course in poetics [Kratkiy kurs poetiki]. The 3rd edition. Moscow: KDU, 2006. 192 p. (in Russian).

Tomashevsky B.V. Fable and plot [Fabula i syuzhet]. *Tomashevsky B.V. Theory of literature. Poetics: textbook*. Moscow: Aspect Press, 1996. pp. 179−190 (in Russian).

Chevtaev A.A. Plot-fable structure of a lyrical narrative [Syuzhetno-fabul'naya struktura liricheskogo narrativa]. *Narratorium.* No 2 (4). 2012. Available at: http://narratorium.rggu.ru/section.html?id=10826 (accessed on April 30, 2024) (in Russian).

Chumakov Yu.N. Lyrics and lyrical metaplot (part 1) [Lirika i liricheskiy metasyuzhet (chast' 1)]. *Plot, motive, history: collection. scientific Art*., 2009. pp. 3−31 (in Russian).

Shklovsky V.B. About the theory of prose [O teorii prozy]. Moscow: Federation, 1929. pp. 177−204 Available at: https://monoskop.org/images/7/75/Shklovsky_Viktor_O_teorii_prozy_1929.pdf (accessed on My 7, 2024) (in Russian).

А.С. Сафина

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 821.112.2(436)

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-61-72

О ПРИНЦИПАХ КОНСТРУИРОВАНИЯ «ГОРОДСКОГО ТЕКСТА» В РОМАННОМ ПРОЕКТЕ ПЕТЕРА РОЗАЯ «ВЕНСКИЕ ФАЙЛЫ»

Ключевые слова: *«венский текст»; семиотика города; Петер Розай; австрийский роман; фланер.*

В статье рассмотрено понятие «венского текста» на примере романного проекта современного австрийского писателя Петера Розая. В центре внимания оказываются ключевые топонимы, структура романов, образы и события, которые позволяют воссоздать городское пространство Вены. Анализируя «венский текст» Петера Розая, автор статьи отмечает, что городское пространство в романах тесно связано с реальностью, социальными проблемами и историческими событиями. Сам город становится активным участником повествования, своего рода протагонистом произведения. Цель исследования – выявление и изучение основных принципов конструирования «городского текста», из которых складывается проблематика и поэтика «венского текста» в романах Петера Розая. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на материале современного романного проекта «Венские файлы» будет исследовано понятие «венский текст». Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что городское пространство в романном проекте Петера Розая представлено через калейдоскопический облик Вены, создающий целостность художественного образа.

Изучение «городского текста» является одним из актуальных направлений в современной филологии. Городское пространство предстает как сложное переплетение архитектуры, людей, предметов и имен, а также их взаимоотношений в повседневной жизни. Если учитывать многоаспектность городской семиотики, особенно интересным представляется исследование и анализ «венского текста» в современном австрийском романе, поскольку Вена играет значительную роль в культурной и литературной истории Австрии.

«Венский текст» представляет собой корпус литературных произведений австрийских писателей, в которых создается совокупность образов, мотивов и сюжетов, формирующих обобщенный портрет Вены (и ее окрестностей), маркированный определенными топонимическими, топографическими, биографи-

ческими и историческими знаками. В нем находят отражение история, современные социальные проблемы, политическая ситуация и повседневная жизнь современной Австрии.

В австрийской литературе 20–30-х годов XX века активно формируется «венский текст», который представлен многочисленными так называемыми «венскими романами». Особенно важную роль в создании литературного образа Вены 1920–1930-х годов сыграли романы Хаймито фон Додерера «Штрудльхофская лестница» (1951) и «Демоны» (1956).

В формировании современного «венского текста» значительное место занимают романы Петера Розая (р. 1946), одной из крупных фигур австрийской литературы последней трети XX – начала XXI века.

Н.С. Литвинец отмечает: «Петер Розай действительно очень австрийский писатель. Его произведения отличаются почти репортажной, протокольной точностью в обрисовке повествовательного “здесь и сегодня”, ландшафты всегда подчеркнуто характерные, сугубо “местные”» [Литвинец, 1982, *7–8*]. Сам писатель признается: «Я знаю Вену как свои пять пальцев, я много гуляю и изучил почти все уголки города, от Лизинга до Флоридсдорфа» [Литвинец, 1982, *5*].

Большой романный проект Петера Розая «Венские файлы» («Wiener Dateien», 2005–2016) представляет собой оригинальный вариант урбанистической прозы, в центре которой оказывается многоплановый образ австрийской столицы.

«Вена. Метрополис» («Wien. Metropolis», 2005) – первая книга, которая открывает серию «Венские файлы». Действие в романе развивается в столице Австрии и ее окрестностях на протяжении второй половины XX столетия. Автор предпринимает попытку дать представление о Вене с первых послевоенных лет до наших дней. В повествовании представлены различные истории из жизни персонажей, переплетение их судеб. В романе нет ярко выраженного главного героя. Автор рассказывает истории сразу нескольких персонажей, которых он по мере повествования ведет навстречу друг другу.

Роман начинается с обстоятельного рассказа о том, как каждый из героев попал в Вену. Так, мы узнаем истории Георга Оберкофлера и Франца Иосифа Пандуры: «В восьмом районе Вены на углу Шенборнской и Йозефштедтской улиц стоит дом в шесть этажей. Здание окрашено в желтый, “шенбруннский” цвет и на первый взгляд ничем не отличается от соседних домов, построенных в последнюю треть девятнадцатого века, в эпоху грюндерства. В доме этом, в маленькой квартирке на пятом этаже с окнами на Йозефштедтскую, проживали в ту пору два господина» [Розай, 2014, *9–10*]. Затем мы знакомимся с историей Йозефа Лейтомерицкого, еврея, которого нацисты из Вены сначала депортировали в гетто Лицманштадт, а затем в Освенцим. Ему удалось выжить и вернуться в Австрию. Затем Петер Розай переносит читателя в Клагенфурт: «В одном из доходных домов для небогатого люда, стоя-

щем на широкой улице, что ведет из центра на восток, помимо других обитателей, в одной из квартир первого этажа проживала рабочая семья» [Розай, 2014, *46*]. Так читатель знакомится с двумя мальчиками, Георгом и Альфредом. Их жизненный путь, их венская история до самых последних страниц романа описаны наиболее подробно. По мере того как роман наполняется новыми действующими лицами, расширяется и его топография.

По замечанию Д. Бартенс, все стороны света и части бывшей монархии, самые разные социальные слои и этнические группы оказываются в венском «плавильном котле» и сам город отражает состояние этих героев, их путь и ход истории [Bartens, 2020, *193*]. Таким образом, одной из важных особенностей романа является то, что портрет самого города складывается из образов и историй персонажей, которые по мере повествования оказываются в Вене.

Структура романа напоминает концентрические круги. Начиная с истории двух офицеров, которые живут в маленькой квартирке в одном из районов Вены, Петер Розай вводит в романное поле других персонажей и их истории, описывая новые места в городе и за его пределами. Таким образом, постепенно круг повествования расширяется, охватывая новые районы Вены, танцевальные студии, кафе, пригород. В повествование включаются «обыкновенные» истории действующих лиц. В результате Розай воссоздает «карту» Вены, приглашая читателя на прогулку по старым улочкам, площадям и потаенным уголкам города.

С самого начала повествования Розай изображает мельчайшие элементы городской структуры, например, комнаты, парадные лестницы, двери и т.д. Таким образом, в тексте возникают микролокусы: «Присутствует еще один декор – огромная мужская голова с развевающейся бородой ветхозаветного пророка, с плотно сжатых губ которой, сочетающихся с широко раскрытыми, но застывшими, невидящими глазами, не слетает никаких прорицаний…» [Розай, 2014, *9*].

В роман «Вена. Метрополис» вводится обширный ряд узнаваемых топонимов. Это названия районов Вены, городских улиц и площадей, архитектурных памятников, кофеен (улица Рингштрассе, Дунайский канал, площадь Шварценберг, кафе «Империал»). Автор с особой тщательностью и вниманием к деталям описывает места встреч персонажей, их жилища, создавая контрастное изображение «светлой» и «темной» Вены. «В таком случае Терезиенгассе слыла бы верхом обаяния… Общую картину тут не портят даже засохшие кучки собачьего дерьма, пунктиром размечающие тротуары улицы. Фасады домов когда-то были украшены гипсовыми карнизами и лепными фронтонами, о чем еще напоминают то тут, то там их чудом сохранившиеся остатки, но после войны лепнину просто-напросто сбили, ведь уход за домом в этом случае обходится дешевле» [Розай, 2014, *91*]. Совсем по-другому дело обстоит, когда речь в романе заходит о центральных районах Вены, о богатом убранстве различных кафе и зданий: «Он наслаждался роскошью этого прекрасного дома: блеск зеркал, матовый и все же

бодрящий блеск мраморных ступеней медленно проплывающей мимо лестницы, чересчур пышное сияние медных оправок, в которые вставлены латунные штанги защитных решеток на этажах. Он в хорошем настроении, чувствует себя легко и радостно» [Розай, 2014, *102–103*].

Автор статьи «Человеческая комедия в Вене» отмечает, что попытка воссоздания подробного описания столицы Австрии – это попытка П. Розая отразить историю Вены с ее социальным разделением [Scheiffele, 2000, *48*]. Таким образом формируется напряженность между центром и периферией города. Такая же напряженность существует и между разными слоями населения.

Пространство, которое возникает в романе Петера Розая, выверено с топографической точки зрения. Мир, созданный австрийским писателем, выстроен в первую очередь с использованием пространственных категорий, где личное пространство персонажей тесно переплетено с городом.

Анализируя роман Хаймито фон Додерера «Демоны» («Die Dämonen», 1956), Д. Вебер обратил внимание на тесную взаимосвязь литературных персонажей с городским пространством Вены. В своем исследовании он отмечал, что прогулки в одном из районов Вены, Деблинге, и поездки протагониста на автомобиле по венским улицам «непрерывно сопровождает осознание тотального присутствия города» [Weber, 1963, *227*].

В своем варианте «венского текста» Розай уделяет особое внимание не столько отдельным персонажам, сколько попытке создать образ целостного пространства, несмотря на различия социальных слоев общества. Возникает своеобразная «тотальность места», которая объединяет всех персонажей. Каждый герой обретает свой уникальный образ и черты благодаря тому, что «одной стороной своего естества он глубоко привязан к месту, где живет» [Ebd., *230*]. Различным социальным группам венского общества «принадлежат» определенные городские кварталы. Так, высшая аристократия живет в прекрасных виллах в районе Веринг, представители рабочего класса – в пригороде, на Терезиенгассе или около Северного вокзала, а торговец Лейтомерицкий закончит свою жизнь в маленьком кафе в центре города на Кругерштрассе. Такая многоликость города, его раздробленность на множество локальных пространств помогает создать более детализированный образ города. И в итоге на высшем уровне повествования возникает топос Вены – сам город во всем его многообразии.

«Вена. Метрополис» дает представление о быте, обычаях и нравах венцев. Названия – это топографическая основа реальности, и в своей совокупности они призваны вызывать в воображении структуру, уличную систему, следовательно, план города. Подобно флажкам на карте города, между которыми натянуты нити, в романе «Вена. Метрополис» отдельные названия мест выступают из текстового ландшафта и обозначают важные для персонажей точки в городском пространстве. Система топонимов, а также имена собственные персонажей образуют в тексте романа две подсистемы, которые многократно взаимодействуют друг с другом и в то же время имеют сильно выраженную референтную функцию.

По мысли В. Фогль, «автор в данном романе выступает скорее как киноаналитик, он не описывает своих персонажей детально, не стремится анализировать их действия, но предпринимает попытку изобразить их как часть города, вплести их в “городское” пространство. Город не является лишь фоном действия, а играет свою уникальную роль» [Vogl, 2006, *21*].

При анализе данного варианта «венского текста» выделяются следующие темы, которые затрагивает автор: отражение исторических событий в судьбе и облике города; обособленность некоторых районов города, создание контраста «света / тени»; «территориальное» разделение социальных слоев города и его влияние на психологию взаимоотношений протагонистов. Так, мы видим, как в героях проявляются зависть и желание почувствовать свое превосходство над другими: «Однако оба они друг другом восхищались, потому что оба сидели сейчас в кафе на венском Ринге, далеко-далеко от своих земляков, от своего родного гнезда, которое стремительно от них удалялось, словно планета, которая, стоит ее только покинуть, сразу уносится в бесконечное пространство и там, как кажется, исчезнет скоро навсегда» [Розай, 2014, *101*].

Следует отметить, что в «венском тексте» Розай прибегает к приемам монтажа и ретроспекции. Действие в романе развивается нелинейно, переключаясь от настоящего к воспоминаниям о прошлом, создавая сложную и многогранную картину исторической Вены. Персонажи романа не раз обращаются к воспоминаниям о городе во время войны и после нее. «Солдаты немецкой части, отведенной в Вену на переформирование, обнаружили светящееся в ночи окно в доме, незадолго до этого оставленном жильцами. Прикладами солдаты выбили дверь в парадную и вломились в дом. В камине огромного зала, под тонким и липким слоем серой золы, – вероятно, здесь жгли какие-то бумаги, – еще тлели красные, источающие тепло комочки» [Розай, 2014, *11*]. Тема воспоминаний постоянно проходит лейтмотивом по всему роману. Время играет важную роль в данном повествовании и помогает создать более «многослойный» образ города.

Столица Австрии в романе Петера Розая «Вена. Метрополис» становится не просто местом действия, но своего рода героем романа, который влияет на ход событий.

В. Шмидт-Денглер отмечает, что «венский текст» в романе «Вена. Метрополис» – панорама, каталог деталей или лоскутное одеяло, которое соткано из всевозможных историй и персонажей. «Венский текст» представлен как сеть взаимосвязей и пересечений, где каждый элемент имеет свое место и свою роль. Это полифоническая мозаика, в которой автор олицетворяет городскую жизнь [Schmidt-Dengler, 2005, *27*].

«Венский текст» Петера Розая представлен как структурное целое, состоящее из образов людей (персонажей) и предметов материального мира. Текст разворачивается в пространстве – от периферии к центру, как в экстерьере, так и в интерьере, а также во времени – в ретроспективе и перспективе.

В романе Розая «Вена. Метрополис» городское пространство тесно связано с реальностью. Оно либо отражает уже существующие объекты, либо подражает им. Различные отсылки к предметам и явлениям придают произведению национальную и культурную специфику.

Наибольшую значимость в романе представляют объекты с уникальными именами собственными. Они выполняют функцию ориентиров, и, как следствие, их можно считать ключевыми образами венского пространства.

«Венский текст» в романе Розая выстраивается как некая текстовая паутина. Эта паутина сплетает пространство романа, которое воссоздает австрийский писатель, объединяя мельчайшие детали и истории, делая их единым целым. «Венский текст» представляет собой мозаику повседневной городской реальности, где каждая деталь имеет свое место и значение. Таким образом, перед нами возникает многослойная картина городского пространства, где переплетается прошлое и настоящее австрийской столицы.

Обращаясь к следующему произведению в проекте «Венские файлы», стоит отметить, что история, которую представляет Петер Розай в своем романе «Великое убийство» («Das große Töten», 2009), не лишена трагизма и повествует о «бесцельном существовании» протагонистов, которые потеряли смысл жизни и опору под ногами после Второй мировой войны. Они бесцельно «бредут по дороге жизни» [Rosei, 2009, *12*], а городское пространство, которое выстраивает автор, лишь отражает их состояние.

Например, бесцельное хождение по городским улицам героини романа Улле Альтманн, которая утратила желание жить, помогает ей освободиться от навязчивых мыслей, погружает ее в состояние забытья. Для Улле движение по городу становится способом перемещения внутри собственного сознания, из закоулков которого она не может выбраться: «Ближе к полудню она не выдержала и сломя голову бросилась бежать и помчалась прямо в город. Только в трамвае, за окном которого яркими пятнами проносилась повседневная жизнь, она задумалась: что, ради всего святого, я на самом деле ищу в городе?» [Rosei, 2009, *88*].

Для Улле спасением становится город, в ярких образах которого она может затеряться, избавиться от страшных мыслей, ее преследующих. Героиня Петера Розая наблюдает за городской жизнью на протяжении всего повествования через стекло, будь то окно трамвая, витрины магазинов или ресторанов. Ее блуждание по городу можно определить как своеобразное фланерство. Фланер не просто человек, бесцельно бродящий по улицам города. Это наблюдатель, который вовлекается в особый вид эстетической деятельности. Его прогулки по городу становятся одним из способов порождения текста. Вальтер Беньямин давал следующую характеристику фланера: «представитель развитого капиталистического общества, житель большого города, свободно владеющий информацией и способный даже управлять и манипулировать ей, создавать новые образы в массовом сознании» [Benjamin, 1991, *154*].

В.С. Вахштейн обращает внимание на тесную связь между практиками фланирования и их местоположением. Он утверждает, что не только место может создавать фланера, но и сама практика фланирования формирует пространство.

Чтобы понять, как фланер влияет на создание пространства города, можно представить город как сцену, а городское пространство – как «пространство исполнения». С этой точки зрения фланер предстает не просто «пассивным наблюдателем» или «читателем» – он становится актером на городской сцене, который и порождает «городской текст» [Вахштайн, 2008, *67*].

Так, например, в романе «Вена. Метрополис» наблюдателями, которые порождают городское пространство, становятся Альфред и Георг: «Толкая друг друга локтями, они шли по освещенной солнцем пустынной улице… Они прошли мимо церкви, стены выкрашены в желтый цвет, барочная деревенская церквушка, стоявшая на небольшом возвышении и как бы доминировавшая над весьма оживленным проспектом. Они переглянулись друг с другом и зашлись смехом:

— Как у нас дома!

— Да, всюду живут люди» [Розай, 2014, *97*].

Перед читателем возникает образ фланера-интерпретатора. Его глазами мы воспринимаем улицы, дома, небольшие кварталы, лица людей, детали их внешности, поведение и манеры; его ушами мы слышим городской шум. Благодаря его слову и восприятию все на страницах романа начинает жить и звучать своей особой жизнью.

Таким образом, одним из способов создания «венского текста» у Петера Розая является наблюдение протагонистов за городом и его описание.

Образ городского пространства в романе «Великое убийство» наполнен механическим движением, которое наиболее репрезентативно отражено в конце книги. Петер Розай создает топографически точное пространство, карту местности: «Вскоре он сел в такси и уехал в направлении Дунайского канала… В четыре тридцать мужчина вышел на Шведенплац… Было без пяти минут пять, когда мужчина сел в такси на углу Ротентурмштрассе… Мужчина остановился в начале Мариахильфештрассе и пошел вверх по улице… На больших часах напротив Штифткирхе было ровно четверть пятого, а шпиль церкви отбрасывал широкую тень посреди улицы» [Rosei, 2009, *130*].

Реальность городской среды у Петера Розая представлена читателю посредством чередования «кадров», а элементы зрительного поля создают узнаваемую картину: изображение зданий, их фасады и очертания, элементы уличного ландшафта (фонари, скамейки, цветочные горшки, информационные щиты и т.д.), огромное количество разнообразных уличных знаков; «кадры» улиц с проходящими мимо пешеходами – все эти детали составляют мозаику городской жизни и ее атмосферу. Визуальное поле с яркими узнаваемыми топонимами совмещается с движением протагонистов

в романе, которые, наблюдая за улицами, площадями, парками, и создают яркую картину городского пространства.

Петер Розай объединяет свой «венский текст» с реальным изображением города на карте, визуально выделяет доминантные точки и прорисовывает маршрут. Это создает многослойное, «выпуклое» городское пространство.

Автор повествования мастерски описывает пространственные координаты места действия, словно он сам прогуливается по улочкам столицы Австрии. Для писателя важно передать эмоциональное восприятие города, его обитателей, показать взаимоотношения субъекта сознания (Улле Альтманн) и объекта изображения (Вена). Пейзаж в романе играет важную роль как дополнительный инструмент для более яркого изображения характеров персонажей. С помощью контраста или соответствия природных явлений чувствам и мыслям героя автор создает более выразительные образы.

В романах Петера Розая «Деньги» («Geld!», 2011) и «Мадам Штерн» («Madame Stern», 2013) «венский текст» представлен лишь фрагментарно. При этом, исследуя элементы изображения городской среды в романе «Мадам Штерн», следует отметить несколько ключевых моментов в изображении Вены. Рассказанная история посвящена экономическому кризису, коррупции и политическим скандалам в Австрии 2008–2011 годов. Главная героиня, Гизела Штерн, родом из небольшого городка, благодаря своей настойчивости и целеустремленности пытается добиться лучшей жизни и благосостояния в Вене. Петер Розай изображает взлеты и падения обыкновенной женщины на фоне крайне коррумпированного общества.

Как отмечает В. Шмидт-Денглер, для создания городского текста характерны «многофункциональность, повторяемость тем и мотивов» [Schmidt-Dengler, 2005, *39*], городской пейзаж отличается масштабностью и грандиозностью видов, которые открываются перед читателями. Он привлекает внимание своей открытостью и акцентом на доминантных архитектурных величинах.

В творчестве Петера Розая город предстает как исторически достоверная картина жизни, а также дается полемическая оценка действительности; авторская ирония, стремление показать черты «городского общества», стиль жизни, изображение структуры города «окраины – центр», социальное расслоение города. И в романе «Мадам Штерн» структура вновь напоминает концентрические круги. По мере повествования мы движемся от периферии к центру. «Сначала идут почти деревенские ряды домов внешнего пригорода, затем районы рабочих кварталов с их серыми казармами, после – буржуазный район с величественными, освященными домами» [Rosei, 2013, *20–21*]. Доминантными точками, благодаря которым образ города «выступает» из романного поля, являются названия улиц. И все, что есть у читателя в данном романе, это подробный маршрут от точки А до точки В. «Она са-

дилась в трамвай, по направлению в город… Там она прогуливалась по торговым улицам, по Кернтнерштрассе, через Грабен, вверх по Кольмаркту и обратно по всему маршруту» [Rosei, 2013, *65*].

Автор обращает внимание на то, что точные указания на местоположение героя в романе могут быть несущественны, так как для читателя важнее узнаваемые топонимы или знаки, которые могут помочь лучше представить обстановку и атмосферу городского пространства. Таким образом, информация о местоположении может быть неважной, если не сопровождается дополнительными деталями, которые помогут создать более яркое представление о происходящем. «Стоял на Мариахильфештрассе, на углу с Нойбаугассе. Информация о местоположении, конечно, мало что дает. С таким же успехом это могло быть в любом другом месте города» [Rosei, 2013, *71*].

Петер Розай пытается создать «читаемый город» – тот, в котором ориентиры, пути, границы и пространства легко определяются, группируются и складываются в целостную картину, очень важную в эмоциональном отношении.

Заключительное произведение в проекте «Венские файлы» – роман «Глобалисты» («Die Globalisten», 2014). Сам Петер Розай говорит про этот роман так: «Язвительная сатира на современное искусство и культуру, которые постоянно служат экономике» [Розай, 2014, *34*]. Действие происходит в разных городах, таких как Вена, Зальцкаммергут, Цюрих, Мюнхен, Берлин, словацкий Кошице и Петербург. Финансисты, ростовщики или спекулянты, протагонисты романа, совершают свои незаконные сделки в самых разных местах: отель «Империал» в Вене, «Астория» в Санкт-Петербурге, банки в Будапеште.

Несмотря на разнообразие топографии, которую представляет Розай, городское пространство Вены в данном романе занимает минимальное место. Детально дано описание внутреннего интерьера кафе «Империал» и нескольких центральных улиц столицы Австрии. И это не случайно, так как впечатление о городе складывается у читателя практически сразу, ведь центральная площадь или знаменитое кафе – это своего рода визитная карточка города. С первых страниц романа перед нами открываются двери роскошного здания «Империала»: «Сцена происходила в Вене, в кафе, в той великолепно обставленной комнате, которая выходит окнами на Рингштрассе… Прямо над господами и их головами висел сказочно украшенный альпийский вал в тяжелой золотой оправе, на столике перед ними стояли маленькие фарфоровые чашечки…» [Rosei, 2014, *6*].

Автор предлагает читателю вслед за героем окунуться в роскошь столицы Австрии и проследовать далее, вглядываясь в детали этого города глазами стороннего наблюдателя. Петер Розай описывает все очень обстоятельно, используя свой опыт и воспоминания, не пропуская ни одной детали, изображая как внутреннее убранство помещения, так и внешний вид здания. И вновь в этом романе возникают семиотические пары «центра и периферии», «света и тени». И тут же мы оказываемся в совершенно другой

Вене, где жителям приходится бороться за существование, ловить рыбу на ужин в реке или подбирать газеты из «помойного ведра», чтобы быть в курсе, что происходит в городе. «Кафе сразу же погрузилось во тьму, со своими стульями и столами, занавесками с дырами от сигарет, облезлыми обоями, грязными половицами. Вместе с кафе исчезает и весь город снаружи, с его улицами и домами, оконными стеклами и высокими стенами, дымоходами… все, все исчезло» [Rosei, 2014, *21*],

Таким образом, исследование проекта «Венские файлы» позволяет увидеть уникальный портрет столицы Австрии, сотканный из множества образов и историй различных персонажей. Автор не только дает читателю возможность погрузиться в многогранный мир города, но и показывает, что каждое здание, улица, кафе или парк имеют свою историю. Описание мельчайших деталей городской среды позволяет ввести понятие «микролокусы», а использование узнаваемых топонимов помогает Петеру Розаю создать реалистичный образ Вены, полный контрастов и противоречий. Каждый локус, каждый персонаж, каждое действие становится важным элементом в создании этого уникального «венского текста». Романы Петера Розая не просто повествуют о жизни города и его обитателей, но и открывают перед читателем новые грани и аспекты столицы Австрии и ее истории. В конечном итоге на высшем уровне в повествовании возникает топос Вены, сам город во всем его многообразии. Образ австрийской столицы конструируется через описания картин города, его запахов, воспоминаний, эмоций, знаний о городе. Абсолютно противоположные интерпретации города зависят от конкретного наблюдателя: является ли он приезжим или местным жителем. Городское пространство, представленное в «Венских файлах» Петера Розая, реализуется посредством создания калейдоскопического образа Вены и достижения целостности художественного образа.

ЛИТЕРАТУРА

Вахштайн В.С. Места большого города: К изучению социальной логики «Охотного ряда» // Прогнозис. 2008. № 4. С. 61–69.

Литвинец Н.С. Предисловие // Розай П. Отсюда – туда. М.: Прогресс, 1982. С. 3–11.

Розай П. Вена. Metropolis. СПб.: Symposium, 2014. 328 с.

Bartens D. «Wir sind alle von irgendwoher angekommen» Zu Peter Roseis Wien Metropolis // Extended Rosei. Klagenfurt: Ritter, 2020. S. 192–213.

Benjamin W. Das Passagen-Werk. Gesammelte Schriften in 7 Bänden. Bd. V. Frankurt am Main, 1991. 1350 S.

Scheiffele E. Das «wunderschöne Detail» und die «allgemeine Verzweiflung» Peter Roseis Landstriche // Basic Rosei. Wien: Sonderzahl Verlag, 2000. S. 44–61

Schmidt-Dengler W. Urbane Polyfonie. Peter Roseis großer Roman «Wien Metropolis» // Der Standart, v. 2.7. 2005. S. 26–27.

Rosei P. Das große Töten. Wien: Residenz Verlag, 2009. 160 S.

Rosei P. Madame Stern. St. Pölten: Residenz Verlag, 2013. 160 S.

Rosei P. Die Globalisten. St. Pölten: Residenz Verlag, 2014. 160 S.

Vogl W. Absolut Wien. Über Peter Roseis Roman «Wien Metropolis». URL: http://review.keioup.co.jp/PaperFolder/pdf/02/2006/0204201.pdf (дата обращения: 12.04.2024).

Weber D. Heimito von Doderer. Studien zu seinem Romanwerk. München: C.H. Beck, 1963. 320 S.

A.S. Safina
Postgraduate Student,
Chair of History of the Foreign Literature,
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

On the Principles of Constructing the «Urban Text» in Peter Rosei's Novel Project «The Vienna Files»

This article examines the concept of the «Viennese text» through the example of the novel project by modern Austrian writer Peter Rosei. It focuses on key toponyms, the structure of the novels, images, and events that recreate the urban space of Vienna. Through analyzing Peter Rosei's «Viennese Text», the author notes that the urban space in his novels is closely linked to reality, social issues, and historical events, with the city itself becoming an active participant in the narrative. The goal of the research is to identify and explore the basic principles behind the construction of «urban texts», which shape the problematic and poetics of the «Viennese text» in Peter Rosei's novels. The novelty of this research lies in its exploration of the concept of «Viennese texts» for the first time through the material of Peter Rosei's modern novel project, «Viennese Files». The results obtained allow us to conclude that the urban space in Peter Rosei's novel is represented through a kaleidoscopic vision of Vienna, which creates a sense of unity in the artistic image.

Keywords: *«Viennese text»; semiotics of the city; Peter Rosei; Austrian novel; flaneur.*

REFERENCES

Vakhstein V.S. Places of the Big City: Towards the study of the social logic of the Okhotny Ryad [Mesta bol'shogo goroda: K izucheniiu sotsial'noi logiki «Okhotnogo riada»]. Prognozis. 2008. No 4. pp. 61–69 (in Russian).

Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose [Sotsiologiia. Ee predmet, metod, prednaznachenie]. Moscow: Canon, 1995. 264 p. (in Russian).

Litvinets N. S. Preface. Rosei P. From here to there [Predislovie. P. Rozai Otsiuda-tuda]. Moscow: Progress, 1982. pp. 3−11 (in Russian).

Lynch K. The image of the city [Obraz goroda]. Moscow: Stroyizdat, 1982. 328 p. (in Russian).

Rosei P. Vienna. Metropolis [Vena. Metropolis]. Saint Petersburg: Symposium, 2014. 328 p. (in Russian).

Abenstein E. «Vienna Metropolis». A physiognomic study of Vienna in narratives [«Wien Metropolis». Eine physiognomische Studie Wiens in Erzählungen]. Available at: http://www.deutschlandradiokultur.de/wienmetropolis.950.de.html?dram:article_id=132728 (accessed on March 26, 2024) (in German).

Bartens D. «We all arrived from somewhere» By Peter Roseis Vienna Metropolis [«Wir sind alle von irgendwoher angekommen» Zu Peter Roseis Wien Metropolis]. *Extended Rosei* Klagenfurt: Ritter, 2020. pp. 192–213 (in German).

Benjamin W. The passage work [Das Passagen-Werk] *Gesammelte Schriften in 7 Bänden.* Bd. V.: Frankurt am Main, 1991. 1350 p. (in German).

Scheiffele E. The «beautiful detail» and the «general despair» of Peter Rosei's landscapes [Das «wunderschöne Detail» und die «allgemeine Verzweiflung» Peter Roseis Landstriche]. *Basic Rosei*. Wien: Sonderzahl Verlag, 2000. pp. 44–61 (in German).

Schmidt-Dengler W. Urban polyphony. Peter Rosei's great novel «Vienna Metropolis» [Urbane Polyfonie. Peter Roseis großer Roman «Wien Metropolis»]. *Der Standart*. Vol. 2.7. 2005. pp. 26–27 (in German).

Rosei P. The great killing [Das große Töten]. Wien: Residenz Verlag, 2009. 160 p. (in German).

Rosei P. Money! [Geld!]. Salzburg: Residenz Verlag, 2011. 167 p. (in German).

Rosei P. Madame Stern. [Madame Stern]. St. Pölten: Residenz Verlag, 2013. 160 p. (in German).

Rosei P. The globalists [Die Globalisten]. St. Pölten: Residenz Verlag, 2014. 160 p. (in German).

Vogl W. Absolutely Vienna [Absolut Wien] *Über Peter Roseis Roman «Wien Metropolis»*. Available at: http://review.keioup.co.jp/PaperFolder/pdf/02/2006/0204201.pdf (accessed on2 April 12, 2024). (in German).

Weber D. Heimito von Doderer. Studies on his novel work [Heimito von Doderer. Studien zu seinem Romanwerk]. München: C.H. Beck, 1963. 320 p. (in German).

Л.Г. Смирнова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81-23

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-72-87

ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЛАГОЛА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: *глагол; оценочный потенциал части речи; категория оценочности; оценочная коннотация; ингерентная оценка; адгерентная оценка; переносное значение; грамматические категории и формы глагола; словопроизводство глагола.*

В рамках выявления специфики выражения оценки словами разных частей речи в статье рассматриваются глагольные лексемы, осложненные оценочными коннотациями. Сравниваются оценочные потенциалы глагола и имен (существительных и прилагательных) в рамках уточнения характера противопоставления в языке двух основных грамматических классов слов. В статье выявляется возможность корреляции между семантическими и грамматическими характеристиками глагольных лексем и их способностью включать оценочный компонент значения. Отмечается отсутствие общеоценочных глаголов, предрасположенность глаголов передавать деонтическую оценку, появление оценочной коннотации в переносном значении глагола. Указывается на возможность появления оценки определенного знака в группе глаголов, объединенных отдельными компонентами значения. Отмечается оценочная маркированность некоторых глагольных словосочетаний.

Определяется возможность передачи прагматического оценочного сигнала с помощью определенных форм глагола (императива, безличных глаголов, страдательных причастий). Рассматриваются особенности внесения

коннотаций с помощью приставок. Отмечается связь между оценочной маркированностью и видом глагола, способом глагольного действия. Указываются группы несоотносительных по виду глаголов, включающих оценочные коннотации. В процессе выявления и описания оценочно маркированных глагольных форм используются элементы функционально-семантического, компонентного, стилистического, таксономического анализа.

Широкая семантическая категория оценочности представлена в русском языке системой самых разнообразных языковых средств и приемов, способных организовывать прагматику высказывания. При выражении оценочных интенций говорящего семантика используемых языковых единиц находится в тесном взаимодействии с грамматическим оформлением отдельных слов и всей структуры предложения. В связи с этим изучение феномена языковой оценки в семантическом, функционально-грамматическом и когнитивно-прагматическом аспектах предусматривает анализ не только смысловых, но и формально-грамматических приемов создания оценочных высказываний. В этом плане важным представляется рассмотрение оценочного потенциала грамматических категорий и форм.

Реализуя квалифицирующую функцию языкового знака, оценка определяет предмет речи по признаку *хороший / плохой*, *должный / не должный*, причем в большинстве случаев она представляет точку зрения говорящего. Исследователи языковой оценки используют понятие *оценочный предикат*, хотя оценка не обязательно сосредоточена в предикативной части высказывания. В составе предиката часто используются имена (существительные и прилагательные), по мнению исследователей, слова именно этих частей речи прежде всего создают оценочную прагматику высказывания [Арутюнова, 1988; Маркелова, 1996 и др.].

Однако, как известно, предикативная функция – это прежде всего функция глагола. Каким образом оценку того или иного явления действительности может передавать глагол? Цель данной статьи – рассмотреть оценочный потенциал глагола, определить взаимосвязь семантических и грамматических характеристик глагола с возможностью использования глагола в оценочной функции, предположить наличие корреляции между некоторыми грамматическими категориями и формами глагола и способностью слов и форм этой части речи включать оценочную семантику.

Сравнение особенностей функционирования глагола и имен как оценочных знаков является частным случаем сопоставления роли этих частей речи в языке. Семантические, грамматические, функциональные особенности имени и глагола в том или ином языке во многом определяют сам характер языка. Как отмечают исследователи, «к числу философских проблем языкознания можно отнести и вопрос приоритета имени перед глаголом или наоборот» [Лазарев, 2022].

Русский глагол – наиболее сложно организованная часть речи с точки зрения грамматики. Традиция его исследования в русской лингвистике насчитывает много десятилетий. При изучении глагола лингвисты преимущественно обращались к анализу его категорий и форм (работы А.А. Потебни, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, А.В. Исаченко и др.), меньше внимания уделялось семантической организации глагольной системы, в том числе оценочной маркированности отдельных групп глагольных лексико-семантических единиц (ЛСЕ). В рамках данной статьи обратимся в первую очередь к вопросу о том, какого типа оценку могут выражать глагольные формы, существует ли принципиальное различие в этом плане между глаголами и именами.

Характер оценки, которую могут выражать глагольные ЛСЕ. Ю.Д. Апресян определил слово с оценочным компонентом значения как скрытый прагматический сигнал «отнесись хорошо» или «отнесись плохо», который, говорящий посылает адресату сообщения в процессе речевого акта [Апресян, 1995, *159*]. В равной мере оценочная номинация может быть отнесена к лицу (*симпатяга, негодяй*), предмету (*раритет, рухлядь*), признаку (*вдохновляющий, мерзкий*), а также к действию (*восхищать, балаганить*).

Глаголы, включающие оценочную коннотацию, составляют достаточно обширный пласт в системе языка, вполне сопоставимый с именными оценочно маркированными единицами (не менее четырех с половиной тысяч ЛСЕ, по нашим наблюдениям), однако оценочный потенциал глаголов изучен меньше, чем соответствующий потенциал других именующих слов. Показательно, что в Национальном корпусе русского языка оценка как важный семантический признак лексических единиц указывается только для имен (существительных, прилагательных) и наречий. Глагольные лексемы, по логике составителей Национального корпуса, оказываются не вовлеченными в сферу оценочной семантики [Национальный корпус русского языка]. Оценочный потенциал глаголов частично определяется в словаре глагольной лексики, однако далеко не все глаголы с оценкой в этом источнике отмечены [Толковый словарь русских глаголов, 2007].

Как известно, оценочность как языковая семантическая категория является антропоцентричной. Ресурсы языка дают возможность оценивать человека как с точки зрения его качеств (внешних, а в большей мере внутренних), так и с точки зрения его действий, поступков, которые могут соответствовать конвенциональным морально-нравственным установкам или нарушать их. Поступки человека находятся в сфере действия его воли, поэтому они оцениваются коллективным языковым сознанием строже, чем некоторые качества человека, которыми он наделен «от природы». Это положение подтверждается оценочной асимметрией: отрицательно маркированные глаголы, по нашим наблюдениям, троекратно превосходят глагольные единицы с положительной коннотацией.

Значимость глагольных лексем в создании оценочной прагматики высказывания усиливает то обстоятельство, что глаголы всегда занимают позицию предиката, входят в рематическую часть высказывания, что, несомненно, актуализирует оценочную информацию: *Они войдут и разбредутся, // Навалят на спины кули. // И в желтых окнах засмеются, // Что этих нищих* ***провели*** (А.А. Блок «Фабрика»).

Характер оценки, выражаемой глагольными ЛСЕ, может быть чрезвычайно разнообразным. Самым распространенным типом является оценка *аксиологическая*, квалифицирующая номинируемое действие или состояние в соответствии с признаковой шкалой *хорошо / плохо*: *выигрывать, содействовать, побеждать, наслаждаться – заболевать, увиливать, растлевать* и др. Кроме того, многие глагольные лексемы содержат деонтическую оценку, дающую квалификацию явления в соответствии со шкалой *должно / не должно*: *подобает, приходится, полагается, следует, надлежит.* Именно глаголы (в большей степени, чем имена) указывают на то, что следует делать человеку и с человеком. Не случаен тот факт, что многие глаголы обладают потенциальной деонтической оценкой: *учиться, работать, совершенствоваться, трудиться, помогать, содействовать, воспитывать* и т.д. В некоторых случаях глаголы демонстрируют определенное противоречие аксиологической и деонтической оценок: лексемы *наказывать, карать, казнить* и другие подобные однозначно не могут определяться наречием *хорошо*, однако сочетаются с безличной формой *следует*: *следует наказать, пресечь, покарать* и др.

Оценка в глаголах может быть *амбивалентной*, то есть способной реализовываться в разных контекстах с противоположными знаками. Так, глагол *рисковать* («поступать неблагоразумно, опрометчиво») в соответствии со словарным толкованием маркирован отрицательно, однако в речевом стереотипе *Кто не* ***рискует****, тот не* ***пьет шампанского*** тот же глагол включает положительную коннотацию. Показательно, что в качестве синонимов к названному глаголу в «Толковом словаре русских глаголов» приводятся положительно коннотированные слова *дерзать, отваживаться, осмеливаться* [Толковый словарь русских глаголов, 2007].

Оценка в глаголах может быть *языковой, узуальной*, характерной для лексической единицы в системе языка: *содействовать, созидать – урвать, ограбить, увиливать*. Подобную оценку называют также *ингерентной,* знак ее (положительный или отрицательный) однозначен для носителей языка. Оценочный компонент в глагольной лексеме может быть также *потенциальным* – положительным (*ремонтировать, отлаживать, раскрываться, шириться*) или отрицательным (*убавлять, убывать, кочевать*). Такая оценка чаще реализуется как адгерентная (речевая, окказиональная), причем в контексте лексема может менять характер оценочной коннотации.

Например: *Очень* ***вырос*** *в целом мире // Гриппа вирус – три-четыре! – //* ***Ширится, растет*** *заболевание* (В.С. Высоцкий «Утренняя гимнастика»).

Потенциальная оценка может эксплицироваться и в изолированном употреблении. Например: *Он работает* (ср. *Он нигде не работает*); *Он пьет* (употребляет алкогольные напитки). В данном случае изолированное употребление является своеобразной позицией оценочной экспликации.

Ингерентная оценка в глаголе может быть *понятийной* (отрицательно или положительно характеризующей само действие или состояние – *совершенствовать*, *воровать, разложиться* (о моральном облике человека) и стилистической (передающей отношение говорящего к нейтральному действию или состоянию – *есть, вкушать, лопать, давиться, чавкать*). Стилистическая оценка в глаголах в основном выражается с помощью оценочно маркированных синонимов к нейтральному слову: ***спать –*** *почивать, вздремнуть, дрыхнуть, храпеть.* Синонимические пары или ряды глаголов могут включать единицы с разной оценочной маркированностью: *действовать* – ***орудовать***; *привыкнуть, взять в обыкновение* – ***повадиться****, заниматься каким-либо делом* – ***подвизаться*** *на стезе* (ирон.)*, болтать* – ***трепаться*** и т.д. Однако гораздо чаще ингерентная оценка определенного знака присуща всем единицам синонимического ряда: *терзать, мучить, изводить, надругаться, издеваться* и т.п.

Кроме обычных скрытых прагматических сигналов «отнесись хорошо» или «отнесись плохо», которые говорящий направляет адресату сообщения с помощью оценочно маркированных слов, глаголы могут содержать также скрытый императив *отнесись с сочувствием*. Подобный сигнал передают глагольные лексемы *переживать, страдать, отчаяться, оплакивать, рыдать, бедствовать, перебиваться, горевать, тосковать, чахнуть, слабеть, изболеться* и др.

Важное отличие глагола от имен заключается в том, что среди глагольной лексики нет общеоценочных слов (ср. *хороший, плохой, молодец, красавчик* (жарг.), *дрянь* и др.). Практически все глаголы являются частнооценочными единицами, содержащими наряду с оценкой понятийный компонент (*вылечить, воодушевить, разбить, отругать*). Некоторые инфинитивы глаголов могут употребляться в разговорной речи, просторечии и жаргоне в качестве междометий, выражающих экспрессивную оценку говорящим сложившейся ситуации, какого-либо явления, лица: *обалдеть, ошалеть, офигеть, охренеть, офонареть*. В этой же функции используется форма глагола *зашибись*. Оценка ситуации зависит от эмоций говорящего, чаще она мелиоративная. Формы прошедшего времени, соответствующие приведенным выше инфинитивам, могут быть использованы в качестве отрицательной реакции говорящего на какие-либо действия. Фразы типа *Вы что, совсем* ***обалдели (ошалели*** и др.)*?* выражают пейоративную оценку говорящим поведения лиц. Например: *В миг расставания, в час платежа, // в*

день увяданья недели // чем это стала ты нехороша? // Что они все, одурели?! (Б.Ш. Окуджава «Прощание с новогодней елкой»). Однако в подобной общеоценочной функции глагол используется как междометный сигнал положительной или отрицательной эмоции, но не как лексема, обозначающая действие или состояние.

Глаголы *улучшать – улучшить (улучшаться – улучшиться)* и *ухудшать – ухудшить (ухудшаться – ухудшиться)* передают изменение состояния лица, общего положения дел с точки зрения оценочной квалификации говорящего. В целом же общеоценочная функция для глагола нехарактерна.

Семантические особенности, определяющие возможность включения глаголами оценочных коннотаций. Появление оценочного компонента в значении глагола во многом обусловлено семантическими и грамматическими особенностями слов этой части речи. Обозначение глаголом действий субъекта предполагает в ситуации конкретного речевого акта явное или неявное сообщение о мотивировках того или иного действия, иллокутивных интенциях говорящего. Эта информация чаще всего оценочно маркирована и отражает либо точку зрения субъекта речи, либо надсубъектную оценку с позиции «объективной истины». Но и в том и в другом случае глагол (основной способ выражения предиката) может содержать оценочную коннотацию. Так, убедительную аргументацию в защиту положения об оценочности глаголов *заявить* и *объявить* содержат рассуждения М.Я. Гловинской [Современный русский язык, 2010, *144*].

Как уже упоминалось выше, круг глаголов, семантика которых включает оценочный компонент, очень широк, причем в системе языка преобладают глаголы с пейоративной оценкой (*предавать, доносить, портить, губить – восстанавливать, умилять, украшать*). Характерной чертой глагола является то, что оценочный компонент нередко появляется в *переносном значении* лексем (преимущественно это метафорический перенос): *расцвести от счастья, выстроить семью, пригреть сироту – зажать в угол, сожрать конкурентов, заболтать проблемы, убить надежду* и т.д. Данная особенность наблюдается у глаголов разной стилистической окраски. Так, появление негативной оценки у ряда жаргонных глаголов отмечает Р.И. Розина [Современный русский язык, 2010, *107*]. Говоря о жаргонной речи, можно отметить многочисленные примеры метафорического переноса значений: *зажигать* («заряжать эмоциями», в другом значении «прожигать жизнь, привлекая к себе внимание эксцентричными поступками»), *гнать* (на кого-либо) («выдвигать ложные обвинения»), *опускать* («унижать»), *париться* («беспокоиться, тревожиться»), *задрать* («надоесть, привести в состояние крайнего раздражения»), *достать* («утомить, надоесть»), *грузить* («обременять своими проблемами»), *наезжать* («предъявлять претензии»), *пролететь* («не получить ничего»), *мочить* («убивать»). Стилистически сниженные глагольные единицы используются в современных массмедиа

как яркие маркеры оценочного отношения говорящего: *Но потом всем скомандовали идти на фотографирование, и все* ***ввалились*** *в кабинет, где на диванчике сидели Владимир Путин и Сирил Рамафоса…* (https://www.kommersant.ru/doc/6053869, дата обращения: 09.02.2024).

Переносные значения глаголов с оценочной коннотацией активно употребляются в разговорном, художественном, политическом дискурсах. Например, *Видно, в детстве, слепые щенки, // Мы, волчата, сосали волчицу // И* ***всосали*** *– «Нельзя за флажки!»* (В.С. Высоцкий «Охота на волков»); *По сути, проводя огромную эмиссию, <…> они (западные страны), как пылесосом,* ***сметали*** *с мирового рынка все продовольственные товары в свою пользу…* (https://www.kommersant.ru/doc/6053869, дата обращения: 09.02.2024).

Оценочный компонент с одинаковым знаком может присутствовать у группы глаголов, объединенных какой-либо особенностью семантики. Например, пейоративная оценка свойственна большинству переносных значений глаголов, имеющих семы «закрытия» (*закрытие* чего-либо ассоциируется с негативной оценкой) и даже некоторым ЛЕ с семой «открытия» (*открытие*, наоборот, чаще ассоциируется с позитивной оценкой): *блокировать, заграждать, закрывать, замыкаться, запирать, запираться, затворяться, затыкать (рот), захлопываться, изолировать, огораживать, преграждать – взламывать, отпираться, вспарывать, отдергивать, распускаться.* Лексемы с компонентом мелиоративной оценки представлены в этой группе слов гораздо уже: *заслонять, заслоняться, преграждать (дорогу неприятелю) – открывать, открываться, отворять, отпирать, распахивать (душу), разжимать, расцветать.*

Очень активно употребляются в переносном значении глаголы движения, которые можно считать одной из самых значимых лексико-семантических групп глаголов. Не случайным является тот факт, что ряд глаголов движения (однонаправленные и ненаправленные глаголы) имеет особенности своего грамматического оформления в русском языке. [Кенжебекова, Сабитова, Ибраева, 2021]. Переносные значения самых разных по семантике глаголов движения могут передавать действия человека в разнообразных сферах. Так, они характеризуют межличностные отношения людей: *сближаться, расходиться, сходиться, вползать в душу, ускользнуть от наказания, равняться (на кого-либо)*; эмоциональные состояния: (*мысли*) *лезут в голову, тоска накатила*. Одни лексемы содержат оценку как в прямом, так и в переносном значении (*ронять вещь – ронять авторитет*). Другие – только в переносном: *доносить (на кого-либо), гнать (на кого-либо)* (жарг.), *съезжать (с катушек)* (прост.). Приведем пример оценочного употребления глаголов движения в переносном значении*: Как выяснилось, – продолжил господин Путин, – западные страны и власти предержащие в Киеве нас* ***водили*** *просто за нос, потом объявили практически публично, что не*

будут придерживаться наших мирных договоренностей, и фактически ***вышли*** *из этого мирного процесса* (https://www.kommersant.ru/doc/6053869, дата обращения: 09.02.2024).

Интересно использование лексем, которые в прямом значении относятся к глаголам, тем или иным образом характеризующим животных. Такие единицы в широком смысле образуют группу зооморфных метафор и в абсолютном большинстве случаев в переносном значении используются для негативной характеристики человека. Например, *сползаться, рыскать, петлять, реветь, блеять, мяукать, брыкаться, пастись* и др. Например: ***Паситесь****, мирные народы! // Вас не разбудит чести клич* (А.С. Пушкин «Свободы сеятель пустынный…»).

Особенно яркая пейоративная коннотация свойственна глаголу *ползти (ползать)* и его дериваты (*приползать, сползаться, подползать, вползти, заползти* и др.), поскольку этот глагол содержит стойкую ассоциацию с движением пресмыкающихся – *змеи, гадюки, гада* (эти существительные при номинации человека содержат резко отрицательную оценку). Из всех глаголов, входящих в группу зооморфных метафор, только лексемы, обозначающие действия птиц, могут содержать мелиоративную оценку: *щебетать, ворковать, порхать, вспорхнуть* и т.д.

Наличие оценочного компонента в семантике глагольной лексемы очень часто определяется сочетаемостью слова. Некоторые глаголы эксплицируют оценочную семантику только в составе словосочетаний, по существу, оценку включает все словосочетание в целом. Часто в этих словосочетаниях глагол является семантически недостаточным: *впадать в маразм, подступает печаль, сходить (со сцены), подкатывает комок к горлу, наводить ужас, причинять неудобства, преисполняться энтузиазмом, настраиваться на хороший лад.* Нередко в оценочно маркированных сочетаниях глагол используется в переносном значении: *запудривать (мозги), застилать (глаза), коптить (небо), крыть (матом), лакировать (действительность), мылить (голову), обагрять (кровью), обрастать (корой)*.

Таким образом, общая глагольная семантика действия или состояния во многих случаях может осложняться оценочной коннотацией. Оценка может быть присуща прямому значению глагола, но чаще она реализуется в переносном значении лексемы. Оценка определенного знака может быть обусловлена включением в семантику глагола конкретной семы. Оценочно маркированным может быть глагольное словосочетание.

Предметом данной статьи не является подробная классификация оценочно маркированных глаголов в системе языка, ограничимся здесь самыми общими замечаниями. Поскольку языковая оценка антропоцентрична, большая часть глагольных лексем, как и других оценочно маркированных именующих слов (существительных, прилагательных, наречий), объединена семантической сферой «Человек, его деятельность, социальная жизнь,

внешние и внутренние (духовные, моральные, психологические) качества». Отметим, что слова с пейоративной оценкой почти троекратно превышают лексемы с мелиоративной оценкой. Среди глаголов шире, чем среди имен и наречий, представлены слова с деонтической оценкой, обозначающие *должные* и *недолжные* действия человека и демонстрирующие *дидактизм* языка. Глаголы с оценочной коннотацией, относящиеся к сферам «Живая природа» и «Неживой материальный мир», представлены в незначительном количестве. Они могут обозначать стихийные природные явления (*разрастаться, плодоносить – затоплять, заболачиваться, зарастать (сорняками), обмелеть, засохнуть*), а также процессуальные признаки, связанные с неживой природой, но значимые для человека (*починить, исправиться, скорректировать, функционировать – испортиться, глючить* (жарг.), *рухнуть* (*о компьютере*) (жарг.) и др.

Грамматические особенности, определяющие возможность включения глаголами оценочных коннотаций. Глагол – наиболее сложно организованная часть речи русского языка, она включает в свою парадигму наибольшее количество грамматических форм. Причем у многих глаголов, обладающих так называемыми *дефектными парадигмами*, отсутствуют некоторые формы. С морфологическим разнообразием глагольных лексем отчасти связан тот факт, что оценочное значение может быть соотнесено с *определенными грамматическими формами* и теми синтаксическими конструкциями, в которых эти формы выступают.

С точки зрения выражения оценки весьма важной является форма императива, поскольку она непосредственно обозначает интенцию говорящего по отношению к адресату сообщения. Некоторые стилистически маркированные слова (разговорные, просторечные, жаргонные) содержат компонент оценки (исключительно негативной) в форме повелительного наклонения: *катись, проваливай, вали, отвянь, пошел ты.* В других случаях экспрессивные нечленимые предложения оценочного характера в жаргонной речи включают формы инфинитива (*Офигеть!; Офонареть!*) или личные формы настоящего времени (*Я тащусь; Зашибись!*). С оценочным значением выступает форма прошедшего времени *обрыдло* (чаще в среднем роде *все обрыдло* («сильно надоело, опротивело, опостылело») при неупотребительности инфинитива и других форм просторечного глагола *обрыднуть*. Негативную оценку лицу дает устойчивое выражение с просторечным глаголом в форме будущего простого времени *За копейку* ***задавится (задавятся)***. Глагольная форма указывает на потенциальную возможность лица совершить определенное действие в будущем как характеристику его настоящего качества (скупости).

Коррелирует с оценкой употребление глаголов в безличном значении: *Мне* ***везет***; *Машину* ***ведет***; *С души* ***воротит***; ***Отлегло*** *от сердца*. В последние годы в разговорном и публицистическом дискурсах стало частотно выражение ***Понаехало*** *здесь всяких*, включающее безличное употребление формы

прошедшего времени или личной формы, соотносимой с неопределенным субъектом (вариант – сказуемое в неопределенно-личной конструкции – *понаехали*). Например: …*национализм часто проявляется по отношению к жителям бывших союзных республик. Одна из самых распространенных фраз в столице: «**Понаехали** тут!»* (В. Оберемко. Н. Струве. В России много праведников. АиФ, 21.10.09). С пейоративной оценкой используется также субстантивированное причастие *понаехавшие*. Оценочная коннотация создается в том числе с помощью сложной глагольной приставки *пона-*, придающей глаголу значение «сделать что-л. в превышающем норму количестве».

В последнее время популярным стало ироническое выражение, которое обычно используется для оценки профессиональных достижений честолюбивого дебютанта. Так, несостоятельность литературного произведения отмечают ироническим комплиментом с использованием имени классика *Шекспир (Гомер, Пушкин и т.п.)* ***отдыхает***, причем глагол употребляется в форме 3-го лица единственного числа настоящего времени. Приведем в пример название поэтического сборника: *Алексей Цветков «Шекспир отдыхает». СПб.: Пушкинский фонд, 2006* (http://www.vavilon.ru/texts/tsvetkov2.html, дата обращения: 09.02.2024).

Компонент оценки могут включать причастные формы, из которых для передачи оценочного сигнала говорящего чаще всего используются *страдательные причастия прошедшего времени*, наиболее частотные в разговорной речи. Некоторые отрицательно маркированные стилистически окрашенные слова чаще всего функционируют именно как полные или краткие причастия страдательного залога: *замотанный, затурканный, зашуганный, забитый, убитый* (жарг. «усталый, обессиленный» (человек)). Частотны эти формы в художественном и публицистическом дискурсах: *Все **расхищено, предано, продано**, / Черной смерти мелькало крыло, / Все голодной тоскою **изглодано**, / Отчего же нам стало светло?* (А.А. Ахматова «Все расхищено, предано, продано…»); *Так африканская миссия была раз и навсегда **провалена*** (https://www.kommersant.ru/doc/6053869, дата обращения: 09.02.2024).

Особым вопросом является передача оценочного сигнала говорящего с помощью отглагольных существительных. Такое «перераспределение» оценки весьма характерно для политического дискурса: *Однако бороться с угрозой нужно размеренно и постепенно, не прибегая к **блокировкам** информационного поля и непрекращающемуся «**закручиванию** гаек», уверены эксперты* (https://www.kommersant.ru/doc/6495117, дата обращения: 09.02.2024).

Если говорить о связи оценочной семантики глагола с определенной грамматической категорией, то назовем прежде всего категорию *вида*. В «Грамматике-80» отмечается: «Морфологические категории глагола находятся в разных отношениях с лексическими значениями слов, с лексико-грамматическими разрядами. Наиболее тесно связаны с лексикой категории вида и

залога. Для них характерно широкое распространение непарных образований: таковы несоотносительные глаголы несовершенного или совершенного вида, не образующие видовых пар…» [Русская грамматика, 1980, т. 1, *582*].

Коннотативный потенциал глагольных лексем связан с категорией вида и с отнесенностью слов к лексико-грамматическим разрядам, называемым *способами глагольного действия*. Употребление глаголов в форме только одного вида – несовершенного или совершенного – часто предполагает наличие семантической общности слов, причем семантика может быть осложнена оценочным компонентом. Например, соответствующую коннотацию имеют некоторые группы непредельных глаголов *несовершенного* вида. Так, лексемы, обозначающие эмоциональное отношение, могут включать как мелиоративную оценку (*боготворить, благоговеть, обожать, почитать, восхищаться, ценить*), так и пейоративную (*ненавидеть, презирать, гнушаться, недолюбливать*). Среди глаголов со значением физических и психологических состояний преобладают слова, называющие болезненные, некомфортные состояния человека: *горевать, страдать грустить, скорбеть, унывать, переживать, психовать* (прост.), *мучиться, томиться* и др. (ср. *блаженствовать, благодушествовать, радоваться, бодриться*).

Отрицательную коннотацию часто содержат глаголы, включающие суффиксы *-ича-, -нича-, -ствова-, -ирова- (пакостничать, паскудничать, подличать, обезьянничать, паразитировать)*, они обозначают проявления различных свойств человека.

В соответствии с общеязыковой асимметрией пейоративная оценка в различных группах глаголов представлена гораздо шире мелиоративной. Так, отрицательная коннотация присутствует в непредельных несоотносительных глаголах несовершенного вида, называющих перманентное действие (движение без цели, суетливые действия): *блуждать, болтаться, бродить, слоняться, кочевать, метаться, мотаться.* В переносном значении некоторые глаголы имеют значение «вести аморальный образ жизни»: *таскаться, шляться.*

Несоотносительные глаголы несовершенного вида со значением становления признака, включающие суффикс *-е-*, в зависимости от оценочной маркированности корня могут включать как мелиоративную коннотацию (*молодеть, стройнеть, хорошеть, здороветь*), так и пейоративную (*слабеть, хиреть, тускнеть*). Для этого способа глагольного действия характерны окказиональные образования (преимущественно отрицательно маркированные): *хилеть, бронзоветь* («приобретать представление о собственном величии»), *нуднеть, стерветь, свинеть* и т.д.

Достаточно последовательно проявляется оценочная маркированность в группах несоотносительных глаголов *совершенного* вида. Так, в глаголах с суффиксом *-ну-* (по стилистической окраске разговорных и просторечных), обозначающих кратковременные результативные действия

(одноактный способ действия), эксплицируется обычно пейоративная оценка: *сказануть, долбануть, пырнуть, ругнуть, турнуть, пальнуть.* По этой модели образуются окказиональные формы типа *брехануть, голоснуть, блефануть, спекульнуть, критикнуть*. Глаголы с приставками *при-, вз-, с-* и суффиксом *-ну-* объединяются уменьшительно-смягчительным способом действия. Они включают пейоративную. оценку с ослаблением интенсивности ее проявления: *прилгнуть, взгрустнуть, приволокнуться, сбрехнуть, сболтнуть, струхнуть* («слегка струсить»).

Значение результата действия у несоотносительных глаголов совершенного вида может быть осложнено оценочной коннотацией. Чаще это отрицательный результат: *прозевать, вспылить, осунуться, провиниться, достукаться*; реже положительный результат – *уразуметь, опомниться, домчаться*. Некоторые глаголы реализуют оценочное значение только (или чаще всего) в формах одного вида. Например, слова *докатиться (до жизни такой), сотворить (что-либо непотребное)* употребляются чаще, чем формы несовершенного вида *докатываться (до жизни такой), творить (что-либо непотребное)*.

Как известно, при традиционно исходной форме несовершенного вида самый распространенный способ перфективации в русском языке – это префиксация. Русские приставки чрезвычайно разнообразны, причем многие из них могут в сочетании с семантикой глагольного корня создавать оценочную коннотацию производного слова. Отметим, что, в отличие от имен, легко соединяющихся с заимствованными префиксами, с глаголами сочетаются преимущественно исконные приставки [Современный русский язык, 2010, *212*]. «Вклад» приставок в создание оценочной семантики производного слова наглядно демонстрирует следующий анекдот: *Социологический опрос в России. Чтобы отнести вас к определенной категории населения, ответьте, пожалуйста, на короткий вопрос. В настоящий момент вы: а)* ***доживаете****; б)* ***выживаете****; с) живете; д)* ***наживаетесь****?* Нейтральное с точки зрения оценки слово *жить* противопоставлено оценочно маркированным глаголам *доживать, выживать, наживаться*. Если глагол *наживаться* содержит отрицательную деонтическую оценку (наживаться *плохо, не должно*), то глаголы *доживать, выживать* передают прагматический сигнал *отнесись с сочувствием*.

Часто оценочная коннотация появляется в результате ассоциаций с определенными выражениями. Так, оценки противоположных знаков демонстрируют глаголы из реплики товарища Огурцова, прозвучавшей в фильме Э. Рязанова «Карнавальная ночь»: *Надо, чтобы она (песня)* ***вела****, но не* ***уводила***. Оценки выявляются здесь на основе ассоциаций с выражениями *вести к новым свершениям, уводить от главного.*

Приставки в большинстве случаев меняют вид глагола и определяют характер действия, это, например, относится к глаголам движения, которые могут содержать оценочную коннотацию одного типа как в прямом, так и в

переносном значении в отдельных лексико-семантических вариантах (ЛСВ): 1) *наезжать* (столкнуться при езде, сбить при езде); 2) *наезжать* (жарг.) (предъявлять к кому-либо претензии).

Приставка может вносить оценочную коннотацию определенного характера в глаголы, имеющие общие семы. Например, глаголы *добежать, добраться, домчаться, достичь, доплестись, доползти, дотащиться* включают положительную коннотацию, связанную со значением «достичь конечного пункта движения», причем последние три глагола, объединенные семой «двигаться с усилием», передают прагматический сигнал «отнесись с сочувствием».

Если корень глагольной лексемы содержит оценочную коннотацию определенного знака, то она обычно сохраняется и в приставочных дериватах (*бить – избить, убить, побить, отбить; трепать – истрепать, затрепать*); если корень нейтрален, то префиксы могут вносить компонент оценки разных знаков: *размыслить* («обдумать») – *домыслить* («выдумать» – ср. *домысел*); *откормить* («хорошо питать, устранить болезненную худобу») – *раскормить* («избыточно питать, сделать болезненно толстым»). Если префикс обозначает отклонение от нормы, то глагольная лексема приобретает отрицательную коннотацию: *недоделать, недостроить, перестараться, пережарить*.

В отдельных случаях оценочную коннотацию включает производный возвратный глагол при нейтральности производящего слова, чаще оценка свойственна переносному значению лексемы. Например: *прикладывать – прикладываться* (*к рюмке* – «попивать»); *выметать – выметаться* (чаще всего в речи используется оценочно маркированный императив – *выметайся!*); *докатить – докатиться (до жизни такой)*. Производные, образованные с помощью постфикса -*ся*, могут содержать оценку противоположного знака по отношению к производящему глаголу: *привязать (кого-либо к себе) – привязаться (к кому-либо)* (отрицательная коннотация меняется на положительную). Возможно обратное соответствие: *приспосабливать (что-либо для чего-либо) – приспосабливаться* (положительная оценка меняется на амбивалентную, конкретный знак ее реализуется в контексте, ср. *приспособленец*).

Таким образом, появление оценочного компонента в глагольной лексеме в большей мере, чем у имен, может быть связано с ее грамматическими характеристиками. Некоторые глагольные формы (императив, безличные формы, страдательные причастия) обладают бОльшей оценочной валентностью, чем, например, спрягаемые формы. Оценочный компонент значения глагола может формироваться также с помощью приставок.

Подводя общий итог, отметим, что глагол обладает значительным оценочным потенциалом, основывающимся как на семантических, так и на грамматических особенностях слов этой части речи. Говоря о семантическом аспекте, следует отметить регулярность появления оценочного компо-

нента в ЛСВ с переносным значением, наличие сходной оценочной коннотации в группах глаголов, объединенных общей семой и общим формальным показателем (например, приставкой). Своеобразие глаголов проявляется в корреляции формальных, грамматических характеристик глаголов с их способностью передавать оценочный прагматический сигнал говорящего. Наличие оценочной семантики коррелирует с видом глагола, с различными способами глагольного действия, с категориями лица, наклонения, отчасти залога. Таким образом, особенности глаголов с оценочной семантикой уточняют характер противопоставленности в языке двух основных грамматических классов слов – глаголов и имен.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. 2-е изд. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. С. 156–177.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.

Кенжебекова Р.С., Сабитова Л.С., Ибраева Б.М. Об изучении глаголов движения в разносистемных языках // Вестник Карагандинского университета. Серия: Филология. 2021. № 3. С. 93–101.

Лазарев А.И. Философия глагола: категория времени в общей и частной грамматиках // Журнал филологических исследований. 2022. Т. 7, № 2. URL: https://naukaru.ru/ru/nauka/article/51491/view#article-text (дата обращения: 09.02.2024).

Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с.

Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru.

Русская грамматика. В 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 783 с.

Современный русский язык. Система – норма – узус. М.: Языки славянских культур, 2010. 480 с.

Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л.Г. Бабенко. М., 2007. 574 с.

L.G. Smirnova
PhD in Philology, Doctor, Associate Professor,
Chair of the Russian Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Evaluative Potential of Verb in the Russian Language

In this article verbal lexemes endowed by evaluative connotations are examined in the scope of research of evaluative expressions through various parts of speech. The evaluative potentials of verbs, nouns and adjectives are compared in order to clarify the nature of the opposition in the language of the two main word classes. The article reveals the possibility of a correlation between the se-

mantic and grammatical characteristics of verbal lexemes and their ability to include an evaluative component of meaning. Such peculiarities are noted: The absence of generally evaluative verbs, the predisposition of verbs to convey deontic evaluation, and the appearance of evaluative connotation in the figurative meaning of the verb. The possibility of the appearance of an evaluation of a certain sign in a group of verbs united by individual components of meaning is indicated. The evaluative markedness of some verb phrases is noted.

It is determined the possibility of transmitting a pragmatic evaluative signal by using certain verb forms (imperative, impersonal verbs, passive participles). The features of introducing connotations using prefixes are considered. There is a connection between evaluative marking and the type of verb, the method of the verbal action. Groups of verbs which haven't got aspectual distinction and have evaluative connotations are indicated. Methods of functional-semantic, componential, stylistic, and taxonomic analysis are used in the process of identifying and describing evaluatively marked verbal forms.

Keywords: *verb; evaluative potential of a part of speech; category of evaluation; evaluative connotation; ingrain evaluation; contextual evaluation; figurative meaning; grammatical categories and forms of the verb, verb word-formation.*

REFERENCES

Apresyan Yu.D. Connotation as part of the pragmatics of a word [Konnotacziya kak chast` pragmatiki slova]. *Integral description of language and systemic lexicography.* Selected works. Vol. 2. The 2nd adition. Moscow : Vostochnaya literatura RAN, 1995. pp. 156−177 (in Russian).

Arutyunova N.D. Types of Langugage Meanings. Evaluation. Events. Facts [Tipy yazykovyh znachenij. Moscow: Nauka, 1988. 341 p. (in Russian).

Kenzhebekova R.S., Sabitova L.S., Ibraeva B.M. On the problems of the study of motion verbs in structurally different languages [Ob izuchenii glagolov dvizheniya v raznosistemny`kh yazy`kakh]. *Bulletin of Karaganda University.* Series «Filology». No 3. 2021. pp. 93−101 (in Russian).

Lazarev A.I. Philosophy of the verb: the category of tense in general and particular grammars [Filosofiya glagola: kategoriya vremeni v obshhej i chastnoj grammatikakh]. *Journal of Philological Research.* Vol. 7. No 2. 2022. (in Russian).

Markelova T.V. The Semantics of Evaluation and the Means of Its Expression in the Russian Language [Semantika ocenki i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke]. *Abstract of the dissertation ... doctor of Philology.* Moscow, 1996. 47 p. (in Russian).

National corpus of the Russian language [Nacional'nyj korpus russkogo jazyka]. Available at: http: // www.ruscorpora.ru

Russian Grammar. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology [Russkaia grammatika. Fonetika. Fonologiia. Udarenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiia]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1980. 783 p. (in Russian).

Modern Russian language. System – norm – usage [Sovremenny`j russkij yazy`k. Sistema – norma – uzus]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2010. 480 p. (in Russian).

Explanatory Dictionary of Russian Verbs. Ideographic Description. Synonyms. Antonyms. English Equivalents. Explanatory dictionary of Russian verbs [Tolkovy`j slovar` russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy`. Antonimy`. Anglijskie e`kvivalenty`]. Edited by L.G. Babenko. Moscow, 2007. 574 p. (in Russian).

Е.С. Лунькова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.161.1'282

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-87-103

ПРОИЗВОДНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С НУЛЕВЫМ СУФФИКСОМ В СМОЛЕНСКИХ ГОВОРАХ

Ключевые слова: *смоленские говоры; конкретные существительные; нулевой суффикс.*

В статье рассматривается словообразовательный тип отглагольных предметных существительных в смоленских говорах. На примере комплексной функциональной единицы русского словообразования демонстрируется, во-первых, сложность выделения имплицитных языковых единиц, к каким традиционно относят нулевой суффикс, во-вторых, своеобразие функционирования таких единиц в русских народных говорах. Нулевые морфемы выделяются в контексте особого подхода к интерпретации данного языкового явления, который отграничивает их от безаффиксного способа словообразования, с одной стороны, и от признания флексий как формантов, выступающих для образования новых слов – с другой. Словообразовательный тип с нулевым суффиксом отличается предельным разнообразием в смоленских говорах и включает пять разновидностей: слова мужского рода первого склонения с нулевым окончанием, женского рода второго склонения с окончанием -а, женского рода третьего склонения с нулевым окончанием, существительные pluralia tantum и существительные среднего рода. В количественном отношении преобладают первые три разновидности, или слова мужского и женского рода всех трех склонений, в то время как слова среднего рода и pluralia tantum относятся к периферии словообразовательного типа с нулевым суффиксом в смоленских говорах.

Явление языкового нуля давно привлекает внимание исследователей. В русском языке достаточно широко распространены случаи, когда план выражения языковой единицы не имеет материального выражения: например, на фонетическом уровне отдельные словоформы регулярно демонстрируют ноль звука (*лед – льда, солнце – солнечный*), это так называемые «беглые гласные». Морфологический уровень широко использует нулевую морфему, чаще всего окончание, как показатель той или иной грамматической формы – в частности родительного падежа множественного числа существительных (*яблок*, *дорог*), форм первого, а в отдельных случаях и второго лица единственного числа глаголов с неполной парадигмой (*победить*, *холодать*). На синтаксическом уровне безусловно значимо в организации

простого предложения отсутствие глагола *быть* в настоящем времени (*Весна – замечательное время*). Кроме того, в предложениях встречаются разнообразные пропуски главных и второстепенных членов, которые часто на письме оформляются при помощи тире, а сами предложения квалифицируются как неполные предложения разных типов (*Я был рад, он – напротив*; *Справа росли вишни, слева – сливы* и под.).

Вопрос о производных существительных с нулевым (или имплицитным, материально не выраженным) суффиксом относится к спорным в отечественной лингвистике. Существует три разных подхода к его решению, которые обусловлены различным пониманием сущности способов русского словообразования. Первый подход связан с выделением самостоятельно существующего безаффиксного (в другой терминологии – бессуффиксного или бессуффиксального) способа словообразования. Этого подхода придерживались Н.М. Шанский, З.А. Потиха [Шанский, 2019; Потиха, 1970], этот же подход перешел из академических изданий в большинство школьных учебников по русскому языку и применялся в том числе в заданиях ЕГЭ, когда они включали вопрос о морфемике и словообразовании.

Второй подход выделяет флексию как формант в производных словах и признает справедливость существования флексийного (флективного) способа словообразования, например, в словах *раба*, *ворона* и под. Этой точки зрения придерживались В.И. Максимов, И.Г. Милославский, В.Н. Немченко [Максимов, 2012; Милославский, 1980; Немченко, 1984].

Третий подход, отраженный в грамматике русского языка [Русская грамматика, 2005] и работах целого ряда исследователей, признает существование нулевого суффикса в производных существительных типа *зелень*, *вход*, *пылесос*. По мнению Т.Ю. Гаврилкиной, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, В.М. Маркова, В.Н. Мусатова, Г.А. Николаева, А.Н. Тихонова и др. [Гаврилкина, 2009; Земская, 2022; Лопатин, 1977; Марков, 1981; Мусатов, 2017; Николаев, 1987; Тихонов, 2002], словообразовательные суффиксы могут быть не выражены комплексами звуков или отдельными звуками, однако их место в словообразовательной парадигме, точно так же, как и место нулевых окончаний в морфологической словоизменительной парадигме, позволяет говорить об объективно существующей имплицитной языковой единице.

Последняя точка зрения хорошо применима к диалектному материалу. В смоленских говорах велико количество производных слов, особенно в сфере отглагольного словообразования, которые обладают нулевой морфемой и последовательно встраиваются в ряды парадигматических и синтагматических словообразовательных отношений наряду с материально выраженными формантами, что служит устойчивым основанием для выделения нулевых суффиксов в сфере диалектного словообразования.

Обратимся к исследуемой группе отглагольной лексики. Для осуществления поставленной задачи производные слова были выбраны по

«Словарю смоленских говоров» [ССГ, 1–11] и уточнены по картотеке Словаря. Данная работа продолжает серию статей, посвященных специфике словообразовательных средств смоленских говоров [Лунькова, 2017; 2023].

Необходимо отметить, что нулевой суффикс встречается в большом количестве конкретно-предметных существительных в смоленских говорах, что связано с особым местом этих слов в лексическом и, следовательно, ментальном пространстве говоров. Именно конкретно-предметные существительные оформляют мир материальной культуры смоленского крестьянина во всем многообразии, являются (или являлись, если речь идет об этнографизмах) часто употребительными в повседневной жизни словами и в силу этого обладают устойчивостью к сохранению звуковой оболочки слова и его словоизменительной парадигмы, что служит залогом стабильного функционирования слова в говорах.

Нулевой суффикс в смоленских говорах выделяется более чем у 300 производных отглагольных существительных, которые составляют обширный словообразовательный тип (СТ). Рассмотрим его составляющие подробнее.

1. **Словообразовательный тип имен существительных мужского рода первого склонения с нулевым суффиксом и нулевым окончанием.**

Словообразовательный тип отглагольных конкретно-предметных существительных мужского рода первого склонения с нулевым суффиксом, называющих артефакты, включает 161 слово.

Словообразовательное значение данного типа имеет четыре разновидности: объект действия; объект и частично результат действия; объект, служащий средством для осуществления действия; субъект действия. Значение суффикса в говорах совпадает со значением, характерным для общерусского языка.

Значение объекта действия выделяется у 65 отглагольных существительных.

В рассматриваемой группе слов можно выделить несколько семантических подгрупп, из них самыми значительными являются следующие:

– названия построек и их частей: *ввоз* ‘яма в овине, где разводят огонь при сушке снопов’, *вынос* ‘пристройка к дому или кладовая, куда выносят ненужные вещи’, *забор* ‘стена в постройке, сделанная из бревен, которые вкладываются своими концами в пазы стоячих бревен’, *залом* ‘боковой скат крыши’, *лаз* ‘полок в бане’, *перевод* ‘доска, брус около потолка от одной стены до другой для хозяйственных нужд’, *переход* ‘брус, на который стелется пол, переводина’, *повал* ‘навес, настил в амбаре, сарае и под.’, *подвод* ‘фундамент для избы’, *подбор* ‘фундамент’, *подруб* ‘деревянный сруб у дома’, *покат* ‘приспособление для перекатывания тяжестей, каток’;

– наименования сооружений: *заплав* ‘крайнее бревно в связке бревен (глене), служащее для объединения и закрепления их’, *осек* ‘изгородь во-

круг лесных выгонов’, *перелаз* ‘невысокий забор, ограждение’, *поплет* ‘изгородь, плетень из жердей или лозняка’, *порешет* ‘перекрытие из переплетенных жердей’, *поцеп* ‘деревянная палка, подвешенная к потолку’;

– наименования одежды и ее частей: *выкат* ‘вырез у шеи в платье или кофте’, *запрят* ‘запас (в одежде)’, *насов* ‘длинная нижняя женская рубашка’, *отворот* ‘воротник’, *переброс* ‘воротник в виде шарфа, который перебрасывается на плечи’, *прибор* ‘комплект, набор одежды’.

Некоторые семантические подгруппы включают сравнительно небольшое количество производных, от шести до четырех, – это названия пространств разного рода (*гон* ‘полоса пахотной земли (скашиваемого луга, сжинаемого участка и под.), которую проходят в одну сторону до поворота’, *перелог* ‘давно не паханное поле’, *прогон* ‘участок земли’, *размет* ‘пространство между двумя столбами, забранное бревнами’, *разор* ‘борозда среди пашни’, *усад* ‘садовый участок, сад’), частей печи (*взвод* и *извод* ‘свод печи’, *переворот* ‘начало трубы над устьем в печи’, *погляд* ‘выступ на деревянном срубе под печью’, *подволок* ‘настил на дворе под крышей для хранения сена, соломы’), видов тканей (*скат* ‘тонкое полотно’, *скумат* ‘кусок ткани, полотнище’, *спуск* ‘льняная ткань’, *тяж* ‘толстая холстина’), украшений (*вплет* ‘лента или тряпочка, вплетаемая в косу’, *выклад* ‘лента (тесемка), нашитая внизу на юбке сарафана или андарака’, *наряд* ‘отделка, украшение на одежде’, *плет* ‘лента, которая вплеталась в косу’). Кроме того, достаточно велико количество существительных, разнородных по семантике (*гик* ‘кнут, плеть’, *закрой* ‘выемка; паз на краю доски для плотного соединения с другой доской’, *застил* ‘половик’, *клон* ‘лавка в избе’, *ковыр* ‘нижняя часть хомута, связывающая обе части’, *мутор* ‘ненужные вещи, хлам’ от диалектного глагола *муториться* ‘излишне медленно делать что-л.’, *наклест* ‘продольный брус в санях, параллельный полозьям’, *насад* ‘верх сушилки с колосниками, на которые ставили снопы’, *перебор* ‘охапка сена’, *постил* ‘самотканая дорожка грубой ткани, постилаемая на пол; половик’, *прибой* ‘металлическая дужка с острыми концами, вбиваемая в дверь, крышку и т.п. для навесного замка или засова; пробой’, *припек* ‘лавка у печи, прикрепленная к ней’, *пристав* ‘кол, которым подпирают дверь изнутри или снаружи’, *стяж* ‘ряд, линия однородных предметов’).

Значение объекта и частично результата действия присуще 47 производным существительным. Среди них также можно выделить отдельные подгруппы по сходству обозначаемых понятий:

– пространство и части пространства называют слова *взвал* ‘первая гряда, образующаяся при вспашке с середины участка’, *вздир* ‘вспаханная залежь’, *взмет* ‘вспаханная целина’, *выруб* ‘место, где был вырублен лес’, *горóд* ‘огород’, *дел* ‘надел земли’, *обсев* ‘пропуск земли во время сева’, *пожень* ‘скошенный луг или поля, стерня’, *придир* ‘присоединенная к земельному массиву распаханная целина’, *прокос* ‘специально оставленный раздел между паями,

межа’, *пригород* ‘палисадник’, *раздир* ‘выкорчеванное и распаханное место’, *роспах* ‘широкая борозда, канава’, *сбой* ‘место, где пасется скот’;

– кушанья, продукты и напитки – слова *вар* и *взвар* ‘кипяток’, *завар* ‘заварка, настой (о чае)’, *перегон* и *отгон* ‘обезжиренное сепаратором молоко, обрат’, *жом* ‘выжимки тертого картофеля’, *снем* ‘верх отстоявшегося молока, сливки’;

– постройки и их части – слова *наплет* ‘основание для крыши, обрешетка’, *обруб* ‘сруб’, *обсад* ‘косяки окна или двери’, *переруб* ‘деревянное перекрытие под полом’, *придел* ‘жилая пристройка к дому’;

– разного рода сооружения называют лексемы *закоп* ‘бурт картофеля, овощей’, *замет* ‘дощатый забор // Ограждение из соломы’, *заокоп* ‘яма в земле для хранения овощей, корнеплодов; бурт’, *накат* ‘настил из тонких бревен по мшистой, топкой дороге в лесу’, *окоп* ‘яма для хранения картофеля зимой’, *плот* ‘изгородь’.

Выделяется также значительная группа слов, разнородных по семантике и не образующих подгруппы: *брод* ‘протоптанная или прокошенная межа для раздела двух соседних участков покоса’, *вожиг* ‘обожженная палка, которой мешают угли в бане’, *зажин* ‘первый сжатый сноп’, *клад* ‘сноп льна // Большая связка вытрепанного льна’, *мот* ‘моток пряжи, ниток’, *набор* ‘узор, вытканный (набранный) на полотне’, *наквас* ‘обваренный солод’, *наклад* ‘свадебный головной убор невесты’, *намет* ‘верхний слой сена в стогу’, *обклад* ‘тесьма, лента, кружево, которыми окаймляют низ одежды; оторочка’, *перерез* ‘кадка из перерезанной пополам бочки’, *уряд* ‘наряд, одежда’.

Значение объекта, служащего средством для осуществления действия, присуще приблизительно такому же количеству существительных, как и значение объекта и частично результата действия, а именно 44 словам. Среди данного объединения можно выделить две значительных по объему и относительно близких по смыслу семантических подгруппы:

– названия разного рода приспособлений (*болт* ‘длинный шест с перекладиной на конце, употребляемый во время ловли рыбы’, *волок* ‘рыболовная снасть в виде продолговатого вязаного мешка с отогнутыми краями’, *выжим* ‘самодельный пресс’, *вяз* ‘гибкий прут или тонкая леска для скрепления противоположных полозьев или головок в санях’, *забой* ‘кустарное устройство для отжима творога, конопли и под.’, *завал* ‘деревянная или металлическая задвижка, употребляемая для запирания дверей, ворот; засов’, *заверт* ‘веревочная петля или кольцо из проволоки, ремня для крепления оглобель к саням’, *захват* ‘участок земли, который уже засеян, не пустует’, *защеп* ‘деревянная или металлическая задвижка, употребляемая для запирания дверей, ворот; засов’, *мусат* ‘огниво’, *отбой* ‘приспособление, которым точат (отбивают) косу’, *перемет* ‘палка с веревкой, которой перевязывают

воз сена и под.’, *подхват* ‘сачок на длинной жерди для ловли рыбы’, *проторк* и *протырь* ‘то, чем протыкают (игла, шило и под.)’, *размат* ‘приспособление для перематывания пряжи в мотки’);

– названия орудий труда и их частей (*бич* ‘короткая ударная часть цепа’, *бой* ‘брусочек для заточки косы’, *грабар* ‘деревянная лопата с оббитыми железом краями для земляных работ’, *драч* ‘нож для колки лучины’, *затор* ‘деревянное приспособление с металлической вставкой, которым бондарь протирает в бочке пазы для дна’, *навой* ‘вал в ручном ткацком станке, на который навивают основу’, *отрез* ‘ушат, кадка, полученные из бочки путем отпиливания верхней ее части’, *просек* ‘род узкого топора для прорубания пазов; тесло’, *распах* ‘вспаханная земля’, *рез* ‘большой широкий нож, резак’, *струг* ‘инструмент для снятия коры с деревьев, представляющий собой полукруглое острое лезвие с двумя лезвиями’, *цап* ‘орудие для молотьбы; цеп’).

Остальные производные существительных семантических подгрупп не образуют в силу разнородности семантики каждого из производных слов: *жлукт* ‘кадка, в которой бучат белье; бук’, *заслон* ‘заслонка в печи’, *застав* ‘ставень’, *засып* ‘место, куда ссыпают зерно’, *захап* ‘отгороженный в закроме угол’, *клеп* ‘деревянная пробка, затычка, гвоздь в бочке’, *нюх* ‘табакерка’, *пехтерь* ‘глиняный сосуд, в котором брали или носили еду в поле’, *подверт* ‘ленточка, которую использовали вместо бигуди’, *подмаз* ‘кусочек сала или сальная тряпочка для смазывания сковороды’, *попас* ‘пастбище’, *прижим* ‘жердь, которой прижимают уложенные на возу сено, солому и под., привязанная на противоположных краях повозки’, *ход* ‘телега’.

Значение субъекта действия не является характерным для данного словообразовательного типа и представлено лишь у шести существительных (*балабон* и *барабон* ‘самодельный колокольчик, привязываемый на шею домашних животных’, *гнет* ‘жердь, которой прижимают уложенные на возу снопы, сено’, *звон* ‘колокол или кусок железа, его заменяющий’, *покров* ‘фата невесты’, *украс* ‘украшение’), все они разнородны по смыслу.

Производящие основы в рассматриваемом словообразовательном типе являются как мотивированными, так и немотивированными; известными русскому литературному языку и диалектными. Мотивированные основы в совокупности преобладают над немотивированными и составляют 74% от общего количества основ в типе.

Немотивированные основы, известные литературному языку, встречаются в 26 случаях (*бить – бич, варить – вар, волочь – волок, гнать – гон, делить – дел, драть – драч, жать – жом, нюхать – нюх, плести – плет* и *плот, поминать – помин, резать – рез, тягать – тяж, ходить – ход* и др.). Немотивированные основы, функционирующие в смоленских говорах, представляют самую малочисленную группу и встречаются в 11 случаях,

или 10% от общего количества (*балабонить – балабон, гикать – гик, гнетать – гнет, грабарить – грабар, жлуктить – жлукт, клепить – клеп, клонить – клон, мусатить – мусат, муторить – мутор, цапать – цап* и др.).

Мотивированные основы, использующиеся в качестве производящих, преобладают в рассматриваемом типе. Наибольшую группу составляют основы, известные литературному языку, – их 96, или 58% от совокупного количества: *ввозить – ввоз, взвалить – взвал, выжимать – выжим, забить – забой, закопать – закоп, заплыть – заплав, набрать – набор, настлать – настил, обметать – обмет, обрубить – обруб, окопать – окоп, перебрать – перебор, подводить – подвод, подхватить – подхват, разметить – размет, распахать – распах, снимать – снем, стянуть – стяж* и др. Мотивированные диалектные основы также достаточно распространены и встречаются в 28 случаях: *взварить – взвар, выкладать – выклад, зажинать – зажин, закроить – закрой, запрятать – запрят, защепить – защеп, накладать – наклад, насовывать – насов, обкладать – обклад, подвертеть – подверт, поцепить – поцеп, проторкать – проторк, расчинить – расчина, скуматить – скумат, уесть(ся) – уеж* и др.

Морфонологические явления в СТ представлены во всех словах, то есть являются необходимым условием для функционирования типа, и происходят как в корнях, так и на стыке корней и суффиксов. Среди морфонологических явлений в качестве наиболее распространенных можно выделить усечения конечных гласных и сочетаний согласных с гласными мотивирующих основ, причем данному процессу часто сопутствует отвердение парно-мягких согласных и разного рода чередования гласных и согласных. Менее распространенными в СТ являются чередования гласных и согласных, не сопровождаемые усечением производящей основы.

Наиболее распространенным явлением в СТ является усечение мотивирующей основы. Конечная /и/ последовательно усекается в словах, и лишь в одном случае усечение не сопровождается чередованиями гласных или согласных (*закроить – закрой*). В 63 словах усечение финаля /и/ мотивирующей основы сопровождается разного рода морфонологическими процессами. Наиболее распространенным из них является отвердение парного мягкого согласного (*обрубить – обруб*, *заставить – застав, бродить – брод* и др.). Усечение /и/ не всегда вызывает отвердение согласного, оно может сопровождаться только одной меной гласных /е/ и /о/ (*делить – дел, клепить – клеп*), /е/ и /и/ (*настелить – настил*) или чередованием согласных /ж/ и /г/ в корне (*переложить – перелог*).

Усекается конечная гласная /а/ в 63 словах, причем в 35 случаях усечение не вызывает сопутствующих морфонологических явлений (*вздирать – вздир, выжимать – выжим, гикать – гик, цапать – цап* и др.). В других случаях усечение /а/ сопровождает чередование гласных /е/ и /о/ в корне

(*взметать – взмет, гнетать – гнет,* и др.), /и/ и /о/ (*затирать – затор, снимать – снем*), /а/ и /о/ (*распахать – роспах*).

Усечение конечной /е/ мотивирующей основы представлено в четырех случаях и всегда сопровождается сопутствующими морфонологическими процессами: происходит мена парной мягкой согласной с твердой /д/ в *поглядеть – погляд*, /н/ в *звенеть – звон*, /т/ в *завертеть – заверт*.

2. **Существительные женского рода второго склонения с нулевым суффиксом и окончанием -а.**

Словообразовательный тип отглагольных конкретно-предметных существительных женского рода второго склонения с нулевым суффиксом и окончанием -а (орфографически также -я), называющих артефакты, включает 94 слова.

Словообразовательное значение данного типа имеет четыре разновидности: объект действия; объект и частично результат действия; объект, служащий средством для осуществления действия; субъект действия. Значение суффикса в смоленских говорах совпадает со значением, характерным для общерусского языка.

Значение объекта действия выделяется у 29 отглагольных существительных. В рассматриваемой группе слов можно выделить несколько семантических подгрупп:

– сооружения (*задерга* ‘шест, закрепленный вдоль русской печи’, *лага* ‘матица’, *маха* ‘навес’, *перевага, перевода* и *подлога* ‘брус, на который стелется пол, переводина’);

– приготовленная пища (*ежа* ‘еда’, *куща* ‘еда, кушанье’, *похлеба* ‘картофельный суп, похлебка’, *страва* ‘еда, одно кушанье’) и продукты (*забела* ‘сметана, сливки’, *залокота* ‘конопляное масло’, *луска* ‘ломоть хлеба’, *сподоба* ‘приправа к пище’);

– постройки (*потяга* ‘последний венец в срубе’, *присада* ‘притолока’, *режа* ‘нижний венец дома, лежащий на фундаменте’);

– предметы одежды (*насова* ‘холщовая женская верхняя одежда’, *одева* ‘одежда’).

Ряд существительных в силу разнородной семантики не входит в семантические подгруппы: *глоба* ‘жердь для укрепления кладки стога // Жердь, вокруг которой кладут стог сена’, *дудоня* ‘соска’, *запеледа* ‘место, где сушили снопы’, *заруба* ‘небольшая доска с ручкой и зазубринами, с помощью которой стирали белье’, *кавка* ‘мотыга’, *перебора* ‘перегородка, разделяющая одну большую комнату на две; переборка’, *скроба* ‘козлы для пилки дров’ и др.

Значение объекта и частично результата действия присуще 39 производным существительным. Среди них также можно выделить семантические подгруппы:

– различные сооружения называют девять слов (*горожа, загорожа, згорода* и *огорода, огорожа, сгорода* ‘изгородь; забор’, *обграда* и *огража* ‘ограда’, *обсада* ‘косяки окна или двери’);

– украшения – шесть слов (*мережа* и *мерожа* ‘сквозной узор, сделанный на месте выдернутых из ткани нитей’, *нашива* и *нашова* ‘вышивка’, *обложа* ‘ленточка, тесьма’, *строка* ‘узор, вышитый на одежде; строчка’),

– кушанья – пять слов (*готовля* ‘приготовленная пища’, *затолка* и *затолока* ‘мясо или сало, сваренное в супе (щах, борще) и растертое для их заправки’, *перепеча* ‘кулич или каравай’, *толча* ‘блюдо из толченого картофеля’),

– пространство – четыре слова (*загата* ‘место для свиней в хлеве’, *загорода* ‘скотный двор’, *мета* ‘межа’, *пожня* ‘скошенный луг или поля, стерня’).

Выделяется также значительная группа слов, разнородных по семантике и не образующих подгруппы: *жмака* ‘выжимки, остатки при изготовлении растительного масла, картофеля, сока’, *ламза* ‘предмет, сделанный небрежно, неаккуратно’, *лата* ‘заплата’, *напряха* ‘нитка из кудели’, *недотока* ‘пропуск между нитками при тканье’, *поддева* ‘что-либо, надетое дополнительно под одежду’, *постеля* ‘постель’, *пошива* ‘то, что сшито’, *рассека* ‘пропуск в основе полотна, когда челнок проходит половину основы’, *торя* и *тюрюха* ‘измельчившееся сено, труха’, *укрепа* ‘то, что служит опорой, поддержкой’ и др.

Значение объекта, служащего средством для осуществления действия, присуще 24 словам. Среди описываемых существительных можно выделить три семантические подгруппы:

– названия орудий труда (*гака* ‘мотыга для рыхления и окучивания почвы’, *пришва* ‘сапожный инструмент’, *пряха* ‘прялка’, *распаха* ‘небольшой плуг с отвалом в обе стороны’, *скобля* ‘скобель’, *скорода* ‘борона’, *цапа* ‘мотыга’ – всего семь слов);

– названия разного рода приспособлений (*брында* ‘ручное приспособление для обработки (чесания) шерсти, состоящее из двух длинных деревянных пластин с зубцами, к которым прикреплялись туго натянутые струны из тонких бараньих кишок’, *заверта* ‘веревочная петля или кольцо из проволоки, ремня для крепления оглобель к саням’, *запира* ‘приспособление для запирания’, *притуга* ‘жердь, которой прижимают уложенные на возу сено, солому и под., привязанная на противоположных краях повозки’, *пруска* ‘банка с дырочками для поливки’ – пять слов);

– названия продуктов питания (*задобра* ‘мясо, сало или другая приправа в кушанье’, *закраса* ‘приправа’, *заправа* ‘хлебная корка для заваривания чая’, *затвора* ‘закваска’, *придобра* ‘мясо, сало или другая приправа в кушанье’ – пять слов).

Остальные производные существительные семантических подгрупп не образуют (*байка* ‘колыбель, люлька’, *жлукта* ‘кадка, в которой бучат белье; бук’, *заволока* ‘рыболовная сеть небольшого размера’, *закида* ‘рыболовная снасть’, *застава* ‘ставень’, *поддобра* ‘приправа’, *пуга* ‘кнут’).

Значение субъекта действия не является характерным для типа и представлено лишь у трех существительных (*балабола* ‘самодельный колокольчик, привязываемый на шею домашних животных’, *заслона* ‘заслонка в печи’, *мира* ‘суд’), все они разнородны по смыслу.

Производящие основы в рассматриваемом словообразовательном типе являются как мотивированными, так и немотивированными; известными общерусскому языку и диалектными. Мотивированные основы в совокупности преобладают над немотивированными и составляют 74% от общего количества основ в типе

Немотивированные основы, известные литературному языку, встречаются в 13 случаях (*городить – горожа, есть – ежа, кушать – куша, махать – маха, метить – мета, мирить – мира, прясть – пряха, скоблить – скобля, тереть – торя, толочь – толча* и др.). Немотивированные основы, функционирующие в смоленских говорах, представляют собой бóльшую группу и встречаются в 23 случаях, или 27% от общего количества (*байкать – байка, балаболить – балабола, брындать – брында, гакать – гака, жлуктить – жлукта, загатить – загата, кавкать – кавка, ламзать – ламза, лускать – луска, мережить – мережа, покутать – покута, скородить – скорода, тюрюшить – тюрюха, цапать – цапа* и др.).

Мотивированные основы, использующиеся в качестве производящих, преобладают в рассматриваемом типе. Наибольшую группу составляют мотивированные основы, известные литературному языку, – их 41, или 43% от совокупного количества: *готовить – готовля, загородить – загорода, заправить – заправа, перебрать – перебора, поддевать – поддева, похлебать – похлеба, рассечь – рассека, укрепить – укрепа* и др.

Мотивированные диалектные основы менее распространены и встречаются в 18 случаях: *жмакать – жмака, забелить – забела, завертеть – заверта, задобрить – задобра, запеледить – запеледа, насовать – насова, переважить – перевага, притужить – притуга, складать – склада, упрячь – упруга* и др.

Морфонологические явления в СТ представлены во всех словах, за исключением одной пары (*перепечь – перепеча*), то есть являются необходимым условием для функционирования типа. Среди морфонологических явлений в качестве наиболее распространенных можно выделить усечения конечных гласных и сочетаний с гласными производящих основ, причем данному процессу часто сопутствуют отвердение парно-мягких согласных и разного рода чередования гласных и согласных. Менее распространенными в СТ являются чередования гласных и согласных, не сопровождаемые усечением производящей основы, а также наращения.

Усекается конечная /и/ в 48 мотивированных словах, но лишь в четырех случаях усечение не сопровождается другими морфонологическими процессами. Наиболее распространенным морфонологическим явлением выступает отвердение парного мягкого согласного: /б/ в *зарубить – заруба, сподобить – сподоба*, /в/ в *заправить – заправа, заставить – застава, стравить – страва*, /д/ в *загородить – загорода, запеледить – запеледа, обсадить – обсада* и др., /л/ в *балаболить – балабола, забелить – забела*, /н/ в *заслонить – заслона*, /п/ в *укрепить – укрепа*, /р/ в *задобрить – задобра, мирить – мира, поддобрить – поддобра* и др., /с/ в *закрасить – закраса*, /т/ в *жлуктить – жлукта, загатить – загата, заколотить – заколота, метить – мета*.

Усечение финальной /и/ приводит к чередованию согласных /д/ и /ж/ (*городить – горожа, загородить – загорожа, редить – режа* и др.), /ж/ и /г/ с параллельным чередованием гласных (*ложить – лага*) и без него (*переважить – перевага, подложить – подлога, притужить – притуга*), /с/ и /щ/ (*кусить – куща*), /ч/ и /к/ (*строчить – строка*), /ш/ и /х/ (*тюрюшить – тюрюха*). Имеют место в единичных случаях чередования с сочетаниями в корне /в/ и /вл/ (*готовить – готовля*), /оро/ и /ра/ (*обгородить – обграда*).

Усекается конечная гласная /а/ мотивирующей основы в 31 слове, причем в 25 случаях усечение не вызывает сопутствующих морфонологических явлений. В некоторых случаях усечение /а/ сопровождается чередованием гласных /е//о/ в корне (*одевать – одева* и др.), нуля звука с /о/ (*недоткать – недотока, перебрать – перебора*).

Чередования гласных в типе сопровождаются, как правило, другими морфонологическими процессами: наращение в корне сопутствует мене /и/ с /о/: *нашить – нашова*, /а/ чередуется с /у/ и параллельно – /ч/ с /г/: *упрячь – упруга*.

3. **Существительные женского рода третьего склонения с нулевым суффиксом и нулевым окончанием.**

Словообразовательный тип отглагольных конкретно-предметных существительных женского рода третьего склонения с нулевым суффиксом и нулевым окончанием, называющих артефакты, включает 29 слов.

Словообразовательное значение данного типа имеет три разновидности: объект действия; объект и частично результат действия; объект, служащий средством для осуществления действия. Значение субъекта действия в типе не обнаруживается. Словообразовательная семантика существительных в смоленских говорах отличается от семантики, характерной для общерусского языка и указанной в РГ-80: наименование отвлеченного действия или состояния.

Значение объекта действия выделяется у шести отглагольных существительных, три из них называют постройки и сооружения (*перекладь* ‘навес и помост перед входом в амбар’, *прислонь* ‘сарай для сена или соломы, пристроенный одной стороной к дому’, *связь* ‘несколько строений

под одной крышей’). Остальные существительные не образуют семантические подгруппы: *выпряжь* ‘сбруя’, *перевязь* ‘перевясло’, *поставь* ‘отверстие в русской печи, куда вставляют самоварную трубу; душник’.

Значение объекта и частично результата действия присуще 16 производным существительным. Половина слов, а именно восемь, называет пространство (*выгородь* ‘место между двумя огороженными полями, по которому прогоняли скот в поле’, *выгорожь* ‘огороженное место в поле для скота’, *выгорь* ‘участок выгоревшего леса, используемый под пашню или сенокос’, *выпашь* ‘истощенная земля’, *загородь* ‘огороженное место для скота около дома или скотного двора’, *перепашь* ‘вторично перепаханное поле’, *резь* ‘участок земли на одного человека’, *роспашь* ‘пашня’). Выделяются также названия кушаний, в том числе родовые наименования (*варь* ‘общее название любого вареного кушанья’, *припадь* ‘непропеченный, сырой слой в хлебе у нижней корки; закал’), частей одежды (*дирь* ‘полоса старой, разорванной одежды’, *складь* ‘складка’), сооружений (*загорожь* ‘изгородь’, *нарость* ‘деревянный навес, полати’), тканей (*точь* ‘тонко вытканный холст’) и др.

Значение объекта, служащего средством для осуществления действия, присуще семи словам. Все производные существительные разнородны по значению и семантических подгрупп не образуют (*вязь* ‘жгут из скрученной соломы, льна для связывания снопов’, *крепь* ‘длинная веревка для того, чтобы носить сено в коробе, перевязь’, *мель* ‘мельница’, *привязь* и *прикладь* ‘жердь, которой прижимают уложенные на возу сено, солому и под., привязанная на противоположных краях повозки’, *припряжь* ‘упряжь’, *трость* ‘часть ткацкого станка, в которую вставляют нити’).

Производящие основы в рассматриваемом словообразовательном типе представлены как мотивированные, так и немотивированные; известные литературному языку и диалектные. Мотивированные основы в совокупности преобладают над немотивированными и составляют 82% от общего количества основ в типе.

Немотивированные основы, известные литературному языку, встречаются в шести случаях (*варить – варь, вязать – вязь, драть – дирь, молоть – мель, резать – резь, ткать – точь*). Немотивированная диалектная основа зафиксирована одна (*тростить – трость*).

Мотивированные основы, выступающие в роли производящих, принадлежат большей частью литературному языку, лишь четыре основы функционируют в смоленских говорах (*перекласть – перекладь, прикладать – прикладь, связть – связь, складать – складь*).

Морфонологические явления в СТ представлены во всех словах, за исключением одной пары (*связть – связь*), то есть являются необходимым условием для функционирования типа, как и в предыдущих случаях. Среди морфонологических явлений в качестве наиболее распространенных можно

выделить усечения конечных гласных и сочетаний с гласными мотивирующих основ, причем данному процессу часто сопутствует отвердение парномягких согласных и разного рода чередования гласных и согласных. Менее распространенными в СТ являются чередования гласных и согласных, не сопровождаемые усечением производящей основы, а также наращения.

Конечная гласная /а/ мотивирующей основы усекается в 13 словах и во всех случаях усечение сопровождается сопутствующими морфонологическими явлениями. Регулярно представлены чередования парных твердых согласных с мягкими: /д/ и /д'/ (*прикладать – приклад, припадать – припад, складать – склад*), /з/ и /з'/ (*вязать – вязь, перевязать – перевязь, привязать – привязь, резать – резь, увязать – увязь*), /р/ и /р'/ (*драть – дирь*), причем в последнем случае наблюдается чередование нуля звука с /и/ в корне.

Конечная гласная /и/ усекается в десяти производных словах, в семи случаях усечение не сопровождается другими морфонологическими процессами, в двух случаях параллельно с усечением происходит чередование согласных /д/ и /ж/ (*выгородить – выгорожь, загородить – загорожь*).

4. **Существительные pluralia tantum с нулевым суффиксом.**

Словообразовательный тип отглагольных конкретно-предметных существительных pluralia tantum с нулевым суффиксом включает 19 слов.

Словообразовательное значение данного типа имеет четыре разновидности: объект действия; объект и частично результат действия; объект, служащий средством для осуществления действия; субъект действия. Значение суффикса в говорах совпадает со значением, характерным для аналогичных слов литературного языка.

Значение объекта действия имеют два существительных, называющих средства передвижения (*раскаты* и *расходы* 'удлиненная телега для перевозки досок, леса'). Значение объекта действия и частично результата действия присуще двенадцати существительным и является наиболее распространенным в типе. Слова с данным значением называют детали одежды и украшения на одежде (*боры* 'сборки, неглубокие складки на одежде // Складки на голенищах сапог', *заборы* 'сборки на одежде', *зашовы* 'вышивка, узор', *перетоки* 'тканый поперечный рисунок на белом холсте в виде узких полосок', *сборы* 'складки, сборки', *спуски* 'разноцветное тканое полотно и одежда из него', *вырезы* 'украшение, вырезанное из чего-либо'), пространства (*запуски* 'заброшенное, запущенное место; целина', *обкосы* 'остатки нескошенной травы вокруг кочек, кустов, по краям участка; окосье'), несколько слов не объединяются в семантические подгруппы и называют предметы в широком смысле (*истки* 'нитки, отрезанные после тканья полотна от кросен', *клади* 'деревянный мостик', *сковы* 'оковы, цепи').

Значение объекта действия, служащего для осуществления действия, присуще четырем производным существительным, три из них называют инструменты (*жимы* 'щипцы', *скаты* 'крюк, с помощью которого сгребают

сверху навоз, сено и под.’, *тиски* ‘пресс для выжимания масла, сока и др.’), одно – часть посуды (*приды* ‘обод, охватывающий нижние края кадки, ведра’).

Одно существительное в рассматриваемом типе является субъектом действия (*ходы* ‘телега’).

Производящие основы в рассматриваемом словообразовательном типе представлены как мотивированные, так и немотивированные; известные литературному языку и диалектные. Мотивированные основы преобладают над немотивированными и составляют 74% от общего количества основ в типе.

Немотивированные основы, известные литературному языку, встречаются в пяти случаях (*брать – боры, жать – жимы, класть – клади, тискать – тиски, ходить – ходы*). Немотивированные диалектные основы в типе обнаружены не были.

Мотивированные основы, выступающие в роли производящих, принадлежат большей частью литературному языку. Мотивированные основы, известные смоленским говорам, встретились в двух случаях: *исткать – истоки, перетокать – перетоки*.

Морфонологические явления в СТ представлены во всех словах, то есть являются необходимым условием для функционирования типа, как и в предыдущих случаях. Среди морфонологических явлений в качестве наиболее распространенных можно выделить усечения конечных гласных и сочетаний с гласными производящих основ, которым сопутствует отвердение парно-мягких согласных и разного рода чередования гласных и согласных. Менее распространенными в СТ являются чередования гласных и согласных, не сопровождаемые усечением производящей основы.

5. **Существительные среднего рода с нулевым суффиксом.**

Словообразовательный тип отглагольных конкретно-предметных существительных среднего рода с нулевым суффиксом и окончанием -о включает три слова.

Словообразовательное значение у всех слов данного типа одинаково – объект, служащий средством для осуществления действия (*жлукто* ‘кадка, в которой бучат белье; бук’, *свердло* ‘сверло’, *сило́* ‘петля’). Значение суффикса в говорах совпадает со значением, характерным для слов литературного языка.

В качестве производящих основ в типе используются немотивированные основы, известные смоленским говорам (*жлуктить – жлукто, свердить – свердло, силять – сило*).

Морфонологические явления происходят во всех словах типа.

Таким образом, в смоленских говорах представлены пять частных разновидностей словообразовательного типа отглагольной деривации с нулевым суффиксом, что говорит о высокой регулярности и продуктивности данного форманта в частной диалектной системе, о востребованности словообразовательной семантики, обозначающей разные аспекты глагольного действия по отношению к объекту и субъекту этого действия. Обращает на

себя внимание использование префиксальных глаголов, за некоторым исключением, во всех словах типа и их значительное преобладание над бесприставочными глаголами, использованными в процессе деривации. Это может быть связано с характером функционирования вторичных языковых знаков в говорах, с необходимостью обозначить в производном слове разнообразные аспекты глагольного действия и разнообразить таким образом словообразовательную объектно-предметную семантику производных существительных. СТ с нулевым суффиксом демонстрирует предельное разнообразие морфонологических средств в каждом своем подвиде, что говорит о гибкости фонематической системы говоров и ее высокой адаптивной способности при образовании производных словообразовательных единиц.

ЛИТЕРАТУРА

Гаврилкина Т.Ю. Нулевая суффиксация в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2009. 189 с.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта, 2022. 323 с.

Лопатин В.В. Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 315 с.

Лунькова Е.С. Нерегулярные конфиксальные отсубстантивы в словообразовательной системе смоленских говоров // Известия Смоленского государственного университета. 2017. № 4(40). С. 138–148.

Лунькова Е.С. Отадъективное словообразование в смоленских говорах: словообразовательный тип с суффиксом -к(а) // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 35–45.

Максимов В.И. Грамматический справочник: традиционно-системное и функционально-системное описание русской грамматики. СПб.: Златоуст, 2012. 218 с.

Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск: УдГУ, 1981. 29 с.

Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. М.: Изд-во МГУ, 1980. 296 с.

Мусатов В.Н. Деривация и словообразовательная полисемия отглагольных существительных с нулевым суффиксом. М.: Флинта, 2017. 159 с.

Немченко В.Н. Современный русский язык: Словообразование. М.: Высш. шк., 1984. 255 с.

Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 151 с.

Потиха З.А. Современное русское словообразование. М.: Просвещение, 1970. 383 с.

Русская грамматика: научные труды. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М., 2005. 784 с.

Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. Вып. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

Тихонов А.Н. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология. М.: Цитадель, 2002. 464 с.

Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию. М.: Флинта, 2019. 332 с.

E.S. Lunkova
PhD in Russian Language, Associate Professor,
Chair of the Russian Language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

Derived Nouns with a Null Suffix in the Smolensk Dialect

The article considers the word-formation type of verbal countable nouns in the Smolensk dialect. Russian word formation demonstrates, firstly, the difficulty of identifying implicit language units, which traditionally include the null suffix, and secondly, the peculiarity of the functioning of such units in Russian vernacular dialects. Null morphemes are distinguished in the context of a special approach to the interpretation of this linguistic phenomenon, which distinguishes them from the suffixless method of word formation, on the one hand, and from the recognition of inflections as formants acting for the formation of new words, on the other hand. The word-formation type with a null suffix is extremely diverse in Smolensk dialects and includes five varieties: these include masculine words of the first declination with a null ending, feminine of the second declination with an ending -a, feminine of the third declination with a null ending, nouns pluralia tantum and neuter nouns. Quantitatively, the first three varieties prevail, or masculine and feminine words of all three declinations, while neuter words and pluralia tantum belong to the periphery of the word-formation type with a null suffix in Smolensk dialects.

Keywords: *Smolensk dialect; countable nouns; null suffix.*

REFERENCES

Gavrilkina T.Y. Null-suffixation in the contemporary Russian language [Nulevaya suffiksaciya v sovremennom russkom yazy`ke]. Astrahan, 2009. 189 p. (in Russian).

Zemskaya Y.A. Contemporary Russuan language. Word-formation. [Sovremenny`j russkij yazy`k. Slovoobrazovanie]. Moscow: Flinta, 2022. 323 p. (in Russian).

Lopatin V.V. Russian word-formational morphemic: Problems and principles of description [Russkaya slovoobrazovatelnaya morfemika: Problemy i principy opisaniya]. Moscow: Nauka. 315 p. (in Russian).

Lunkova E.S. Irregularconfixalotsubstantiativesin the word-formation system of the Smolenskdialect [Neregulyarny`e konfiksal`ny`e otsubstantivy` v slovoobrazovatel`noj sisteme smolenskih govorov]. *Issues of Smolensk State University*. 2017. No 4(40). pp. 138–148 (in Russian).

Lunkova E.S. Adjective word formationinSmolenskdialects: the word-formationaltypewith the suffix-k(a) [Otad`ektivnoe slovoobrazovanie v smolenskix govorax: slovoobrazovatel`ny`j tip s suffiksom -k(a)]. *Issues of Smolensk State University*. 2023. No 1. pp. 35–45 (in Russian).

Maximov V.I. Grammar reference: a traditional-systemic and functional-systemic description of Russian grammar [Grammaticheskij spravochnik: tradicionno-sistemnoe i funkcional`no-sistemnoe opisanie russkoj grammatiki]. Saint Petersburg: Zlatoust, 2012. 218 p. (in Russian).

Markov V.M. On the semanticmethod of word formationin the Russianlanguage [O semanticheskom sposobe slovoobrazovaniya v russkom yazy`ke]. Izhevsk: Udmurtia State University Publishing House, 1981. 29 p. (in Russian).

Miloslavskij I.G. Questions of word formationsynthesis [Voprosy slovoobrazovatelnogo sinteza]. Moscow: MGU Publ., 1980. 296 p. (in Russian).

Musatov V.N. Derivation and word-formation polysemy of verbal nouns with a null suffix [Derivaciya i slovoobrazovatelnaya polisemiya otglagolnyx sushhestvitelnyx s nulevym suffiksom]. Moscow: Flinta, 2017.159 p. (in Russian).

Nemtchenko V.N. Contemporary Russian language: Word-formation [Sovremennyj russkij yazyk: Slovoobrazovanie]. Moscow: Vysschaya Schkola, 1984. 255 p. (in Russian).

Nikolaev G.A. Russian historical word-formation [Russkoe istoricheskoe slovoobrazovanie]. Kazan: Kazan State University Publ., 1987. 151 p. (in Russian).

Potikha Z.A. Contemporary Russian word-formation [Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie]. Moscow: Prosveshhenie, 1970. 383 p. (in Russian).

Russian grammar: scientific works. Vol. I. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word-formation. Morphology [Russkaya grammatika: nauchny`e trudy`. T. I. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya]. Moscow, 2005. 784 p. (in Russian).

Dictionary of Smolensk Dialects [Slovar' smolenskikh govorov]. Smolensk: Smolensk State University, 1974–2005. Vol. 1–11 (in Russian).

Tikhonov A.N. Contemporary Russian language. Morphemics. Word-formation. Morphology [Sovremennyj russkij yazy`k. Morfemika. Slovoobrazovanie. Morfologiya]. Moscow: Citadel`, 2002. 464 p. (in Russian).

Shanskij N.M. Essays on Russian word formation [Ocherki po russkomu slovoobrazovaniyu]. Moscow: Flinta, 2019. 332 p. (in Russian).

Е.С. Василевская

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка
Минск, Республика Беларусь

УДК 81’37

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-103-117

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛЕЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

Ключевые слова: *семантическая деривация; модель семантической деривации; тезаурус; компонентный анализ; дистрибутивный анализ; трансформационный анализ.*

Предметом изучения в статье является методика построения модели семантической деривации. Цель анализа – представление основных методов и подходов в создании обобщенной модели семантического деривата. На основе анализа научной литературы выделены основные методы построения семантической деривации: тезаурусный подход, методы компонентного, дистрибутивного и трансформационного анализа.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы: 1) обобщенная модель семантической деривации должна включать в себя шесть компонентов: исходную концептосферу (сферу-донора) семантического деривата;

лексическое значение мотивирующего значения; результирующую концептосферу (сферу-реципиента); лексическое значение мотивированного значения; тип семантической деривации; семантические компоненты, связывающие обе сферы (семантический формант); 2) тезаурусный подход позволяет обозначить исходную и результирующую концептосферы семантического переноса; в статье представлен тезаурус в виде синоптической схемы, отражающий основные сферы, в рамках которых происходят семантические трансформации; 3) компонентный и дистрибутивный анализ дает возможность выявить семантический формант, который связывает обе сферы и позволяет определить тип семантической деривации; 4) трансформационный анализ выступает в роли метода верификации полученных результатов.

Результаты проведенного анализа могут быть использованы в семантических исследованиях, посвященных проблемам многозначности, процессов семантической деривации.

Исследование семантической деривации как продуктивного способа пополнения лексики может проводиться на разном по объему языковом материале: от анализа отдельно взятых семантических дериватов в языке конкретного автора до комплексного исследования определенного типа (типов) семантической деривации в языке в целом. Каждый из аспектов исследования позволяет открыть те или иные закономерности функционирования лексической системы языка: понять механизмы появления семантического деривата, раскрыть основные закономерности процессов семантической деривации в целом, воссоздать языковую картину мира в ее динамике.

Однако любой подход требует разработки терминологического и методологического аппарата исследования: точного определения объема понятий *семантическая деривация* и *семантический дериват*, описания методики проведения семного анализа лексической единицы, обоснования принципов выявления парадигматических и синтагматических связей, на основании которых происходит лексико-семантическая трансформация, и т.д.

Семантическая деривация рассматривается нами как процесс появления у слова лексико-семантических вариантов на основе эпидигматических (деривационных) связей, осуществляемый по определенным моделям. Итогом этого процесса является семантический дериват – «актуальная единица лексико-семантического уровня, представляющая собой единство обозначающего полисемантического виртуального словесного знака (лексемы) и каждого из его производных семантических вариантов, взятых отдельно» [Павел, 1983, *39*].

Понятия типа и модели в семантической деривации. В исследованиях по семантике разрабатываются различные типологии семантической деривации. Так, В.Г. Гак создает свою «типологию типологий» лексических номинаций в зависимости от иерархии номинаций, их функции, именуемого объекта, структуры наименования, способа наименования, субъекта речи и

адресата, соотношения номинации с другими в парадигматическом и синтагматическом аспектах [Гак, 1977]. При этом ученый отмечает, что термин *тип* используется в своем традиционном значении: тип – модель (образец), которому соответствует определенная группа явлений [Гак, 1977, *230*]. Как можно видеть из приведенной дефиниции, слово *тип* объясняется через термин *модель*, что, по нашему мнению, не совсем оправданно. Анализ научной литературы, посвященной проблемам семантической деривации, показывает, что объем понятий *тип* и *модель* не является идентичным.

В сферу семантической деривации термины *тип*, *модель*, как и многие другие (*способ*, *производность*, *продуктивность*, *мотивированность*), пришли из морфологического словообразования [Тропина, 2003, *116*]. Поэтому было бы логично при определении объема понятия *тип* оттолкнуться от понимания *словообразовательного типа*. В словообразовании под ним понимают схему (формулу) строения производных слов, характеризуемых общностью трех элементов: 1) части речи производящей основы, 2) семантического соотношения между производным и производящим, 3) формального соотношения между производным и производящим (общность способа словообразования / аффикса) [Земская, 2012, *190*]. Иными словами, выделение типов в словообразовании строится на формально-семантической основе. Основу для выделения типа семантической деривации образуют логические отношения между понятиями, к которым относятся отношения тождества, контрадикторности, включения, пересечения [Гак, 1998, *381*]. Следовательно, к типам семантической деривации мы относим метафору, метонимию, расширение и сужение значений, семантический сдвиг.

Модель же рассматривается как определенная концептуальная область, «элементы и структурные части которой связаны друг с другом различными отношениями, регулярно и последовательно воспроизводятся» [Стариченок, 2017, *37*]. Наиболее последовательно семантические модели созданы для описания метафоры как типа семантической деривации.

По мнению А.П. Чудинова, «при описании модели регулярной многозначности необходимо охарактеризовать лексико-семантические группы (или другие семантические объединения), к которым относятся соответствующие слова в первичных и вторичных значениях, а также типовой компонент семантики, служащий основой для развития вторичных значений, и (по возможности) семы первичного значения, которые актуализируются во вторичном значении» [Чудинов, 2011, *39*].

Поэтому свое описание политической метафоры, которое для многих исследователей стало образцовым, ученый строит с учетом следующих компонентов: 1) исходная понятийная область; 2) новая понятийная область; 3) типовые для данной модели сценарии, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций;

4) относящиеся к данной модели фреймы, которые понимаются как фрагменты наивной языковой картины мира и структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу); 5) составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации; 6) компонент, который связывает первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [Чудинов, 2011].

Описание метонимии как типа семантической деривации строится на других принципах. А. Бирих анализирует языковую метонимию русского языка в следующей последовательности: он отталкивается от лексико-грамматических разрядов слов, дальше выделяет тематические группы, а в пределах тематических групп строит метонимические модели, основанные на логико-психологической интерпретации ассоциаций по смежности [Бирих, 1995, *32*]. Однако исследователи отмечают отсутствие традиционного описания метонимии и несовершенство существующих методов, что не позволяет построить приемлемую модель метонимических переносов.

При описании других типов семантической деривации – семантического сдвига, расширения или сужения значения – ученые, как правило, отмечают тематические группы, в рамках которых происходят отмеченные процессы.

При комплексном исследовании процессов семантической деривации необходимо разработать такой исследовательский аппарат, который позволил бы построить обобщенную модель семантической трансформации лексической единицы. Это «позволяет перейти от разрозненных фактов пополнения словаря способом семантической деривации … к обобщениям, позволяющим видеть за частными проявлениями закономерности, характерные для семантического развития слов» [Тропина, 2003, *116*].

Единая модель должна включать в себя следующие элементы: 1) исходная концептосфера (сфера-донор) семантического деривата, 2) лексическое значение мотивирующего значения, 3) результирующая концептосфера (сфера-реципиент), 4) лексическое значение мотивированного значения, 5) тип семантической деривации, 6) семантические компоненты, связывающие обе сферы (семантический формант). Определение и описание каждого из предложенных элементов требует определенного методологического подхода.

Тезарусусный подход в семантической деривации. Необходимость указания в модели семантической деривации сферы-донора и сферы-реципиента приводит к проблеме создания тезауруса, возникшей намного раньше, чем появился сам термин. Так, исследуя возможности компонентного анализа для семантических исследований, ученые отмечали, что «составление списка не дает ничего существенно нового. Необходимо найти способ организовать лексический материал в виде карты, т.е. развернутого

чертежа или схемы, где были бы представлены все способы отражения действительности в разных языках» [Основы, 1969, *47*]. Поиски системного представления лексики привели к созданию семантических полей – совокупности лексических единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений [Кобозева, 2016, *103*].

Так, Г.Н. Скляревская, стремясь показать системный характер языковой метафоры русского языка, строит классификационные схемы [Скляревская, 1993, *66*]. Исследовательница выделяет шесть глобальных семантических сфер, охватывающих все объекты действительности: предметы, животных, человека, физический мир (сфера материальных объектов), психический мир и абстракции (сфера идеальных объектов) [Скляревская, 1993, *67*] – и приводит тематическое распределение лексики по выделенным семантическим сферам. Такой подход позволяет показать, что «метафорические переносы в языке подчинены достаточно жесткой закономерности и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой» [Скляревская, 1993, *80*].

А.П. Чудинов в качестве основных источников политической метафоры рассматривает четыре концепта: «Человек и природа», «Человек и общество», «Человек и результаты его труда», «Человек как центр мироздания», что позволило выделить четыре типа метафор: антропоморфная, метафора природы, социальная и артефактная метафоры [Чудинов, 2001, *53*].

Фактически в этих работах были созданы тезаурусы, которые помогли ученым построить наиболее продуктивные модели метафорических переносов. Создание моделей семантической деривации не может осуществиться без наличия наиболее полного тезауруса.

В своей монографии, посвященной тезаурусной концепции гуманитарного знания, Вал. и Вл. Луковы отмечают различные подходы к определению понятия «тезаурус» в разных гуманитарных науках. Так, в лингвистике сформировалось два значения этого термина: 1) как словарь, в котором максимально полно представлены все слова языка с исчерпывающим перечнем примеров их употребления в текстах; 2) идеографический словарь, в котором показаны семантические отношения (родовидовые, синонимические и др.) между лексическими единицами [Луков, 2008, *13*]. Именно о необходимости создания тезауруса в его втором значении говорят ученые, когда заходит речь о семантических исследованиях [Кобозева, 2016, *127*].

Построение тезауруса требует соблюдения ряда условий.

Вал. и Вл. Луковы отмечают, что «назначение понятия “тезаурус” в понятийной системе гуманитарных наук выявляется тогда, когда необходимо отразить полноту некоторого знания (информации), существенного для некого субъекта по какому-либо основанию» [Луков, 2008, *63*]. Из этого

замечания следует два важных вывода: 1) тезаурус отражает ту информацию, которая признана достаточной в соответствии с поставленными целями, 2) тезаурус носит субъектный характер. Поэтому тезаурус можно определить как «полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде» [Луков, 2008, *67*].

В основу тезауруса должна быть положена система понятий, соответствующая научной картине мира [Кобозева, 2016, *129*], однако он имеет ориентационное значение и отличается субъектным подходом: информация о внешнем мире переструктурирована в рамках тезауруса так, чтобы наилучшим образом выполнять ориентационные функции в интересах субъекта [Луков, 2008, *68*]. А.П. Чудинов отмечал, что «в основе метафоры лежат не значения слов и не объективно существующие категории, а сформировавшиеся в сознании человека концепты», основанные не на научной, а на наивной картине мира [Чудинов, 2001, *53*]. Можно предположить, что этот подход будет справедлив и для других типов семантической деривации.

Структура «основывается на иерархической системе понятий, позволяющих продвигаться от смыслов (от понятий) к лексическим единицам (словам)» [Луков, 2008, *14*]. Базовым элементом тезауруса как иерархической структуры выступает не понятие, а концепт [Луков, 2008, *111*]. По мнению И.М. Кобозевой, стандартный тезаурус имеет четыре входа: 1) от концепта к концепту, воплощенный в схеме вертикально и горизонтально связанных друг с другом понятий, то есть понятий, связанных родо-видовыми, видо-видовыми и другими видами корреляций (этот вход представляется в виде синоптической схемы), 2) от концепта к знаку (от понятия к слову), 3) от знака к концепту, соответствующему алфавитному списку с указанием их адресов в понятийных полях тезауруса, 4) от знака к знаку [Кобозева, 2016].

Мы предлагаем свое видение тезауруса, необходимого для построения моделей семантических переносов. При построении тезауруса мы ориентировались на комплексный словарь «Лексическая основа русского языка», в идеографической части которого представлен синопсис идеографической классификации [Лексическая основа, 1984]. Отдельные позиции мы уточняли по классификационным типам, представленным Г.Н. Скляревской.

Тезаурус построен в виде синоптической схемы. Мы выделили шесть основных концептов: «Неживая природа», «Живая природа», «Артефакты», «Абстракция», «Человек», «Социум». В рамках каждого концепта выделяется *дескрипт* – заглавное слово тематической группы тезауруса. Для каждого дескрипта представлены тематические группы лексики, которые являются гипонимами по отношению к дескрипту-гипероним.

	Неживая природа
космос	небесные тела
атмосфера	атмосферные явления
	погода
	климат
	природные процессы
земной шар	материки, континенты
	земная поверхность: участки земной поверхности, элементы земной поверхности: возвышенности, горы, водоемы и т.д.; состав земной коры
вещества	анализ веществ, свойства и состояние веществ
объекты, не доступные чувственному восприятию	объекты микромира и невидимого мира
	Живая природа
растения	виды растений
	строение растений
животные	виды животных
	роды животных
	названия детенышей
	названия животных по половой принадлежности
	названия по особенностям породы
	мифические, вымершие животные
	части тела животных
	группы животных
	места обитания, жилища животных
	пища животных
	Артефакты
предметы, созданные и используемые человеком	природные предметы, обработанные или приспособленные для различных нужд
	предметы быта:
	кушанья, приготовление пищи
	лекарственные, ядовитые и другие вещества,
	посуда,
	одежда, головные уборы, обувь и их части
	постель
	мебель
	ткани
	осветительные приборы
	драгоценности
	упряжь
	сооружения, постройки и их части
	устройства, приспособления, механизмы и их части
	предметы искусства, изображения
	предметы игр, развлечений
	военные реалии
	предметы насилия
	предметы культа
	пути сообщения, дороги
	локально ограниченное пространство

предметы, логически вычленяемые человеком	вместилище совокупность, множество предметов, элементов части, доли предмета, вещества место нарушения, повреждения какой-л. поверхности предметы, оставшиеся после использования, отходы грязь реалии смерти наружная / внутренняя часть предмета единичные предметы, вычленяемые из массы различные знаки (в том числе графические), порядок размещения знаков
	Абстракция
бытийность	действительность, реальность модусы бытия: вероятность – невероятность, возникновение – исчезновение, наличие – отсутствие, опасность – безопасноть
пространство	последовательность, организованность, положение в пространстве, направление в пространстве, расстояние
форма	правильная, определенная, придание определенной формы
время	расположение во времени (начало, конец), повторяемость, длительность, временная точка
изменение	качественные и количественные, замена
движение	движение – покой, качества движения, перемещение
количество	много – мало, изменение количества, величина, размер, число
качество	оценка качества, ценность, значение, важность
отношение	абстрактное – конкретное, основа, база, условие, ограничение, добавление, сравнение, соответствие – несоответствие, точноть – приблизительность, подражание, внешнее выражение
порядок	порядок – неупорядоченность, порядок следования, построение, включение в состав, классификация, набор, коллекция, соединение, объединение
причинность	источник, следствие, необходимость
энергия	
оценка	положительная, отрицательная
	Человек
человек как живое существо	организм человека физические возможности и состояние человека здоровье, болезни внешний облик гигиена, уход за телом движения и положения человека возраст

	место жительства человека библейские, мифические существа
человек как разумное существо	ощущения (органы чуств) эмоциональные, волевые и интеллектуальные действия и состояния (чувства и эмоции, воля, ум, сознание, память) темперамент, характер
деятельность человека	деятельность (объект, сфера), структура деятельности, факторы, которые определяют деятельность, деловые и профессиональные качества человека, характеристика деятельности, темп деятельности, средства осуществления деятельности, конкретная деятельность (наблюдение, поиск чего-л., создание – разрушение, основание – ликвидация, посещение и т.д.)
человек как социальное существо	обозначение человека, обращение к человеку, совокупность людей, семья, родственники поведение человека, поступок коммуникация мыслей и чувств: язык, речевая деятельность, невербальные средства коммуникации
	Социум
отношения в обществе	моральные отношения: моральные категории, добро и зло, долг, обязательства, честь, репутация, преданность – неверность, виновность – невиновность отношения людей: отношение к кому- / чему-л., отношения между людьми религия, вера отношения обладания: обладание материальными ценностями, операции с собственностью, доходы – расходы, прибыль – убыток, хранение, богатство, достаток
трудовая деятельность человека	работа, средства работы, инструменты и действия с ними, род занятий, профессии, учреждения, предприятия, воспитание, образование, наука, экономика: производство, транспорт, социальное обеспечение физическая культура и спорт культура и искусство отдых: хобби, места отдыха, игры, праздники
социальная организация общества	населенные пункты, политическая организация общества: национальное деление, социальное деление, государственное устройство, страна, государство, общественные организации международные отношения: дипломатия, война, вооруженные силы и др.

Представленный тезаурус может быть дополнен и уточнен в процессе построения моделей семантической деривации. Он позволит, по нашему мнению, включить в семантические модели не только существительные, но и другие части речи, вовлеченные в процессы семантической деривации: глаголы, прилагательные, причастия.

Методы семного анализа. Важным элементом модели семантической деривации является выделение семантического компонента, который связывает сферу-донор и сферу-реципиент.

Несмотря на то что, по мнению С.Д. Кацнельсона, «актуальные деривационные связи между отдельными значениями в пределах одной лексемы так же осознаются говорящими, как и деривационные отношения между элементами одного словообразовательного ряда» [Кацнельсон, 1965, *61*], выявить и описать эти связи бывает очень нелегко. Нередко новое значение возникает на основе устойчивых ассоциаций, связанных с представлением о явлении, которое обозначает слово [Шмелев, 2017, *193*]. Еще одна сложность в выявлении деривационных связей между лексико-семантическими вариантами одного слова может возникнуть потому, что новое значение формируется на основе не прямого, а переносного значения. Поэтому ученые утверждают, что исследовать семантические дериваты можно только применив комплекс методов, среди которых выделяют компонентный, дистрибутивный и трансформационный анализ.

Лексическое значение слова «традиционно» рассматривается как «совокупность семантических признаков, относящихся к описанию называемых словом сущностей (класса сущностей)» [Никитин, 1997, *105*]. Для обозначения простого, неразложимого семантического признака, элементарного предельного смысла в научной литературе наиболее часто используется термин *сема* [Никитин, 1997, *110*]. Совокупность сем обладает иерархической структурой, в составе которой выделяются архисема (общая сема родового значения), дифференциальные семы (семы видового значения), потенциальные семы (отражают побочные характеристики обозначаемого объекта) [Гак, 1998, *375*]. Новые лексико-семантические варианты слов создаются путем перераспределения, сокращения, добавления или замены семантических компонентов [Гак, 1998, *276*].

Первым шагом к выделению семантического компонента должен стать семный анализ производящего и производного слова. Общепризнанным методом выявления и описания сем лексической единицы является компонентный анализ слова. Несмотря на то что многие исследователи отмечают его недостатки, среди которых отметим субъективность, поскольку анализ опирается на языковую интуицию исследователя, отсутствие строгой формализации и полного состава элементарных компонентов и др. [Ва-

сильев, 1984, *5*], компонентный анализ по-прежнему остается одним из важнейших инструментов, «с помощью которого мы можем проникнуть в тайны внутренней организации языка как системы» [Васильев, 1984, *4*].

Компонентный анализ представляет собой анализ иерархически упорядоченной структуры значения, разложение значения на более мелкие элементы, из которых конструируется данное значение [Вардзелашвили, 2000, *5*]. В научной литературе описаны две основных процедуры проведения классического компонентного анализа – вертикально-горизонтальный и анализ пересекающихся значений [Кобозева, 2016].

При создании модели семантической деривации, на наш взгляд, нет необходимости концентрироваться на построении полной семантической модели того или иного слова. Здесь важно найти тот семантический компонент, который связывает производное и производящее слово, определить уровень этого компонента в иерархической семной структуре слова (архисема, дифференциальная или потенциальная сема), поскольку от этого зависит определение типа семантической деривации.

Выделение сем может идти двумя путями – синтагматическим и парадигматическим: парадигматический путь опирается на описание значения в толковом словаре, при синтагматическом учитывается контекст и ситуация употребления лексической единицы [Гулыга, Шендельс, 1976, *296*]. При составлении модели семантической деривации применяются оба подхода. Поскольку выявление сем, и это отмечается всеми исследователями, может производиться только путем сравнения значения слов одной лексико-семантической группы, то для выявления семантического компонента, на наш взгляд, основной операцией будет сравнение лексико-семантических вариантов одного слова. Анализ производящего слова строится на основе дефиниции слова в толковом словаре, поскольку словарные определения дают «исходный, пусть сырой, но достаточно надежный материал для выделения семных компонентов» [Кузнецова, 1972, *260*]. Значение производного слова анализируется на основе контекста.

Следует помнить, что набор сем той или иной лексической единицы зависит от частеречной принадлежности слова. В.Г. Гак отмечал: «Каждая часть речи характеризуется совокупностью грамматических категорий, которые в свою очередь делятся на субкатегории, объединяющие ряд элементарных значений (семантических компонентов)» [Гак, 1998, *277*]. Следовательно, набор сем для существительного и глагола будет значительно отличаться. Именно поэтому при семном анализе применения компонентного анализа бывает недостаточно.

В качестве дополнительного метода выявления семной структуры слова выступает дистрибутивный анализ, который учитывает сочетаемость лексической единицы. Дистрибутивный анализ позволяет определить ва-

лентность слова – «подразумеваемое значением слова или имплицитно содержащееся в нем указание на необходимость восполнения его словами определенных типов в предложении» [Кацнельсон, 1987, *20*]. Особенно важным является этот подход при определении значения характеризующих частей речи, которыми являются глагол, прилагательное и наречие. Так, изменение семантики глагола связано с изменением семантических ролей (логических актантов) – субъекта, объекта, средства, инструмента и т.д.

Семантические исследования нередко строятся на интуиции исследователя. Поэтому необходим метод, который позволит определить, насколько объективен проведенный семантический анализ. В качестве такого верификатора может выступить трансформационный анализ. Смысл и методика трансформационного анализа не оставались неизменными: сегодня трансформацию в лингвистике понимают в узком и широком смысле [Васильев, 1975, *170*]. Мы будем рассматривать трансформационный анализ в его широком понимании, как лингвистический эксперимент, который заключается в преобразовании языковых единиц для выявления значения многозначного слова. К таким преобразованиям относятся синонимическое перефразирование, развертывание высказывания для восстановления пропущенных звеньев высказывания (при анализе метафоры и метонимии) и др.

Построение модели семантической деривации имеет важное значение для выявления закономерностей семантических переносов. Обобщенная модель должны включать в себя шесть основных компонентов: 1) исходная концептосфера (сфера-донор) семантического деривата, 2) лексическое значение мотивирующего значения, 3) результирующая концептосфера (сфера-реципиент), 4) лексическое значение мотивированного значения, 5) тип семантической деривации, 6) семантические компоненты, связывающие обе сферы (семантический формант). Выявление и описание каждого из компонентов требует от исследователя применения разнообразных лингвистических методов и приемов: тезаурусного подхода, компонентного, дистрибутивного и трансформационного анализа.

Тезаурусный подход позволяет обозначить исходную и результирующую концептосферы семантического переноса. Компонентный и дистрибутивный анализ дает возможность выявить тот семантический формант, который связывает обе сферы и дает возможность определить тип семантической деривации. Трансформационный анализ выступает в роли метода верификации полученных результатов.

ЛИТЕРАТУРА

Бирих А. Метонимия в современном русском языке (семантический и грамматический аспекты). München: Verlag Otto Sagner, 1995. 195 с.

Вардзелашвили Ж. Компонентный анализ слова в теории вторичной номинации // Русский язык и литература в Азербайджане. 2000. № 4. С. 8–13.

Васильев Л.М. Достоинства и недостатки компонентного анализа в семантических исследованиях // Исследования по семантике. Уфа: БГУ, 1984. С. 3–8.

Васильев Л.М. Методы семантического анализа // Исследования по семантике: межвузов. научн. сб. Вып. 1. Уфа: Башкирск. гос. ун-т, 1975. С. 158–172.

Гак В.Г. К типологии лексических номинаций // Языковая номинация (общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 230–293.

Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. О компонентном анализе значимых единиц языка // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 291–314.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. 7-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. 382 с.

Кацнельсон С.Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.

Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение. М.-Л.: Наука, 1965. 111 с.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: ЛЕНАНД, 2016. 352 с.

Кузнецова Э.В. О путях выделения компонентов значений слов при описании лексико-семантических групп // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии: материалы IX зональной конференции кафедр русского языка вузов Урала. Пермь, 1972. С. 259–263.

Лексическая основа русского языка: комплексный словарь. М.: Рус. яз., 1984. 1167 с.

Луков Вал.А., Луков Вл.А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. М.: Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. 784 с.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1997. 760 с.

Основы компонентного анализа. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 98 с.

Павел В.К. Лексическая номинация: на материале молдавских народных говоров. Кишинев: Штиинца, 1983. 231 с.

Скляревская Г.О. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 151 с.

Старычонак В.Д. Мнагазначнасць слова ў беларускай мове. Кн. 1: Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі. Мінск: Колоград, 2017. 273 с.

Тропина Н.П. Семантическая деривация: мультипарадигмальное исследование. Херсон: Херсонск. гос. ун-т, 2003. 336 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. 4-е изд. М.: URSS Ленанд, 2017. 280 с.

A.S. Vasilevskaya
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of Belarusian and Russian Linguistics,
Maxim Tank Belarusian State Pedagogical University
Minsk, Republic of Belarus

On the Problem of Building Semantic Derivation Models

The subject matter of the article is the methodology for building a semantic derivation model. The purpose of the analysis is to present the main methods and approaches in developing a generalized model to create a semantic derivative. Based on the analysis of scientific literature, the main methods for building semantic derivation are identified: thesaurus approach, methods of component, distributional and transformation analysis.

The analysis leads us to the following conclusions: 1) a generalized model of semantic derivation should include six components: the original concept sphere (donor sphere) of the semantic derivative; lexical meaning of the motivating meaning; the resulting concept sphere (recipient sphere); lexical meaning of the motivated meaning; type of semantic derivation; semantic components connecting both spheres (semantic formant); 2) the thesaurus approach allows identifying the original and resulting concept spheres of semantic transfer; the article describes a thesaurus in the form of a synoptic diagram, which reflects the main spheres within which semantic transformations occur; 3) component and distributional analysis makes it possible to identify the semantic formant that connects both spheres and allows determining the type of semantic derivation; 4) transformation analysis is a method for verifying the results obtained.

The results of the analysis can be used in semantic studies devoted to the problems of polysemy and processes of semantic derivation.

Keywords: *semantic derivation; semantic derivation model; thesaurus; component analysis; distributional analysis; transformation analysis.*

REFERENCES

Birikh A. Metonymy in modern Russian (Semantic and grammatical aspects) [Metonimiya v sovremennom russkom yazyke (Semanticheskij i grammaticheskij aspekty)]. München: Verlag Otto Sagner, 1995. 195 p. (in Russian).

Vardzelashvili Zh. Component analysis of a word in the theory of secondary nomination [Komponentnyj analiz slova v teorii vtorichnoj nominacii]. *Russian language and literature in Azerbaijan.* 2000. No 4. pp. 8–13 (in Russian).

Vasil'ev L.M. Advantages and disadvantages of component analysis in semantic research [Dostoinstva i nedostatki komponentnogo analiza v semanticheskih issledovaniyah]. *Research in Semantics.* Ufa: BGU, 1984. pp. 3–8 (in Russian).

Vasil'ev L.M. Methods of semantic analysis [Metody semanticheskogo analiza]. *Research in Semantics: Interuniversity Scientific Collection.* Issue 1. Ufa: Bashkir State University, 1975. pp. 158–172 (in Russian).

Gak V.G. On the typology of lexical nominations [K tipologii leksicheskih nominacij]. *Language nomination (general questions).* Moscow: Nauka, 1977. pp. 230–293 (in Russian).

Gak V.G. Language conversions [Yazykovye preobrazovaniya]. Moscow: School «Languages of Russian Culture», 1998. 768 p. (in Russian).

Gulyga E.V. Shendel's E.I. On the component analysis of significant units of language [O komponentnom analize znachimyh edinic yazyka]. *Principles and methods of semantic research.* Moscow: Nauka, 1976. pp. 291–314 (in Russian).

Zemskaia E.A. Modern Russian language. Word formation [Sovremennyj russkij yazyk. Slovoobrazovanie]. The 7th edition. Moscow: Flinta: Nauka, 2012. 382 p. (in Russian).

Katsnel'son S.D. To the concept of valence types [K ponyatiyu tipov valentnosti]. *Questions of linguistics*. 1987. No 3. pp. 20–32 (in Russian).

Katsnel'son S.D. Word content, meaning and designation [Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie]. Moscow-Leningrad: Nauka, 1965. 111 p. (in Russian).

Kobozeva I.M. Linguistic semantics [Lingvisticheskaya semantika]. Moscow: LENAND, 2016. 352 p. (in Russian).

Kuznetsova E.V. On ways to isolate components of word meanings when describing lexical-semantic groups [O putyah vydeleniya komponentov znachenij slov pri opisanii leksiko-semanticheskih grupp]. *Current issues of lexicology and lexicography: Proceedings of the IX zonal conf. of the departments of Russian languages of the Ural universities*. Perm, 1972. pp. 259–263 (in Russian).

Lexical basis of the Russian language: a comprehensive dictionary [Leksicheskaya osnova russkogo yazyka: kompleksnyj slovar']. Moscow: Russian language, 1984. 1167 p. (in Russian).

Lukov Val.A., Lukov Vl.A. Thesauri: Subjective organization of humanitarian knowledge [Tezaurusy: Sub"ektnaya organizaciya gumanitarnogo znaniya]. Moscow: Publishing house of the National Institute of Business, 2008. 784 p. (in Russian).

Nikitin M.V. Course of linguistic semantics [Kurs lingvisticheskoj semantiki]. Saint Petersburg: Research Center for Dialogue Problems, 1997. 760 p. (in Russian).

Fundamentals of component analysis [Osnovy komponentnogo analiza]. Moscow: Moscow State University, 1969. 98 p. (in Russian).

Pavel V.K. Lexical nomination: based on Moldovan folk dialects [Leksicheskaya nominaciya: na materiale moldavskih narodnyh govorov]. Kishinev: Shtiintsa, 1983. 231 p. (in Russian).

Skliarevskaia G.O. Metaphor in the language system [Metafora v sisteme yazyka]. Saint Petersburg: Nauka, 1993. 151 p. (in Russian).

Staryčonak V.D. Polysemy of the word in the Belarusian language [Mnagaznachnasc' slova ў belaruskaj move]. *Book 1: Associative types of polysemy, divisions of semantic derivation.* Minsk: Kolohrad, 2017. 273 p. (in Belorussian).

Tropina N.P. Semantic derivation: a multiparadigm study [Semanticheskaya derivaciya: mul'tiparadigmal'noe issledovanie]. Kherson: Kherson State University, 2003. 336 p. (in Russian).

ChudinovA.P. Russia in a metaphorical mirror: a cognitive study of political metaphor (1991–2000) [Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoj metafory (1991–2000)]. Ekaterinburg, 2001. 238 p. (in Russian).

Shmelev D.N. Problems of semantic analysis of vocabulary [Problemy semanticheskogo analiza leksiki]. The 4th edition. Moscow: URSS Lenand, 2017. 280 p. (in Russian).

О.Н. Чалова

Минский государственный лингвистический университет
Минск, Республика Беларусь

УДК 811'1

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-117-130

ВИДЫ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ЭКСПЛИЦИТНЫМ МОДУСОМ ВЕРЫ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

Ключевые слова: *дискурс; научный дискурс; научный диалог; модус; эпистемический модус; вера; мнение; стимулирующая реплика; реактивная реплика.*

Статья посвящена выявлению и описанию аспектов функционирования высказываний с модусом веры в англо- и русскоязычном научном диалоге. Актуальность такого анализа обусловлена общей направленностью современной лингвистики на изучение различных типов и видов общения с

точки зрения разнообразных параметров. Источниками материала послужили стенограммы современных англо- и русскоязычных научных дискуссий из разных областей знания. В работе выявляются семантические варианты ссылок на веру, структурные разновидности высказываний с модусом веры (с учетом типа субъекта веры), устанавливается их диалогический статус (то есть коммуникативная направленность с опорой на их положение в составе диалогического единства и иллокутивных свойств): стимулирующие и реактивные сообщения с пропозициональной установкой веры, выступающие в нескольких разновидностях (стимулирующие ссылки на веру – согласующиеся и не согласующиеся с общей иллокутивной направленностью стимулирующей реплики; реактивные – модально и иллокутивно зависимые и независимые от реплики-стимула). В заключение формулируется вывод о вариативном характере ссылок на веру в диалогических формах научной коммуникации, что свидетельствует об их важной роли в развитии научного диалога. Использованная схема анализа может применяться при анализе сообщений с разными пропозициональными установками (мнения, незнания и др.) в других типах коммуникации.

Несмотря на относительную популярность научного диалога как объекта анализа отечественной лингвистики [Абреу-Фамлюк, 2002; Маслова, 2007; Соловьева, 2007; Соловьева, 2011 и др.], он до сих пор остается малоизученным с точки зрения целого ряда параметров, в частности эпистемических, что обусловливает необходимость исследования диалогических форм научной коммуникации в этом аспекте (что касается зарубежных авторов, то они сосредоточивают свое основное внимание на письменных научных жанрах [Bucchi, 2013; Pahta, Taavitsainen, 2010 и др.]).

В отличие от ядерных / монологических / письменных жанров научной речи, одним из компонентов эпистемического пространства научного диалога является феномен веры. До сих пор вера в научном диалоге рассматривалась в связи со своей аксиологической направленностью (немаркированные в оценочном плане, негативно-оценочные и позитивно-оценочные высказывания с модусом веры [Задворная, 2023]), а также экспрессивными свойствами (эмоционально нейтральная вера и вера-убеждение [Задворная, 2001]). Обращение же к другим вопросам функционирования высказываний с модусом веры может позволить получить более полное представление как о собственно эпистемической, так и прагматической организации диалогической научной коммуникации.

В связи с этим *объектом* нашего анализа являются высказывания с пропозициональной установкой веры, представленные в научном диалоге (например: *Если проблема обсуждается, то есть вера в то, что она будет решена* [Современная, 2014]. *Physicians also refuse practices that they believe are ethical in some cases but not in the case at hand* [Conscious, 2008]). *Цель*

исследования состоит в выделении и описании видов веры, которую репрезентируют высказывания с соответствующим модусом, выявлении семантико-прагматических и структурных характеристик этих высказываний. *Материалом* исследования послужили 150 англоязычных и 70 русскоязычных высказываний с модусом веры (источником материала – стенограммы современных англо- и русскоязычных устных научных дискуссий: научных конференций, семинаров, форумов, круглых столов и под.). Основной исследовательский *метод* – контекстуальный анализ, дополненный элементами лингвостилистического и лингвокультурологического анализа.

Сосредоточимся на характеристике оснований дифференциации веры и репрезентирующих их высказываний.

Семантика веры. Учет данного критерия позволяет выявить некоторые различия между англо- и русскоязычным научным диалогом.

В англоязычном научном диалоге вера обычно имеет *семантику полагания*, то есть содержательно сближается с категорией мнения или предположения.

Вера-мнение сопровождается ссылкой на достаточные и объективные основания суждения, а глагол *believe*, таким образом, служит относительно надежным показателем достоверности пропозиции (*I believe that fossils in large should probably be kept in the geographic area because that is their context, it's inherently linked to what they look like and how they evolved* [Digital, 2016]). Несмотря на относительно высокий истинностный ранг положений, оцениваемых с помощью предиката *believe*, выражающего веру-мнение, между этим глаголом и другими глаголами-мнения (*think*, *consider* и др.) не следует ставить знак равенства, поскольку в отличие от последних глагол *believe* обладает ингерентными эмоционально-экспрессивными свойствами [Бабенко, 1989; Васильев, 1971; Теоретические проблемы, 2006 и др.], подчеркивающими бóльшую степень субъективности суждения, чем типичные глаголы мнения.

Вера-предположение возникает в ситуации выражения суждения, не подкрепленного аргументами, а глагол *believe* в этом случае является маркером еще более высокой степени субъективности вводимого им положения: *Metacognition in education, again, this is part and parcel of what it means to be scientifically literate, I believe* [Microbiological, 2007]. В данном случае на невысокий эпистемический ранг глагола *believe* указывает не только отсутствие мотивации суждения и допущение говорящим альтернативной пропозиции, но и особое – парентетическое – положение модусной конструкции *I believe*: такое специфическое использование модусной вставки служит приемом переключения фокуса внимания адресата с диктумного содержания реплики на модусное, что подчеркивает путативный статус предиката *believe* и личностный характер суждения.

Вера-полагание в *русскоязычном научном диалоге* почти всегда приписывается другому лицу (другим лицам), что свидетельствует о нежелании

говорящего оценивать свои положения сквозь призму веры и, соответственно, о ее невысоком статусе в эпистемическом пространстве научного диалога: *Среди нефтяников 47% верят, что изменение климата происходит, и причиной является антропогенный фактор, но, например,* 97% *климатологов говорит о том, что изменения климата есть и антропогенный фактор виновен* [Что, 2005]. В данном примере противопоставление статистических данных (47% и 97%) указывает на субъективность веры и служит косвенным способом выражения недоверия к (сомнения в) позиции субъекта веры (нефтяникам).

Конечно, в научном диалоге можно обнаружить и примеры другого типа веры – *собственно веры* как волевого акта, представленного тремя основными разновидностями:

а) *верой-ожиданием / верой-надеждой*, где говорящий «как бы приоткрывает свою волю: *верю* фактически означает “хочу верить”» [Шмелев, 1993] (*Конечно, хотелось бы верить, что мы сами все-таки меняемся – это единственная гарантия качественного развития* [Современная, 2014]);

б) *верой-убеждением* как частью мировоззрения, играющего роль стимула к выполнению действия / принятия решения либо препятствия: *Now, there is nothing wrong with that. And I do believe that there are meta-cognitive approaches and standards that are field-specific* [Microbiological, 2007] – в этом случае использование модуса, к тому же не подкрепленного аргументами, воспринимается как несколько категоричное;

в) *верой / неверием кому-либо (доверием / недоверием), верой в кого-либо*: *Я Соросу не верю. Да, он умен. Но человечен ли?* [Четвертое, 2000].

Понятно, что собственно вера отличается большей степенью субъективности, чем вера-полагание, отсутствием опоры на рациональный источник или личностным и категоричным характером суждения, что обусловливает ее ярко выраженный экспрессивный характер и редкое использование в рассматриваемом типе коммуникации. При этом четкие границы между верой-полаганием и собственно верой не всегда прослеживаются, поскольку это динамичные и взаимообусловленные явления, переходящие одно в другое в ходе развития мысли и диалога.

Субъект веры. В зависимости от характера субъекта в научном диалоге различается перволичная, второличная, третьеличная и безличная вера / неверие. Каждая из перечисленных категорий обусловливает специфические прагматические свойства высказывания.

Таблица 1

Количественная представленность перволичных, второличных, третьеличных и безличных ссылок на веру в англо- и русскоязычном научном диалоге

	Количество перволичных высказываний с модусом веры / неверия (I-вера vs. we-вера и я-вера vs. мы-вера)	Количество второличных высказываний с модусом веры / неверия	Количество третьеличных высказываний с модусом веры / неверия	Количество высказываний с безличной верой / неверием
Английский язык (150 высказываний с модусом веры)	76 vs. 17	11	42	4
Русский язык (70 высказываний с модусом веры)	14 vs. 6	6	21	23

Перволичная вера выступает в двух разновидностях – я-веры и мы-веры.

Я-вера широко представлена в англоязычном научном диалоге (*So, for example,* ***I believe*** *the case was from Missouri, in which they pushed the three drugs, and the inmate didn't go to sleep. He was sitting there looking at them* [Physicians, 2008]), в то время как в русском языке она встречается на порядок реже (см. табл. 1), а если и обнаруживается, то чаще в ситуации неверия, нежели веры (*Я не верю в чудо. Но думаю, что русская история вырабатывала и постепенно выработает основания гражданственности и того, что Вы называете полицентризмом* [Современная, 2014]). Такое принципиальное несоответствие между двумя национальными вариантами научного диалога обусловлено, во-первых, прочно закрепившейся тенденцией английской научной речи маркировать присутствие автора использованием местоимения *I* (в отличие от русской академической традиции), а во-вторых, смысловой нагрузкой предикатов веры в русском и английском языках: согласно лексикографическим источникам, если глагол *верить* в своем основном значении означает веру-убеждение, что наделяет ее оттенками категоричности и ярко выраженной эмоциональности и делает ее, таким образом, нежелательным для научной речи явлением, то предикат *believe* в своем первом значении функционально сближается (но не отождествляется) с предикатами мнения, которое, как известно, является неотъемлемым компонентом эпистемического пространства научного общения.

Мы-вера не имеет широкого распространения ни в английском, ни в русском языках. Можно проследить некоторые тенденции ее репрезентации в научном диалоге: во-первых, тенденцию к сужению субъекта мы-веры в англоязычном научном диалоге, где местоимение *we* включает, как правило,

говорящего и команду, в составе которой он работает, и, по сути, относится к разряду авторского, то есть служит средством переключения внимания с собеседника на предмет обсуждения, поднимаемый вопрос (*Those are memories that are not true but they are associated to someother memory and so we believe that that thing happened* [Thebiology, 2007]); во-вторых, противоположную тенденцию в русскоязычном дискурсе, где местоимение *мы* имеет нереферентное употребление и указывает на широкий класс лиц, границы которого трудно установить (*Математика – это наша последняя надежда. Вот это объективный язык, ему мы верим* [Как, 2009]). Отсутствие особой значимости мы-веры для научного диалога обусловлено невысокой актуальностью авторского *мы* для английской научной речи и статусом веры как эмоционально-экспрессивного феномена – для русской.

Второличная вера (ты-вера или вы-вера / you-вера) практически не свойственна ни англо-, ни русскоязычному научному диалогу, которые характеризуются установкой на апелляцию к другим ментальным состояниям адресата (*Why do you think this really floats?* [Bridging, 2004]. *Как Вы считаете, стоит ли давать антигистаминные препараты до инъекции?* [Щедровицкий 2005]), что позволяет относиться не только к глаголу *верить*, но и к глаголу *believe* как предикату не очень «высокого» эпистемического ранга (в отличие от других глаголов с семантикой полагания: *think*, *consider* и др.).

Анализ тех немногочисленных контекстов с второличной верой, которые обнаруживаются в научном диалоге, показывает, что в английском языке местоимение *you* в контексте веры приобретает обобщенно-личное значение и, таким образом, предполагает факт причастности к акту веры почти любого лица, в том числе говорящего и адресата (Е.В. Падучева, Е.С. Скобликова, Б.М. Гаспаров и др.): *I think it's kind of goes back to how close the digital data is to the original interms of what you believe it is: when it stops being a human body and starts being a digital collection* [Digital, 2016]. Особенность второличной веры в русском языке состоит в том, что объект веры (конкретное лицо) обычно является и объектом критики: *Вы хотите верить в это? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру наивной и, в какой-то мере, для XX века смешной и некультурной. Я во всяком случае в это не верю* [Щедровицкий, 2005].

К разновидности второличной веры относится и императивная вера: *А я могу сказать: не верьте тому, что говорит Петр. Вся болтовня по поводу того, что называется схематизацией, в ММК еще абсолютно не прописана* [Щедровицкий 2005]. *Believe me, I don't think it is the air* [Math, 2004]. Как и в случае с второличными репрезентативными контекстами, объект императивной веры в русском языке совпадает с объектом критики. Что касается английского языка, то здесь апелляция к вере используется как средство актуализации тактики призыва, привлечения внимания.

Третьеличная вера достаточно востребована в обоих языках. Ее субъект обычно носит обобщенный характер (*В результате люди «наверху» начинают верить в байки для простонародья* [Современная, 2014]), а вера приобретает негативно-оценочный оттенок. В сходных контекстах третьеличная вера репрезентируется и в английском языке: *They believe it to be their true memory of what happened, but it was something that was told to them by somebody else* [Bridging, 2004]. Так, в данном примере субъект веры рассматривается как ошибающееся, заблуждающееся третье лицо. Стоит отметить, что обычно субъектом такой веры является не непосредственный участник научного диалога и даже не представитель научного мира, а лица, не имеющие отношения к научной сфере. Однако обнаруживаются и исключения: *Вопрос: в чем принципиальное отличие Дюркгейма от социологизма Бурдье? Он ведь тоже верил, что эти факты – социальные по своей природе* [Конец, 2009]. В последнем примере субъектом веры является специалист в определенной научной области (социологии).

Субъект *безличной веры* не определен: *Конечно, трудно поверить, что все мы находимся (пока) во власти традиционной цикличности, хотя ее внешние проявления различны* [Современная, 2014]. *It's hard to believe that some of us in this room were alive when this was going on* [Conscious, 2008]. Формальный субъект отсутствует, а значение семантического субъекта размыто, но обычно последний включает и самого говорящего.

Таким образом, если в англоязычном научном диалоге доминантным типом веры является перволичная, что оправдано семантической спецификой глагола *believe* и тенденцией к использованию авторского *я* в английской научной речи, то в русскоязычном – третьеличная и безличная.

Диалогический статус высказываний с модусом веры. Диалогический статус высказываний с модусом веры следует определять, во-первых, с опорой на его положение в составе диалогического единства, а во-вторых, с учетом типа валентности, который оно реализует. При этом прямое соотношение между данными характеристиками не всегда прослеживается. Вариативность их соотношения обусловливает динамичность диалогического статуса ссылок на веру.

Так, ссылка на веру может находиться в составе стимулирующей реплики и непосредственно реализовывать стимулирующую валентность, то есть передавать коммуникативную инициативу адресату и, таким образом, являться ядром реплики-стимула ((1): *Вы в это верите?* – (2): *Я, в общем, часто в таких...* – (3): *Вы социальный романтик, да?* [Методология, 2005]). В то же время в других стимулирующих контекстах ссылка на веру ориентирована не столько на передачу слова собеседнику, сколько на пояснение, обоснование, аргументацию своего вопроса как ядра реплики-стимула: *Well, I'd like to come back to the question that Alfonso raised and actually ask him in his concerns about the dilemma of how to view and treat embryos, pointing out*

that at least in Europe, because the number of embryos that are implanted is limited and yet the number of embryos that are formed are often in excessive of the two, I believe, that at least some countries limit implantation [National, 2009]. В приведенном фрагменте ссылка на веру мотивирует постановку вопроса, что, во-первых, дает адресату время на обдумывание ответа, возможность собраться с мыслями, а во-вторых, уточняет, какого рода информацию ожидает получить от собеседника говорящий и, таким образом, служит средством предотвращения потенциальных коммуникативных неудач. Аргументативная нагрузка, которую несет ссылка на незнание, а также ее поверхностная структура, позволяют приписывать ей ассертивные свойства, несмотря на ее положение в реплике стимулирующего порядка.

Модус веры обнаруживается и в составе реактивной реплики, которая может иметь разную *степень иллокутивной и эпистемической зависимости* от стимулирующей реплики.

1. В случае *высокой степени зависимости* реактивная вера является иллокутивно и эпистемически (модально) вынужденной, то есть обусловленной коммуникативной направленностью реплики-стимула и характером предиката, который в ней использован:

(1): *Правильно ли я понимаю, что регулирование – после этого кризиса, или вообще вы не верите в невидимую руку рынка?*

(2): *Я не верю в безусловную эффективность невидимой руки рынка, особенно на финансовых рынках* [Как, 2009].

Апелляция к модусу веры (точнее, неверия) в первой реплике приведенного диалогического единства спровоцировало появление ссылки на веру в ответной реплике.

2. Эпистемическая связь между стимулирующей и ответной репликой может быть *более слабой*: реактивная вера является иллокутивно вынужденной, но модальная зависимость между стимулом и реакцией носит условный характер:

(1): *The Internet is now a video medium. Why do you think that video will succeed when waves of television have failed?*

(2): *I believe it will succeed because of there exists a critical mass of users* [Keith, 2007].

Появление ссылки на веру в ответной реплике обусловлено диалогической направленностью стимулирующей реплики, но в эпистемическом плане эта ссылка не совсем согласуется с апелляцией к мнению *Why do you think*, поскольку предикаты *believe* и *think* выражают разную степень субъективности и имеют разный эпистемический статус в научном диалоге. Конечно, они максимально сближается в семантическом плане и выражают мнение, но при этом в отличие от *think* глагол *believe* имеет более субъективный и путативный характер, что не позволяет ставить между ними знак равенства.

Аналогичную ситуацию можно наблюдать и в русскоязычных контекстах. (1): *Так, может, ну их, эти графики? <…> Кто это – простой человек? <…> Что в нем не поменялось?* – (2): *Я говорил, <…> что установки людей не могут меняться «вдруг», внезапно, каждый день, они достаточно устойчивы. У каждого из нас есть какие-то установки, и мы верим, что мы остались неизменными, по крайней мере, последние 10–20 лет* [Идеология, 2007]).

Во второй реплике данного диалогического единства субъектом веры является не говорящий, а другое лицо, точнее группа лиц (*мы верим*), к которой говорящий, по-видимому, причисляет и самого себя. Несмотря на то что реплика-стимул не апеллирует к такому ментальному состоянию собеседника, как вера, последний при оценке истинности определенного положения ссылается именно на нее.

3. Между стимулирующей репликой и ссылкой на веру в составе ответной реплики может *отсутствовать как иллокутивная, так и эпистемическая связь*:

(1): *<…> How does that affect my life? How am I ever going to use that information? <…>*

(2): *<…> It provides the basis for knowing when, how, and why to use certain instructional strategies. <…> And I believe that's it. Thank you* [Keith, 2007].

В данном случае высказывание с модусом веры представляет собой не ответ на поставленный в реплике-стимуле вопрос, а выполняет регулятивную функцию, является метакоммуникативным средством, маркирующим окончание реплики.

Подобная ситуация обнаруживается и в примере, где ссылка на веру в составе реактивной реплики реализует директивную иллокуцию, при общей ассертивной направленности реактивного действия: *A very popular account of this is that conscience is an inner moral sense which is attuned to an external source of moral truth, such as divine law. And this has been very popular, and I believe if you did a public opinion poll it would get a lot of assents <…>* [Conscious, 2008].

Таким образом, иллокутивная и эпистемическая связь между реактивной ссылкой на веру и репликой-стимулом может варьироваться от сильной до нулевой. В составе стимулирующей реплики апелляция к вере используется редко (говорящего не интересуют суждения оппонента, которые находятся в ненадежном эпистемическом ранге веры), что подчеркивает невысокий статус веры в эпистемическом пространстве научного диалога.

Ссылки на веру, представленные в научном диалоге, имеют следующие разновидности: семантико-прагматические (вера-полагание и собственно вера), структурно-прагматические (перволичная, второличная, третьеличная и безличная вера) и диалогические разновидности (стимулирующие и реактивные, причем последние – с разной степенью зависимости от реплики-стимула). Сказанное позволяет констатировать разноплановость и многообразие ссылок

на веру в научной дискуссии, что характеризует их как важный элемент научного диалога и весьма привлекательный объект анализа.

ЛИТЕРАТУРА

Абреу-Фамлюк В.Р. Интерпретирующие речевые акты в структуре диалогического дискурса (на материале русского, английского и французского языков): дис. … канд. филол. наук. Минск, 2022. 198 с.

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

Васильев Л.М. Очерки по семантике русского глагола. Уфа: Б. и., 1971. С. 38–310.

Задворная Е.Г. Коммуникативно-эпистемические параметры высказывания и дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 2001. 36 с.

Задворная Е.Г. Эпистемическая зона веры в научном диалоге // От слова к дискурсу: разнообразие форм и (не)предсказуемость смыслов: тезисы междунар. науч. конф. Минск, 2023. С. 22–24.

Маслова Л.Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дис. … канд. филол. наук. М., 2007. 192 с.

Соловьева Н.В. Толерантность в научной дискуссии: лингвостилистический аспект: на материале текстов научных дискуссий 1950–2000 гг.: дис. … канд. филол. наук. Пермь, 2007. 244 с.

Соловьева Н.В. Типы речевого поведения в научном дискуссионном тексте // Вестник КемГУ. 2011. № 1(45). С. 180–184.

Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сб. ст. Уфа: БашГУ, 2006. 520 с.

Шмелев А.Д. Хоть знаю, да не верю // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993. С. 164–169.

Bucchi M. Style in science communication, Public Understanding of Science. 2013. Vol. 22(8). P. 904–915.

Pahta P., Taavitsainen I. Scientific discourse // Historical Pragmatics. Berlin, NewYork: De Gruyter Mouton, 2010. P. 549–586.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Bridging Research and Practice: An Examination of a Teaching and Learning Model 2004. URL: https://mspnet-static.s3.amazonaws.com/math_3_7.doc (accessed 20 March 2024).

Conscience in the Practice of the Health Professions 2008. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11759-018-9343-0 (accessed 20 March 2024).

Digital Bioarchaeological Ethics Panel Discussion 2016. URL: https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/sept08/session3.html (accessed 20 March 2024).

Keith Aoki. Plenary Session Transcript 2007. URL: https://lawreview.law.ucdavis.edu/archives/40/3/plenary-session-transcript (accessed 15 December 2017).

Math / Science Partnerships Workshop. How People Learn 2004. URL: https://mspnet-static.s3.amazonaws.com/math_6_27_04.doc (accessed 20 March 2024).

Microbiological criteria for food 2007. URL: http://www.fsis.usda.gov/PDF/NACMCF_Transcript_060407.pdf (accessed 20 March 2024).

National Ethics Commissions: Looking Back and Looking Forward 2009. URL: https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/march09/session4.html (accessed 20 March 2024).

Physicians and execution 2008. URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1713&context=faculty_scholarship (accessed 20 March 2024).

The biology of freedom 2007. URL: http://philoctetes.org/documents/Biology%20of%20Freedom.pdf (accessed 20 March 2024).

Идеология провинциального человека: изменения в сознании, душе и поведении за последние 15 лет. 2007. URL: https://polit.ru/article/2007/12/13/plusnin/ (дата обращения: 20.03.2024).

Как изменит кризис мировую экономику и экономическую науку. 2009. URL: https://polit.ru/lectures/2009/05/21/econom.html (дата обращения: 20.03.2024).

Конец социологизма: перспективы развития науки. 2009. URL: https://polit.ru/lectures/2009/08/06/videon_vahshtain.html (дата обращения: 20.03.2024).

Методология ММК как метафронезис коллективно-распределенного мышления. 2005. URL: https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/17.html (дата обращения: 20.03.2024).

Современная Россия: Дискуссия (Материалы семинаров Центра россиеведения ИНИОН РАН, 2008–2013). М., 2014. 324 с.

Что может и что не может социология. 2005. URL: https://polit.ru/article/2005/01/04/levada/ (дата обращения: 20.03.2024).

Четвертое заседание Русского интеллектуального клуба. 2000. URL: https://rikmosgu.ru/sessions/4/stenogram/ (дата обращения: 20.03.2024).

Как мы мыслим? Разноязычие и кибернетика мозга. 2009. URL: https://old1.polit.ru/article/2009/11/24/brain/ (дата обращения: 20.03.2024).

Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М., 2005. 524 с.

O.N. Chalova
PhD in Philology, Associate Professor,
Doctoral Student,
Chair of theoretical and applied linguistics,
Minsk State Linguistic University
Minsk, Republic of Belarus

Varieties of Speech Acts with the Explicit Mode of Belief in Scientific Dialogue

The article is about identifying and describing functional aspects of statements with the mode of belief in both English and Russian scientific dialogue. The relevance of the analysis is predetermined by the general focus of modern linguistics on the study of various types of communication in terms of different parameters. The sources of the material are transcripts of modern scientific discussions (both in English and Russian) in different fields of knowledge. The work identifies semantic variants of references to belief, their structural varieties (taking into account the type of the subject of faith) as well as establishes their dialogical status (i.e. their communicative orientation defined on the basis of both their position in the dialogical unity and illocutionary properties): stimulating and reactive messages with a propositional attitude of belief that are characterized by several varieties (stimulating references to belief – consistent and inconsistent with the general illocutionary orientation of the stimulating turn; those reactive ones – modally and illocatively dependent on or independent of the stimulating turn). The conclusion about the variable nature of references to belief has been made,

which indicates their important role in developing scientific dialogue. The analysis applied can be used to analyze messages with different propositional attitudes (opinion, ignorance, etc.) in various types of communication.

Keywords: *discourse; scientific discourse; scientific dialogue; mode; epistemic mode; belief; opinion; stimulating speech turn; reactive speech turn*.

REFERENCES

Abreu-Famlyuk V.R. Interpretive speech acts in the structure of dialogic discourse (on the basis of Russian, English and French) [Interpretiruyushchie rechevye akty v strukture dialogicheskogo diskursa (na materiale russkogo, anglijskogo i francuzskogo yazykov)]. Minsk: Minsk State Linguistic University, 2022. 198 p. (in Russian).

Babenko L.G. Lexical means of indicating emotions in the Russian language [Leksicheskie sredstva oboznacheniya emocij v russkom yazyke]. Sverdlovsk: Ural State University, 1989. 184 p (in Russian).

Vasilyev L.M. Essays on the semantics of the Russian verb [Ocherki po semantike russkogo glagola]. Ufa: B. i., 1971. pp. 38–310 (in Russian).

Zadvornaya E.G. Communicative and epistemic parametres of speech acts and discourse [Communikativno-epistemicheskie parametry vyskazyvaniya i diskursa]. *Abstract of the dissertation ... doctor of Philology*, 2001. 36 p. (in Russian).

Zadvornaya E.G. The Epistemic zone of belief in scientific dialogue [Epistemicheskaya zona very v nauchnom dialoge]. *From word to discourse diversity of forms and (un)predictability of meanings: theses of the international scientific* conference. Minsk, 2023. pp. 22–24 (in Russian).

Maslova L.N. Expression of consent / disagreement in oral scientific communication: gender aspect [Vyrazhenie soglasiya / nesoglasiya v ustnoj nauchnoj kommunikacii: gendernyjaspekt]. Moscow, 2007. 192 p (in Russian).

Solovyova N.V. Tolerance in scientific discussion: linguistic and stylistic aspect: based on the texts of scientific discussions 1950–2000 [Tolerantnost' v nauchnoj diskussii: lingvostilisticheskij aspekt: na materiale tekstov nauchnyh diskussij 1950–2000]. Perm, 2007. 244 p. (in Russian).

Solovyova N.V. Types of speech behavior in scientific discussion text [Tipy rechevogo povedeniya v nauchnom diskussionnom tekste]. *Issues of KemGU*, 2011. pp. 180–184 (in Russian).

Theoretical problems of general linguistics, Slavic studies, Russian Philology [Teoreticheskie problemy obshchej lingvistiki, slavistiki, rusistiki]. Ufa, 2006 (in Russian).

Shmelyov, A.D. Although I know it, but I don't believe it [Hot' znayu, da ne veryu]. *Logical Analysis of the Language. Mental Acts*. Moscow: Nauka, 1993. pp. 164–169 (in Russian).

Bucchi M. Style in science communication, public understanding of science. 2013. Vol. 22 (8). pp. 904–915 (in English).

Pahta P., Taavitsainen I. Scientific discourse. *Historical Pragmatics.* Berlin, New York: De Gruyter Mouton. 2010. pp. 549–586 (in English).

SOURCES USED

Bridging Research and Practice: An Examination of a Teaching and Learning Model 2004. Available at: https://mspnet-static.s3.amazonaws.com/math_3_7.doc (accessed on March 20, 2024) (in English).

Conscience in the Practice of the Health Professions 2008. Available at: https://link.springer.com/article/10.1007/s11759-018-9343-0 (accessed on March 20, 2024) (in English).

Digital Bioarchaeological Ethics Panel Discussion 2016. Available at: https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/sept08/session3.html (accessed on March 20, 2024) (in English).

Keith Aoki. Plenary Session Transcript 2007. Available at: https://lawreview.law.ucdavis.edu/archives/40/3/plenary-session-transcript (accessed on December 15, 2017) (in English).

Math/Science Partnerships Workshop. How People Learn 2004. Available at: https://mspnet-static.s3.amazonaws.com/math_6_27_04.doc (accessed on March 20, 2024) (in English).

Microbiological criteria for food 2007. Available at: http://www.fsis.usda.gov/PDF/NACMCF_Transcript_060407.pdf (accessed on March 20, 2024) (in English).

National Ethics Commissions: Looking Back and Looking Forward 2009. Available at: https://bioethicsarchive.georgetown.edu/pcbe/transcripts/march09/session4.html (accessed on March 20, 2024) (in English).

Physicians and execution 2008. Available at: https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1713&context=faculty_scholarship (accessed on March 20, 2024) (in English).

The biology of freedom 2007. Available at: http://philoctetes.org/documents/Biology%20of%20Freedom.pdf (accessed on March 20, 2024) (in English).

The ideology of a provincial man: changes in consciousness, soul and behavior over the past 15 years [Ideologiya provincial'nogo cheloveka: izmeneniya v soznanii, dushe i povedenii za poslednie 15 let] 2007. Available at: https://polit.ru/article/2007/12/13/plusnin/ (accessed on March 20, 2024) (in Russian).

How will the crisis change the global economy and economics [Kak izmenit krizis mirovuy uekonomikui ekonomicheskuyu nauku] 2009. Available at: https://polit.ru/lectures/2009/05/21/econom.html (accessed on March 20, 2024) (in Russian).

The end of sociologism: prospects for the development of science [Konecsociologizma: perspektivyrazvitiyanauki] 2009. Available at: https://polit.ru/lectures/2009/08/06/videon_vahshtain.html (accessed on March 20, 2024) (in Russian).

MMC Methodology as a metaphronesis of collective distributed Thinking [Metodologiya MMK kak metafronezis kollektivno-raspredelyonnogo myshleniya] 2005. Available at: https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/17.html (accessed on March 20, 2024) (in Russian).

Modern Russia: Discussion (Materials of seminars of the Center for Russian Studies of the INION RAS, 2008–2013) [Sovremennaya Rossiya: Diskussiya (Materialy seminarov Centra rossievedeniya INION RAN, 2008–2013)]. 2014. Moscow. 324 p. (in Russian).

What sociology can and cannot do [Chto mozhet i chto ne mozhet sociologiya] 2005. Available at: https://polit.ru/article/2005/01/04/levada/ (accessed on March 20, 2024) (in Russian).

The fourth meeting of the Russian Intellectual Club [Chetvertoe zasedanie Russkogo intellektual'nogo kluba] 2000. Available at: https://rikmosgu.ru/sessions/4/stenogram/ (accessed on March 20, 2024) (in Russian).

How do we think? Multilingualism and cybernetics of the brain [Kak my myslim? Raznoya zychiei kibernetika mozga] 2009. Available at: https://old1.polit.ru/article/2009/11/24/brain/ (accessed on March 20, 2024) (in Russian).

Shchedrovitsky, G. P. Thinking. Understanding. Reflection [Shchedrovickij, G. P. Myshlenie. Ponimanie. Refleksiya] 2005. Moscow. 524 p. (in Russian).

О.П. Аделева

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 81'32

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-130-143

АТРИБУТИВНАЯ СТРУКТУРА ЛИРИЧЕСКОГО СБОРНИКА ТЕДА ХЬЮЗА «ЯСТРЕБ ПОД ДОЖДЕМ»

Ключевые слова: *атрибуты; атрибутивные типы; частоты; атрибутивная валентность; номинальность; Тед Хьюз.*

Основной задачей статьи является определение ключевых тенденций использования атрибутов в стихотворных произведениях английского поэта Теда Хьюза, а также проведение квантитативного анализа распределения атрибутов разных типов. Тип атрибута присваивается в зависимости от частеречного заполнения синтаксической позиции определения, а также в зависимости от позиции определения относительно определяемого слова. Являясь важным аспектом описания, отражая авторские предпочтения в выборе морфологических классов слов, атрибуты в поэтическом тексте позволяют выявить индивидуальные особенности стиля автора, выступают значимым маркером стиля.

Материалом нашего исследования является известный сборник стихотворений Теда Хюза «Ястреб под дождем» («The Hawk in the Rain»), изданный в 1957 году и принесший ему первую известность.

В работе мы рассматриваем схему атрибутивных типов, соотношение в стихотворных текстах автора именных и адъективных атрибутов, атрибутивную валентность существительных. Для проведения квантитативного анализа привлекаются следующие статистические процедуры: коэффициент Бузмана, χ^2, евклидово расстояние.

Анализ текста в формализованном виде является источником достоверных данных для построения выводов об особенностях идиостиля автора. Формальные параметры стиха являются важным маркером авторского стиля, позволяют исследовать изменения стиля автора на протяжении его творческой деятельности, служат основой для выделения ключевых периодов творчества, а также способствуют выявлению отличительных признаков между различными периодами творчества автора.

Квантитативный анализ формальных параметров служит ключом к решению целого ряда задач, дает возможность выявить факторы, оказывающие влияние на развитие стиля, проследить степень вариативности стиля автора на протяжении его творческого пути.

В данной статье мы ставим перед собой задачу провести квантитативный анализ распределения и характера использования атрибутов различных типов в рамках лирического сборника британского поэта Теда Хьюза «The Hawk in the Rain». Определение – это важный маркер авторского стиля, поскольку «является автономным, завися только от предпочтений и художественной манеры писателя или поэта» [Андреев, 2023].

Тед Хьюз (1930–1998) – известный английский поэт, писатель, автор книг для детей и взрослых, переводчик, обладатель почетного звания поэта-лауреата с 1984 по 1998 год, которое в разные годы носили Джон Мейсфилд, Роберт Бриджес, Уильям Вордсворт, Альфред Теннисон, Роберт Саути и ряд других. Тед Хьюз считается одним из наиболее выдающихся писателей послевоенной эпохи, является кавалером ордена «За заслуги» (Order of Merit, 1998). Стиль его характеризуется большим количеством метафор, строгой ритмической организацией, стихотворения строятся на свободных ассоциациях.

Теда Хьюза можно назвать поэтом Природы, который следует традициям английской литературы, посвящая свои стихотворения ландшафтам, человеку, животным. В своей анималистской поэзии он буквально проникает внутрь живого существа, дает читателю возможность взглянуть на мир его глазами. Описывая птиц и животных, он опирается как на традиционно приписываемые им свойства, так и на собственные наблюдения за тем, как они ведут себя в реальной жизни, чтобы дать четкое представление о той роли, которую они играют в мире природы [Thornley, 1984]. Джонатан Бейт в своей биографической книге о Теде Хьюзе пишет, что он был поэтом не только света, но и тьмы; певцом не только полнокровной жизни, но и смерти; среди существ, созданных им, есть не только создания света, но и порождения жестокости [Bate, 2016].

Тед Хьюз обрел известность как молодой многообещающий поэт, стиль которого был особо отмечен критиками за новаторство в ритме и в языке. Поэзия для него заключалась в стремлении уловить и передать сущность пейзажа, живого существа, человека.

Материалом данного исследования послужил сборник ранних стихотворений Теда Хьюза «The Hawk in the Rain» (1957). Авторский сборник представляет собой единый цикл произведений, характеризуется содержательной связанностью, структурным единством. Кроме того, «…произведения, включаемые автором для своих сборников (демонстрирующие предпочтения автора, авторское видение), могут в значительной степени отличаться по своим стилеметрическим параметрам от его остальных произведений» [Андреев, 2015].

Именно этот сборник стихотворений принес автору первую известность, произвел сильное впечатление на Сильвию Плат. Она писала, что душу ее затронула неистовая сила языка поэта, что стихи Теда сочетают «интеллект и изящество сложной формы с лирической музыкой, мужскую

энергию и жизнерадостность, моральную приверженность, любовь и благоговейный трепет перед миром» [Bate, 2016].

Анализ содержательного плана текстов сборника «The Hawk in the Rain» был проведен в исследовании А.Д. Пейсахович, О.И. Графовой [Пейсахович, 2017]. В нашей работе в соответствии с поставленными задачами мы выделяем три тематические группы: 1) человек – природа («The Jaguar», «The Horses», «Wind» и др.); 2) человек – человек, внутренний мир человека («September», «October Dawn», «Incompatibilities» и др.); 3) человек – война («Two Wise Generals», «The Casualty», «Bayonet Charge» и др.).

Яркой иллюстрацией первой темы (связи человека и природы) является стихотворение «The Jaguar». Ягуар здесь воплощает в себе силу природы, он прожорлив, жесток и прекрасен, однако посажен в клетку. Роль поэта – сломать железные прутья решетки, освободить дух ягуара, вернуть человечество к его первозданным отношениям с природой.

Ко второй теме сборника относится стихотворение «The Thought-Fox» («Мысль-лиса»), представляющее собой размышления автора о внутреннем мире человека, о поиске себя. Это стихотворение – персональный миф автора. Тед Хьюз часто рассказывал об истории его написания на встречах с читателями, иногда добавляя новые детали в повествование. Однажды ему приснилось, что он сидит за столом, мучительно пытаясь завершить сочинение. Во сне дверь медленно открылась, и показалась лисья голова. Это было существо с лисьим туловищем, оно стояло прямо, высокое, как волк, вставший на задние лапы. Положив обгоревшую окровавленную человеческую руку на страницу, существо произнесло: «Прекрати это, ты нас уничтожаешь». Реалистичный сон побудил Теда отказаться от курса английской литературы и послужил сюжетом для его знаменитого стихотворения.

Сборник завершают несколько военных стихотворений автора, которые были отнесены в данном исследовании к третьей теме «Человек – Война». «The Casualty» («Жертва») – одна из лучших среди первых его поэтических работ. Стихотворение написано под впечатлением от воспоминаний о низко гудящих военных самолетах, оно повествует о летчике, сгоревшем в разбившемся самолете. Далее следуют «Bayonet Charge» («Штыковая атака»), «Griefs for Dead Soldiers» («Скорбь по погибшим солдатам»), его лучшие военные стихотворения «Six Young Men» («Шесть юношей»), «Two Wise Generals» («Два мудрых генерала»), «The Ancient Heroes and the Bomber Pilot» («Древние герои и пилот бомбардировщика»).

Задача данной работы состоит в выявлении общих характеристик всего сборника и признаков, различающих описанные выше тематические группы стихотворений.

Сборник включает в себя 40 стихотворений автора. Количество строк в произведениях варьирует от 8 до 45. Суммарное число строк равно 980. Общий

объем выборки составляет 100%. Во всех стихотворениях сборника были подсчитаны атрибуты, установлен их тип. Тип атрибута определяется с опорой на часть речи, которая заполняет синтаксическую позицию определения.

В исследовании используется схема атрибутивных типов, которая была успешно применена в ряде исследований, посвященных изучению атрибутивной структуры армянских лирических текстов [Андреев, 2023; 2023а]. Получены интересные данные о характере предпочтений авторов в построении описания. Схема приведена в таблице 1.

Относительно определяемого слова атрибут может находиться как в левой (L), так и в правой (R) позиции. Каждый тип атрибута проиллюстрирован примером из сборника «The Hawk in the Rain» [Hughes, 2003].

Таблица 1

Схема атрибутивных типов

Тип определения	Пример с атрибутом в левой позиции (L)	Пример с атрибутом в правой позиции (R)
Прилагательное	– Smile from the *single* exposure – the decaying *dead* bird – To the *dark* heaven	– Then the sun / *Orange, red, red* erupted / Silently – with buttocks *tight* – the leaves hang *big* and *still* – the twin *dead* – his lips *numb*
Адъективное словосочетание	–	– Six young men, *familiar to their friends* – Their hung heads *patient as the horizons* – gleam with a ray / Slow and cold and *ferocious as a star* – A glass *half full of wine*
Причастие	– With *draped* manes and *tilted* hind-hooves – A *scorching* and *dizzying* blue apparition – on the *bearing* mother – Of the *flaming* moon	– The lawn *overtrodden* and *strewn* – a jaguar *hurrying enraged* / Through prison darkness – Have found their sleeping armies *massacred* – The treaty *sealed*, lands *allotted*
Причастный оборот	– *Pictured here*, their expressions listen yet	– A world *cast in frost* – Minutes *uproaring with our heads* – the trees *casting their crowns* – Horses, *plunging apart* towards North and South
Атрибутивная фраза	– On the *attic* stair – Every gentle *pedigree* dove – like a *lightning* stroke – on a *nursery* wall	–

Генитивная конструкция	–	– You hear the water *of* seven *streams* fall; – The celluloid *of a photo-graph* holds them well – the horses *of the sun* – the tail *of* his *horse*
Притяжательный падеж	– Like a great *man's* coffin – From the *parent's* pointing finger and the *child's* amaze – The slum of the *dog's* bowel – A *fox's* nose touches twig	–
Существительное с предлогом	–	– out of the draught *in the door* – into the snow / *Between trees* – a spoiled appetite *for some delicacy* – In a cage *of wire-ribs* – great gates *to a hell*
Наречие	–	– on a rock / *Above* – the night *before* – The tent-lamp *out*
Инфинитив	–	– the ditch *to pitch* abortions in – There is no better way *to know* us – had the especial excellence / *To make* – and massive lock / *To hold* rivers
Числительное	– After that *first* alone-in-creation cry – Through *third*, up through *second* places – meet for the *first* time – After that *first* alone-in-creation cry	–
Приложение	–	– …then this one, *his best friend* – Aged Mother, *Mary* – the moorline – *blackening dregs of the brightening grey* – and I, / *Bloodily grabbed dazed last-moment-counting / Morsel*
Придаточное предложение	–	– shirts *that are torn* – To be lying beside women *who grimace* – the star *that lights the face* – a body *that is bold to come*

Класс детерминативов рассматривается нами более детально. Среди местоимений в позиции определения мы выделяем указательные, притяжательные, неопределенные и др. (см. табл. 2). Для большинства местоимений характерно положение перед определяемым словом, однако это не относится к типу возвратных местоимений. В связи с тем, что в постпозиции местоимений крайне мало, на данном этапе исследования мы не рассматриваем их отдельно, а включаем в общий список местоимений.

Таблица 2

Схема атрибутивных типов местоимений

Тип определения	Пример
Указательное местоимение (L)	– Shrieked at *that* raider – After all *these* years – *This* grinning sack – Through *that* miracle-breached bed
Неопределенное местоимение (L)	– Dreams he sweeps *some* great queen towards his bed – *some* frivolous heirloom – Down *some* black hole – *some* other prisoner
Отрицательное местоимение (L)	– Though *no* prompt – *No* forced fistful of meat-and-potato fact – *No* clock counts this – He will win *no* more prizes
Определительное местоимение (L)	– His wings hold *all* creation – Under *each* sense – And *every* attitude showing its bone – with *all* the old junk
Притяжательное местоимение (L)	– And lurches to *his* feet – The world has burned away beneath *his* book – Whenever I am got under *my* gravestone – grabbed *your* heel
Возвратное местоимение (R)	– But heaven *itself* must blacken with the rot! – the eye *itself*

В результате проведения подсчетов в сборнике выявлено 1415 атрибутов разных типов. В зависимости от представленности в текстах стихотворений, атрибуты ранжированы по нисходящей частоте (см. табл. 3). В скобках указан процент от общего числа атрибутов (произведено округление до десятых).

Таблица 3

Данные по количеству атрибутов в стихотворениях сборника «Ястреб под дождем»

Тип атрибута	Общее количество атрибутов	Количество атрибутов в левой позиции	Количество атрибутов в правой позиции
Прилагательное	411 (29%)	368	43
Местоимение	403 (28,5%)	399	4
Генитивная конструкция	168 (11,9%)	0	168
Причастие	147 (10,4%)	113	34
Притяжательный падеж	68 (4,8%)	66	2
Придаточное предложение	65 (4,6%)	1	64
Причастный оборот	62 (4,4%)	1	61
Атрибутивная фраза	39 (2,8%)	39	0
Существительное с предлогом	13 (0,9%)	0	13
Числительное	10 (0,7%)	10	0
Наречие	9 (0,6%)	0	9
Инфинитив	8 (0,6%)	0	8
Адъективное словосочетание	8 (0,6%)	0	8
Приложение	4 (0,3%)	0	4
Итого:	1415 (100%)	997 (70,5%)	418 (29,5%)

Как видно из таблицы, наиболее представленным типом атрибута является прилагательное (29%). Сходной частотностью в использовании обладают местоимения (28,5%). Оба типа атрибутов значительно чаще встречаются в препозиции, чем в постпозиции относительно определяемого слова.

Генитивная конструкция (11,9%) и причастие (10,4%) встречаются реже. При этом генитивная конструкция, которая строится в английском языке с помощью предлога of, может находиться только после определяемого слова, тогда как причастия встречаются как в правой, так и в левой позиции. В правой позиции, исходя из наших данных, они наблюдаются в три раза чаще.

Притяжательный падеж, придаточное предложение, причастный оборот и атрибутивная фраза встречаются в позиции атрибута довольно редко, в 2–5% случаев. При этом притяжательный падеж и атрибутивная фраза могут находиться только в препозиции, что обусловлено грамматически, а придаточное предложение и причастный оборот, как правило, следуют за определяемым словом.

К наименее частотным атрибутам относятся: существительное с предлогом, числительное, наречие, инфинитив, адъективное словосочетание и приложение. На долю каждого из них выпадает менее 1% случаев. Все атрибуты данной группы, кроме числительного, находятся исключительно в правой позиции относительно определяемого слова.

Таблица 4

Местоимения в позиции определения (количественные данные)

Тип атрибута	Общее количество атрибутов	Количество атрибутов в левой позиции	Количество атрибутов в правой позиции
Притяжательное местоимение	265 (65,8%)	265	0
Указательное местоимение	57 (14,1%)	57	0
Определительное местоимение	41 (10,2%)	40	1
Отрицательное местоимение	23 (5,7%)	22	1
Неопределенное местоимение	15 (3,7%)	15	0
Возвратное местоимение	2 (0,5%)	0	2
Итого	403 (100%)	399 (99%)	4 (1%)

Рассмотрим класс местоимений более подробно (табл. 4). Согласно полученным данным, в рамках указанного атрибутивного типа наиболее часто встречаются притяжательные местоимения (65,8%). Все местоимения данного типа являются относительными и находятся в препозиции. Указательные местоимения (14,1%) и определительные (10,2%) встречаются в тексте значительно реже, для них характерна левая позиция. К наиболее редко встречающимся местоимениям можно отнести отрицательные (5,7%) и неопределенные (3,7%). Число возвратных местоимений незначительно (0,5%), их можно отнести к наименее частотным атрибутам.

Из наших данных также видно, что значительная часть определений находится в препозиции к определяемому слову – более 70% случаев.

Анализируя характер, особенности описания художественного мира в произведении, интересно также выяснить, насколько выражена описательность / номинальность текста. Мы рассмотрим соотношение двух групп атрибутов: адъективных и именных.

В группу адъективных атрибутов включены непосредственно прилагательные, местоимения указанных выше типов, адъективные словосочетания. К именным атрибутам мы относим генитивную конструкцию, притяжательный падеж, атрибутивный кластер, существительное с предлогом, а также приложение.

Для того чтобы выявить соотношение этих двух больших групп атрибутов, используется коэффициент Бузмана, который рассчитывается по следующей формуле:

$$C = \frac{A}{A + B},$$

где A обозначает частоту использования адъективных определений, а B – именных.

Если C > 0,55, речь идет о преобладании адъективных определений, если C < 0,45, то о преобладании определений именных. При 0,45 ≤ C ≤ 0,55 считается, что обе группы определений используются автором сбалансированно [Андреев, 2023]. В результате подсчетов получен коэффициент C = 0,74, который указывает на преобладание адъективных определений в стихотворениях автора.

Проверка статистической значимости проводится при помощи критерия хи-квадрат (χ^2), который рассчитывается по следующей формуле:

$$\chi^2 = \frac{(A - B)^2}{A + B}.$$

При числе степеней свободы, равном 1 и p = 0,05, результат считается статистически значимым, если $\chi^2 > 3{,}84$. В нашем случае $\chi^2 = 252{,}15$. Результат статистически значим, следовательно, мы можем говорить о значимом превалировании класса адъективных определений, что в свою очередь дает нам возможность сделать вывод о выраженной описательности стиля Т. Хьюза. Номинальность выражена слабее.

Имя существительное может определяться более чем одним атрибутом, то есть иметь различную атрибутивную валентность, под которой мы понимаем сочетаемость существительных с атрибутами. В сборнике «The Hawk in the Rain» было зафиксировано 744 существительных с атрибутивной валентностью 1, 212 – с валентностью 2, 66 – с валентностью 3, 12 – с валентностью 4 и по одному случаю с валентностью 5 и 6. Примеры различной атрибутивной валентности даны в таблице 5.

Таблица 5

Атрибутивная валентность существительных

Валентность	%	Примеры
1	71,9	an *unfortunate* King
2	20,5	*all these* years
3	6,4	*Every gentle pedigree* dove
4	1,2	a *sudden sharp hot* stink *of fox*
5	0,1	*that Jack Horner's hedge-scratched pig-splitting* arm, /*Grubbing* his get
6	0,1	With *dense slow* shudderings *of greens, yellows, blues*, / *Crimsoning* into the barbs

Обращает на себя внимание оппозиция одновалентных и поливалентных существительных. Количество одновалентных существительных превышает число поливалентных более чем в 2,5 раза.

До сих пор анализу подвергался сборник как единый цикл произведений. Однако полученные данные могут быть использованы для сопоставительного анализа между тематическими группами и средними значениями по всему сборнику. В этом случае будет решаться вопрос о

существовании зависимости между тематической характеристикой стихотворений и характером определений, используемых автором. Для решения указанной задачи используется расчет евклидова расстояния.

Евклидово расстояние – статистическая мера, которая неоднократно использовалась в лингвистических исследованиях. Так, в частности, она применялась для сопоставления периодов творчества поэтов на материале морфологических данных [Андреев, 2021, Аделева, 2023], для определения степени вариативности семантических характеристик глагола [Осипчук, 2024] и др.

Приведем формулу подсчета евклидова расстояния:

$$d_{(p,q)} = \sqrt{\sum_{k=1}^{n}(p_k - q_k)^2},$$

где p и q – точки в n-мерном пространстве.

Евклидово расстояние между тематическими блоками было подсчитано на основе данных по суммарному количеству определений разных типов. В связи с разным объемом рассматриваемых групп стихотворений используются не абсолютные, а относительные частоты из расчета на 1000 слов. Результаты представлены в таблице 6, а также на графике (рис. 1).

Таблица 6

Расстояние между тематическими блоками

Тематические блоки	Евклидово расстояние
Человек – Природа / Человек – Человек	40,7
Человек – Природа / Человек – Война	36,11
Человек – Человек / Человек – Война	16,22

Рис. 1. Евклидово расстояние между тематическими блоками определений

Полученные данные свидетельствуют о наиболее выраженном различии с точки зрения используемых автором типов определений между темой 1

«Человек – Природа» и темой 2 «Человек – Человек». Различие достигается за счет преобладания имен прилагательных как в левой, так и в правой позиции, причастий (также в обоих вариантах расположения относительно определяемого слова), причастных оборотов, атрибутивных фраз и генитивных конструкций в теме 1. Среди местоимений преобладают отрицательные. Для темы 2 отмечено преобладание указательных местоимений.

Достаточно выраженным является расстояние между темой 2 «Человек – Природа» и темой 3 «Человек – Война» – вторая колонка на гистограмме. При описании природы здесь также преобладают имена прилагательные (в левой позиции), причастия (в левой позиции), причастные обороты, атрибутивные фразы, существительные в притяжательном падеже. Для темы 3 отмечено выраженное преобладание указательных местоимений.

Наиболее близки между собой темы 2 («Человек – Человек») и 3 («Человек – Война»). Описывая различия подробнее, отметим, что для темы 2 более характерны определения в виде существительных с предлогом. При этом тема 3 отличается от темы 2 большей частотностью прилагательных в правой позиции, причастий, указательных местоимений, а также придаточных предложений.

Довольно стабильной на протяжении всех стихотворений сборника остается частотность использования автором таких определений, как адъективные словосочетания, инфинитив, приложение, неопределенные местоимения, определительных и притяжательных местоимений.

Тема связи человека и природы, таким образом, находится на некотором удалении от двух других тем. Интересно, что темы войны и внутреннего мира человека, его взаимоотношений с другими людьми оказываются достаточно близкими с точки зрения реализации атрибутивной схемы. В произведениях о природе Тед Хьюз пытается определить место человека в мире, они наполнены определениями, здесь группа адъективных атрибутов наиболее многочисленна и в три раза превосходит группу именных атрибутов. Взаимоотношения между людьми часто для автора запутанны, полны горечи переживаний, неразрешимых конфликтов, характеризуются отсутствием гармонии. Война – это тоже своего рода конфликт, конфликт между человеком и обществом, в стихотворениях о боевых действиях надломленное состояние человека обусловлено ужасом, жестокостью, бессмысленностью военных действий. Несмотря на то, что группа определений в стихотворениях о войне не так многочисленна, как в стихотворениях о природе, здесь количество адъективных определений в четыре раза превышает число именных.

Теперь представляется возможным оценить, какая из тем сборника окажется ближе к центроиду класса. Центроид – это точка в многомерном пространстве со средними значениями всех характеристик. Произведения, наиболее близко расположенные к центроиду, составляют его ядро, наиболее удаленные – периферию класса. Рассчитаем евклидово расстояние между стихотворениями каждой из рассматриваемых тем и центроидом класса (табл. 7).

Таблица 7

Расстояние между тематическими блоками и центроидом класса

Тематические блоки	Евклидово расстояние
Человек – Природа / Центроид	32,01
Человек – Человек / Центроид	9,49
Человек – Война / Центроид	11,08

Исходя из данных таблицы 7, можно прийти к выводу о том, что наиболее близкими относительно среднего значения являются произведения о внутреннем мире человека и взаимоотношениях между людьми, а также стихотворения военного цикла. В наибольшей мере относительно центроида класса варьирует блок стихотворений о природе, что свидетельствует о его наиболее выраженной оригинальности, нестандартности с точки зрения используемых автором определений.

Завершая исследование, отметим, что в произведениях Т. Хьюза реализуется индивидуальная атрибутивная схема:

а) наиболее частотными типами атрибутов являются: имя прилагательное, местоимение, генитивная конструкция, причастие. В своих работах автор редко обращается к использованию наречия, инфинитива, адъективного словосочетания и приложения. Среди местоимений наиболее представленным является класс притяжательных местоимений;

б) расположение определения в препозиции к определяемому слову является доминирующим;

в) превалирование класса адъективных атрибутов позволяет говорить о выраженной описательности стиля автора;

г) атрибутивная валентность существительных в 71,9% случаев равна 1;

д) подсчет евклидова расстояния указывает на близость тем «Человек – Человек» и «Человек – Война» с точки зрения реализации атрибутивной схемы;

е) наиболее близкими к центроиду класса являются тематические блоки «Человек – Человек» и «Человек – Война». При этом стихотворения о живой природе обладают набором атрибутов, в наибольшей степени отличающихся от других.

Полученные данные могут стать основой для последующего сопоставления стиля поэта в разные периоды его творчества, что даст возможность проследить динамику развития его стиля от ранних произведений до наиболее поздних. Кроме того, данная работа может послужить базой для сопоставительного анализа стилей писателей – современников Теда Хьюза.

ЛИТЕРАТУРА

Аделева О.П. Периодизация поэтического творчества Теда Хьюза: квантитативный подход // Квантитативная лингвистика: сборник научных статей / отв. ред. С.Н. Андреев. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2023. Вып. 10. С. 13–20.

Андреев С.Н. Атрибутивная структура армянского текста // Квантитативная филология. 2023. № 1(5). С. 53–63.

Андреев С.Н. Атрибутивная структура лирических циклов «Ангел Армении» Сергея Городецкого и «Армения» Осипа Мандельштама // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 2(62). С. 28–38.

Андреев С.Н. Динамические модели стихотворного текста: монография. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2015. 148 с.

Андреев С.Н. Сопоставление сборников лирики Б. Пастернака при помощи евклидова расстояния // Квантитативная лингвистика. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. Вып. 8. С. 4–11.

Осипчук Н.В. Информационные глаголы в англоязычных текстах религиозного дискурса: квантитативный анализ // Квантитативная филология. 2024. № 1(7).

Пейсахович А. Д. Исследование идиостиля в качестве предпереводческого анализа (на материале сборника Т. Хьюза «Ястреб под дождем») // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 131–136.

Bate J. Ted Hughes: The Unauthorised Life. London: William Collins, 2016. 672 p.

Hughes T. Collected Poems. London: Faber and Faber, 2003. 1766 p.

Thornley G.C., Roberts G. An Outline of English Literature. Edinburgh: Longman Group Ltd, 1984. 216 p.

O.P. Adeleva
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of the English language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Attributive Structure of Ted Hughes' Lyrical Collection «Hawk in the Rain»

The main objective of this article is to identify the key trends in the use of attributes in the poetic works of the English poet Ted Hughes, as well as to conduct a quantitative analysis of the distribution of attributes of different types. The attribute type is assigned depending on the part of speech filling the syntactic position of the attribute, as well as depending on the position of the attribute relative to the word being described. Being an important aspect of the description, reflecting the author's preferences in choosing morphological classes of words, the attributes in the poetic text reflect the individual characteristics of the author's style, they are a significant marker of style.

The material of our research is the famous collection of poems by Ted Hughes «The Hawk in the Rain», that was published in 1957 and brought him his first fame.

In this paper, we consider the scheme of attributive types, the ratio of nominal and adjectival attributes in the author's poetic texts, and the attributive valence of nouns. For quantitative analysis we use the following statistical procedures: Buzman coefficient, $\chi 2$, Euclidean distance.

Keywords: *attributes; attribute types; frequencies; attribute valence; Ted Hughes.*

REFERENCES

Adeleva O.P. Calculation of the Euclidean distance to clarify the periodization of the author's work (based on the poetry of Ted Hughes) [Periodizacija pojeticheskogo tvorchestva Teda H'juza: kvantitativnyj podhod]. *Quantitative Linguistics*. Smolensk, 2023. No 10. pp. 13–20 (in Russian).

Andreev S.N. Attributive structure of the Armenian text [Atributivnaja struktura armjanskogo teksta]. *Quantitative Philology*. 2023. No 1(5). pp. 53–63 (in Russian).

Andreev S.N. Attributive structure of the lyrical cycles «Angel of Armenia» by Sergei Gorodetsky and «Armenia» by Osip Mandelstam [Atributivnaja struktura liricheskih ciklov «Angel Armenii» Sergeja Gorodeckogo i «Armenija» Osipa Mandel'shtama]. *Issues of Smolensk State University.* 2023. No 2 (62). pp. 28–38 (in Russian).

Andreev S.N. The dynamic models of a poetic text [Dinamicheskie modeli stihotvornogo teksta]. Smolensk, 2015. 148 p. (in Russian).

Andreev S.N. Intertextual distances between lyric collections of B. Pasternak [Sopostavlenie sbornikov liriki B. Pasternaka pri pomoshhi evklidova rasstojanija]. *Quantitative Linguistics*. 2021. No 8. pp. 4–11 (in Russian).

Osipchuk N.V. Informational verbs in English-language texts of religious discourse: quantitative analysis [Informacionnye glagoly v anglojazychnyh tekstah religioznogo diskursa: kvantitativnyj analiz]. *Quantitative Philology*. 2024. No 1 (7). pp. 4–11 (in Russian).

Pejsahovich A. D. The study of idiostyle as a pre-translation analysis (based on the material of T. Hughes's collection «The Hawk in the Rain») [Issledovanie idiostilja v kachestve predperevodcheskogo analiza (na materiale sbornika T. H'juza «Jastreb pod dozhdem»)]. *Eurasian Humanitarian Journal.* 2017. No 2. pp. 131–136 (in Russian).

Bate J. Ted Hughes: The Unauthorised Life. London: William Collins, 2016. 672 p. (in English).

Hughes T. Collected Poems. London: Faber and Faber, 2003. 1766 p. (in English).

Thornley G.C., Roberts G. An Outline of English Literature. Edinburgh: Longman Group Ltd, 1984. 216 p. (in English).

И.А. Жарикова

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 811.111

DOI10.35785/2072-9464-2024-68-4-143-157

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОБРАЗНЫХ СРАВНЕНИЙ В РОМАНАХ ТОНИ МОРРИСОН «МИЛОСЕРДИЕ» И «БОЖЕ, ХРАНИ МОЕ ДИТЯ»

Ключевые слова: *образные сравнения; функции сравнений; афроамериканская картина мира; «Милосердие» Тони Моррисон; «Боже, храни мое дитя» Тони Моррисон.*

В статье приведены различные подходы к изучению и определению такого стилистического приема, как «сравнение», описаны различия образных и безобразных сравнений в английском языке. На основе классификации О.Н. Черноусовой определены функции образных сравнений в романах «Милосердие» и «Боже, храни мое дитя» афроамериканской писательницы Тони Моррисон. Сделан вывод о преобладании сравнений, выполняющих

эмоционально-оценочную и изобразительно-конкретизирующую функции. Кроме того, исследованные сравнения позволили описать отдельные аспекты афроамериканской картины мира, такие как преобладание духовного над материальным, восприятие природы и человека как единого целого, материнство в качестве ключевой роли в жизни женщины. Также данный стилистический прием способствует раскрытию такой темы в творчестве Тони Моррисон, как утрата идентичности героями романов, которая могла происходить из-за отрицания ценностей, свойственных афроамериканской картине мира, под влиянием рабства, расовых притеснений, неприятия своей внешности, желания соответствовать модным течениям. Еще одна из тем данных романов, которая была исследована посредством контекстного анализа образных сравнений, – это разрушение самоидентичности из-за неумения героев отпускать травматические события прошлого, неспособности жить полной жизнью в настоящем.

Сравнение является одним из ключевых методов познания реальности. Изучение сравнений помогает постигать различные аспекты человеческой деятельности и особенности мировоззрения. Трактовка термина «сравнение» зачастую зависит от целей исследования.

Существуют три основных подхода к определению сравнения: гносеологический, логический и лингвистический.

В рамках гносеологического подхода сравнение исследуется как один из способов познания реального мира. Например, по мнению А.А. Потебни, «самый процесс познания есть процесс сравнения» [Потебня, 1997, *76*]. Л.А. Лебедева также определяет сравнение как «чувственно-наглядную форму отражения реального мира в сознании человека» [Лебедева 1999, *10*], ведь человек познает мир, сопоставляя известное и неизвестное, абстрактное и конкретное. В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина разделяют данную точку зрения и описывают сравнение как один из основных «способов познания действительности, краткий образный способ мышления» [Мокиенко, 2008, *4*]. Названные исследователи также подчеркивают экспрессивный характер сравнения и его оценочный потенциал.

Некоторые ученые объединяют в своих определениях несколько подходов, например, трактовка О.С. Ахмановой состоит из двух частей. Исследовательница считает, что сравнение – это 1) понятие «равенства – неравенства, большей или меньшей степени качества, находящее выражение как в грамматической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и в лексике и фразеологии», а также это 2) «фигура речи, состоящая в уподоблении одного предмета другому, у которого предполагается наличие признака, общего с первым» [Ахманова, 2007, *449–450*].

В.М. Огольцов отмечает, что сравнение – это не только основа всех логических операций (анализа, синтеза, обобщения), кроме того, оно «пронизывает многообразные и многочисленные единицы языка на его различных уровнях» [Сидикова, 2018, *13*].

Лингвистический подход предполагает изучение сравнения на фразеологическом, грамматическом и лексическом уровнях языка. Внутри него также существуют разные подходы к определению сравнения. Ряд ученых рассматривает стилистический потенциал сравнения. Так, И.Р. Гальперин описывает его как стилистический прием, в рамках которого происходит сравнение двух понятий «по какой-либо одной из черт, причем это сравнение получает формальное выражение» (цит. по: [Коршунова, 2023, *66*]).

Похожее определение дает И.Б. Голуб, считающая, что данный стилистический прием является сопоставлением «одного предмета с другим с целью художественного описания первого» [Голуб, 2007, *141*]. По мнению Л.А. Лебедевой, сравнение – «это не только понятие, фигура речи или стилистический прием, но особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная (как и другие единицы языка) значением и особой формой его выражения» [Лебедева, 1999, *12*].

Данное определение является базовым в нашей работе, так как оно включает различные аспекты данной стилистической фигуры, в нем сравнение рассматривается комплексно, именно такой подход позволит нам изучить функции сравнения, его лингвистические характеристики и его роль в раскрытии отдельных аспектов индивидуально-авторской картины.

В английском языке выделяют два вида сравнений: образные (similes) и безобразные (comparison). Первый тип представляет собой сравнение на имплицитном уровне предметов, которые принадлежат к разным классам; второй тип сопоставляет на эксплицитном уровне предметы одного класса, интерпретация таких сравнений не требует расшифровки образа [Сидикова, 2018, *21*].

Не существует единого подхода к трактовке целей применения сравнения в тексте. Так, Н.П. Потоцкая, изучающая функции сравнения в художественной литературе, отмечает, что данный прием является композиционным, также авторы прибегают к нему для раскрытия образа [Паршукова, 2015].

Т.В. Матвеева считает, что сравнение служит достижению целей коммуникации: «Сравнение – грамматически оформленное образное сопоставление двух явлений, целью которого является выделение важного для говорящего признака объекта речи» [Матвеева, 2010, *45*].

О.Н. Черноусова выделяет пять основных функций образных сравнений:

1) изобразительно-конкретизирующая функция реализуется в описании предметов, природы, фона определенных событий, таким образом происходит погружение читателя в описываемую сцену;

2) характерологическая функция создает портрет героя, подчеркивает его неповторимые черты, проясняет мотивацию поступков человека, изображает его внутренний мир;

3) эмоционально-оценочная функция описывает индивидуальные реакции героя, эмоции, чувства;

4) сравнения могут использоваться как средства стилизации для того, чтобы воссоздать эпоху, в которой живут герои;

5) функция дополнительного семантического насыщения предполагает расширение временного и географического пространства текста. Автор использует сравнения, в которых употребляются термины и понятия, нехарактерные для описываемой эпохи [Черноусова, 2014, *18–20*].

1. Цель нашей работы – исследование функций образных сравнений в двух романах Тони Моррисон («Милосердие» (2008) и «Боже, храни мое дитя» (2015), определение роли сравнений в раскрытии отдельных аспектов национальной картины мира афроамериканцев и индивидуально-авторской картины мира Тони Моррисон.

Объект исследования – образные сравнения в указанных произведениях афроамериканской писательницы. Предмет исследования – функции образных сравнений в данных романах.

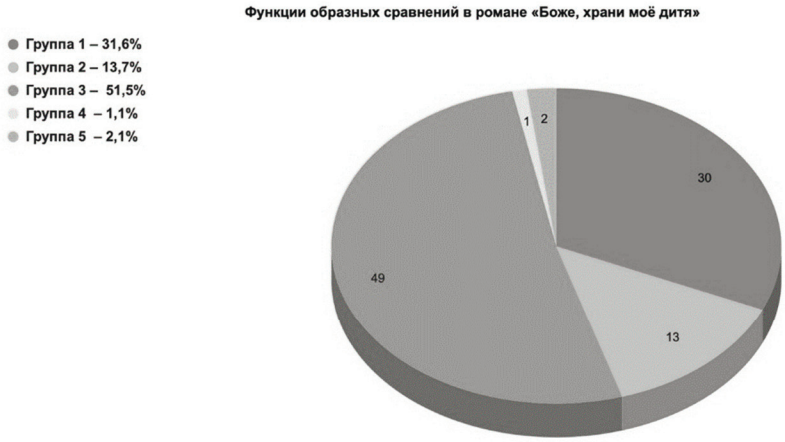
В работе использовались семантико-когнитивный анализ, количественный метод, метод сплошной выборки, описательный метод.

Роман «Милосердие» был опубликован в 2008 году. Его действие происходит в колониальной Америке в конце XVII века. Автор рассказывает историю европейского фермера, который уехал в Новый Свет, чтобы построить лучшую жизнь. Повествование сосредоточено вокруг его семьи и зависимых от него рабов. Основная проблематика романа охватывает расизм, материнство, роль женщины. Важными являются также темы милосердия и материнской любви. Кроме того, исследуются радикальные религиозные практики и патриархальный строй общества, которые также, по мнению автора, являются формами человеческой несвободы.

Роман «Боже, храни мое дитя» был опубликован в 2015 году. В центре повествования находится судьба афроамериканской девушки по имени Брайд. Как и героиня предыдущего романа, Брайд страдала от того, что мать не принимала ее из-за иссиня-черного цвета кожи. В данном романе также исследуются различные формы несвободы, его герои смогли обрести себя, лишь когда отпустили обиды и боль прошлого.

С помощью метода сплошной выборки нами были отобраны 166 образных сравнений с союзом like (95 сравнений в романе «Боже, храни мое дитя», 71 сравнение в романе «Милосердие»). На основании классификации О.Н. Черноусовой были проанализированы функции данных сравнений.

Функции образных сравнений в романе «Милосердие»
Группа 1 – 49,3%
Группа 2 – 7%
Группа 3 – 28,2%
Группа 4 – 7%
Группа 5 – 8,5%
35
5
20
5
6


Функции образных сравнений в романе «Боже, храни моё дитя»
Группа 1 – 31,6%
Группа 2 – 13,7%
Группа 3 – 51,5%
Группа 4 – 1,1%
Группа 5 – 2,1%
30
13
49
1
2

Распределение групп функций в 2-х романах Т. Моррисон
Группа 1 – 39,2%
Группа 2 – 10,8%
Группа 3 – 41,6%
Группа 4 – 3,6%
Группа 5 – 4,8%
65
18
69
6
8

Эмоционально-оценочная функция. Эта группа в двух романах самая многочисленная. В романе «Милосердие» она является второй по численности, в романе «Боже, храни мое дитя» сравнения данной группы занимают первое место. Они описывают эмоции, чувства героев, их оценку той или иной ситуации.

В большом количестве случаев внутри данной группы характеристика героя дается при помощи сравнений зоонимической сферы:

– **змея.** *«Cold,* ***like the snake*** *she is.» «At twenty? How could a twenty-year-old do those things to children?»* [Morrison, 2015, *16*];

– **собака.** *When the door slammed then opened again so she could throw out my shoe,* ***like a whipped puppy*** *I just crawled away afraid to even whimper* [Ibid., *32*];

– **овца.** *No one steals my warmth and shoes because I am small. No one handles my backside. No one whinnies* ***like sheep*** *or goat because I drop in fear and weakness. No one screams at the sight of me* [Morrison, 2008, *106*];

– **медведь.** *Scully and Willard waited, one treed* ***like a caught bear*** *himself, the other hugging rock, both afraid she would return* [Ibid., *114*];

– **ястреб.** *She watched over her son* ***like a hawk*** *as I did over you* [Ibid., *125*].

Данные сравнения не имеют этнической окрашенности, они основаны на сходстве внешних характеристик или поведенческих особенностей животных и человека.

Однако сравнения зоонимической сферы очень важны для картины мира афроамериканцев, ведь, как отмечает Е.Г. Маслова, в афроамериканском представлении о мире природа и человек – одно целое, они неразрывны, это «один универсум, две взаимопроникаемые сущности». Корни такого мировоззрения исследовательница видит в синтезе «христианства и традиционных африканских верований», анимизм – неотъемлемая черта этой культуры [Маслова, 2012, *83–84*].

Объектом некоторых сравнений с зоонимическими элементами является не животное в целом, а отдельные части тела животных, их запахи, звуки, издаваемые ими.

Now those eyes are more ***like a rabbit's than a snake's*** *but the height is the same. A whole lot else has changed. She is as thin as a rope* [Morrison, 2015, *16*].

I could have warned her. I'm not a bit surprised he left her ***like a skunk leaves a smell*** [Ibid., *59*].

They were treating her ***like a stray cat or a dog with a broken leg*** *that they felt sorry for* [Ibid., *90*].

They would come with languages that sounded like ***dog bark****; with a childish hunger for animal fur* [Morrison, 2008, *45*].

Следующая подгруппа сравнений в рамках эмоционально-оценочной функции описывает чувства героев в той или иной ситуации.

Одной из ключевых тем романа «Боже, храни мое дитя» является утрата самоидентичности. Главная героиня романа Брайд в определенный момент полностью теряет себя, лишь постепенно она начинает осознавать, что вся ее жизнь была построена на ложных ценностях, она стремилась только к построению карьеры и накопительству. Традиционно в афроамериканской картине мира духовное считается важнее материального, поэтому погоня за материальными благами, невнимание к близким трактуются как потеря жизненных ориентиров. Кроме того, Тони Моррисон в своих романах часто говорит о том, что главная роль женщины – материнство.

I'm scared. Something bad is happening to me. I feel ***like I'm melting away****. I can't explain it to you but I do know when it started. It began after he said, «You not the woman I want»* [Morrison, 2015, *8*].

В следующем примере мы видим, что Брайд после расставания с возлюбленным вела себя словно третьеклассница, она перестала ощущать себя взрослым самодостаточным человеком.

Why would he leave her stripped of all comfort, emotional security? Yes, her quick response to his exit was silly, stupid. ***Like the taunt of a third grader*** *who had no clue about life* [Ibid., *79*].

Многие герои романа «Боже, храни мое дитя» утрачивали идентичность из-за тяжелого, травмирующего события в прошлом, которое они не смогли пережить, они не видели для себя будущего и, погрузившись в прошлое, разрушали себя. Семья одного из персонажей потеряла сына и после этого, по мнению другого ребенка, Букера, они стали похожи на кукол, а не на людей. Они изображали радость, создавали видимость нормальной жизни, но герою это казалось напускным, неискренним поведением. Он считал, что они просто бегут от своего горя, не проживают его.

In time the whole family perked ***up like Sesame Street puppets****, hoping that cheer, if worked at hard enough, could sugar the living and quiet the dead* [Ibid., *116*].

Целый ряд сравнений связан с описанием эмоциональной реакции на какие-то ситуации или события.

В романе «Милосердие» после смерти хозяина поместья его вдова продолжала вести хозяйство и пыталась сохранить поместье, даже оставшись в одиночестве. Женщина стала очень религиозной, что сказывалось на работниках, которые жили в постоянном напряжении. Подобные чувства одной из работниц автор описывает при помощи сравнения с яблоком, кожа которого от долгого пребывания в кипящей воде могла вот-вот треснуть:

Willard said, Lina continued to do her work carefully, calmly, but Scully disagreed, said she was simmering. ***Like green apples trembling in boiling water too long****, the skin near to breaking, needing quick removal, cooling before mashed into sauce* [Morrison, 2008, *112*].

Когда главный герой романа «Боже, храни мое дитя» Букер пытается поговорить с родителями, сказать им о своих чувствах, о своем горе, его отец достаточно грубо прерывает сына. Голос отца сравнивается с острием ножа, ведь его фраза также могла больно ранить.

«Stop it, Booker! You not the only one grieving. Folks mourn in different ways.» His father's voice was ***like the steel of a knife's edge*** [Morrison, 2015, *123–124*].

Букер совершал много необдуманных поступков в период оплакивания брата. Он погрузился в печаль и совсем испортил отношения со своей девушкой. Нарастание напряжения между ним и его девушкой описано автором при помощи сравнения с распространением плесени.

Nevertheless they might have stayed together, in spite of themutual hostility that was growing ***like mold between them****, except for one event: Booker's arrest and the night he spent in a holding cell* [Ibid., *128*].

В романе «Милосердие» одна из героинь пережила ряд травмирующих событий: потеряв дочь, она пыталась жить дальше, после этого болезнь забрала ее мужа, что казалось уже злой насмешкой судьбы.

So to have sailed to this clean world, this fresh and new England, marry a stout, robust man and then, on the heels of his death, to lie festering on a perfect spring night felt ***like a jest****. Congratulations, Satan* [Morrison, 2008, *71*].

В этой же группе есть ряд сравнений, которые описывают притеснение людей из-за цвета кожи.

Главная героиня романа «Боже, храни мое дитя» родилась с иссиня-черной кожей, во взрослом возрасте она стала необыкновенно красивой девушкой и гордилась своей внешностью, но в детстве и подростковом возрасте она подвергалась унижениям не только со стороны сверстников, но даже родной матери. Подобное обращение сравнивается с ядом, от которого нет лекарства и который, проникая в душу человека, разъедает ее – заставляет чувствовать себя чужим для всех.

So I let the name-calling, the bullying travel ***like poison****, like lethal viruses through my veins, with no antibiotic available* [Morrison, 2015, *57*].

We had three good years together but when she was born he blamed me and treated Lula Ann ***like she was a stranger*** *– more than that, an enemy* [Ibid., *5*].

Второй по численности является **изобразительно-конкретизирующая функция**. Сравнения данной группы описывают фон, который окружает героев в той или иной ситуации.

Они могут быть подразделены на несколько подгрупп.

Хрематоморфические сравнения, когда субъектами сравнения выступают различные объекты, созданные человеком, предметы быта, одежда и т.д.:

– **картины.** Следующее сравнение снова описывает ситуацию, в которой одна из героинь живет прошлым, после серьезной ссоры с дочерью она понимает, что близкие отношения между ними были разрушены. Она создает своеобразный «мемориал» на стене из фотографий дочери в раннем

возрасте, до той ссоры, она словно хочет остановить момент, вернуть то прошлое, где между ней и дочерью царило полное взаимопонимание.

Most of the pictures are of Hannah though – as a baby, a teenager, a high school graduate, winning some prize. More ***like a memorial*** *than a gallery* [Ibid., *171*];

– **туфли.** *After fifteen years of wearing ugly flat shoes, I was more interested in her fashionable ones – alligator or snakeskin, pointy toes and heels so high they were* ***like the stilts of circus clowns*** [Ibid., *69*].

В данном эпизоде произошла встреча двух женщин, одна из них провела в тюрьме 15 лет по вине другой. Героиня, которая отбыла в заключении столь долгий срок, смотрела на виновницу трагедии в своей жизни, и все в ней казалось нелепым, странным, чужеродным. Их мировоззрения противопоставляются на протяжении всего романа, одна девушка следует за модой, добивается любви ложью и внешней привлекательностью, для другой подобное поведение кажется противоестественным и просто не укладывается в ее картину мира.

Натуроморфические сравнения, субъект сравнения в которых – различные природные явления, растения и их части:

– **болиголов.** *Miles of hemlock towered* ***like black ship masts****, and when they fell away cathedral pine, thick as the horse was long, threw shadows over their heads. No matter how she tried, she never saw their tops that, for all she knew, broke open the sky* [Morrison, 2008, *94*];

– **деревья.** *I am walking among chestnut trees lining the road. Some already showing leaf hold their breath until the snow melts. The silly ones let their buds drop to the ground* ***like dry peas*** [Ibid., *35*];

– **ветка дерева.** *The moon was a toothless grin and even the stars, seen through the tree limb that had fallen* ***like a throttling arm across the windshield****, frightened her* [Morrison, 2015, *83*]. В приведенном контексте субъектом сравнения выступает ветка дерева, объектом – часть тела человека. Данное сравнение также подчеркивает тесную взаимосвязь природы и человека в афроамериканской картине мира. Дерево является важным символом в картине мира афроамериканцев. Л.А. Агрба отмечает, что «архетип дерева отражает многовековую историю жизни африканцев в Америке, периоды отчаяния, борьбы за выживание, возрождения» [Агрба, 2004, *78*]. Сравнения с деревьями часто появляются в ключевых моментах повествования, тем афроамериканцам, которые потеряли связь со своими корнями, природа может казаться пугающей, и наоборот, для героев, которые перестали отрицать свою сущность, перестали стремиться перенять чуждые ценности, деревья выступают защитниками и источниками силы;

– **дождь.** *The sun still blazed so the raindrops falling from a baby-blue sky were* ***like crystal breaking into specks of light on the pavement*** [Morrison, 2015, *131*]. Вода в творчестве Тони Моррисон часто символизирует начало новой жизни, очищение. Анализируя творчество писательницы, Л.А. Агрба

указывает на то, что «универсальная притягательность воды, как архетипического символа, связана с ее очистительной силой в соединении со свойством поддержания жизни» [Агрба, 2004, *87*]. Герой романа встретил женщину, которая помогла ему преодолеть все травмы прошлого и найти силы жить дальше. В эпизоде, где описывается их встреча, идет дождь, одно из сравнений, характеризующих это природное явление, приведено выше;

– **луна.** *«He knifed me, blood everywhere. I grabbed my waist and thought, No! No swooning, my girl. Steady….» When the women faded, it was the moon that stared back* ***like a worried friend*** *in a sky the texture of a fine lady's ball gown* [Morrison, 2008, *72*].

Антропоморфические сравнения, в которых субъектом выступают люди, части тела людей, физические ощущения:

– **шрамы.** *The two men walked the row, inspecting. D'Ortega identifying talents, weaknesses and possibilities, but silent about the scars, the wounds* ***like misplaced veins*** *tracing their skin* [Ibid., *22*]. Один из главных героев романа «Милосердие», придя к богатому рабовладельцу и увидев, как он жесток со своими рабами, испытывает сильную неприязнь к хозяину дома. Шрамы невольников сравниваются с венами, но эти вены выглядят неуместно, неким чужеродным элементом. Автор подчеркивает восприятие героем рабства как абсолютно неприемлемого, отталкивающего явления, которое вызывает оторопь и злость;

– **язык.** *She had only to stop thinking and believe. The dry tongue in Rebekka's mouth behaved* ***like a small animal*** *that had lost its way. And though she understood that her thoughts were disorganized, she was also convinced of their clarity* [Ibid., *78*];

– **волосы.** *Her clothes were white, her hair* ***like a million black butterflies*** *asleep on her head. She was talking to another woman – chalk white with blond dreadlocks* [Morrison, 2015, *130–131*].

В данных сравнениях субъектом выступает соматизм, а объекты принадлежат к натурфактной сфере. Снова видна неразрывная связь человека и природы.

Абстрактные понятия. Приведенный ниже эпизод описывает период, связанный с пропажей брата одного из главных героев и предшествовавший его смерти. Время как будто бы остановилось, семья старалась жить дальше, продолжала привычную рутину, но пугающее ожидание повисло в воздухе.

Only during the long months when no one knew where Adam was did the family conferences and sumptuous breakfasts stop. During those months quiet ticked through the house ***like a time bomb*** *that would often explode into quarrels, silly and pointlessly mean dreadlocks* [Ibid., *113*].

В романе «Милосердие» видим противоположное, умиротворяющее описание тишины.

Then as she stood in molten sunlight, pulling the corners of her apron together, the comfortable sounds of the farm would drop. Silence would fall ***like snow floating around her head and shoulders****, spreading outward to wind-driven yet quiet leaves, dangling cowbells, the whack of Lina's axe chopping firewood nearby* [Morrison, 2008, *73*].

Третьей по численности группой являются сравнения, выполняющие **характерологическую функцию**, они помогают раскрыть характер героев, особенности их поведения, их индивидуальные черты. В отличие от эмоционально-оценочной группы, где происходит ситуативная оценка поведения, сравнения данной группы являются способом отобразить ключевые черты характера героев, которые составляют основу их сущности.

Следующее сравнение описывает поведение переселенцев в Новом Свете: героиня считала, что они вели себя словно ненасытные сироты, они уничтожали природу, скупали земли, ничто не могло усмирить их «голод».

They let their hogs browse the ocean shore turning it into dunes of sand where nothing green can ever grow again. Cut loose from the earth's soul, they insisted on purchase of its soil, and ***like all orphans they were insatiable****. It was their destiny to chew up the world and spit out a horribleness that would destroy all primary peoples* [Ibid., *45*].

Поведение рабыни, от которой отказалась мать, описано в следующем сравнении. Она отчаянно нуждалась в похвале, пыталась угодить всем, кто ее окружал, похвала была для нее словно пища. Только она могла насытить и успокоить ее.

In time, Rebekka thawed, relaxed, was even amused by Florens' eagerness for approval. «Well done.» «It's fine.» However slight, any kindness shown her she munched ***like a rabbit****. Jacob said the mother had no use for her which, Rebekka decided, explained her need to please* [Ibid., *76*].

Героиня романа «Боже, храни мое дитя» долгое время жила с ощущением, что успешность и деньги принесут ей счастье. Получение высокой должности она считала предметом особой гордости, так как это, по ее мнению, превращало ее в хозяйку своей судьбы.

Especially now. I'm regional manager now and that's ***like being a captain*** *so I have to maintain the right relationship with the crew* [Morrison, 2015, *10*].

Четвертая и пятая группы являются совсем малочисленными и нетипичными для творчества Тони Моррисон (6 и 8 сравнений из 166 соответственно).

They ship in more. ***Like firewood****, what burns to ash is refueled. And don't forget, there are births. The place is a stew of mulattoes, creoles, zambos, mestizos, lobos, chinos, coyotes* [Morrison, 2008, *28*].

Действие романа «Милосердие» происходит в XVII веке, главный герой не может смириться с циничностью рабовладельцев, его злит, что они не видят людей в рабах, воспринимают их как объект, который выполняет

свою функцию и в случае уничтожения легко заменяется хозяином на подобный же предмет.

Instead of words, broken bones and drawing blood is inmate conversation. I'm not sure which is worse, being dumped ***like trash*** *or whipped* ***like a slave*** [Morrison, 2015, *38*]. Действие романа «Боже, храни мое дитя» происходит в XX веке, героиня романа испытывает два сильных потрясения: сначала ее молодой человек решает порвать с ней, а чуть позже ее избивают. Автор сравнивает жестокость избиения с тем наказанием, которому подвергались рабы. Период рабства отдален во времени от описываемых событий, но Тони Моррисон часто говорит о коллективной памяти афроамериканцев, ужасы пережитого периода, по мнению писательницы, навсегда остались в подсознании этноса.

Tar is the closest I can think of yet her hair don't go with the skin. It's different – straight but curly like those naked tribes in Australia [Morrison, 2015, *3*].

В данном сравнении мы видим, что объект сравнения является географически отдаленным от места действия романа. Волосы дочери напоминают героине романа представителей австралийских племен. Данное сравнение подчеркивает дистанцию, которая была между матерью и дочерью, восприятие собственного ребенка как чего-то чужеродного.

Проанализировав 166 сравнений в романах Тони Моррисон «Милосердие» и «Боже, храни мое дитя», мы делаем заключение, что самыми многочисленными группами являются сравнения, выполняющие эмоционально-оценочную и изобразительно-конкретизирующую функции. Автор не часто прибегает к характерологической функции. Героям не дается детальная характеристика, предлагаются лишь описания конкретных ситуаций, связанных с ними эмоций, а выводы о сущности персонажа читатель сделает сам. Кроме того, сравнения в рассмотренных произведениях способствуют раскрытию ключевых тем романов: поиска героями самоидентичности, притеснения людей по расовому признаку, отношения к прошлому, роли матери в жизни ребенка. Образные сравнения в данных романах отражают такие аспекты картины мира афроамериканцев, как взаимосвязь человека и природы, приоритет духовного над материальным.

ЛИТЕРАТУРА

Агрба Л.А. Мифосемиотическое пространство романов Тони Моррисон: дис. … канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 177 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2007. 448 с.

Коршунова Е.С. Роль метафор и сравнений в создании художественных образов в романе Рэя Брэдберри «451 градус по Фаренгейту» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2023. Т. 17, № 2. С. 64–71.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1999. 196 с.

Маслова Е.Г. Традиции магического реализма в романном творчестве Т. Моррисон 1970–1990-х годов: дис. … канд. филол. наук. Саранск, 2012. 206 с.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с.

Мокиенко В.М. Предисловие // Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. С. 4–11.

Паршукова М.М. Сравнение как художественный прием в научной и справочной литературе // Вестник ЮГУ. 2015. № 4(39). С. 147–151.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Лекция восьмая // Русская словесность: антология. М.: Просвещение, 1997. С. 66–84.

Сидикова М.А. Функционально-семантическое поле сравнения в таджикском и английском языках: дис. … канд. филол. наук. Душанбе, 2018. 176 с.

Черноусова О.Н. Функционирование образных сравнений в региональной художественной прозе и устной речи диалектоносителей: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 23 с.

Morrison T. God help the child. London: Vintage, 2015. 192 p.

Morrison T. Mercy. NY: Knopf, 2008. 196 p.

I.A. Zharikova
Gradiate Applicant,
Chair of the English language,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Specifics of the Usage of Similes in the Novels «Mercy» and «God help the child» by T. Morrison

The article presents various approaches to the study of similes, describes the difference between comparisons and similes in English. On the basis of O.N. Chernousova's classification, the main functions of 166 similes in the novels «Mercy» and «God help my child» by the African American writer Toni Morrison are defined. The conclusion is made about the predominance of similes of emotional-evaluative and descriptive-concretizing functions. The considered similes also made it possible to describe certain aspects of the African-American worldview, such as the predominance of the spiritual over the material, the perception of nature and man as a whole, motherhood as a key role in a woman's life. Also, this figure of speech contributes to the disclosure of such a topic in Toni Morrison's work as the characters' loss of identity, which could occur due to the rejection of values inherent in the African-American worldview, under the influence of slavery, racial harassment, non-acceptance of one's own appearance, desire to conform to fashionable trends. Another theme of the novels, which was explored through contextual analysis of similes, is the destruction of self-identity due to the characters' inability to let go of traumatic events of the past and to live a full life in the present.

Keywords: *similes; functions of similes; African American worldview; «Mercy» by Toni Morrison; «God help the child» by Toni Morrison.*

REFERENCES

Agrba L.A. The mythosemiotic space of Toni Morrison's novels [Mifosemioticheskoe prostranstvo romanov Toni Morrison]. *Dissertation… candidate of Philology*, 2004. 177 p. (in Russian).

Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms [Slovar' lingvisticheskih terminov]. Moscow: KomKniga publ. house, 2007. 576 p. (in Russian).

Golub I.B. Stylistics of the Russian language [Stilistika russkogo yazyka]. Moscow: Airis-presspubl. house, 2007. 448 p. (in Russian).

Korshunova E.S. The role of metaphors and comparisons in the creation of artistic images in the novel «Farenheit 451» by Ray Bradbury [Rol' metafor i sravnenii v sozdanii khudozhestvennykh obrazov v romane Reya Bredberri «451 gradus po Farengeitu»]. *Human science: humanitarian studies*, 2023. Vol. 17, No 2, pp. 64 – 71 (in Russian).

Lebedeva L.A. Idioms of comparison of the Russian language in phraseology and phraseography [Ustoichivye sravneniya russkogo yazyka vo frazeologii i frazeografii]. Krasnodar: Kuban State University, 1999. 196 p. (in Russian).

Maslova E.G. The traditions of magical realism in the novels by T. Morrison (1970s–1990s) [Traditsii magicheskogo realizma v romannom tvorchestve T. Morrison 1970–1990-kh godov]. *Dissertation ... candidate of Philology*. Saransk, 2012. 206 p. (in Russian).

Matveeva T.V. A complete dictionary of linguistic terms [Polnyi slovar' lingvisticheskikh terminov]. Rostov n/D: Fenikspubl. house, 2010. 562 p. (in Russian).

Mokienko V.M. Preface.The Great dictionary of Russian folk comparisons [Predislovie. Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii]. Moscow: «OLMA Media Grupp»publ. house, 2008. pp. 4–11 (in Russian).

Parshukova M.M. Comparison as an artistic technique in scientific and reference literature [Sravnenie kak khudozhestvennyi priem v nauchnoi i spravochnoi literature]. *Bulletin of the Yugra State University*, 2015. No 4 (39). pp. 147–151 (in Russian).

Potebnya A.A. From lectures on the theory of literature. A fable. Proverb. Proverb. Lecture eight [Iz lektsii po teorii slovesnosti. Basnya. Poslovitsa. Pogovorka. Lektsiya vos'maya]. *Russian Literature: an Anthology*. Moscow: Enlightenment, 1997. pp. 66–84 (in Russian).

Sidikova M.A. Functional and semantic field of comparison in Tajik and English languages [Funktsional'no-semanticheskoe pole sravneniya v tadzhikskom i angliiskom yazykakh]. *Dissertation ... candidate of Philology*. Dushanbe, 2018. 176 p. (in Russian).

Chernousova O.N. The functioning of similes in regional fiction and oral speech of dialect speakers [Funktsionirovanie obraznykh sravnenii v regional'noi khudozhestvennoi proze i ustnoi rechi dialektonositelei]. *Abstract of the dissertation ... candidate of Philology*. Volgograd, 2014. 23 p. (in Russian).

Morrison T. God help the child. London: Vintage, 2015. 192 p. (in English).

Morrison T. Mercy. NY: Knopf, 2008. 196 p. (in English).

П.А. Павлова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
Санкт-Петербург, Россия

УДК 811.11-112

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-157-172

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА МАЛО- И КРУПНОФОРМАТНЫХ ЭНИГМАТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ
(на материале немецкого языка)

Ключевые слова: *энигма; малоформатный энигматический текст; крупноформатный энигматический текст; структура энигматического текста; критерии энигматического текста.*

Статья посвящена проблемам типологического изучения ряда мало- и крупноформатных текстов, структурообразующей основой которых является энигма. Цель исследования состоит в доказательстве необходимости расширения сложившегося в научном сообществе представления об энигматическом тексте как исключительно о тексте малого объема. Для этого статья обобщает опыт изучения малоформатных энигматических текстов и тех критериев, которые позволяют выделять малоформатные энигматические тексты в отдельную группу. Причисление некоторых видов крупноформатных текстов к энигматическому дискурсу обосновывается путем определения общих для всех энигматических текстов критериев и описания того, как эти критерии выражаются в крупноформатных энигматических текстах.

Результаты исследования показывают, что общими для энигматических текстов являются следующие критерии: композиционно-структурные особенности, подразумевающие наличие в тексте энигматора (вопроса) и энигмата (ответа); прагматическая ориентация на адресата как активного участника диалога с адресантом, реализуемого посредством текста; игровой характер текста. К числу крупноформатных текстов, демонстрирующих данные признаки, относятся задачи для студентов-юристов, криминальная документалистика и художественный детектив. Следовательно, такие тексты можно рассматривать как энигматические, что подтверждает наличие энигматических текстов большого объема и создает возможность для формирования группы крупноформатных энигматических текстов.

По своему значению греческое заимствование «энигма» (αἴνιγμα) близко к русскому слову «загадка» (1. туманная речь, загадка; 2. иносказа-

ние, басня) [Дворецкий, 1958, *52*]. Оно подразумевает некую тайну или некий таинственный вопрос и поиски ответа на него посредством обращения к тексту самого вопроса и содержащихся в нем скрытых смыслов. Понятие «загадочного», энигматического текста, то есть текста, в основе которого лежит энигма, не ново для лингвистики. Но традиционно под энигматическим текстом прежде всего понимают малоформатные тексты, такие как загадки, кроссворды, шарады, которые образуют «энигматический дискурс» [Селиванова, 2014, *186*]. Подобным текстам посвящено достаточно много научных исследований как отечественных [Левин, 1973; Журинский, 1989; Денисова, 2008 и др.], так и зарубежных ученых [Тейлор, 1943; Джорджс, Дандес, 1963; Кук, 2001 и др.].

Наиболее изученным видом энигматических текстов на сегодняшний день является загадка. В первую очередь большое внимание к загадкам объясняется их структурно-семантической близостью к прототипу. Кроме того, изучение энигматики в лингвистике началось именно с текстов загадок благодаря наличию аналогичных исследований в смежных научных дисциплинах, что объясняет наличие работ по этой теме, которые находятся на стыке лингвистики, культурологии и фольклористики и имеют, следовательно, междисциплинарный характер [Топоров, 1999; Кайвола-Брегенхой, 2001].

Долгое время при структурно-семантическом анализе энигматических текстов, и в частности загадок, исследователи обращали внимание в основном на повторяющиеся структурные элементы в описательной части текста – энигматоре, а анализ энигмата (отгадки) оставался вне поля зрения.

В конце XIX – начале XX века были предложены модели, устанавливающие наличие в энигматорах загадок нескольких элементов. При этом в качестве материала для анализа служили подлинные загадки (нем. *die wirklichen Rätsel* или англ. *The true riddles*, по Р. Петшу и А. Тейлору), которые противопоставлялись всем остальным энигматическим текстам. Критериями выделения подлинных загадок в обособленную группу, вероятно, являются их принадлежность к народному творчеству и схожая семантическая структура. Первая структурная модель подлинной загадки была разработана немецким исследователем Р. Петшем, согласно концепции которого энигматор может состоять из пяти элементов: вводного обрамляющего элемента (*einführendes Rahmenelement*); элемента ядра, указывающего на загаданный предмет (*benennendes Kernelement*); элемента ядра, описывающего загаданный предмет (*beschreibendes Kernelement*); тормозящего элемента (*hemmendes Element*); заключительного обрамляющего элемента (*abschließendes Rahmenelement*) (цит. по: [Сендерович, 2008, *42*]). В то же время отмечается, что загадок, содержащих все пять элементов, крайне мало, опциональными являются тормозящий и обрамляющие. Исходя из того, что в большинстве загадок представлена только часть элементов, в группе подлинных загадок выделяются полные и достаточные [Там же].

Данная модель легла в основу изучения структурно-семантических особенностей текстов загадок. В последующих работах других исследователей можно найти некоторые сходства с ней. Так, в структуре загадки, которую описывает А. Тейлор, вводный и заключительный элементы соответствуют вводному обрамляющему и заключительному обрамляющему элементам Р. Петша и также не являются обязательными структурно-семантическими компонентами текста. Кроме них выделяются позитивный и негативный описательные элементы, последний из которых соответствует тормозящему элементу Р. Петша (цит по: [Georges, Dundes, 1963, *111*]).

Вводный элемент имеет следующие функции: он может описывать некоторую сцену, предваряющую описание загаданного предмета, содержать призыв к разгадыванию или указывать на сложность загадки. Заключительный элемент, как и вводный, может подчеркивать сложность текста и либо обещает награду за его успешное декодирование, либо грозит наказанием за неудачу. Позитивный и негативный описательные элементы кодируют энигмат и содержат ключ к отгадке. Однако форма реализации этих элементов в тексте сбивает адресата с толку, несколько усложняя процесс декодирования. Позитивный описательный элемент представляет собой метафорическое описание предмета, в то время как негативный описательный элемент потенциальный адресат интерпретирует в качестве буквального описания, содержание которого при этом воспринимается как невозможное [Taylor, 1943, *129–130*]. Вероятно, здесь можно говорить о возникновении парадокса путем комбинации метафорического и буквального описания загаданного предмета.

Приведем пример на немецком языке:

Kennst Du zwei der Geschwister,
Von denen eins das andere sterbend gebiert,
Um Selbst vom Geborenen geboren zu werden? (Tag und Nacht) (1).

В данном тексте присутствуют три элемента: вводный, позитивный и негативный. Вводный элемент представлен началом вопроса без вопросительного слова *«Kennst Du…»*. Он выполняет функцию установления контакта с потенциальным реципиентом текста и побуждает адресата к разгадыванию. Позитивный элемент (*zwei der Geschwister*) реализуется посредством антропоморфной метонимии. Негативный элемент охватывает оставшиеся две строки загадки, в нем адресату дается ключ к разгадыванию тайны сменяемости состояний рождения и смерти, интерпретируемой как парадоксальный факт.

На смену анализу композиционно-структурных особенностей загадок пришли исследования семантики текстов с опорой на их структуру. В работах, где загадки рассматриваются с позиций семантического анализа, выводятся возможные смысловые схемы энигматора. В рамках данного подхода утверждается, что энигматор находится в таких отношениях к энигмату, как знак – к денотату. Ю.И. Левиным данное отношение обозначается

термином «внешний семантический point», при этом под словом «point» он понимает «структурное начало в загадке, обычно несущее в себе элемент неожиданности» [Левин, 1973, *174*]. Судя по всему, Ю.И. Левин использует здесь лексему «point» в значении «сигнал» или «знак». Отношение между энигматором и энигматом проявляется прежде всего благодаря парадоксальности семантического построения текстов и эффекту обманутого ожидания. Существует и «внутренний семантический знак (point)», или сигнал, который основан на внутритекстовых семантических либо фонетических отношениях и подразумевает восприятие энигматора как самостоятельного текста, оторванного семантически от энигмата [Там же]. О внутреннем сигнале в тексте энигматора можно говорить при наличии хотя бы одного из двух свойств: структурности и/или фикциональности (Ю.И. Левин употребляет термин «нереалистичность», но нам более точным представляется термин «фикциональность»). Структурность предполагает прототипическое использование таких формальных семантических механизмов, как антитеза, контраст, параллелизм. Фикциональность заключается в описании неправдоподобной или невозможной ситуации [Левин, 1973, *166, 174–181*]. Рассмотрим проявления признаков структурности и фикциональности на следующем примере.

Was ist groß wie ein Haus,
klein wie eine Maus,
stachlig wie ein Igel
und doch glatt wie ein Spiegel? (Die Kastanie) (2).

Структурность энигматора обеспечивается здесь за счет синтаксического параллелизма. Также можно говорить и о параллельной композиционно-смысловой структуре текста, так как описание энигмата основано на назывании присущего ему признака, подкрепляемого сравнением для создания художественного образа предмета в тексте. Кроме параллелизма структурность выражена через антитезу: признаки, называемые в первой и третьей строках (*groß*, *stachlig*), противопоставляются признакам, указанным во второй и четвертой строках (*klein*, *glatt*). Фикциональность заключается как в приписывании загадываемому предмету противоположных признаков, что воспринимается адресатом текста как парадокс, так и в возникновении эффекта обманутого ожидания, поскольку данные признаки присущи не самому предмету, а разным его частям.

Схемы, разработанные в ходе изучения принципов семантического моделирования загадки, являются отражением процесса ее синтеза. В данном процессе существует как минимум два звена: «исходная ситуация» и «преобразованная ситуация» [Журинский, 1989, *7*]. Исходная ситуация в некоторой степени коррелирует с энигматом, но не является им, так как может соотноситься с несколькими разными энигматами. Преобразованная ситуа-

ция – это трансформированное в тексте энигматора описание исходной ситуации. Синтез загадки выстраивается от исходной ситуации, которая включает в себя как сам загаданный объект, так и его прямое описание, к преобразованной ситуации через так называемое кадрирование, то есть некое смещение фокуса к тому элементу исходной ситуации, который будет преобразован, и собственно преобразование [Там же, *9–16*].

В последнее время энигматические тексты рассматривают также с позиций когнитивной лингвистики и прагматики. Когнитивный подход к изучению энигматики строится на анализе загадывания и разгадывания как ментальных процессов. Исследователей интересует то, как адресант кодирует в тексте некий концепт, формируя этим текстом особый «закодированный мир», который адресату необходимо реконструировать в своем сознании, а затем «выбрать ту конструкцию, которая оптимально соотносится с денотатом загадки», при этом «идентификация загаданного концепта» мыслится как прагматическая задача энигматического текста [Прохорова, 2023, *1274–1275*]. Прагматический подход предполагает осмысление загадочного текста как речевого акта, иллокуция которого состоит в вопросе, требующем ответа, причем вопрос уже содержит в себе ответ, в связи с чем важно отметить, что пропозиция загадки определяется как «неосознанное, но имеющееся знание, которое спрашивающий хочет пробудить у спрашиваемого» [Нюбина, 2023, *40–42*]. Успешная коммуникация, построенная вокруг энигматического текста, возможна лишь в случае, когда контекст этой коммуникации обусловлен общими для адресанта и адресата базовыми знаниями о мире и картиной мира в целом. По этой причине в актуальных научных работах когнитивно-прагматический вектор изучения энигматики играет значительную роль.

Нельзя не отметить, что современные исследования энигматических текстов часто включают в эту группу и другие виды текстов кроме загадок. При этом существует два пути интерпретации термина «загадка». В широком смысле термин используется для обозначения целого ряда малоформатных энигматических текстов (А. Кайвола-Брегенхой). В других исследованиях загадка понимается в узком смысле, то есть трактуется исключительно как один из видов текстов, в основе которых лежит энигма (Е.А. Денисова). В отечественной лингвистике неопределенность в вопросе классификации энигматических текстов вызвана отсутствием единого мнения относительно дефиниции как загадки, так и других видов энигматики. Данные проблемы осложняются во многом длительной традицией изучения загадки как эталонного энигматического текста – в отрыве от множества остальных видов текстов с загадочным содержанием. По этой причине включение текстов кроссвордов, шарад, ребусов и др. в исследования энигматического дискурса можно считать продуктивным для изучения энигматического текстового прототипа.

На основании анализа разных видов текстов, включающих в том или ином виде энигму, стало возможным и установление критериев энигматики.

Например, выделяются такие характерные признаки энигматических текстов, как вопросно-ответная структура, коммуникативно-прагматическая «диалогическая открытость» текста, образ «незримого автора», а также формально-содержательная завершенность и информационная самодостаточность текстового целого. Вопросно-ответная структура является формальным признаком большинства малоформатных энигматических текстов, рассматриваемых исследователями, так как обычно такие тексты представлены в форме вопроса с последующим ответом. Подобная структурно-семантическая двухчастность отмечается всеми исследователями в первую очередь, поскольку при обособлении энигмата и энигматора последний чаще всего «утрачивает смысл как текст», следовательно, вопросно-ответную форму можно считать экзистенциальной основой энигматического текста [Мещерякова, 2023, *75*]. Этот критерий тесно связан со следующим – коммуникативно-прагматической диалогической открытостью, заключающейся в ориентации на адресата, взаимодействие с ним посредством эксплицитных средств установления контакта и воздействия на него. Элиминация «образа автора» в энигматических текстах может быть вызвана как фактическим его отсутствием в том случае, если текст является фольклорным, так и относительно малой значимостью фигуры автора для такого типа текста. При этом, несмотря на то что автор энигматического текста может быть известен, базой для этого текста все же являются классические фольклорные тексты, а автором может быть признан любой человек, выступающий в роли адресанта [Денисова, 2008, *17*].

Некоторые исследователи в качестве отличительных особенностей энигматики называют парадоксальность, криптографичность, а также связанное с этим обязательное наличие подсказок и побуждения к разгадыванию. Парадоксальность в энигматических текстах реализуется как один из способов создания комического эффекта, эффекта «обманутого ожидания» и придания тексту выразительности. Риторическая фигура парадокса, нередко лежащая в основе текста, не только привлекает внимание адресата, но и служит способом кодирования энигмата. Отмечается, что криптографичность энигматических текстов довольно высока, хотя и не всем им присуща. При этом дешифровка не должна вызывать у адресата больших затруднений, так как сам шифр в таких текстах относительно прост. В ином случае не были бы соблюдены необходимые условия для достижения прагматической цели текста – нахождения адресатом отгадки, что является следующим важным показателем принадлежности текста к разряду энигматических. Подсказки в тексте энигматора необходимы для успешного разгадывания и являются неотъемлемой частью любого энигматического текста [Селиванова, 2014, *6–12*].

Наши наблюдения показывают, что понятие энигматического текста может быть расширено в русле существующих современных типологий текстов и использовано по отношению к целой группе (не исследованных в этом аспекте) крупноформатных текстов, в структурно-композиционном

построении и семантико-смысловом развертывании которых присутствует движение от таинственного / неизвестного к «раскрытию» некой тайны. В названную группу входят тексты реальной коммуникации из сферы образования, такие как записи дискурсов преступлений, опубликованные в виде сборников профессиональных задач для студентов-юристов.

Так, немецкий сборник юридического профиля «Fallsammlungen zum Strafrecht» (2012) состоит из восемнадцати задач или «дел» (нем. Fälle), которые представляют собой отдельные тексты, связанные между собой общей интенцией автора. Каждый такой текст состоит из описания преступления, вопроса о возможной ответственности за данное преступление и варианта решения задачи.

На стыке между реальной и художественной коммуникацией находятся юридические тексты документального жанра, или криминальная документалистика. Материалом для изучения данного вида энигматики может служить книга «Der perfekte Mord?: Lebenslänglich ungesühnt – wahre Fälle eines Strafverteidigers» (2022), содержащая профессионально-авторское сообщение о загадочных преступлениях, где энигматор, то есть кодирующая описательная часть текста, имеет форму многослойного нарратива, написанного от 3-го лица автора – профессионального юриста. В книге описаны шесть дел из практики автора. В начале и конце книги автор дает сопроводительные комментарии, выражающие его позицию.

Кроме того, к классу энигматических текстов могут быть отнесены и художественные произведения, представленные детективами. Сюжет детектива базируется на неразгаданной тайне. Как правило, таинственной является личность преступника, которая раскрывается в конце произведения, но «энигматом» могут выступать и обстоятельства совершения преступления, и способ сокрытия улик, и приговор, который будет вынесен преступнику в финале. Читателю же необходимо быть внимательным и разгадать загадку детектива при помощи подсказок, которые автор оставляет в тексте.

Следует отметить, что критерии энигматики, выделяемые на основании анализа малоформатных энигматических текстов, не всегда характерны в полной мере для крупноформатных текстовых структур. Однако крупноформатные энигматические тексты демонстрируют наличие некоторых из этих базовых критериев. Так, логика общего построения подобных текстов определяется наличием многочисленных развернутых вопросно-ответных диалогических единств с эксплицитно либо имплицитно выраженным рядом вопросов (Кто? Совершил что? Где произошло «загадочное» происшествие? Когда оно произошло? и т.д.), формирующих классический энигматор. Энигмат, то есть разгадка, содержится в отдельных коммуникативно-прагматических компонентах текста, связанных между собой по смыслу, рассредоточенных по его разным формально-смысловым частям и получающих свое окончательное

сюжетно-смысловое раскрытие в сильной конечной позиции текста. Таким образом, можно говорить о смысловой переакцентуации внутри семантической структуры энигмата. Прагматическое сходство между малоформатными и крупноформатными энигматическими текстами наблюдается в том числе в активном вовлечении адресата в коммуникацию с адресантом и в возникновении, как следствие, диалога между обоими посредством текста. Это означает, что признак коммуникативно-прагматической диалогической открытости текста играет значительную роль при определении лингвостилистических примет энигматического прототипа.

В пользу существования группы крупноформатных энигматических текстов свидетельствует и их игровой характер, который может быть отнесен к общим критериям энигматичности текста, объединяющим крупноформатные и малоформатные энигматические тексты в единый класс текстов. Элементами игры, которые выделил Й. Хейзинга, являются, как известно, напряжение, наличие правил и состязательность [Хейзинга, 2011]. Энигматические тексты демонстрируют те же элементы. Напряжение напрямую связано с состязательностью, так как чем выше степень соперничества, тем сильнее напряжение. Игроки соревнуются между собой, и соперничество приводит одного к победе, а другого – к поражению. Даже в одиночной игре есть элемент состязательности, поскольку игра становится испытанием, в ходе которого игрок вынужден проявлять ловкость, смекалку, терпение. Напряжение же создает условия для испытания, оно призвано проверить силы игрока на прочность. Последняя характеристика больше всего свойственна малоформатным энигматическим текстам. Несмотря на то, что они подразумевают наличие минимум двух участников, фокус внимания в таком диалоге смещен на адресата. Адресант только задает вопрос, но, как правило, не вступает в прямое противостояние с адресатом. Для адресата же этот вопрос становится испытанием, выдержать которое важно в первую очередь для самоутверждения, то есть соревнование становится внутренним, адресат, соглашаясь на испытание, проверяет в нем самого себя. Напряжение, наряду с завязкой, развязкой и разрешением, является элементом игры и служит ее упорядочиванию [Хейзинга, 2011, *35*]. Игра не может существовать без порядка, что требует установления правил игры, которых играющий обязан придерживаться. Энигматическим текстам, как и игре, свойственны правила, определяемые видом текста.

Рассмотрим, как описанные выше критерии энигматики, включающие и игровой компонент, реализуются в конкретных видах крупноформатных энигматических текстов. Так, структура текстов в сборниках задач для студентов-юристов в значительной степени соответствует структуре текстов загадки. Главная часть текста состоит из описания гипотетического преступления, за которым следует несколько вопросов, касающихся юридических последствий для лиц, совершивших данное преступление. Эта часть

текста является энигматором. Адресат, вступая в игру по разгадыванию «тайны» преступления, интерпретирует описанную ситуацию в соответствии с действующим законодательством, а также собственным опытом и предполагает, каким может быть решение суда, таким образом называя энигмат. Тем не менее в структуре подобных задач, построенных с соблюдением общих энигматических принципов, есть и отличия от структуры обычных загадок. Основной функцией сборников юридических задач, имеющих сугубо образовательный и просветительский характер, является помощь студентам в подготовке к экзаменам, поэтому каждый текст предваряет заголовок и список правонарушений, о которых сообщает энигматор, в некоторых случаях даже с указанием статей соответствующего кодекса, например уголовного. По этой же причине сразу за энигматором следует самая большая часть текста – энигмат, в котором подробно описаны последствия каждого преступного действия со ссылкой на необходимые статьи и с аргументацией каждого решения. Иногда адресат получает дополнительные подсказки в тексте энигматора в виде указаний на детали, требующие особого внимания при вынесении решений, или ссылок на нужные статьи.

Композиционно-структурные признаки крупноформатных энигматических текстов обусловливают и характер их прагматической ориентации на адресата как участника текстопорождения. В таких текстах с образовательным уклоном, как юридические задачи, непосредственное участие адресата в разгадке предлагаемой автором-повествователем тайны очевидно, так как адресат призван назвать энигмат напрямую. А в ситуации проведения экзамена юридические задачи становятся прямым средством осуществления устной коммуникации адресанта и адресата, приближаясь по способу реализации к классической ситуации декодирования загадки. Текстовыми маркерами адресованности в композиции юридических задач являются, кроме того, уже упомянутые ранее ссылки на статьи различных кодексов и подсказки, призванные облегчить поиск ответов.

Текстам юридических задач присущ, как уже отмечалось, и игровой потенциал. Игра в этих текстах выполняет в основном функции обучающего характера. Но важно отметить и состязательный компонент. Он обусловлен высоким стремлением адресата к самопроверке: взаимодействуя с текстом, адресат воспринимает его как испытание, которое ему необходимо пройти успешно, и ставит перед собой наряду с вопросом «Смогу ли я найти решение?» вопрос «Как я могу найти решение?».

Для текстов криминальной документалистики фигура нарратора является прагматически чрезвычайно значимой, поскольку степень энигматики в них зависит от того, как нарратор выстроит повествование. Нельзя не отметить, что причисление некоторых текстов этого жанра к энигматическим может быть спорным, так как отдельные элементы их структуры одно-

временно служат формированию энигмы в тексте и в то же время дают читателю ответы для ее разгадки. Например, перед описанием преступления автор может раскрыть личность преступника или дать краткую характеристику преступления, которое далее описывает подробнее. Такие структурные отличия внутри одного вида текста вызваны различными прагматическими установками. Иногда цель, поставленная автором текста, подразумевает исключительно создание развлекательного контента, поэтому в самом начале текста может быть раскрыта ключевая или шокирующая информация для приведения потенциального читателя в соответствующее эмоциональное состояние и привлечения внимания к тексту. И в этом случае мотивация читателя вызывается скорее не желанием разгадать загадку преступления, а интересом к его волнующим или даже ужасающим подробностям. Другие документально-криминальные тексты по структуре приближены к текстам литературных детективов с тем лишь отличием, что в них повествуется о преступлениях, которые действительно были совершены в реальности, а не являются вымыслом автора.

При этом прагматическое фокусирование на потенциальном диалоге с читателем не теряет весомости как характерная черта энигматического текста. Читатель вовлекается в процесс активного разгадывания «неизвестного» и «таинственного» с первых строк, что позволяет автору сразу же погрузить его в загадочную атмосферу текста и заинтриговать для более активного со-участия и со-действия в распутывании таинственного происшествия.

Так, один из текстов книги «Der perfekte Mord?: Lebenslänglich ungesühnt – wahre Fälle eines Strafverteidigers» ее автор начинает с такой экспозиции:

Es war der perfekte Mord. Er hatte die beiden so gehasst. Nun waren sie tot. Und von ihrem beträchtlichen Vermögen war auch etwas für ihn abgefallen (3).

Из этого отрывка читатель узнает некоторые подробности криминального дела. Во-первых, убийца – мужчина, на это указывает личное местоимение (*er*). Во-вторых, сообщается, что убитых было двое. В-третьих, автор обозначает личное отношение убийцы к убитым (*hatte … so gehasst*) и, таким образом, мотив преступления, который – кроме личной неприязни – мог заключаться и в жажде наживы. Тем не менее, читатель не получает полной информации и задается множеством вопросов: Кто убийца? Кого убили? Как произошло преступление? В ходе развертывания повествования читатель получает больше информации, однако и число вопросов увеличивается. Автор так организует структуру текста, что сюжетное и эмоциональное напряжение повествования возрастает и читатель испытывает затруднения в поиске ответов на энигматические вопросы. Тем не менее, чтобы не демотивировать читателя сложностью процесса разгадывания тайн, нарратор дает ему и подсказки.

Подобный подход к выстраиванию документального криминального текста говорит и об игровом характере рассказов о реальных преступлениях. Нарратор как бы погружает читателя в игру: ставит перед ним ряд вопросов (Кто совершил преступление? Каковы мотив и цель? Какие улики помогут выйти на след преступника?), дает ключи к отгадке, тем самым создавая интригу. Читатель при этом мысленно моделирует ситуацию и пытается найти ответ раньше, чем успеет дочитать текст до конца. Все это сближает криминальную документалистику с художественными детективами: читатель сталкивается с текстом, семантика и структура которого в обоих случаях подчинена универсальному принципу энигматики: нахождение ответов на вопросы, связанных с наличием некой «тайны». Эта тайна может касаться имени преступника, причины совершения преступления и др.

Однако семантика и структура текста художественного детектива имеет ряд жанрово обусловленных контекстуальных особенностей, не позволяющих произвести строгую композиционно-содержательную делимитацию энигматора и энигмата внутри текста. Например, обычно в начале детективного романа вопросов перед потенциальным читателем встает больше, чем ответов, которые он способен найти, исходя из информации, которая ему предлагается в тексте, а на определенном этапе повествования адресат не может раскрыть тайну преступления по той причине, что ему предлагается несколько возможных решений, как это предписывается жанровыми правилами сюжетного и эмоционального напряжения этого вида художественного нарратива. По той же причине разгадка тайны во всех ее деталях, содержащаяся в конце текста, часто бывает неожиданной.

Заметим, что наличие «загадки» как некой тайны или интриги в детективном художественном тексте подчеркивал П.А. Моисеев, давая определение детективу, основу которого, по мнению автора, составляет как раз разгадывание загадки. Исследователь подчеркивает, что загадка для детектива является жанрообразующим признаком, так как «в тех случаях, когда загадка отсутствует, или не является детективной, или играет второстепенную роль, произведение нельзя считать детективом», что указывает на энигматическую сущность детектива [Моисеев, 2018, *12*].

В.И. Тюпа выделяет «энигматическую интригу» среди других видов интриг всех художественных текстов. Принцип развития такой интриги в тексте заключается, по мнению автора, в «перипетийном чередовании сегментов наррации, приближающих и удаляющих момент проникновения в тайну, обретения или инкарнации смысла, то есть в чередовании нарратором моментов утаивания и узнавания, сокрытия и откровения, бессмысленности и осмысливания» [Тюпа, 2021, *157–158*]. С этим нельзя не согласиться, но необходимо отметить следующее. В любом художественно-нарративном жанре «энигматическая интрига» присутствует в текстовой структуре как вид «фан-

тазийной игры» с возможными смыслами, в которой участвуют автор и его потенциальный читатель. Прагматико-смысловой характер этой игры, как и объем разгадываемых контекстуальных и подтекстовых смыслов, зависит от художественно-речевой компетентности автора, направляющего ход игры, и читателя, принимающего в ней посильное участие в зависимости от своего читательского и жизненного опыта, а также фоновых знаний.

В детективном тексте «энигматическая интрига» приобретает эксплицитно выраженные прагматические ориентиры, которые читатель не может не заметить благодаря стабильным композиционно-сюжетным элементам нарратива, таким как событие преступления (убийство, исчезновение персонажа, таинственная пропажа ценностей и др.) с определенными временными и пространственными характеристиками; преступник; жертва преступления; соучастник и/или свидетели преступления; детектив; следователь. Далее, отличие имманентной диалогической структуры детективного романа от других текстов заключается в том, что в нем ментальный процесс разгадывания представляет собой движущую силу художественного диалога автора и читателя. Иначе говоря, средства выражения категории адресованности в тексте художественного детектива связаны в композиционно-смысловой структуре текста с имманентно присущей ему энигмой. В частности, маркерами адресованности в детективном тексте могут быть риторические вопросы (адресованные читателю), несобственно-прямая речь, прагматическое фокусирование отдельных деталей преступного события и поведения его участников и т.д.

Процесс разгадывания в художественном детективе предполагает движение «сюжетного напряжения» [Адмони, 1994, *129*] от адресата к адресанту, но ему предшествует обратная динамика, а именно загадывание. Любое загадывание является формой социального взаимодействия, которая предполагает асимметричные отношения: загадывающему принадлежит право навязать предопределенную им разгадку как единственно верную даже в том случае, если разгадывающий предлагает альтернативные, более удачные решения. Поэтому не менее важная особенность диалогического и сюжетного напряжения в крупноформатном нарративном энигматическом тексте заключается в том, что подобный текст имеет в своей основе инициируемое адресантом решение энигмы, к которому он подводит адресата посредством прагматического фокусирования определенных «загадочных» перипетий сюжета и его обязательных участников (преступник, жертва, детектив и др.). Таким текстам присуща высокая степень персуазивности, так как потенциальный реципиент текста не может окончить его чтение, не узнав от нарратора (часто неожиданную для него) разгадку тайны преступления.

Игровой характер детектива отчасти проявляется и в наличии определенных правил его текстового структурирования. П.А. Моисеев называет правила структурной организации текста детектива «жанровыми схемами»

или «сюжетными схемами». Однако структура повествования в детективах нередко становится для авторов-создателей текста полем для экспериментов, что влечет за собой возникновение новых жанровых схем. Так, наряду с «детективом-открытием» появился «детектив-изобретение». При использовании первой схемы автор описывает решение загадки, корни которой лежат в прошлом. Во втором случае перед героем романа стоит проблема, разрешить которую ему предстоит в будущем [Моисеев, 2018, *92–93*]. Несмотря на некоторую подвижность сюжетных схем детектива, подобные структурные изменения сопровождаются спорами о границах жанра, обосновывающих необходимость совокупности правил, несоблюдение которых отражается не только на конкретном тексте, но и на всей совокупности детективных текстов. Эти правила, добавим мы, вытекают в первую очередь из энигматической сущности любого детективного текста.

* * *

Интерпретация целостных речевых произведений, в основе возникновения и композиционно-смыслового развертывания которых заложено нечто загадочное и/или таинственное, показывает, что понятие энигматического текста может быть расширено за счет включения в него целой группы крупноформатных текстов как реальной, так и художественной коммуникации. К крупноформатным энигматическим текстам реальной коммуникации на немецком языке относятся популярные сборники экзаменационных задач для юристов и тексты криминальной документалистики. Художественная коммуникация в энигматическом дискурсе представлена текстами детективных романов. Базовые критерии энигматического текста, и прежде всего наличие энигмата и энигматора, выделяемых в ходе изучения малоформатных текстов, могут быть применены и к крупноформатным естественным и фикциональным текстам, хотя выявление и декодирование этих текстовых параметров в семантике и структуре разных видов крупноформатных энигматических произведений имеет ряд вышеописанных особенностей и нуждается в более пристальном внимании исследователей.

ЛИТЕРАТУРА

Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 151 с.

Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь: около 70 000 слов (в обоих томах). Т. 1 / под ред. С.И. Соболевского. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 1043 с.

Денисова Е.А. Структура и функции энигматического текста (на материале русских загадок и кроссвордов): дис. … канд. филол. наук. М., 2008. 226 с.

Журинский А.Н. Семантическая структура загадки: неметафорические преобразования смысла. М.: Наука, 1989. 128 с.

Левин Ю.И. Семантическая структура русской загадки // Ученые записки Тартуского университета: Труды по знаковым системам. 1973. № 1. С. 166–190.

Мещерякова О.А. Перцептивная лексика в русской народной загадке // Отечественная филология. 2023. № 4. С. 74–84.

Моисеев П.А. Поэтика детектива. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 240 с.

Нюбина Л.М. Загадка в кроссворде как вид текста // Известия Смоленского государственного университета. 2023. № 3(63). С. 39–51.

Прохорова Л.П., Потапова Н.В., Завьялова Г.А. Когнитивно-прагматический потенциал загадки в художественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14, № 4. С. 1271–1288.

Селиванова Е.А. Энигматический дискурс: вербализация и когниция. Черкассы: Изд-во Ю. Чабаненко, 2014. 224 с.

Сендерович С.Я. Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008. 133 с.

Топоров В.Н. «Второе» происхождение – загадка в ритуале (ведийская космологическая загадка типа brahmodya: структура, функция, происхождение) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. 2. М.: Индрик, 1999. С. 9–53.

Тюпа В.И. Горизонты исторической нарратологии. СПб.: Алетейя, 2021. 270 с.

Хейзинга Й. Homo ludens. Человек играющий. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

Cook E. The Figure of Enigma: Rhetoric, History, Poetry. University of California Press: Rhetorica: A Journal of History of Rhetoric, 2001. Vol. 19, no. 4. P. 349–378.

Georges R.A., Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle. Indiana University: The Journal of American Folklore, 1963. Vol. 76, no. 300. P. 111–118.

Kaivola-Bregenhøj A. Riddles. Perspectives on the use, function and change in a folklore genre. Helsinki: Finnish Literature Society, 2001. 186 p.

Taylor A. The Riddle. California Folklore Quarterly, 1943. Vol. 2, no. 2. P. 129–147.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/614.htm (accessed: 13.06.2024).
2. https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/201.htm (accessed: 13.06.2024).
3. Stevens A. Der perfekte Mord?: Lebenslänglich ungesühnt – wahre Fälle eines Strafverteidigers. München: Piper Verlag, 2022. S. 112.

P.A. Pavlova
Postgraduate Student,
Chair of the German Philology,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russia

Semantic and Structure of the Small- and Large-format Enigmatic Texts (on the Material of German Language)

The article is devoted to the problem of the typological study of small- and large-format texts whose structural basis is the enigma. The aim of the study is to prove that the idea of enigmatic text as a small-sized text, which is common in the scientific community, needs to be expanded. For this purpose, the article summarizes the results of studying the small-format enigmatic texts and those criteria that allow to identify such texts as a separate group. The inclusion of certain types of large-format texts into enigmatic discourse is justified by identifying criteria common to all enigmatic texts and describing how these criteria are expressed in large-format enigmatic texts.

The results of the study show that the following criteria are common to enigmatic texts: compositional and structural features that imply the presence of

an enigmator (question) and enigmat (answer) in the text; a pragmatic orientation towards the addressee as an active participant of a dialogue with the addresser implemented through the text; and the playful nature of the text. Large-format texts that demonstrate these features include tasks for law students, true crime documentary texts, and detective novels. Consequently, such texts can be considered as enigmatic ones, which confirms the existence of larger enigmatic texts and creates the possibility of forming a separate group of such texts.

Keywords: *enigma; small-format enigmatic text; large-format enigmatic text; structure of an enigmatic text; criteria of an enigmatic text*.

REFERENCES

Admoni V.G. The system of forms of speech utterance [Sistema form rechevogo vyskasyvaniya]. Saint Petersburg: Nauka, 1994. 151 p. (in Russian).

Dvoretskii. I.H. Ancient Greek-Russian Dictionary: about 70 000 words (inboth volumes). Volume 1. [Drevnegrechesko-russkii slovar: okolo 70000 slov (v oboikh tomakh). Tom 1]. Edited by S.I. Sobolevskii. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958. 1043 p. (in Russian).

Denisova E.A. Structure and functionsofenigmatictext (on the material of Russian riddles and crosswords) [Struktura i funktsii enigmaticheskogo teksta (na materiale russkikh zagadok i krossvordov)]. *Dissertation … candidate of Philoloy*. Moscow, 2008. 226 p. (in Russian).

Zhurinskii A.N. The semantic structure of a riddle: unmetaphorical sense transformations [Semanticheskaya struktura zagadki: nemetaforicheskie preobrazovaniya smysla]. Moscow: Nauka,1989. 128 p. (in Russian).

Levin J.I. The semantic structure of the Russian riddle [Semanticheskaya struktura russkoi zagadki]. *University of Tartu Press: Sign Systems Studies,* 1973. No 1. pp. 166–190 (in Russian).

Meshcheryakova O.A. Perceptive Vocabulary in Russian Folk Riddle [Pertseptivnaia leksika v russkoi narodnoi zagadke]. *Russian Studies in Philology,* 2023. No 4. pp. 74–84 (in Russian).

Moiseev P.A. The poetics of detective fiction [Poetika detektiva]. Moscow: HSE Publishing House, 2018. 240 p. (in Russian).

Njubina L.M. Crossword Puzzle as a Type of Text. [Zagadka v krossvorde kak vid teksta]. *Issues of Smolensk State University,* 2023. No 3(63). pp. 39–51 (in Russain).

Prokhorova L.P., Potapova N.V., Zavyalova G.A. Cognitive-Pragmatic Potential of Riddles in Literary Discourse [Kognitivno-pragmaticheskii potentsial zagadki v khudozhestvennom diskurse]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics.* Vol. 14. No 4. pp. 1271–1288 (in Russian).

Selivanova E.A. Enigmatic discourse: verbalization and cognition [Enigmaticheskii diskurs: verbalizatsiya i kognitsiya] Cherkassy: Chabanenko Publishing House, 2014. 224 p. (in Russian).

Senderovich S.Y. The Morphology of the Riddle [Morfologiya zagadki]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008. 133 p. (in Russian).

Toporov V.N. «The Second» Origin – a Riddle in the Ritual (Vedic Cosmological Riddle – Type Brahmodya: Structure, Function, Origin) [«Vtoroye» proishozhdenie – zagadka v rituale (vediiskaya kosmologicheskaya zagadka tipa brahmodya: struktura, funktsiia, proishozhdenie)]. *Studies on Baltic-Slavic Traditional Spiritual Culture: Riddle as.* Text 2. Moscow: Indrik, 1999. pp. 9–53 (in Russian).

Tupa V.I. Horizons of Historical Narratology [Gorizonty istirichiskoi narratologii]. Saint Petersburg: Aleteiia, 2021. 270 p. (in Russian).

Huizinga J. Homoludens. A Playing Human [Homo ludens. Chelovek igrayuschii]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2011. 416 p. (in Russian).

Cook E. The Figure of Enigma: Rhetoric, History, Poetry. University of California Press: Rhetorica: A Journal of History of Rhetoric, 2001. Vol. 19. No 4. pp.349–378 (in English).

Georges R.A., Dundes A. Toward a Structural Definition of the Riddle. Indiana university: The Journal of American Folklore, 1963. Vol. 76. No 300. pp. 111–118 (in English).

Kaivola-Bregenhøj A. Riddles. Perspectives on the use, function and change in a folklore genre. Helsinki: Finnish Literature Society, 2001. 186 p. (in English).

Taylor A. The Riddle. California Folklore Quarterly, 1943. Vol. 2. No 2. pp. 129–147 (in English).

SOURSES OF EXAMPLES

https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/614.htm (last accessed on June 13, 2024) (in German).

https://www.janko.at/Raetselgedichte/00/201.htm (last accessed on June 13, 2024) (in German).

Stevens A. Der perfekte Mord?: Lebenslänglich ungesühnt – wahre Fälle eines Strafverteidigers. München: Piper Verlag, 2022. S. 112 (in German).

З.Е. Перфильева

Оренбургский государственный педагогический университет
Оренбург, Россия

УДК 811.112.2

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-172-187

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЭМОЦИИ *ANGST* В РОМАНЕ А. ХИДЕРА «ДВОРЕЦ НЕСЧАСТНЫХ»

Ключевые слова: *немецкоязычная литература; эмоции; чувства; вербализация; лингвистический анализ.*

Сила воздействия литературного текста существенным образом зависит от его эмоционального потенциала, который может быть описан с научной точки зрения с помощью текстуально-лингвистического анализа. Эмоционально нагруженные ситуации отображают межличностные отношения, сущностные события и причастность к определенной культуре.

Предмет исследования статьи – особенности вербализации эмоции Angst в романе А. Хидера «Дворец несчастных». Целью нашей работы стала попытка идентифицировать на различных языковых уровнях структуры, с помощью которых репрезентуются эмоции. Одной из задач анализа эмотивных элементов в романе стало выявление тех аспектов эмоциональности, которые могут оказывать воздействие на реципиента. Речь идет не просто о морфемах, словах и предложениях, выражающих эмоции, но и об информационной структуре текста, взаимосвязи всех представленных элементов, с помощью которых осуществляется вербализация чувств.

В результате проведенного нами анализа выявлены различные варианты и особенности номинации и репрезентации эмоции Angst.

Выводы, сделанные в нашем исследовании, способствуют поддержанию принципиальной авторской позиции А. Хидера, стремящегося представить в своем творчестве концепцию арабской культуры, лишенной стереотипных, клишированных установок. Кроме того, данная статья расширяет представление о современной немецкоязычной литературе, неотъемлемой частью которой являются произведения авторов с эмигрантским прошлым.

Аббас Хидер – ирако-немецкий писатель, который в своем романе «Palastder Miserablen» («Дворец несчастных») [Khider, 2020] на основе истории жизни молодого иракца изображает собственную жизнь и трагическую судьбу своей родины в эпоху С. Хуссейна. Он относится к числу так называемых многоязычных авторов, принявших решение писать на неродном для себя языке (в случае с А. Хидером это немецкий язык). Выбор имеет многочисленные причины и связан с биографией автора. С лингвистической точки зрения этот выбор интересен тем, что он демонстрирует языковой контакт между двумя культурами.

Текст А. Хидера рождается в переплетении и разделении немецкого и арабского языков. В его произведениях множество отсылок к арабскому языку, на котором говорят персонажи, а также имена, топонимы, названия предметов. Это позволяет соотнести непереводимость некоторых элементов и аспектов прошлого с родной культурой писателя [Fouad, *63–88*]. Примечательно, что ни арабский, ни немецкий языки в романе не понимаются как целостные единства с четко прорисованными границами, напротив, оба языка взаимодействуют и переплетаются друг с другом. Для А. Хидера арабский язык непосредственно связан с болезненными воспоминаниями, он ментально и символично перегружен [Kremnitz, 2015, *184*], в то время как немецкий язык предлагает автору новые возможности выражения, не отягощенные трагическими событиями. Немецкий язык становится для писателя языком дистанции и наблюдения, и именно благодаря этому дистанцированию ему удается вербализировать пропасти своего прошлого. А. Хидер предоставляет право голоса некогда маргинальному, бесправному типажу «иностранца / мигранта / беженца». Одновременно ему удается избавиться от стереотипного представления о беспомощном «подручном рабочем восточного происхождения», и выдвинуть возражения против приравнивания современных дебатов о беженцах и миграции к дискуссиям об угрозе терроризма [Abderrahmane]. Подобное отождествление приводит к односторонней, враждебной по отношению к исламу и беженцам концепции мировосприятия, ключевыми моментами которой становятся выводы о «миграционном кризисе», «несовместимости ислама и западных ценностей»

[Düker]. Подобного рода произведения вносят огромный вклад в преодоление пропасти между культурами и предлагают альтернативное (в противовес распространенному в обществе) представление о «других».

Языковая и в то же время эмоциональная дистанция позволяют А. Хидеру свободно создавать свои истории. Для автора немецкий язык становится не только моментом творческого процесса, но и новой реальностью, с которой ему приходится сталкиваться. Его язык – это язык живого и говорящего субъекта, выражающего свое мировоззрение через вербальные и социальные взаимодействия. Речь идет об эмоционально маркированном процессе, в котором язык имеет репрезентативный характер, он несет в себе не только дескриптивную функцию, но и заставляет рассказчика занимать определенную позицию по отношению к окружающей действительности.

В романе «Дворец несчастных» А. Хидер пытается познакомить западноевропейскую аудиторию с историей своей родины через историю молодого иракца, представленную в перспективе его восприятия, за пределами общепринятого стереотипного образа. Молодой человек Шамс Хуссейн, находясь в тюрьме, предается воспоминаниям, чтобы выжить. Его повествование пронизано самыми разными эмоциями и чувствами, связанными с различными периодами его жизни. Наиболее частой эмоцией становится страх, находящий в языке свое эмоциональное выражение. Жизнь Шамса полна страха, который несет в себе не только индивидуальную, но и прежде всего социальную мотивацию, так как он выражает зависимость от других факторов (насилие в тюрьме, бомбардировки во время войны).

В нашем анализе мы опираемся на выводы М. Шварц-Фризель, которая говорит в работе «Sprache und Emotion» («Язык и эмоция», 2013) о влиянии когнитивных компонентов на языковые процессы [Schwarz-Friesel, 2013]. Автор выделяет три комплекса проблем:

1) влияние эмоций на обработку речи;

2) концептуализация эмоций в языковом выражении;

3) взаимодействие между определенными эмоциями и их языковыми обозначениями.

Кроме того, анализ особенностей вербализации эмоций в произведении А. Хидера строится на основе теории эмоций риторики, берущей свое начало в античном учении Аристотеля [Lausberg, 1990]. Фокусирование на тематизации и вербальном выражении эмоций, прежде всего страха, раскрывает понимание соотношений между эмоциями и соответствующей культурой. Эмоции и чувства получают очертания в языковом выражении, находясь в непосредственной зависимости от языкового, а также культурного кода. Писатель находит способ отображения эмоций не только в момент их проявления, он обращается к языковым структурам своей культуры. Изображение эмоций и чувств привязано к социальному и историческому

контексту, оно зависит от социального положения автора. Мотивы произведений А. Хидера несут в себе сильную эмоциональную нагрузку и транслируются читателю, оказывая на него соответствующее воздействие. В этом контексте Г. Лаусберг говорит об «Affekt-Brücke» («эмоциональной связи». Перевод здесь и далее наш. – *З. П.*) между писателем и читателем [Lausberg, 1990, *151*]. Риторические фигуры представляют язык аффектов в его поливалентности и прагматичной эмоциональной функции: они ведут себя так, что читатель принимает языковое выражение чувств как аутентичное [Till, 2007, *299–300*]. Задача писателя заключается в понятном изображении внутренних переживаний с целью растрогать читателя, оказать на него соответствующее эмоциональное воздействие.

В научной литературе, посвященной исследованию таких явлений, как язык и эмоции, а также понятий «эмоции» и «чувства», отмечаются терминологические разночтения. М. Шварц-Фризель понимает под эмоцией «многоаспектный комплекс осознанных и неосознанных знаний, представлений и процессов» [Schwarz-Friesel, 2013, *3*], чувство дефинируется как «тот самый элемент переживания эмоции, который осознается как субъективное состояние и может быть выражен вербально» [Schwarz-Friesel, 2013, *69*]. Основополагающими свойствами эмоции являются ее интенсивность, длительность (короткая / долгая, постоянная / непостоянная) и качество (положительная / отрицательная). Эмоции сопряжены с людьми, объектами, событиями, им присущ материальный резонанс. Чувство страха, к примеру, выражает субъективный опыт эмоционального состояния не только на языковом, но и на физиологическом уровне. Эмоция может быть осознана на лингвистическом уровне через ментальную репрезентацию: в момент выражения мысли эмоция кодифицируется, преобразовываясь в чувство посредством языка [Schwarz-Friesel, 2013, *69–70*]. В.И. Шаховский определяет эмоции как «разновидность человеческих страстей, которые пронизывают все сферы жизни человека и отражаются на всех уровнях его языка, поэтому не только лексика языка, но и фонетика и грамматика также пронизаны эмоциональными обертонами» [Шаховский, 2009, *21*].

Таким образом, чувства могут пониматься как эмоциональные состояния, кодифицированные посредством языка, имеющие отсылки непосредственно к языку и культуре. Другими словами, они приобретают культурную ценность, становясь следствием определенной оценки [Jäger, 1988, *57*]. Чувства связаны с субъективностью и могут рассматриваться как аффективные ответы на различные важные для человека события.

Эмоции – основополагающие элементы человеческой жизни, представляющие собой многомерный комплекс осознанных, а также бессознательных процессов и представлений [Schwarz-Friesel, 2013, *48*]. Согласно Р. Филеру, эмоции есть часть переживаний, оценочная позиция, но не само действие. Они понимаются как социально обусловленные феномены внутри

интерактивной системы [Fiehler, 1990, *12–20, 40–87, 99–162*]. Существуют определенные различия между базисными эмоциями, такими как страх / любовь / радость / гнев, и формами их переживания (любопытство / замешательство). Эмоции проявляются не только на языковом уровне, но и невербально (через мимику или жесты), физиологически (дрожь, сердцебиение, потение), а также через когнитивные процессы (воспоминания, интерпретация, принятие решений).

Вербализация эмоций осуществляется при помощи языковых элементов или дедуктивно в процессе чтения [Schwarz-Friesel, 2013, *33–34*]. Р. Филер различает в этом отношении «тематизацию» эмоций и «презентацию» эмоций [Fiehler, 1990, *11*]. Тематизация эмоций осуществляется посредством концептуальной номинации и описания той или иной эмоции, а также связанного с ней события. Презентация, или выражение, эмоций конкретизируется с помощью невербальных и паралингвистических средств, таких как интонация, акцентирование, мимика, жестикуляция. Оба компонента неотделимы друг от друга и принципиально важны для эмоционально окрашенной коммуникации.

Итак, эмоция, как особая форма переживаний в результате определенного действия, соотносящаяся с чувственным восприятием, впечатлениями, познанием, оценочной деятельностью и ощущениями [Fiehler, 2011, *17–33*], может быть описана следующим образом:

1) эмоция – социально, исторически и культурологически обусловленный феномен;

2) эмоция – интерактивный феномен;

3) эмоция передается через интеракцию с контекстом (вербализацию переживания).

В нашем исследовании анализ способов вербализации эмоции *Angst* фокусируется на различных лексических и семантических выражениях. Изучение эмотивных элементов в тексте преследовало цель показать те аспекты эмоциональности, которые могут оказывать воздействие на читательскую аудиторию. В романе А. Хидера выражаются внутренние состояния, их эмотивность и экспрессивность реализуются в различных формах передачи речи и мысли. Прежде всего была выявлена частотность употребления слова *Angst* и связанных с ним лексических единиц: одно только слово *Angst* встречается 80 раз.

Для выражения спонтанных эмоций служат определенные грамматические средства, такие как экспрессивные предложения или так называемый Dativus ethicus (риторический датив). Рассказчик может обозначить свое эмоциональное душевное состояние имплицитно или эксплицитно через эмоционально окрашенную лексику (глаголы *hassen, lieben, befürchten*; существительные *Liebe, Hass, Ekel, Trauer, Zorn, Wut* или прилагательные *trau-*

rig, glücklich, wütend; фразеологические обороты; метафоры). А. Хидер использует как эмоционально окрашенную лексику, так и определенные синтаксические структуры, выражающие превалирующую эмоцию *Angst* [Schwarz-Friesel, 2013, *147*]. «Langsam kriecht die Angst in mir hoch. Herrgott!» [Khider, 2020, *119*]. «Ich bekam Angst…» [Khider, 2020, *143*]. Страх вербализуется не только эксплицитно: автор указывает на наличие этой эмоции и через описание внешнего облика персонажей, в том числе с помощью фразеологизмов, которые он отчасти создает сам.

Страх есть базисная эмоция, причиной которой является предполагаемая или конкретная опасность. В немецком языке слово *Angst* («страх», «боязнь», «тревога», «тоска») часто используется наравне с обозначением *Furcht* («страх», «боязнь», «опасение»), хотя некоторые семы этих значений друг другу даже противоречат. *Angst* обозначает биологически обусловленную базисную эмоцию: среди прочего Ч. Дарвином было доказано, что она сопровождается как у слепых, так и у зрячих детей, а также у представителей различных культур одинаковой мимикой [Lelord, Christophe, 2008, *28*]. *Angst* включает множество нюансов значения: Sorge («тревога»), Grauen («боязнь»), Entsetzen («ужас»), Panik («паника»), Schrecken («испуг»), Schock («шок»). Все эти оттенки находят свое отражение в романе А. Хидера.

В романе встречается номинация эмоции страха с помощью лексем и *Angst* и *Furcht*. По определению Ф. Лелорда и А. Кристофа, *Angst* – реакция на актуальную опасность (например, войну, бомбардировку и т.д.), направленная на точный объект (война, насилие). В этой эмоции доминируют физиологические симптомы (например, дрожь) и приобретенные психические расстройства (фобии). *Furcht*, напротив, есть внутреннее предупреждение о грядущей или наступающей опасности (например, безнадежное будущее). Эта эмоция направлена на неопределенный объект, вызывает такие психологические симптомы, как тревога, беспокойство, импульсивное поведение [Lelord, Christophe, 2008, *277*]. Несмотря на приведенные различия, в романе не всегда удается полностью разделить эти два обозначения.

Роман А. Хидера «Дворец несчастных» относится к литературным текстам, которые в равной степени повествуют о межличностных, экзистенциальных и исторических событиях [Winko, 2003, *131–132, 338–340*]. Здесь эмоции не являются основной темой, но они красной нитью проходят через все произведение.

В своих романах А. Хидер описывает жизнь беженцев, оказавшихся в опасности. Он вводит в повествование иронию, сатиру и пародию в качестве эстетических средств, когда вплетает внутрь социально-политических и культурологических дебатов тему миграции и насилия. Такой способ описания эмоционального состояния протагонистов передает читателю чувства и эмоции непосредственным образом, заставляя его забыть, что он читает вымышленное произведение. Романы А. Хидера потенциально подходят

для междисциплинарных исследований, включающих культурологические, а также литературоведческие и лингвистические аспекты.

Во время чтения «Дворца несчастных» возникает вопрос: возможна ли, и если да, то насколько, реконструкция субъективно ощущаемого ужаса [Leonardi, 2016, *40–45*]? Автор в многочисленных интервью подчеркивает, что ему удается писать о травматических событиях своей жизни только на немецком языке. Использование неродного языка в литературном творчестве дает ему возможность артикулировать свой жизненный опыт, вербализировать то, что невозможно выразить словами на родном языке. Главный персонаж несет в себе определенные черты автора, но не должен идентифицироваться с ним полностью. Скорее, он – тип, символизирующий «жизнь на грани» [Abderrahmane; Düker].

Главный персонаж «Дворца несчастных» – молодой иракец, Шамс Хуссейн, уроженец юга Ирака, который во время экономического эмбарго вместе со своей семьей переезжает в Багдад. История состоит из двух повествовательных пластов: настоящего в тюрьме и прошлого времен Саддама Хуссейна, войны и диктатуры. В Багдаде Шамс живет в нищем квартале, его жизнь становится борьбой за выживание. Наряду с учебой в школе он работает в разных местах, пытаясь финансово поддержать семью. Совершенно случайно он сближается с противниками режима, за что его арестовывают и подвергают пыткам. В тюрьме Шамс, думая, что его приговорили к смертной казни, вспоминает свое детство в южном Ираке и юность в Багдаде. Повествование ведется сдержанно и детально от первого лица. Время от времени рассказ прерывается возвращением к настоящим событиям в тюрьме. Постепенно вычитываемый между строк страх становится катализатором истории, в которой доминируют насилие, война и смерть и где все меньше места остается для радостных воспоминаний.

У А. Хидера страх – это описание перманентно критической и затруднительной ситуации: впереди у юного Шамса – исторический вакуум, в котором находится страна после бесчисленных войн, а также неуверенность в собственной жизни, без надежды на нормальное будущее. У его страха несколько измерений, он проявляется соматически и предупреждает его и его семью об опасности.

В романе множество лингвистических маркеров глубоко эмоционально переживаемой трагедии, получающей вербальное выражение посредством эмоционально окрашенных лексем. Эти лексемы обнаруживаются в описании жизни в тюрьме и жизни во время иракской войны (2003 год). Повествование складывается из комбинации эмоционального отчаяния, латентного экзистенциального страха с ощущением нормальной повседневной жизни, которой фактически уже не существует. В определенной точке рассказа Шамс говорит, что он и его семья, а также другие жители деревни на юге Ирака и в Багдаде воспринимают войну как некую

«нормальность»: *Wir hatten keine Zukunftsperspektive mehr. Jeder kämpfte nur noch ums Überleben…* [Khider, 2020, *249, 283, 293, 304*].

Чувство страха смешивается с надеждой на нормальную жизнь. Чтобы преодолеть или вытеснить этот страх, Шамс пытается с помощью повествования достичь иммунитета против жестокости и ужаса. Особенно очевидно это становится в цитате, вводящей в тему романа: *Alle haben Angst in diesem Land der unterirdischen Kerker* [Khider, 2020, *8*]. Здесь впервые выражается чувство страха, интенсивность которого усиливается словом *Kerker (тюрьма, карцер),* которое, по сравнению со словом *Gefängnis (тюрьма)*, обозначает более суровую форму заточения. Использование этой лексемы подчеркивает мрачность ситуации.

Вербализация эмоции *Angst* / *Furcht* реализуется преимущественно на уровне лексики. Нами выделены следующие особенности репрезентации этой эмоции.

Интенсификация: интенсификация чувства осуществляется в произведении с помощью прилагательных и наречий:

(1)

a) Außerdem hatte Vater ***unsägliche*** *Angst, dass die Parteispitzel im Dorf Großvater irgendwann bei der Polizei anschwärzen würden...* [Khider, 2020, *12*];

b) Wir hatten ***große*** *Angst* [Khider, 2020, *54*];

c) Meine Mutter bekam ***große*** *Angst* [Khider, 2020, *229*];

d) Ich hatte ***unglaubliche*** *Angst* [Khider, 2020, *286*].

Эмоция *Angst* находит свое выражение также через существительные, глаголы, прилагательные, производные от этого слова, способствующие интенсификации этой эмоции.

(2)

a) Außerdem hatte ich ***Heidenangst*** *vor dem Dolch* [Khider, 2020, *143*];

b) Der Alte in Uniform stellt sich vor mich, sieht mir vorsichtig mit einem Lächeln in die Augen und fragt, als würde er ein ***ängstliches*** *Kind ansprechen: «Kannst du laufen?»* [Khider, 2020, *59*];

c) Ihre Augen wirken verloren, traurig und ***ängstlich****...* [Khider, 2020, *113*];

d) Irgendwie hatte ich den Eindruck, dass Sinan mir nicht die Wahrheit erzählen wollte. Er wirkte ***ängstlich*** [Khider, 2020, *290*];

e) ...auf die beiden Typen, die sich ***ängstlich*** *duckten... Die beiden Ganoven wurden* ***kreidebleich*** [Khider, 2020, *147*];

f) Auf den Straßen war die Mehrheit vorsichtiger und ***ängstlicher*** *als sonst* [Khider, 2020, *284*];

g) Vater kniete sich sofort nieder, legte seine Hände auf den Kopf und sah die Männer ***angsterfüllt*** *an* [Khider, 2020, *54*].

В примерах 2a, 2d, 2e речь идет о дескриптивной отсылке языковых выражений на внеязыковую действительность. В отрывке 2e прилагательное *kreidebleich* передает физиологическую реакцию, ассоциированную со страхом.

Интенсификация осуществляется также с помощью персонификации (3а) и таких глаголов, как *fürchten, kriechen, grinsen, zittern, heulen, schreien*, которые усиливают реакцию персонажей на жизненно опасные ситуации.

(3)

a) Langsam ***kriecht die Angst*** *in mir hoch. Herrgott! Es wird unerträglich werden...* [Khider, 2020, *119*];

b) In den letzten Jahren im Kerker sah ich sie [die Sonne] nur für eine halbe Stunde wöchentlich. Immer donnerstags gegen Mittag kamen die Wärter, um die Häftlinge aus den Zellen zu holen, dann ließen sie uns alle in einem Hof zusammenstehen. Nackte Männer. Um uns herum kahle, dicke Mauern... Immer wieder sah ich, wie manche von ihnen uns beobachteten und ***grinsten****. Einige ekelten sich vielleicht* [Khider, 2020, *32*];

c) Wir ***krochen*** *aus dem Schrank und blieben zitternd auf dem Boden liegen... Nach draußen trauten wir uns nicht, da wir weitere Bomben* ***fürchteten*** [Khider, 2020, *42*];

d) Gegen Mittag tauchte eine Dame auf, die meine Mutter gut kannte… Die Frau ***heulte*** *und* ***schrie*** [Khider, 2020, *229*].

Кроме того, в этом контексте необходимо отметить употребление частиц, прежде всего усилительных и модальных (*sehr, überaus, ungemein, also, eben, nur*), функция которых заключается в информировании читателя о состоянии рассказчика, а также о его отношении к сказанному.

Чувство страха может появляться имплицитно, когда прилагательные репрезентуют интенсивность эмоции, не называя ее непосредственно.

(4) *Die Hubschrauber [...] und die Explosionen, die wir hörten, klangen* ***näher*** *und* ***bedrohlicher*** *als diejenigen der Amerikaner vor einigen Wochen* [Khider, 2020, *53*].

Повтор: эмоция *Angst* передается в романе через повторы определенных словосочетаний или целых предложений и конструкций (*Angstmachen, Angsthaben / bekommen*):

(5)

a) Immer wieder kamen unsere Eltern und kontrollierten, ob wir da noch waren. Alle ***hatten Angst*** [Khider 2020, *57*];

b) Pharao lachte sie aus. «Willst du mir mit diesem Küchenmesser ***Angst machen*** *oder ein Brot schmieren?»* [Khider, 2020, *143*];

c) Ich vergrub mein Gesicht in Qamers Augen und war wie benebelt. Plötzlich bewegte sich meine Schwester. Ich ***bekam Angst****, doch sie sagte kein Wort* [Khider, 2020, *157*].

Персонификация: *Angst* проявляется в романе часто через персонификацию чувств, то есть через описание физиологических ощущений, поведения и жестов как эмоциональной реакции на ситуации, людей или объекты.

(6)

a) Man hörte Explosionen aus jeder Himmelsrichtung und undefinierbaren Lärm von ***Menschengeschrei*** *und Schüssen.* ***Tränen*** *verschleierten Mutter*

den Blick. Völlig außer sich, drückte sie uns an sich... Jede neue Explosion trieb sie ***wie ein gejagtes Tier*** *von einer Ecke in die andere... Wir krochen aus dem Schrank und blieben zitternd auf dem Boden liegen... Nach draußen trauten wir uns nicht, da wir weitere Bomben fürchteten* [Khider, 2020, *41–42*];

b) Aber niemand wollte ausführlich erzählen, was er erlebt hatte. Ihre Antworten waren knapp und bestanden zumeist aus unvollständigen Sätzen;

«Die Hölle auf Erden»;

«Uns gejagt ***wie die Fliege****»* [Khider, 2020, *46*];

c) Vater hatte jede Nacht ***Albträume*** *und wachte* ***schreiend*** *auf. Wir bekamen alles mit, all den* ***Horror****, den er in seinem Kopf* ***erneut*** *erlebte. Ich hatte* ***Angst*** *vor ihm, zog mir die Decke über den Kopf, kauerte mich dicht an meine Schwester, die sich eine Matratze mit mir teilte, kniff die Augen zu, hielt mir die Ohren zu, um irgendwie zu schlafen* [Khider, 2020, *48–49*];

d) ***Mein Herz hatte mir bis in die Ohren gepocht*** [Khider, 2020, *97*];

e) Ich rannte schnell weiter, ***zitterte*** *vor Furcht und wusste überhaupt nicht, was ich tun sollte. Wie sollte ich mich gegen zwei Riesen wehren?* [Khider, 2020, *143*];

f) ...auch auf den Straßen herrschte ungeheures Leid [Khider, 2020, *248*].

В этих отрывках страх изображается по-разному: с помощью физиологических реакций *(Menschengeschrei, Tränen, zitterte)* или сравнений *(wie ein gejagtes Tier, wie die Fliege)*. Сравнение с мухами подчеркивает насилие и переживаемое персонажами унижение человеческого достоинства (6b). Страх ассоциируется с неспособностью выразить словами травматическое переживание, поэтому используются неполные предложения, фрагментация которых наилучшим образом передает весь ужас ситуации (6b). Репрезентантами страха выступают физиологические реакции отца Шамса и его самого (6c, 6d, 6f) как результат пережитой травмы. Причастие *erneut* (6c) подчеркивает длительное присутствие страха в жизни протагонистов. В примере 6f горе персонифицируется, усиливая трагичность действительности.

Использование единиц синонимичного ряда, эксплицитно репрезентирующих эмоцию *Angst*: *Sorge / Besorgnis / Unruhe* (7a), *Schrecken* (7b und 7c), *Panik* (7d, 6e und 7f):

(7)

a) *Doch ich spürte die* ***Besorgnis und Unruhe*** [Khider, 2020, *15*];

b) In den letzten Jahrzehnten hatten die Menschen des Südens schließlich viele ***schreckliche*** *Ereignisse überlebt* [Khider, 2020, *27*];

c) ...in unseren ***erschrockenen*** *Gesichtern* [Khider, 2020, *94*];

d) Als es hieß, Fremde hätten die Grenze übertreten und näherten sich dem Dorf, brach ***Panik*** *aus. Jeder verschanzte sich in seinem Haus...* [Khider, 2020, *28*];

e) Kurz nach dieser Meldung brach ***Panik*** *unter den Bewohnern von Al-Hindi und Herzliche Hölle 41 aus...* [Khider, 2020, *40*];

f) Der Unglaube und die ***Panik*** *in den Augen meines Vaters, als er von zwei Soldaten an den Oberarmen gepackt und hinausgeführt wurde, waren unbeschreiblich* [Khider, 2020, *55*].

Обозначение *Angst* в романе часто встречается в виде варианта *Furcht*, а также в форме производных прилагательных и глаголов. Эта эмоция крепко вплетена во внутреннюю суть повествования и указывает на еще неизвестную, грядущую опасность и мрачное будущее.

(8)

a) Mutter war echt genervt... «Es ist ***fürchterlich*** *mit dir, wenn du nichts zu tun hast. Geh raus und such dir endlich was Neues!»* [Khider, 2020, *91*];

b) Am Ende des Flurs erkannten wir Zellen mit Gittern, und zumindest ich ***fürchtete*** *mich sehr davor, dort die nächsten Tage verbringen zu müssen* [Khider, 2020, *96*].

Она проявляется в психических нарушениях, причинами которых становится.

(9)

«Die Bauchkrämpfe sind nicht körperlich», sagte er, «sondern vermutlich ***Ausdruck einer psychischen Störung****... Die Seele hat mehrere Erscheinungsformen, auch im Bauch ist sie spürbar, und dort lauert sie, weint und schreit»* [Khider, 2020, *33*].

Страх ассоциируется с неспособностью понимать и воспринимать ситуацию.

(10)

Die Ruhe im Land fand ihr jähes Ende... ***Niemand verstand****, was genau passiert war. Die Ereignisse überschlugen sich... Er hatte vermutlich* ***Angst****, uns die Wahrheit darüber zu erzählen, was genau im Land geschah. Vielleicht hatte er es auch selbst noch* ***nicht*** *wirklich* ***begriffen*** [Khider, 2020, *35*].

Кроме того, эмоция *Angst* неразрывно связана с отсутствием надежды на лучшую жизнь.

(11)

Ich hatte ***Angst*** *vor diesen Berufsschulen, den, Anstalten ohne Zukunft', wie man sie nannte. Meine Eltern* ***fürchteten*** *um meine Zukunft und hatten die berechtigte* ***Sorge****, dass ich an dieser Abschlussprüfung scheitern würde... Oft kamen mir meine Eltern verschwiegen und undurchsichtig vor* [Khider, 2020, *163*].

Страх получает свое выражение также через лексемы, создающие впечатление нереалистичной, деформированной действительности (12a: *absurderweise*, 12b: *überraschenderweise*, 12d: *auf wundersame Weise*, 12c: *erstaunlich tapfer*).

(12)

a) Wir gewöhnten uns an den fernen Krieg. Nur einmal in jenen Jahren wurde die Gegend von einigen Raketen getroffen. ***Absurderweise*** *wurden sie nicht*

von iranischen Angreifern abgefeuert, sondern von unseren eigenen Leuten [Khider, 2020, *27*];

b) ***Überraschenderweise*** *war das Dorf nicht beschädigt* [Khider, 2020, *43*];

c) Unsere beiden Dörfer jedoch hielten sich ***erstaunlich tapfer*** [Khider, 2020, *45*];

d) ***Auf wundersame Weise*** *überlebten wir in unserem Kleiderschrank die Bomben des Bus* [Khider, 2020, *42*].

Таким образом, лексико-семантический анализ романа А. Хидера «Дворец несчастных» выявил различные варианты номинации и репрезентации базисной эмоции *Angst*, играющей в произведении ключевую роль. В процессе повествования описываются не только эмоции и чувства, сопутствующие событиям в настоящем времени, но и эмоции прошлого находят свое выражение в воспоминаниях главного персонажа. В обоих хронологических пластах *Angst* тематизируется, вербализуется и описывается. Вербализация этой эмоции реализуется через дескриптивную отсылку (2a, 2d, 2e, 5c), прилагательные (1a–1d) или наречия (12a, 12b, 12 c). Ее конкретизация осуществляется посредством описания физиологических реакций персонажей (3a, 3b, 3c, 8a, 8b), повторов формул, фиксирующих соответствующие переживания *(ich hatte Angst / ich bekam Angst)*, а также сравнений (6a, 6b, 6d). Эмоция *Angst* выражается с помощью лексем *Furcht, Panik, Schrecken*, которые являются частью ее семантического поля и часто дублируются, что говорит об относительном разнообразии эксплицитных лексических средств выражения этой эмоции (7, 8, 11).

Безусловно, в рамках нашей статьи представлен лишь частичный аспект безграничного феномена эмоции *Angst*, однако данный анализ подтверждает тот факт, что «эмоции могут передаваться и транслироваться только посредством языка и других форм культурологических репрезентаций» [Hammer-Tugendhat, 2010, *9*].

В своих романах А. Хидер предлагает европейскому читателю альтернативное видение арабского мира по сравнению со стереотипным его восприятием, часто ассоциированным с терроризмом. В своем творчестве он знакомит читателя с традициями, историей и языком арабской культуры. В изображении травматичного жизненного опыта, которое автор переносит в иную языковую (немецкую) культуру, а также в «переводе» арабской действительности для европейского читателя на ясный, иронический язык А. Хидер демонстрирует, что не существует культурных границ, что различный жизненный опыт, несущий в себе определенные эмоциональные переживания, проявляется в разных культурах одинаково.

ЛИТЕРАТУРА

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 128 с.

Abderrahmane A. Deutsch ist meine neue Zunge. Interview mit Abbas Khider. URL: https://qantara.de/artikel/der-irakische-schriftsteller-abbas-khider-deutsch-ist-meine-neue-zunge (дата обращения: 22.06.2024).

Colm Hogan P. Literature and Emotion. London: Routledge, 2018. 220 P.

Düker R. Ich stelle der Folter eine sprachliche Form entgegen. Interview mit Abbas Khider. URL: https://www.cicero.de/kultur/abbas-khider-auber- ginenrepublik-ich-stelle-der-folter-eine-sprachliche-form-entgegen/53874 (дата обращения: 22.06.2024).

Fiehler R. Kommunikation und Emotion. De Gruyter: Reprint 2012 Edition, 1990. 341 S.

Fiehler R. Wie kann man über Gefühle sprechen? Sprachliche Mittel zur Thematisierung von Erleben und Emotionen // Emotionale Grenzgänge. Konzeptualisierung von Liebe, Trauer und Angst in Sprache und Literatur / hrsg. von L. Ebert, C. Gruber, B. Meisnitzer, S. Rettinger. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2011. S. 17–33.

Fouad L. Verflechtung und Entflechtung von deutscher und arabischer bzw. irakischer Identität in der Grenzgängerliteratur des Chamisso-Förderpreisträgers von 2010 Abbas Khider. URL: http://www.studia-translatorica.pl/articles/07/05_fouad.pdf2020 (дата обращения: 22.06.2024).

Hammer-Tugendhat D., Lutter M-Ch. Emotionen im Kontext. Eine Einleitung // Zeitschrift für Kulturwissenschaften. 2010. № 2. 96 S.

Jäger L. Zur historischen Semantik des deutschen Gefühlswortschatzes. Aspekte, Probleme und Beispiele seiner lexikographischen Erfassung / hrsg. von L. Jäger. Aachen: Alano-Rader, 1988. 360 S.

Khider A. Palast der Miserablen. München: Hanser Verlag, 2020. 320 S.

Kremnitz G. Mehrsprachigkeit in der Literatur: ein kommunikationssoziologischer Überblick. Wien: Praesens, 2015. 285 S.

Lausberg H. Handbuch der literarischen Rhetorik. 3. Auflage. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 983 S.

Lelord F., Christophe A. Die Macht der Emotionen und wie sie unseren Alltag bestimmen. München: Piper, 2008, 397 S.

Leonardi S. Erinnerte Emotionen in autobiographischen Erzählungen, in Emotionsausdruck und Erzählstrategien in narrativen Interviews. Analysen zu Gesprächsaufnahmen mit jüdischen Emigranten / hrsg. von S. Leonardi, E.M. Thüne, A. Betten. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2016. 388 S.

Petty R.E., Cacioppo J. Communication and Persuasion, Central and Peripheral Routes to Attitude Change. New York: Springer, 1986. 264 S.

Shibib M. Irakische Autoren im Migrationsland Deutschland // Zeitschrift für interkulturelle Germanistik. Bielefeld: Transcript-Verlag. 2020. № 11, Heft 1, S. 179–192.

Winko S. Kodierte Gefühle. Zu einer Poetik der Emotionen in lyrischen und poetologischen Texten um 1900. Berlin: Erich Schmidt, 2003. 456 S.

Schwarz-Friesel M. Sprache und Emotion. 2. Aktualisierte und erweiterte Auflage. Tübingen: Narr / Francke / Attempto, 2013. 401 S.

Schwarz-Friesel M. Giving Horror a Name. Verbal Manifestations of Despair, Fear and Anxiety in Texts of Holocaust Victims and Survivors // Emotion in Language / hrsg. von U.M. Lüdke. Amsterdam-Philadephia: Benjamins, 2015. S. 289–304.

Till D. Text, Kommunikation und Affekt in der Tradition der Rhetorik // Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes. Göttingen: Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg. 2007. № 54. Heft 3. S. 286–304.

Ueding G. Rhetorik des Schreibens. Eine Einführung. Athenäum: Verlag Beltz, 1996. 188 S.

Z.E. Perfileva
PhD in Philology, Associate Professor,
Chair of the Romano-Germanic Philology
and Foreign Language Teaching Methods,
Orenburg State Pedagogical University
Orenburg, Russia

Peculiarities of Verbalization of the Emotion *Angst* in A. Khider's Novel «Palace of the Miserables»

The impact of a literary text depends significantly on its emotional potential, which can be described and studied from a scientific point of view using textual-linguistic analysis. Emotionally charged situations reflect interpersonal relationships, essential events and involvement in a certain culture.

The subject of the article is the peculiarities of verbalization of the emotion Angst in A. Khider'snovel «Palace of the Miserables» (2020). The purpose of our work was to attempt to identify the structures at various language levels with the help of which emotions are represented. One of the tasks of analyzing the emotive elements in the novel was to identify those aspects of emotionality that can influence the recipient. We are talking not just about morphemes, words and sentences expressing emotions, but also about the information structure of the text, the relationship of all the presented elements with the help of which the verbalization of feelings is carried out. As a result of our analysis, various variants and features of the nomination and representation of the emotion Angst were identified.

The conclusions made in our study contribute to the support of the fundamental author's position of A. Khider, who strives to present in his work the concept of Arab culture, devoid of stereotypical, cliched attitudes. In addition, this article expands the understanding of modern German-language literature, an integral part of which are the works of authors with an emigrant background.

Keywords: *German-language literature; emotions; feelings; verbalization; linguistic analysis.*

REFERENCES

Shakhovsky V.I. Emotions: Pre-linguistics, linguistics, linguoculturology [E`mocii: Dolingvistika, lingvistika, lingvokul`turologiya]. Moscow: Knizhny`j dom «LIBROKOM», 2010. 128 p. (in Russian).

Abderrahmane A. German is my new tongue. Interview with Abbas Khider [Deutsch ist meine neue Zunge. Interview mit Abbas Khider]. Available at: https://qantara.de/artikel/der-irakische-schriftsteller-abbas-khider-deutsch-ist-meine-neue-zunge (accessed on June 22, 2024) (in German).

Colm Hogan P. Literature and Emotion. London: Routledge, 2018. 220 p. (in English).

Düker R. I oppose torture in a linguistic form. Interview with Abbas Khider [Ich stelle der Folter eine sprachliche Form entgegen. Interview mit Abbas Khider]. Available at: https://www.cicero.de/kultur/abbas-khider-auber-ginenrepublik-ich-stelle-der-torter-eine-sprachliche-form-gegen/53874 (accessed on June 22, 2024) (in German).

Fiehler R. Communication and Emotion [Kommunikation und Emotion]. De Gruyter: Reprint 2012 Edition, 1990. 341 p. (in German).

Fiehler R. How to talk about feelings? Linguistic means for addressing experiences and emotions [Wie kann man über Gefühle sprechen? Sprachliche Mittel zur Thematisierung von Erleben und Emotionen]. *Emotional bordercrossings. Conceptualization of love, grief and fear in language and literature.* Edited by L. Ebert, C. Gruber, B. Meisnitzer, S. Rettinger. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2011. pp.17–33 (in German).

Fouad L. Interweaving and disentangling of German and Arab or Iraqi identity in thecross-border literature of the 2010 Chamisso Prizewinner Abbas Khider [Verflechtung und Entflechtung von deutscher und arabischer bzw. irakischer Identität in der Grenzgängerliteratur des Chamisso-Förderpreisträgers von 2010 Abbas Khider]. Available at: http://www.studia-translatorica.pl/articles/07/05_fouad.pdf2020 (accessed on June 22, 2024) (in German).

Hammer-Tugendhat D., Lutter M-Ch. Emotions in context. An introduction [Emotionen im Kontext. Eine Einleitung]. *Journal of Cultural Studies.* Bielefeld: Transcript-Verlag. No 2, 2010. 96 p. (in German).

Jäger L. On the historical semantics of the German vocabulary of emotions. Aspects, problems and examples of its lexicographical recording [Zur historischen Semantik des deutschen Gefühlswortschatzes. Aspekte, Probleme und Beispiele seiner lexikographischen Erfassung]. Edited by L. Jäger. Aachen: Alano-Rader, 1988. 360 p. (in German).

Khider A. Palace of the Miserables [Palast der Miserablen]. Munich: Hanser Verlag, 2020. 320 p. (in German).

Kremnitz G. Multilingualism in literature: a communication sociological overview [Mehrsprachigkeit in der Literatur: ein kommunikationssoziologischer Überblick]. Vienna: Praesens, 2015. 285 p. (in German).

Lausberg H., Handbook of literary rhetoric [Handbuch der literarischen Rhetorik]. The 3rd edition. Stuttgart: Franz Steiner Verlag,1990. 983 p. (in German).

Lelord F., Christophe A. The power of emotions and how they determine our everyday life [Die Macht der Emotionen und wie sie unseren Alltag bestimmen]. Munich: Piper, 2008, 397 p. (in German).

Leonardi S. Remembered emotions in autobiographical stories, in emotional expression and narrative strategies in narrative interviews. Analyses of recorded conversations with Jewish emigrants [Erinnerte Emotionen in autobiographischen Erzählungen, in Emotionsausdruck und Erzählstrategien in narrativen Interviews. Analysen zu Gesprächsaufnahmen mit jüdischen Emigranten]. Edited by S. Leonardi, E.M. Thüne, A. Betten. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2016. 388 p. (in German).

Petty R.E., Cacioppo J. Communication and Persuasion, Central and Peripheral Routes to Attitude Change [Communication and Persuasion, Central and Peripheral Routes to Attitude Change]. New York: Springer, 1986. 264 p. (in English).

Shibib M. Iraqi authors in Germany as a country of migration. [Irakische Autorenim Migrationsl and Deutschland]. *Journal for intercultural German studies.* Bielefeld: Transcript-Verlag. No 11. 2020, Issue 1. pp. 179–192 (in German).

Winko S. Coded feelings. On a poetics of emotions in lyrical and poetological texts around 1900 [Kodierte Gefühle. Zu einer Poetik der Emotionen in lyrischen und poetologischen Texten um 1900]. Berlin: Erich Schmidt, 2003. 456 p. (in German).

Schwarz-Friesel M. Language and Emotion [Sprache und Emotion]. The 2nd updated and expanded edition. Tübingen: Narr / Francke / Attempto, 2013. 401 p. (in German).

Schwarz-Friesel M. Giving Horror a Name. Verbal Manifestations of Despair, Fear and Anxiety in Texts of Holocaust Victims and Survivors. *Emotion in Language.* Edited by U.M. Lüdke. Amsterdam-Philadephia: Benjamins, 2015. pp. 289–304 (in English).

Till D. Text, communication and affect in the tradition of rhetoric [Text, Kommunikation und Affekt in der Tradition der Rhetorik]. *Communications of the German Association of Germanists.* Göttingen: Johann Christian Senckenberg University Library. No 54, 2007, Issue 3, pp. 286–304 (in German).

Ueding G. Rhetoric of writing. An introduction [Rhetorik des Schreibens. Eine Einführung]. Athenäum: Verlag Beltz, 1996.188 p. (in German).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.В. Тихонова

Смоленский государственный университет
Смоленский государственный музей-заповедник
Смоленск, Россия

УДК 94

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-187-205

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ, ПОСЕТИВШИХ СМОЛЕНСК В 1820–1840-е ГОДЫ

Ключевые слова: *Смоленск; путешествие; впечатления; впечатления путешественников; Смоленск 1820–1840-х годов; Э. Монтюле; Э. Хесс; Е.С. Телепнева; О.П. Шишкина, цесаревич Александр Николаевич.*

В статье на основе источников личного происхождения: переписки великого князя Александра Николаевича с отцом и записок путешественников (француза Э. Монтюле и баварца Э. Хесса, русских дворянок Е.С. Телепневой и О.П. Шишкиной) – отражены впечатления, полученные во время посещения Смоленска в 1820–1840-е годы. Все визитеры были проездом и останавливались в городе на короткий срок от одного до трех дней. Возникший у путешественников образ Смоленска складывался из запоминающегося холмистого рельефа, достопримечательностей, связанных со средневековой историей, и мест, служивших напоминанием о событиях Отечественной войны 1812 года. Несмотря на то что война все более отдалялась во времени, она воспринималась как явление доминантное, определяющее прошлое города. Сначала об этом свидетельствовали руины и пострадавшие здания, затем установленные монументы П.И. Энгельгардту и Смоленскому сражению. Внимание путешественников привлекали храмы, в первую очередь Надворотная церковь Божией матери и Успенский собор. О других смоленских церквях и монастырях упоминают лишь россияне. На впечатления от самого города влияли возникавшие ассоциации, связанные с прежним опытом путешествий, случайные встречи, бытовые условия. Несмотря на то что со времени описываемых визитов в Смоленск прошло около 200 лет, многие из объектов, упомянутых путешественниками, сохранились и по-прежнему являются знаковыми городскими достопримечательностями.

В настоящее время путешествия стали распространенным средством познания окружающего мира, средством выхода из стресса, стимулом к креативности, даже своего рода индустрией с появлением понятия «экономика впечатлений» как особой сферы хозяйственной деятельности [Погорлецкий, 2022]. Смоленск – старинный российский город с богатой историей, развитой инфраструктурой и выгодным географическим положением между Белоруссией и центром России – становится все более привлекательным для развития туризма и индустрии гостеприимства [Туристский потенциал Смоленской области, 2024].

Но и 200 лет назад путешествие в Смоленск дарило побывавшим в нем яркие впечатления. Судить об этом позволяют источники личного происхождения: переписка великого князя Александра Николаевича с отцом, записки как иностранных визитеров (француза Э. Монтюле и баварца Э. Хесса), так и российских путешественников (Е.С. Телепневой, О.П. Шишкиной). Следует отметить, что во всех случаях Смоленск не являлся конечной целью поездки: путь обычно лежал в Москву, а затем или на юг России, или за границу, особый случай – путешествие по России будущего наследника престола, когда Смоленск оказался на пути из Рязани в Брянск. Остановка в городе обычно была непродолжительной – до трех дней. Это обстоятельство, несомненно, влияло на число достопримечательностей, которые удавалось увидеть, и заставляло путешественников делать выбор в зависимости от своих предпочтений. Россияне, будучи православными верующими, большое внимание уделяли посещению церковных служб и осмотру храмов города. Славу Смоленску принесли героические события 1812 года, а потому даже женщины во время своих визитов в город считали необходимым отметить места, связанные с этой военной кампанией.

Все частные лица, о которых пойдет речь, принадлежали к дворянскому сословию и были людьми состоятельными, имевшими возможность путешествовать в достаточно комфортабельных для своего времени условиях – в дорогом экипаже, специально подготовленном для длительной поездки. Если для самостоятельно путешествующих (Э. Монтюле, Е.С. Телепневой, О.П. Шишкиной) издержки являлись их собственной заботой, то в случае с великим князем или гостями, приглашенными государем, подобные вопросы решались за счет казны и с привлечением местной администрации [Горская, 2020, *26–29, 32*].

Так, на поездку великого князя Александра Николаевича, будущего Александра II, по России в 1837 году была выделена «первоначально сумма в 30 тысяч рублей и кредит еще на такую же сумму, который возлагался на Губернские казначейства, когда первая сумма будет израсходована» [Захарова, 1999, *8*]. Сумма значительная, но и путешествие наследника престола предполагалось в течение более чем семи месяцев и рассматривалось как

знакомство со страной и ее народом. Николай I составил для сына «Инструкцию для путешествия». Александра сопровождали воспитатели и наставники, главным из которых был В.А. Жуковский. Последний назвал это масштабное турне «Венчанием с Россией» [Захарова, 1999, *5*].

«Царские условия» [Хесс, 2007, *31*] проезда по территории России были предоставлены и Петеру Хессу (1792–1871) в 1839 году. Этот баварский художник, приглашенный российским императором Николаем I, должен был посетить места сражений 1812 года, чтобы в дальнейшем создать серию посвященных им живописных полотен. Сопровождавший отца 15-летний Эуген Хесс с удовольствием упомянул в своем дневнике, что в их распоряжении находился даже не один, а три экипажа: в одном он ехал с отцом, другой предназначался для двух россиян, сопровождавших иностранного живописца, а третьим была специальная «кухонная карета» с поваром и слугой [Хесс, 2007, *31*]. Кроме того, на почтовых станциях им обязаны были незамедлительно предоставлять лошадей.

Первым по хронологии следует назвать сочинение «Путешествие в Англию и Россию в течение 1821, 1822 и 1823 гг.» француза Эдуарда Рене Пьера Шарля Дюбуа Монтюле (1792–1828) [Montulé, 1825]. Начиная свое повествование о визите в Смоленск, иностранец пишет о надеждах на отдых и возникших при этом проблемах. Единственной рекомендованной ему приличной гостинице француз дал оценку «ниже среднего». Но в городе она явно считалась лучшей: именно в ней останавливался наследный принц Мекленбург-Шверина Пауль-Фридрих 1(13) мая 1821 года по пути «из С. Петербурга чрез Москву в Варшаву» [ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 8, 1821 г., *8–8 об.*].

Речь шла о гербере, принадлежавшем итальянцу «M. Nalcini» (так называет его Монтюле). Согласно документам, купец Дементий (Доминико) Карлович Нольчини владел этим заведением с 1818 года [ГАСО, ф. 1260, оп. 1, д. 33, *17*] (подробнее о Д.К. Нольчини см.: [Тихонова, 2020, *163–164*]). Монтюле, по его собственному признанию, «сама судьба подкинула очередные трудности, столь частые в этом путешествии» [Montulé, 1825, *297*], и мест в гостинице не оказалось. Мало того, выяснилось, что во всем городе остановиться негде: в это время в Смоленске проходили дворянские выборы. Тем не менее итальянец – владелец гербера не бросил француза-путешественника на произвол судьбы и поселил его в маленькой деревянной бане в глубине своего сада. При этом половина дома уже была занята: там в ожидании родов жила служанка Нольчини. В результате такого соседства Монтюле обе ночи во время своего пребывания в Смоленске не спал: в первую ночь ему мешали стоны женщины, а во вторую – крики новорожденного. Видимо, это «смоленское приключение» оставило яркое воспоминание, так как француз взялся размышлять о разнице в отношении к роженице из высшего общества и служанке: если первую все окружают

вниманием, то вторую ждет безразличие. Иностранец даже задумался о том, что жар бани, возможно, облегчает роды [Montulé, 1825, *297*].

Описывая Смоленск, Монтюле отметил, что город «находится в 384 верстах от Москвы» [Montulé, 1825, *296*] – около 410 км, что достаточно точно. Иностранец обратил внимание на особенности ландшафта: «Со стороны Польши пространство достаточно открытое, а со стороны России защищено Днепром и высоким откосом» [Montulé, 1825, *297*]. Упомянул путешественник и крепостную стену: «Смоленск окружен кирпичной стеной с башнями, но в большой степени разрушенной» [Montulé, 1825, *296*]. В атласе из 29 листов литографий с акварельной подкраской, дополнявшем сочинение Монтюле, под № 25 был представлен «Вид Смоленска со стороны Днепра, по дороге из Москвы»: на переднем плане – деревянная ограда с деревцами и лентой реки за ней, за оградой – смоленские холмы с участком стены, большое число церквей, а на возвышении справа – собор с кирпичными стенами без побелки.

Французский путешественник с удивлением констатировал, что город еще не отстроен: «В нем до сих пор видны следы пожара 1812 г. Магазины, расположенные в южной части города, находятся в том же состоянии, в каком были оставлены при нашем отступлении» [Montulé, 1825, *296*]. Видимо, оттого что дворянские выборы помешали его комфорту, Монтюле особо подчеркнул, что «здание дворянского собрания деревянное» [Montulé, 1825, *296*]. Это соответствовало действительности: каменное здание, ныне занимаемое Смоленской филармонией, было построено в 1825 году.

Из родного тамбовского имения Молчановки в Карлсбад в 1827 году ехала дворянка Елена Сергеевна Телепнева. В возрасте 20 лет она умрет в Праге в 1828 году [Греч, 1831, *61*]. С согласия родных в журнале «Сын Отечества и Северный архив» в 1831 году будут опубликованы «Ежедневные записки русской путешественницы в 1827 и 1828 годах» [Телепнева, 1831]. Это сочинение не предназначалось для печати, а было написано «для чтения любезной ея бабушки, с которою она рассталась еще во младенчестве, а беседовала посредством переписки» [Греч, 1831, *62*].

В Смоленск Е.С. Телепнева прибыла с родителями в 8 часов утра 3(15) июля 1827 года, остановившись в трактире «на горе» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *315*]. Начиная описание города, путешественница отметила, что он «стоит на двух крутых горах, при подошве которых течет Днепр» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *314*], на вершине одной находится Собор, а другая гора покрыта «зеленью, и там и сям разбросанными домами и церквями, – вид чудесный!» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *315*]. «Другая гора» – Покровская, позже, в 1830 году, была частично срезана [Кононов, 2004, *213*].

Как и полагается верующему человеку, Елена Сергеевна, только приехав и попив чаю, сразу же вместе с маменькой отправилась к обедне в ближайший монастырь. В своих записках она отметила «отделанный на самый старинный манер» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *314*] иконостас, сохранившийся, несмотря на разорение города французами в 1812 году. Трудно сказать, о каком монастыре идет речь, так как, по свидетельству Н.А. Мурзакевича, Авраамиевский монастырь сильно пострадал [Мурзакевич, 1903, приложение, 67], а Троицкий монастырь в 1812 году был разорен настолько, что его хотели упразднить. Уцелела от разграбления Сергиевская зимняя церковь Вознесенского женского монастыря [Дубовская, 2003, *355*]. Возможно, именно Вознесенский монастырь и имела в виду Е.С. Телепнева.

Пообедав, путешественницы пошли в Надворотную Одигитриевскую церковь. Каменный храм над воротами, вместо прежнего деревянного во имя Рождества Богоматери, был построен к 1795 году, в 1811 году его расширили, но не успели освятить. В Отечественную войну он сильно пострадал и был освящен во имя иконы Божией матери «Одигитрия» 2(14) декабря 1814 года [Писарев, 1898, *167*; Трофимовский, 2013, *163–164*]. Телепневы отправились в Богоматерскую церковь «поклониться Образу Смоленской Божией Матери». Елена Сергеевна знала, что «этот чудотворный Образ был во время Отечественной войны с Русскими войсками в походе» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *314*]. Отслужив молебен и помолившись «с усердием Заступнице», девушка с матерью вынуждена была переждать дождь, а потом двинуться вверх по горе – по крутой «каменной, от дождей сделавшейся скользкою мостовой, ибо в Смоленске нет тротуаров, что для пешеходов весьма неудобно» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *315–316*]. Любопытно, что Телепневы не стали посещать Собор, по словам Елены Сергеевны, наблюдавшей его со стороны, «огромный… хотя старинной, но величественной архитектуры» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *315*].

Стоит заметить, что в это время в Успенском соборе хранилась древняя икона Божией Матери Одигитрии, полученная Владимиром Мономахом от своей матери, византийской царевны Анны, и когда-то украшавшая Мономахов собор, первый каменный храм города, заложенный в 1101 году. Как известно, Мономахов собор был разобран в 1677 году, так как он очень пострадал в 1611 году во время штурма поляками города после 20-месячной его героической обороны, возглавляемой смоленским воеводой Михаилом Шеиным. На месте древнего храма XII века в 1677–1772 годах был возведен Успенский собор, который и в настоящее время является архитектурной доминантой Смоленска. Ныне утраченная древняя икона Одигитрии в описываемый период была доступна путешественникам. Любопытно, что их главное внимание привлекла не она, а ее список, подаренный городу Борисом Годуновым при окончании строительства Смоленской крепостной стены в 1602 году для Днепровских (Фроловских) ворот в качестве надвратной

иконы. Именно этот образ иконы Божией Матери «Одигитрия» после событий 1812 года стал особо почитаться верующими.

Во второй день Смоленского сражения 5(17) августа 1812 года надвратная икона Богородицы Одигитрии была вывезена 1-й артиллерийской батарейной ротой капитана Глухова и затем сопровождала русские войска при полках 3-й пехотной дивизии. При ней молились войска во главе с М.И. Голенищевым-Кутузовым перед началом Бородинского боя [Возрожденная святыня, 2017, *33–34*; Вороновский, 1912, *336–338*], а затем 10(22) ноября 1812 года икона была торжественно возвращена в город [Возрожденная святыня, 2017, 25–*26*]. Со святым заступничеством Богородицы связывали верующие избавление России от нашествия Наполеона. В 1816 году, перед визитом в Смоленск великого князя Николая Павловича, эта икона была украшена богатым серебряным окладом с позолотой, жемчугом и драгоценными камнями [Возрожденная святыня, 2017, *26*].

Елена Телепнева обратила внимание на Смоленскую крепостную стену, каменную, опоясывающую город, но «местами французами разрушенную» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *315*]. Оставляя Смоленск, французы, действительно, взорвали девять башен крепости. Девушка отметила, что у стены находится земляной вал, а «с Варшавской дороги сделан большой пролом» [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *316*].

Покидая город на рассвете следующего дня – 4(16) июля 1827 года, путешественница записала: «Много крови стоил Русским Смоленск; много слез стоило жителям сего города соседство их с Польшей (имеется в виду, в первую очередь, героическая оборона города от Речи Посполитой в 1609–1611 годах. – *А. Т.*); но никогда не пролито столько слез и крови, как в последнюю ужасную борьбу честолюбия с патриотизмом, порабощения с великодушием и твердостью» (речь идет об Отечественной войне 1812 года) [Телепнева, 1831, ч. 139, т. XVII, № VI, *315*].

Ровно через 10 лет после Елены Сергеевны Телепневой, в июле 1837 года, Смоленск посетил наследник российского престола великий князь Александр Николаевич, будущий Александр II. В письме своему отцу Николаю I от 16(28) июля молодой человек писал, что, приехав из Вязьмы в Смоленск, первым делом направился в собор, «который… поразил своим величием» [Захарова, Венчание с Россией, 1999, *91*].

На следующий день, 15(27) июля, наследник престола с генерал-губернатором П.Н. Дьяковым присутствовал на представлении в дворянском собрании, был на разводе гарнизонного батальона, а затем посетил «Королевское укрепление, на которое Ней ходил штурмом и где комендант здешний Керн был ранен» [Венчание с Россией, 1999, *91*]. Речь идет о Королевской крепости, часть земляного вала которой возвели защитники Смоленска в 1610 году на месте взорванной поляками башни. Позже, в 1626–1632 годах, польскими властями было решено для укрепления этого участка стены построить земляную

крепость с пятью бастионами. 4(16) августа 1812 года на Королевской крепости кипел ожесточенный бой: в наступление шел 46-й линейный полк, возглавляемый прославленным французским маршалом Мишелем Неем, но, несмотря на несколько атак, захватить укрепление в этот день ему не удалось. Героическая оборона Смоленска 7-м пехотным корпусом генерала Н.Н. Раевского 4(16) августа позволила вернуться в город частям 1-й Западной армии под командованием М.Б. Барклая-де-Толли и 2-й Западной армии под командованием П.И. Багратиона [Вороновский, 1912, *107–108*].

Во время визита великого князя Александра Николаевича военным комендантом Смоленска состоял генерал Ермолай Федорович Керн, он занимал эту должность с 1828 по 1837 год (в отставку вышел в ноябре 1837 года) [Кретинин, 2012, *77–78*]. В ходе Смоленского сражения Е.Ф. Керн командовал бригадой, состоявшей из Белозерского и Рязанского полков 1-й Западной армии. В бою генерал получил контузию, но не покинул свою бригаду, позже этот поступок был отмечен орденом Святой Анны II степени [Кретинин, 2012, *72*].

Посещение Королевской крепости взволновало великого князя, и он отметил, что память о событиях 1812 года «незабвенна для каждого Русского сердца» [Венчание с Россией, 1999, *91*]. Затем Александр Николаевич ездил в храм Божией Матери в Днепровских воротах, чтобы помолиться у вышеупомянутой иконы Одигитрии, прославившейся в 1812 году, а потом был с визитом в военном госпитале [Венчание с Россией, 1999, *91–92*].

В тот же день на обеде наследник престола познакомился с псковским губернатором А.А. Пешуровым, оказавшимся в Смоленске проездом. Вечером великого князя провезли вдоль крепостной стены, и он увидел уже выстроенную церковь над Молоховскими воротами, которая «скоро должна быть готова» [Венчание с Россией, 1999, *92*].

В 1812 году Молоховские ворота оказались в числе башен, которые были взорваны по приказу Наполеона его отступающими войсками. Чудом уцелела храмовая икона Благовещения Пресвятой Богородицы. Николаем I был утвержден план восстановления воротной башни с надвратной церковью. Освящение храма во имя Благовещения Пресвятой Богородицы состоялось в 1840 году, в день рождения государя – 25 июня (6 июля) [Трофимовский, 2013, *185*]. Молоховские ворота с храмом до наших дней не сохранились, они были взорваны в 1930-е годы для расширения площади (ныне площади Победы).

Во время визита наследника престола велось обсуждение выбора места в Смоленске для монумента, посвященного 1812 году. Александр Николаевич подтвердил, что памятник будет находиться там, где предлагал государь, – «на парадном месте» [Венчание с Россией, 1999, *93*]. Речь идет о монументе, посвященном Смоленскому сражению, который был создан по проекту Антонио Адамини и торжественно открыт 5(17) ноября 1841 года

на плац-парадной площади, которая в 1870-х годах стала частью Лопатинского сада [Никитин, 1848, *LXI–LXIII*; Трофимов, 1991].

Вечером 19-летний великий князь Александр Николаевич посетил бал «в частном доме», где видел хорошеньких выпускниц Екатерининского института благородных девиц и танцевал «с дочерьми бывшего <Вашего кавалера> Глинки, они тоже недурны» [Венчание с Россией, 1999, *93*]. Так впечатления от города соединились с новыми знакомствами. 16(28) июля в 16 часов наследник престола выехал из Смоленска в Красный, чтобы осмотреть и там места, связанные с 1812 годом. Вечером, вернувшись в губернский город, великий князь посетил «публичный сад» (Блонье), где при «прелестной» погоде был «весь beaumonde» [Венчание с Россией, 1999, *94*]. На следующий день днем наследник престола покинул Смоленск.

В ответном письме сыну от 23 июля (4 августа) Николай I похвалил его за интерес к местам «славных воспоминаний 1812 года» и признался: «Смоленск мне всегда нравился особенною красотою местоположения и его древних стен и величественного собора, которому подобного и не знаю» [Венчание с Россией, 1999, *150*]. Николай I к этому времени успел уже побывать в городе несколько раз: в 1816, 1829, 1831 (проездом «без встречи» [Мурзакевич, 1903, приложение, *78*]) и 1832 годах. Первоначально, еще будучи великим князем, в 1816 году Николай Павлович оказал помощь госпиталю, наиболее бедным жителям, а также обратил внимание Александра I на проблемы разоренного города и способствовал дальнейшей материальной поддержке смолян со стороны государя [Писарев, 1898, *79*]. Побывав в Смоленске в 1829 году, Николай I в январе 1830 года подписал указ о беспроцентной ссуде в 1 миллион рублей на 15 лет для городского строительства, а также освобождении смолян от воинских повинностей на 10 лет, налоговых льготах для купцов и мещан на 5 лет и сложении с городского общества недоимки в размере 100 тысяч рублей [Кононов, 2004, *211*]. В 1830 году Николай I дал позволение на устройство городского сада, известного как Блонье, и перенесение плац-парадной площади на территорию нынешнего Лопатинского сада [Кононов, 2004, *212*].

О визите в 1832 году священник Никифор Мурзакевич в своем дневнике записал так: «Сентябрь, 4. Государь в 5 часов утра прибыл. Был в соборе, пожаловал на обновление собора деньги, посетил гошпиталь, тюремный замок: осмотрел весь город. Доволен старанием губернатора Хмельницкого (Н.И. Хмельницкий – смоленский гражданский губернатор (1829–1837). – *А. Т.*) за обустройку города. В 11 часов выехал в Бобруйск» [Мурзакевич, 1903, приложение, *79*].

Государь обратил внимание на ветхое состояние памятника герою войны 1812 года подполковнику Павлу Ивановичу Энгельгардту (10(21).01.1773, Чижево Духовщинского у. Смоленской губ. [ГАСО, ф. 48,

оп. 1, д. 29, *122 об.–123*] – 15(27).10.1812, Смоленск), который был расстрелян 15(27) октября 1812 года у Молоховских ворот. В вину П.И. Энгельгардту французские оккупационные власти вменили участие в партизанском движении и убийство нескольких французов. Дворянин геройски принял смерть, о чем свидетельствовал священник Н.А. Мурзакевич, который присутствовал на казни (подробнее см.: [Тихонова, 2001, *70–73, 312–314*]). По повелению императора 3(15) сентября 1835 года у Молоховских ворот был установлен новый чугунный памятник. Надпись на нем гласила: «за верность и любовь к царю и Отечеству» [Вороновский, 1912, *343*]. Монумент до наших дней не сохранился, он был убран в 1930-е годы.

Собственные впечатления от города в своем «Русском дневнике» отразил уже упоминавшийся выше Эуген Хесс (1824–1862) [Хесс, 2007]. Он приехал в Смоленск днем 9(21) августа 1839 года. Сначала город не впечатлил мальчика: Смоленск находился за «мрачными», «темными» и «старыми» крепостными стенами с многочисленными башнями, за которыми виднелись верхушки нескольких церквей. Баварцы въехали в Смоленск со стороны Красного через городские ворота, следовательно, Молоховские. Эуген отмечает, что они «новые, построенные лишь при нынешнем императоре». Их желто-белую побелку подросток оценил как безвкусную, к тому же «претенциозная вычурность» отделки контрастировала с красными кирпичными крепостными стенами. Путешественники «остановились в трактире, который весьма плох» [Хесс, 2007, *58*]. Но, когда после обеда они перебрались на другой берег Днепра и смогли подняться «на гору, возвышающуюся прямо напротив города, чтобы найти место, подходящее для общего вида Смоленска», Эуген был восхищен: «нам открылась широкая панорама города и его окрестностей. От ее красоты мы были в восторге» [Хесс, 2007, *58*]. Кроме того, выяснилось, что нанятый в городе кучер на дрожках – поляк, «судьба которого удивительна во всех отношениях». В юности он поступил на австрийскую военную службу, сражался против французов, затем перешел на их сторону, участвовал в событиях 1812 года, был взят в плен в Смоленске, где и остался [Хесс, 2007, *58–59*].

Тон описания следующих двух дней в дневнике меняется. Эуген замечает, что город «большой и красивый» [Хесс, 2007, *59*], старинный и окружен «мощной крепостной стеной», возраст которой он сильно преувеличил – «почти тысячу лет» [Хесс, 2007, *59*]. Рассматривая ее, мальчик обратил внимание на серьезные разрушения и большое количество птичьих гнезд, удивился широким пряслам, отметил забутовку внутри стены между кирпичной кладкой, попробовал определить на глаз, и достаточно точно, высоту стен.

Во рву рядом с крепостными стенами Эуген заметил «железный монумент» – надгробный памятник Энгельгардту, которого мальчик назвал

«курляндским дворянином», вероятно, ориентируясь на фамилию. Как известно, род Энгельгардтов имел не только прибалтийскую, но и смоленскую ветвь в России, и Павел Иванович Энгельгардт принадлежал именно к «смолянам» [Тихонова, 2001, *70–73, 312–314*]. Ценно уже то, что Эуген правильно записал фамилию героя и даже отметил в дневнике, что тот был расстрелян за неповиновение французам и призыв к выступлению против них [Хесс, 2007, *60*].

Улицы города понравились мальчику: они «очень чистые, довольно широкие и хорошо вымощены», с красивыми, недавно построенными каменными зданиями, а общественный сад – «с прекрасными высокими деревьями. Что касается изысканности и красоты внутреннего устройства этого сада, то ничего лучшего нельзя и желать» [Хесс, 2007, *60*]. Речь идет о Блонье.

Среди церквей, которых в городе было много, Эуген выделил кафедральный собор – самый большой и удачно расположенный на холме. «Солидный и красивый мост соединяет город с предместьем, лежащим на противоположном берегу» [Хесс, 2007, *60*], а река Днепр, к которой «сбегают вниз по крутым склонам» почти все улицы в городе, «совсем не большая, даже не судоходная река, по ней плавают только плоты» [Хесс, 2007, *60–61*].

Рассматривая особенности месторасположения города с его чередой холмов и долин, подросток отметил красивый склон – сначала обрывистый, а затем более пологий, который напомнил ему «почти итальянский пейзаж. Все линии были такими плавными, а краски чрезвычайно насыщенными, включавшими всевозможные тончайшие цветовые оттенки, начиная от золотисто-желтых и кончая самыми темно-зелеными. Кое-где проступали красноватые полоски земли, а из расщелин стремительно низвергались вниз родники. И все это при эффектном вечернем освещении. Да, это была прекрасная картина!» [Хесс, 2007, *60–61*]. Вечером 10 августа путешественники побывали на Королевском бастионе, «который по приказу Наполеона безуспешно штурмовал маршал Ней. Бастион находится на довольно высоком, чрезвычайно крутом холме и доступен лишь со стороны города» [Хесс, 2007, *61*]. И Эуген вновь сравнил Смоленск с Римом: пейзаж «в надвигающихся сумерках» напомнил ему «римскую Кампанью» [Хесс, 2007, *61*] – низменность в окрестностях Рима. В подтверждение своих слов Эуген рисует романтическую картину: «Темную равнину с многочисленными мелкими и глубокими оврагами, как серебряные нити, пересекали несколько ручьев. Только кое-где возвышались деревья, и редкие огни поблескивали в тумане. Завершало этот прекрасный вид мерцающее звездами темно-синее небо» [Хесс, 2007, *61*].

Днем 11(23) августа путешественники покинули Смоленск, но, уезжая, все время оборачивались, чтобы «любоваться видами этого живописного города» [Хесс, 2007, *62*]. Посещение города, несомненно, повлияло на создание Петром Хессом работы «Сражение под Смоленском» (1846), ныне хранящейся в Эрмитаже [Асварищ, Вилинбахов, 2013].

Во время путешествия из Петербурга в Крым в 1845 году Смоленск посетила и фрейлина императрицы Александры Федоровны Олимпиада Петровна Шишкина (1791–1854). В своих заметках она подчеркивает, что «обширное отчество наше достойно внимания» [Шишкина, 1848, *10*].

Следует признать, что О.П. Шишкина продемонстрировала определенные познания в области истории Смоленска и его достопримечательностей. Сведения об этом, по ее собственному признанию, были почерпнуты из «Географического словаря Российского государства, сочиненного в настоящем оного виде» А.М. Щекатова. Это издание было осуществлено в семи частях в Москве в 1801–1809 годах [Щекатов, 1801–1809].

Статья «Смоленск», находящаяся в 5-й части этого издания 1807 года, довольно пространная [Смоленск, 1807, стб. *1023–1036*], ее автор ссылается на сведения из «Истории Российской» В.Н. Татищева, а также работы смоленских историков: сочинение, составленное в 1780 году к приезду Екатерины II, и «Историю губернского города Смоленска. От древнейших времен до 1804 года». При этом не названы имена создателей произведений – Иоасафа Шупинского, составившего «Историческое и географическое описание города Смоленска» (1780) [Будаев, 1993, *13*], и Никифора Адриановича Мурзакевича, написавшего вышеназванную «Историю губернского города Смоленска» [Будаев, 1993, *22–40*]. Кроме словаря А.М. Щекатова, Олимпиада Петровна была знакома с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина, в которой автор касался древней и средневековой истории Смоленска, в том числе ярко описал оборону города 1609–1611 годов.

В Смоленск О.П. Шишкина прибыла вечером 3(15) июня 1845 года. Начиная свой рассказ о городе, она отмечает, что ей удалось добраться до Смоленска «при свете месяца», в то время как знакомые советовали ей приехать днем, чтобы «полюбоваться… местоположением, особенно красивым со стороны Петербурга» [Шишкина, 1848, *52*]. Но и вечером древние стены и башни напомнили путешественнице героические страницы истории Смоленска – защиту города в течение 20 месяцев воеводой М.Б. Шеиным в начале XVII века и Смоленское сражение 1812 года. Россиянка с гордостью приводит признание Наполеона, казалось бы, торжествовавшего после взятия Смоленска, «но с изумлением и ужасом» осознавшего, «что “Русских можно убить, но победить невозможно”» [Шишкина, 1848, *52*].

Экипаж Олимпиады Петровны въехал в город через Днепровские ворота с церковью Божией Матери, куда, по словам мемуаристки, «стекаются богомольцы для поклонения» той самой иконе Одигитрии, сопровождавшей русские войска в 1812 году. Затем коляска путешественницы двинулась к Успенскому собору, казавшемуся в сумраке огромным: «как будто он достигал до небес» [Шишкина, 1848, *52*]. Олимпиада Петровна упоминает историю собора, указывая, что храм здесь был заложен в 1101 году Владимиром Мономахом.

Подъем на Соборную гору оказался настолько крутым, что женщина испугалась: казалось, что ее экипаж вот-вот перевернется. Но, будучи глубоко верующей, путешественница укорила себя, положившись на заступничество Божией Матери, и с облегчением констатировала, что все обошлось благополучно. Эту ночь дворянка со своей спутницей Н.П. Олонкиной провела в гостинице Габера: «там было все занято, кроме двух опрятных, но тесных горенок. Мы в них тотчас расположились» [Шишкина, 1848, *55*]. Гостиница принадлежала наследникам уроженца Потсдама, купца 3-й гильдии Василия Ивановича Габера [Тихонова, 2020, *164*].

На следующий день 4(16) июня Олимпиада Петровна поехала к обедне в Троицкий мужской монастырь. Праздничную службу там служил архимандрит Амвросий. Женщину восхитили как резной иконостас и роспись храма, так и сама служба. Особенно тронула сердце Олимпиады Петровны проповедь пастыря [Шишкина, 1848, *56*], а затем путешественница вместе с сопровождавшей ее подругой, церковными служителями и некоторыми богомольцами была приглашена к архимандриту Амвросию. Позже в гостинице О.П. Шишкину ждала встреча с живущей в Смоленске однокурсницей по Смольному институту Н.И. Бедрицкой.

5(17) июня мемуаристка отправилась в Успенский собор, который днем «еще более изумил» ее «своею обширностью, вышиною и величественною своею архитектурою» [Шишкина, 1848, *58*]. Далее, основываясь на «Географическом словаре Российского государства» А.М. Щекатова, О.П. Шишкина передает историю строительства нынешнего Успенского собора, строившегося почти сто лет и освященного в 1772 году.

Олимпиада Петровна восторженно описывает иконостас, главные достопримечательности Успенского собора: древнюю икону Божией Матери Одигитрии и плащаницу 1651 года, а также упоминает, что с «балкона при соборе» она смогла полюбоваться «живописным видом на Днепр» [Шишкина, 1848, *68*].

Затем путешественница отправилась в Вознесенский женский монастырь, где услышала рассказ игуменьи Олимпиады об особом благоволении к этой обители Петра I. Именно благодаря повелению государя были воздвигнуты каменные строения монастыря. «Притом еще пожалованы Им и братом Его Иоанном, Крест, унизанный жемчугом, Евангелие (Евангелие в настоящее время представлено в постоянной экспозиции Исторического музея в Смоленске. – *А. Т.*), Потир, Кадило серебряное и разные церковные книги. …с того времени, почти полтораста лет, не было в ней (Вознесенской церкви. – *А. Т.*) никаких перемен и поправок. Только в 1834 году, старанием игуменьи Олимпиады, написаны вновь на стенах, по голубцу, лики Святых, а в 1845 году богато вызолочен иконостас. Местоположение монастыря, на высокой горе, особенно красиво; во все стороны прелестные виды» [Шишкина, 1848, *69*].

Побывала О.П. Шишкина и в храмах XII века – Свирском и Петра и Павла. Свирскую церковь путешественница назвала храмом Александра Невского и не ошиблась. Левый придел этой церкви был первоначально освящен во имя Александра Свирского. Храм, сильно пострадавший в 1812 году, за счет средств, выделенных императором Александром I, привели «в благоприличный вид, тогда же, в память благотворителя, придел Александра Свирского был освящен во имя Александра Невского» [Трофимовский, 2013, *152*].

Время строительства храма Петра и Павла путешественницей было названо неверно: вместо середины XII века – середина XI века. Отметила Олимпиада Петровна и другие церкви города: храм великомученицы Варвары и его иконы, Авраамиевский монастырь и храм Святого Духа с красивой решеткой в каменной ограде. Расположенный рядом с церковью Петра и Павла храм великомученицы Варвары середины XVIII века в настоящее время сохранился лишь частично, включая колокольню. Действует и Спасо-Авраамиев монастырь, а каменная Духовская церковь на Рачевке утрачена. Она была построена в 1765 году и находилась на нынешней улице Соболева, в годы Великой Отечественной войны храм сильно пострадал и был разобран в 1950-е годы.

Олимпида Петровна Шишкина упомянула обед «в гостеприимном доме Н.А. Мердер», после которого она со своей спутницей поехала «любоваться картинными видами древнего Смоленска»: на Покровской горе «с восторгом смотрела на все стороны. Обширная крепость расстилалась перед нами; посреди ее, над нею, возвышались храмы Божии; золотые кресты их блестели на голубом небе; белые стены резко отделялись между садами» [Шишкина, 1848, *72*]. События 1812 года и здесь напомнили о себе. Путешественнице «указали место, где стояли наши войска ожидая Французов», и она тут же представила «двенадцатый год …со всеми его ужасами, всем его величием и славою». Но вдруг услышанная веселая песня женщины, которая занималась рядом прополкой огорода, «рассеяла мрачные… думы» [Шишкина, 1848, *72*], – призналась мемуаристка.

6(18) июня с утра Олимпиада Петровна со своей спутницей осмотрела монумент Смоленскому сражению (по проекту А. Адамини) и подробно его описала с воспроизведением всех надписей. Путешественница не обошла вниманием и памятник Павлу Ивановичу Энгельгардту, но посетовала, что родные покойного не озаботились починить «обломанные шалунами перила» [Шишкина, 1848, *74*]. Вечером обе женщины пешком взобрались на Соборную гору и насладились открывающимися оттуда видами.

Олимпиада Петровна упоминает также «прекрасный каменный, с колоннами, дом дворянского собрания» с большим светлым залом, находящийся рядом сад (Блонье) с цветущими кустарниками и беседкой. В завершение прогулки женщина решила подняться на башню Веселуху, но

результат ее разочаровал: «сквозь узкие окна город виден только малыми частями» [Шишкина, 1848, *74*], и по неосторожности можно было упасть с высоты. Надо признать, что за три полных дня, которые О.П. Шишкина провела в Смоленске, она многое успела увидеть.

С 1820-х по 1840-е годы город менялся: он восстановился от ран, нанесенных военной кампанией 1812 года, был украшен новыми каменными зданиями и садом Блонье, в нем появились памятники, связанные с событиями Отечественной войны 1812 года. В то же время Смоленск сохранял свой неповторимый ландшафт. Его крепостные стены вселяли уважение к древней истории. Королевский бастион напоминал не только о событиях XVII века, но и о боях и героизме россиян в 1812 году. Церкви и монастыри привлекали верующих, в особенности церковь Божией Матери в Днепровских воротах, величественный Успенский собор, храмы XII века. Сам город являлся зримым отражением важнейших вех отечественной истории.

Как известно, впечатление – это «след, оставленный в сознании, в душе чем-нибудь пережитым, воспринятым» [Ожегов, Шведова, 1994, *97*], образ, который благодаря эмоциональной окраске запоминается. По свидетельствам путешественников 1820–1840-х годов, Смоленск – город, который достоин описания и мысленного в него возвращения. Несомненно, за прошедших два столетия он преобразился. В настоящее время в нем значительно больше достопримечательностей, но самые знаковые из них остались прежними. И сегодня можно увидеть холмы с крепостными стенами и взобраться на прясла, по крутой горе подняться от Днепра к Успенскому собору, поклониться украшающему его образу Божией Матери Одигитрии, сопровождавшей русские войска в 1812 году, удивиться мастерству зодчих, возводивших храмы XII века, полюбоваться видами, открывающимися с разных точек города, побывать на Королевском бастионе и внимательно прочесть надписи на памятнике по проекту Антонио Адамини. В этой узнаваемости, вероятно, и кроется секрет привлекательности Смоленска как города с большим и до конца еще не раскрытым туристическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

Асварищ Б.И., Вилинбахов Г.В. Отечественная война 1812 года в картинах Петера Хесса. СПб.: Изд. Гос. Эрмитажа, 2013. 118 с.

Будаев Д.И. Историки Смоленска XVIII – начала XX вв. Спецкурс по краевой историографии. Смоленск, 1993. 128 с.

Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М.: МГУ, 1999. 184 с.

Возрожденная святыня. Надвратная Смоленская икона Божией Матери «Одигитрия» / гл. ред. митрополит Смоленский и Дорогобужский Исидор. Смоленск: Свиток, 2017. 191 с.

Вороновский В.М. Отечественная война 1812 г. в пределах Смоленской губернии. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1912. 428 с.

Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8. 1821 г.

ГАСО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 33. 1818 г.

ГАСО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 29. 1735–1802 гг.

Горская Н.И. Местная администрация и «высочайшие путешествия» 1830-х – 1850-х гг. в Смоленской губернии // Российская история. 2020. № 1. С. 26–36.

Греч Н. О записках русской путешественницы // Сын Отечества и Северный архив. 1831.Ч. 139. Т. XVII. № I. С. 61–62.

Дубовская И.А. Православная церковь на Смоленщине // Смоленская область. Энциклопедия. Т. 2. Смоленск, 2003. С. 353–356.

Захарова Л.Г. Путешествие по России наследника престола цесаревича Александра Николаевича. 1837 год // Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М.: МГУ, 1999. С. 5–18.

Кононов В.А. Смоленские губернаторы. 1711–1917. Смоленск: Маджента, 2004. 400 с.

Кретинин Геннадий Викторович «Судебные дела» генерала Е.Ф. Керна // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 69–80.

Мурзакевич Н.А. Дневник священника Никифора Адриановича Мурзакевича. 1776–1834 // Мурзакевич Н.А. История города Смоленска. Юбилейное издание Смоленского губернского статистического комитета под редакцией И.И. Орловского. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1903. Приложение. С. 47–79.

Никитин П.Е. История города Смоленска. М.: Тип. С. Селивановского, 1848. 403 с.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1994. 928 с.

Писарев С.П. Памятная книга г. Смоленска: историко-современный очерк, указатель и путеводитель. Смоленск: Кн. магазин С.А. Клестова, 1898. 202 с.

Погорлецкий А.И. Впечатления как новый продукт развития экономики и общества // Экономика. Налоги. Право. 2022. № 2. С. 6–16.

Смоленск // Щекатов А.М. Географический словарь Российскаго государства, сочиненный в настоящем онаго виде. Ч 5. Р–С. М.: Университетская типография, у Хр. Клаудия, 1807. Стб. 1023–1036.

Телепнева Е.С. Ежедневные записки русской путешественницы в 1827 и 1828 годах // Сын Отечества и Северный архив. 1831. Ч. 139. Т. XVII. № I. С. 3–17; № II. С. 65–77; № III. С. 121–138; № V. С. 241–256; № VI. С. 309–334; Ч. 142. Т. XX. № XXIV. С. 197–213; № XXV–XXVI. С. 261–281; Ч. 143. Т. XXI. № XXVII. С. 3–21.

Тихонова А.В. К услугам путешественников, или Невыдуманные истории об иностранцах в российской провинции (после Отечественной войны 1812 года до конца 1830-х годов) // Известия Смоленского государственного университета. 2020. № 2(50). С. 159–174.

Тихонова А.В. Род Энгельгардтов в истории России. Смоленск: СГПУ, 2001. 508 с.

Трофимов А. Гимн ратному подвигу // Край Смоленский. 1991. № 3. С. 32–35.

Трофимовский Н.В. Историко-статистическое описание Смоленской епархии. Смоленск: Свиток, 2013. 272 с.

Туристский потенциал Смоленской области представили на международной выставке «Отдых» в Белоруссии. URL: https://smolensk-i.ru/business/turistskij-potenczial-smolenskoj-oblasti-predstavili-na-mezhdunarodnoj-vystavke-otdyh-v-belorussii_541492 (дата обращения: 07.10.2024).

Хесс Э. Русский дневник [Путешествие из Мюнхена в Петербург, затем через поля сражений французской войны в Москву, а потом домой. Совершено по повелению его величества императора Николая I баварским королевским придворным художником Петером Хессом, его сыном Эугеном Хессом и свиты русского императора генерал-майором Килем и полковником Яковлевым в 1839 году = Reisvon München nach St. Petersburg dann über alle Schlachtfelder im französischen Kriege nach Moskau und wieder zurück nach Hause. Ausgeführt auf Befehl seiner Maj. des Kaisers Nicolaus I. von dem königlich baier. Hofmaler Peter Hess, seinem Sohn Eugen Hess und dem kaiserlich russischen Generalmajor Kiel und Oberst Jakovleff im Jahre 1939] / пер. с нем. и прим. Б.И. Асварища. СПб.: Axiôma, 2007. 214 с.

Шишкина О.П. Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 году. Ч. I. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1848. 288 с.

Щекатов А.М. Географический словарь Российскаго государства, сочиненный в настоящем онаго виде. В 7 ч. М.: Университетская типография, у Хр. Клаудия, 1801–1809.

Montulé E. Voyage enAngleterre et enRussie, pendant les années 1821, 1822 et 1823. Paris: Bertrand, 1825. T. 2. 352 p.

A.V. Tikhonova
PhD in History, Doctor, Professor,
Chair of Russian History,
Smolensk State University;
Deputy Director for Science,
Smolensk State Museum-Reserve
Smolensk, Russia

Impressions of Travelers Visiting Smolensk in the 1820s–1840s

This article, based on personal sources such as letters (specifically correspondence between Grand Duke Alexander Nikolaevich and his father) and travelers' notes (by Frenchman E. Montulé, Bavarian E. Hess, and Russian noblewomen E.S. Telepnyeva and O.P. Shishkina), reflects impressions gathered during visits to Smolensk in the 1820s–1840s. All the travelers passed through and stayed in the city for a brief period, typically from one to three days. Their image of Smolensk was shaped by the city's memorable hilly terrain, landmarks associated with medieval history, and sites that served as reminders of events from the Patriotic War of 1812. Although the war was increasingly distant in time, it remained a dominant phenomenon that defined the city's past. Initially, this was evidenced by ruins and damaged buildings; later, it was commemorated by monuments dedicated to P.I. Engelhardt and the Battle of Smolensk. The travelers' attention was drawn to churches, particularly the Gate Church of the Mother of God and the Assumption Cathedral. Other churches and monasteries in Smolensk, where visitors attended services, were mentioned only by Russian travelers. Impressions of the city itself were influenced by associations arising from previous travel experiences, chance encounters, and local living conditions. Despite approximately 200 years having passed since these visits to Smolensk, many of the sites mentioned by these travelers have been preserved and remain prominent city landmarks.

Keywords: *Smolensk; travel; impressions; traveler impressions; Smolensk in the 1820s–1840s; E. Montulé; E. Hess; E.S. Telepnyeva; O.P. Shishkina.*

REFERENCES

Asvarishch B.I., Vilinbahov G.V. The Patriotic War of 1812 in the paintings of Peter Hess [Otechestvennaya vojna 1812 goda v kartinah Petera Hessa]. Saint Petersburg: State Publishing House. Hermitage Museum, 2013. 118 p. (in Russian).

Budaev D.I. Historians of Smolensk XVIII – early XX centuries. Special course on regional historiography [Istoriki Smolenska XVIII – nachala XX vv. Speckurs po kraevoj istoriografii]. Smolensk, 1993. 128 p. (in Russian).

The wedding with Russia. Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolaevich with Emperor Nicholas I. 1837 [Venchanie s Rossiej. Perepiska velikogo knyazya Aleksandra Nikolaevicha s imperatorom Nikolaem I. 1837 god]. Compiled by L.G. Zakharova, L.I. Tyutyunnik. Moscow: Moscow State University, 1999. 184 p. (in Russian).

The State Archive of the Smolensk region [Gosudarstvennyj arhiv Smolenskoj oblasti]. Form 1, inventory 1, paper 8, 1821. (in Russian).

GASO, form 1260, inventory 1, paper 33, 1818. (in Russian).

GASO, form 48, inventory 1, paper 29. 1735–1802. (in Russian).

Gorskaya N.I. Local administration and the highest travels of the 1830s - 1850s. in the Smolensk province [Mestnaya administraciyai «vysochajshie puteshestviya» 1830-h – 1850-h gg. v Smolenskoj gubernii]. *Russian history*. 2020. No 1, pp. 26–36 (in Russian).

Grech N. About the notes of a Russian traveler [O zapiskah russkoj puteshestvennicy] *Son of the Fatherland and Northern Archive.* 1831. Part 139. Vol. XVII. No I, pp. 61–62 (in Russian).

Dubovskaya I.A. Orthodox Church in the Smolensk region [Pravoslavnaya cerkov` na Smolenshchine]. *Smolensk region. Encyclopedia.* Vol. 2. Smolensk, 2003, pp. 353–356 (in Russian).

Zakharova L.G. Travel across Russia of the heir to the throne, Tsarevich Alexander Nikolaevich. 1837 [Puteshestvie po Rossii naslednika prestola cesarevicha Aleksandra Nikolaevicha. 1837 god]. *The wedding with Russia. Correspondence of Grand Duke Alexander Nikolaevich with Emperor Nicholas I. 1837*. Compiled by L.G. Zakharova, L.I. Tyutyunnik. Moscow: Moscow State University, 1999, pp. 5–18 (in Russian).

Kononov V.A. Smolensk governors. 1711–1917 [Smolenskie gubernatory. 1711–1917]. Smolensk: Magenta, 2004. 400 p. (in Russian).

Kretinin G.V. «Court cases» of General E. F. Kern [«Sudebnye dela» generala E. F. Kerna]. *Baltic region*. 2012. No. 2, pp. 69–80 (in Russian).

Murzakevich N.A. Diary of priest Nikifor Adrianovich Murzakevich. 1776–1834 [Dnevnik svyashchennika Nikifora Adrianovicha Murzakevicha. 1776–1834]. *Murzakevich N.A. History of the city of Smolensk. Anniversary publication of the Smolensk Provincial Statistical Committee, edited by I.I. Orlovsky.* Smolensk: Type. P.A. Silina, 1903. Appendix, pp. 47–79 (in Russian).

Nikitin P. E. The history of the city of Smolensk [Istoriya goroda Smolenska]. Moscow: In the Type of S. Selivanovsky, 1848. 403 p. (in Russian).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language [Tolkovyj slovar` russkogo yazyka]. Moscow: AZ', 1994. 928 p. (in Russian).

Pisarev S.P. Memorable Book of the City of Smolensk: Historical and Modern Essay, Index, and Guide [Pamyatnaya kniga g. Smolenska: istoriko-sovremennyj ocherk, ukazatel` i putevoditel`]. Smolensk: Book Store of S.A. Klestova, 1898. 202 p. (in Russian).

Pogorletskij A.I. Impressions as a New Product of Economic and Social Development [Vpechatleniya kak novyj product razvitiya ekonomiki i obshchestva]. *Economy. Taxes. Law.* 2022. No. 2, pp. 6–16 (in Russian).

Smolensk. Shchekatov A.M. Geographical Dictionary of the Russian State, Compiled in Its Present Form [Geograficheskij slovar` Rossijskago gosudarstva, sochinennyj v nastoyashchem onago vide]. Part 5. R–S. Moscow: the University Printing House, at Kh. Claudia, 1807. Columns 1023–1036 (in Russian).

Telepneva E.S. Daily notes of a Russian traveler in 1827 and 1828 [Ezhednevnye zapiski russkoj puteshestvennicy v 1827 i 1828 godah]. *Son of the Fatherland and the Northern Archive.* 1831. Part 139. Vol. XVII. No. I, pp. 3–17; No II, pp. 65–77; No III, pp. 121–138; No V, pp. 241–256; No VI, pp. 309–334; Part 142. Vol. XX. No XXIV, pp. 197–213; No XXV–XXVI, pp. 261–281; Part 143. Vol. XXI. No XXVII, pp. 3–21 (in Russian).

Tihonova A.V. At the Service of Travelers, or True Stories about Foreigners in the Russian Provinces (After the Patriotic War of 1812 to the End of the 1830s) [K uslugam puteshestvennikov, ili nevydumannye istorii ob inostrancah v rossijskoj provincii (posle Otechestvennoj vojny 1812 goda do konca 1830-h godov)]. *Issues of Smolensk State University*. 2020. No. 2 (50), pp. 159–174 (in Russian).

Tihonova A.V. The Engelhardt Family in the History of Russia [Rod Engelgardtov v istoriiRossii]. Smolensk: SGPU, 2001. 508 p. (in Russian).

Trofimov A. Hymn to the feat of arms [Gimn ratnomu podvigu]. *Smolensk Region.* 1991. No 3, pp. 32–35 (in Russian).

Trofimovskij N.V. Historical and Statistical Description of the Smolensk Diocese [Istoriko-statisticheskoe opisanie Smolenskoj eparhii Historical and Statistical Description of the Smolensk Diocese]. Smolensk: Svitok, 2013.272 p. (in Russian).

The Tourist Potential of the Smolensk Region was presented at the International exhibition "Rest" in Belarus [Turistskij potencial Smolenskoj oblasti predstavili na mezhdunarodnoj vystavke «Otdyh» v Belorussii.]. Available at: https://smolensk-i.ru/business/turistskij-potenczial-smolenskoj-oblasti-predstavili-na-mezhdunarodnoj-vystavke-otdyh-v-elorussii_541492 (accessed on October 7, 2024) (in Russian).

Hess E. Russian Diary [Journey from Munich to Petersburg, then through the battlefields of the French war to Moscow, and then home. Done by order of His Majesty Emperor Nicholas I by the Bavarian royal court artist Peter Hess, his son Eugen Hess and the retinue of the Russian Emperor Major General Kiel and Colonel Yakovlev in 1839] [Russkij dnevnik [Puteshestvie iz Myunhena v Peterburg, zatem cherez polya srazhenij francuzskoj vojny v Moskvu, a potom domoj. Soversheno po poveleniyu ego velichestva imperatora Nikolaya I bavarskim korolevskim pridvornym hudozhnikom Peterom Hessom, ego synom Eugenom Hessom is vityrusskogo imperatora general-majorom Kilemi polkovnikom Yakovlevym v 1839 godu]. Translated from German by B.I. Asvarishch. Saint Petersburg: Axiôma, 2007. 214 p. (in Russian).

Shishkina O.P. Notes and recollections of a Russian traveler across Russia in 1845 [Zametki i vospominaniya russkoj puteshestvennicy po Rossii v 1845 godu]. Part I. Saint Petersburg: in the Printing house of the Second Section of His Imperial Majesty Chancellery, 1848. 288 p. (in Russian).

Shchekatov A.M. Geographical Dictionary of the Russian State, Compiled in Its Present Form [Geograficheskij slovar` Rossijskago gosudarstva, sochinennyj v nastoyashchem vide]. In 7 parts. Moscow: in the University Printing House, at Kh. Claudia, 1801–1809 (in Russian).

Montulé E. Voyage enAngleterre et enRussie, pendant les années 1821, 1822 et 1823. Paris: Bertrand, 1825. T. 2. 352 p. (in French).

Д.А. Коновалов

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

УДК 94(100)«1914/1916»

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-205-216

ПУТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УКРАИНСКОГО ДВИЖЕНИЯ С ГЕРМАНСКИМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1916)

Ключевые слова: *Первая мировая война; украинский вопрос; Центральные державы; национальная политика; международные отношения; Германская империя; Австро-Венгерская империя.*

В статье исследуются пути взаимодействия украинского движения с германскими органами власти в годы Первой мировой войны (1914–1916). Автором рассмотрены четыре главных канала связи между украинскими политическими организациями в Австрии и правительством Германской империи. Полученные результаты позволяют сделать вывод, что стабильные контакты между украинцами и германскими государственными структурами были налажены только после начала Первой мировой войны в рамках противостояния с Россией. В украинском движении, состоявшем из австрийской и российской частей, большую заинтересованность в сотрудничестве с Германией выражали российские украинцы. Несмотря на активное украинско-германское взаимодействие в 1914–1916 годах, большинство совместных инициатив не внесло каких-либо значимых изменений в общую ситуацию на Восточном фронте и не повлияло на решение украинского вопроса. Причинами возникновения такой ситуации являлись отсутствие в 1914–1916 годах значимых военных успехов Центральных держав на южном участке Восточного фронта, слабая поддержка украинского движения населением Юго-Западного края Российской империи, противоречия между лидерами австрийской и российской частей украинского движения, наличие сильного конкурента в борьбе за поддержку Центральных держав, а именно польского национального движения.

В начавшейся Первой мировой войне украинское движение выступило на стороне Центральных держав. В августе 1914 года в Галиции для организации сотрудничества с правительством Австро-Венгерской империи украинцами были созданы две межпартийные организации – Главный украинский совет (ГУС) и Союз освобождения Украины (СОУ). ГУС был создан украинцами – депутатами Государственного совета (*Reichschrate*) Австрии. В его состав вошли представители основных политических партий украинцев

Галиции и Буковины (УНДП[1], УСДП[2], РУРП[3]). СОУ был организован украинцами, эмигрировавшими из Российской империи по политическим причинам. В данную организацию вошли представители нелегальных украинских политических партий Российской империи (УСДРП[4], РУП[5]). На протяжении 1914–1915 годов ГУС и СОУ конкурировали между собой за влияние на украинскую политику Центральных держав. Главный украинский совет выступал за поддержку Центральных держав в войне против России и предлагал решить украинский вопрос, исходя из результатов войны. Союз освобождения Украины, состоявший из российских украинцев-социалистов, являлся более радикальной организацией и выступал за активную позицию украинского движения, подразумевавшую организацию мероприятий против России не только на поле боя, но и внутри страны (организация восстания, диверсий на линиях военных коммуникаций, антиправительственная агитация). Радикализм СОУ вызывал настороженное отношение к нему консервативных политиков Австрии и импонировал склонному к авантюрным предприятиям военно-политическому руководству Германской империи.

Базирующиеся на территории Австрии украинские организации напрямую сотрудничали с органами власти Дунайской монархии. Также по сравнению с довоенным временем значительно выросло количество контактов между украинским движением и Германской империей. Можно выделить четыре канала, через которые осуществлялась связь между украинцами и германцами:

1) дипломаты Германской империи в Австрии;
2) официальные представители Германской империи в нейтральных и союзных государствах;
3) общественно-политические организации Германии;
4) частные лица.

Главным государственным ведомством, курировавшим взаимодействие с украинским движением до 1917 года, являлся МИД Германской империи. Второстепенными акторами до конца 1917 года в рассматриваемых процессах выступали военные.

Дипломаты Германской империи в Австрии. В напряженной обстановке лета 1914 года активизировалась деятельность национальных движений в Галиции.

30 июля руководитель революционной фракции Польской социалистической партии Ю. Пилсудский распорядился начать частичную мобили-

[1] Украинская национально-демократическая партия.
[2] Украинская социал-демократическая партия.
[3] Русско-украинская революционная партия.
[4] Украинская социал-демократическая рабочая партия.
[5] Революционная украинская партия.

зацию польского Союза стрелков. Через два дня распоряжение о мобилизации было распространено на Польские стрелковые дружины по всей Галиции. Тем временем передовой польский отряд из семи человек под командованием В. Белины-Пражмовского выдвинулся из Кракова к австрийско-российской границе в район города Андреева (польск. Енджеюв) для проведения разведки и срыва мобилизации населения Царства Польского в российскую армию. В Кракове из мобилизованных польских стрелковых организаций была создана Первая кадровая рота – первое польское национальное воинское формирование со времен Январского восстания 1863–1864 годов. 4 августа отряд В. Белины-Пражмовского успешно завершил выполнение поставленных задач и вернулся в Краков. После объявления Австро-Венгрией войны России Первая кадровая рота выступила в поход в направлении Царства Польского [Urbankowski, 2014, *143–151*].

6 августа 1914 года Австро-Венгерская монархия официально вступила в войну против Российской империи, в этот же день ГУС объединил все украинские военизированные организации Галиции в одну – Украинских сечевых стрелков (УСС). Руководящим органом УСС стала Украинская боевая управа (УБУ) [ЕІУ, 2, *140–141*]. На следующий день ГУС и УБУ объявили о мобилизации украинского населения в состав УСС.

Активность польских и украинских национальных структур не осталась без внимания Германии. Спустя несколько часов после объявления Австрией войны России находящийся во Львове германский консул К. Хинце направил в посольство Германской империи в Вене сообщение с пометкой «Срочно!» о начавшейся в Галиции подготовке национальных восстаний на территории России [PAAA, RZ 201/20950, *17–23*]. К письму консул приложил некоторое количество информационного материала (обращения, призывы и прокламации, опубликованные ГУС и СОУ после вступления Австро-Венгрии в войну; список того, что требуется украинцам для борьбы с Россией, в том числе не менее 1 000 0000 крон; несколько украинских газет и «Географическую карту земель где живут Украинцы» [PAAA, RZ 201/20950, *26–123*]) об украинском движении.

9 августа 1914 года посол Германской империи в Австрии Г. фон Чиршки уведомил свой МИД о полученной из Львова информации: «Этот вопрос следует взять в свои руки без Вены. Поляки противодействуют этому в Вене, где их информирует губернатор Галиции, который знает о переговорах. Австрийское правительство представило для этого весьма скромные средства – двадцать тысяч крон. Срочно нужен миллион, который мы предоставим (украинцам. – *Д. К.*) в случае необходимости.

М. Э. (Матиас Эрцбергер. – *Д. К.*) рекомендовал, чтобы г-на Левицкого (политический лидер украинцев Галиции. – *Д. К.*) приняли сначала в Вене, а затем в Берлине. Мы не можем брать все в свои руки в обход Вены. Возможно, Генеральные штабы могли бы также действовать сообща, как это

уже сделано по польскому вопросу. Местный Генеральный штаб опасался бы польских контрмер [больше] чем правительство. <…>» (здесь и далее перевод автора) [PAAA, RZ 201/20950, *4*].

На следующий день Г. фон Чиршки встретился с министром иностранных дел Австро-Венгрии Л. фон Бертхольдом. В ходе переговоров была затронута тема организации национальных восстаний на территории России. На вопрос об украинцах министр ответил, что это сомнительная затея, так как на территории Украины еще не сформировались условия для существования независимой формы государственности и вообще есть опасность создания очага анархии и социализма [PAAA, RZ 201/20950, *9–10*].

11 августа государственный секретарь МИД Германской империи Г. фон Ягов направил германским дипломатам в Австрии разъяснение позиции имперского правительства по украинскому вопросу: «Восстание не только Польши, но и Украины считается нами весьма важным, так как:

1. Это средство войны против России;
2. В случае победоносного исхода войны будет целесообразным создание буферных государств между Германией, Австро-Венгрией и Россией как средства ослабления давления русского колосса на Западную Европу и оттеснения России на восток, насколько это возможно;
3. По мнению Румынии, возвращение ей Бессарабии будет выгодным и надежным только в том случае, если она будет защищена еще одним нерусским государством» [PAAA, RZ 201/20950, *11–12*].

После получения разъяснений из Берлина состоялся новый визит посла Германии в МИД Австро-Венгрии, в ходе которого он изложил Л. фон Бертхольду мнение своего правительства по украинскому вопросу. Министр согласился с важностью использования украинского движения в противостоянии с Россией и пообещал германскому послу организовать встречу с К.А. Левицким и Н.Н. Василько на следующий день; также была достигнута договоренность о взаимодействии между германским консулом во Львове и представителем центрального правительства Австро-Венгрии Э. Урбасом, ведущим там переговоры с украинцами [PAAA, RZ 201/20950, *13–14*].

Через два дня К.А. Левицкий и Н.Н. Василько посетили посла Германии в Вене. В ходе встречи были определены две основные темы для предстоящих переговоров в Берлине, в частности оговаривалось финансирование и обеспечение транзита украинских агентов в российскую Украину через Румынию [PAAA, RZ 201/20950, *140–142*].

16 августа во Львове К. Хинце внезапно посетили руководители СОУ М.М. Меленевский и А.Ф. Скоропись-Иолтуховский и на ломаном немецком языке объяснили консулу, что австрийские украинцы «используют теоретические и неподходящие средства для осуществления революции на Украине, не знают страны и ее народа» [PAAA, RZ 201/20950, *156*]. Они вручили К. Хинце свои визитные карточки [PAAA, RZ 201/20950, *157*] и меморандум, в котором

объяснялось, как правильно устроить революцию в Украине и с кем для этого нужно сотрудничать [PAAA, RZ 201/20950, *158–161*].

В конце августа К.А. Левицкий отправился в Берлин, где встретился с заместителем государственного секретаря МИД Германской империи А. Циммерманом, советником Д. фон Бергеном и полковником К. Брозе из секции IIIb[6] Генерального штаба для обсуждения перспектив украино-германского сотрудничества. В ходе переговоров К.А. Левицкий также ответил на ряд вопросов, возникших у правительства Германии и касающихся политической ориентации украинцев, отношения их к Австрии и положения украинцев в России: «В конце [встречи] поставлен передо мной еще вопрос, что нам нужно во время войны для расширения нашей пропаганды и чего Австрия нам не дает. В этом предмете преподнес я требования, чтобы не ставили нам препон в формировании украинского легиона; чтобы наш легион был соответствующе вооружен и принят на государственное обеспечение с оговоркой указанной политической задачи; чтобы было издано воззвание к населению и прекращено преследование Украинцев на основании безосновательных доносов про “рускую измену”, и чтобы дали возможность нам для ведения свободной пропаганды военной без препон со стороны Поляков, для взаимопонимания с украинскими организациями на большой Украине» [Левицький, 1928, *29*].

Свое мнение и рекомендации по украинскому вопросу А. Циммерман изложил в отчете имперскому канцлеру от 28 августа 1914 года: «Я согласен с Вашим Превосходительством, что было бы очень полезно, если бы предложения д-ра Левицкого были реализованы и таким образом можно было бы вызвать антирусское движение на Украине. Однако, прежде всего, вопрос должен решаться из Вены, поскольку у нас нет прямых отношений с этой частью России. Поэтому задачей Императорского Посла в Вене будет на первых порах склонить соответствующие австрийские круги к планам д-ра Левицкого и преодолеть явное сопротивление им в Вене. Если это не удастся и австро-венгерское правительство продолжит занимать умеренную позицию по этому вопросу, я вряд ли могу обещать успех в реализации плана и расходовании значительных денежных средств с нашей стороны. Я могу покорно просить Ваше Превосходительство дать соответствующее указание господину фон Чиршки и поручить ему проработать вопрос со всей тщательностью. Другим экспертам, например консульским работникам, вернувшимся из этих регионов, также, вероятно, было бы полезно узнать, достаточно ли противоречий между Малороссами и Великороссами на Украине, чтобы можно было ожидать успешного возбуждения местного населения с помощью мер, предложенных д-ром Левицким» [PAAA, RZ 201/20950, *207–208*].

---

[6] Служба военной разведки Германской империи.

В качестве эксперта от МИД выступил бывший консул в Москве и Варшаве А. фон Рехенберг, который уже консультировал германское правительство по польскому вопросу. 2 сентября А. фон Рехенберг передал заместителю государственного секретаря МИД А. Ваншаффе 17-страничное экспертное заключение, в котором сделал вывод, что украинский вопрос в Российской империи является вторым по важности после польского и в случае, если его удастся использовать, это окажет серьезное воздействие на российское правительство [PAAA, RZ 201/20950, *218–234*].

После визита К.А. Левицкого в Берлин можно говорить об установлении прямых отношений между украинцами и МИД Германской империи, в которых дипломаты, находящиеся в Австрии, отходят на второй план.

Таким образом, первые контакты украинцев с правительством Германской империи были установлены в августе 1914 года при активном содействии германских дипломатов, консула в Галиции К. Хинце и посла в Австро-Венгрии Г. фон Чиршки.

Официальные представители Германской империи в нейтральных и союзных государствах. Успешное российское наступление на Юго-Западном фронте в августе-сентябре 1914 года заставило украинские организации покинуть Восточную Галицию. Большинство руководителей украинского движения эвакуировалось в Вену. После перемещения политического центра украинцев из Галиции в столицу империи началась активная международная деятельность Союза освобождения Украины. Осенью 1914 года СОУ открыл свои представительства в Германской империи (А.Ф. Скоропись-Иолтуховский), Италии (О. Семенов), Болгарии (Л. Ганкевич), Османской империи (М.М. Меленевский), Швеции и Норвегии (О.Т. Назарук), Швейцарии (П. Чикаленко) [ЕІУ, 9, *734–735*].

Данные представительства, изначально задумывавшиеся как центры распространения информации об украинском движении и поиска союзников в войне с Российской империей, со временем превратились в некое подобие дипломатических миссий.

Правительства большинства государств, в которые направил своих представителей СОУ, ограничились изданиями украинских материалов на национальных языках и устными заявлениями о поддержке украинского движения и идеи создания независимого украинского государства.

Более примечательна миссия М.М. Меленевского в Османскую империю, ставшая первым случаем украино-германского сотрудничества за рубежом. В конце сентября 1914 года М.М. Меленевский при посредничестве А.Л. Парвуса установил контакт с заместителем посла Германской империи в Турции М. Циммером и генералом Л. фон Сандерсом. От них М.М. Меленевский узнал о планируемой османским командованием специальной военной операции на Кавказе, которая должна была начаться сразу после вступления Порты в войну против Антанты, и предложил провести

такие же акции в Одессе и на Кубани [Головченко, Солдатенко, 2009, *62–63*]. Несмотря на особую заинтересованность в проведении операции Берлина и Вены, в Константинополе по этому вопросу имелось особое мнение. Для Османской империи более привлекательной была идея наступления на Кавказе, которое, в частности, позволило бы вернуть Карс и Ардоган под контроль Порты. Также османское правительство не устраивало назначение командующим корпусом представителя Австро-Венгрии. Некоторые сомнения вызывала перспектива поддержки операции со стороны кубанских казаков, принимавших активное участие в репрессиях российского правительства против магометанских народов, главным покровителем которых являлась Османская империя. Переговоры длились два месяца, однако план высадки десанта так и не был реализован [Bihl, 1966, *362–366*].

Более конструктивно развивалось украино-германское сотрудничество в Швейцарии. Весной 1915 года туда из Румынии приехал не нашедший общего языка с австрийским послом в Бухаресте украинский публицист В.Я. Степанковский. На новом месте он сблизился с графом М.С. Тышкевичем. В мае 1915 года они открыли Украинское бюро в Лозанне, однако для организации издательской деятельности было необходимо финансирование, за которым В.Я. Степанковский обратился к послу Германской империи в Швейцарии Г. фон Ромбергу. Посол согласился поддержать украинцев, однако настоял на том, чтобы издание сохраняло нейтральный характер и не подчеркивало своих связей с Германией. Субсидируемое германскими дипломатами издание украинского журнала «Украина» на французском («L'Ukraine») и английском («Ukraine») языках предназначалось для распространения во Франции, Британской империи и США.

Сотрудничество с В.Я. Степанковским весьма ценилось в Берлине, и для этого были веские причины. Уникальность публициста заключалась в том, что он имел связь как с украинским движением, точнее российской его частью в виде СОУ (через однопартийцев из УСДРП), так и с политическими кругами Антанты. Наибольшую активность он развернул в Англии, где жил и работал в 1911–1914 годах.

Кроме того, В.Я. Степанковский держался в стороне от деятельности политических групп австрийских (ГУС) и российских (СОУ) украинцев и, соответственно, не принимал участия в их внутренних конфликтах, которые дискредитировали украинское движение в глазах правительств Центральных держав. До 1917 года В.Я. Степанковский являлся наиболее авторитетным источником информации МИД Германской империи по вопросам украинского движения [Golczewski, 2010, *145–151*].

Спустя месяц после установления первых контактов между украинскими организациями и германскими официальными лицами сотрудничество выходит на международный уровень. В этот раз инициатива оказалась в руках

российских украинцев, стремившихся избавиться от «опеки» своих австрийских собратьев. Несмотря на то что первые амбициозные украино-германские проекты не дали желаемого результата, со временем удалось наладить эффективное сотрудничество, приносившее пользу обоим сторонам.

Общественно-политические организации Германии и украинцы. Весной 1915 года Союз освобождения Украины переместился из Вены в Берлин, где основные усилия его членов были направлены на информационно-идеологическое продвижение украинского вопроса среди германской общественности и российских военнопленных.

В Германской империи на протяжении 1915–1917 годов поддержку Союзу освобождения Украины оказывали Товарищество внутренней колонизации во главе с Ф. фон Швериным и Э. Койном и Военное министерство Пруссии в лице руководителя департамента по делам военнопленных В. фон Любберса. В связи с тем, что МИД скептически относился к деятельности СОУ на территории Германской империи и под разными предлогами отказывался от прямого сотрудничества, Ф. фон Шверин и Э. Койн создали «Посредническую организацию во Франкфурте-на-Одере», которая в качестве «чисто германской организации» взяла на себя ответственность за работу Союза в лагерях для военнопленных: «Лишь благодаря искренней преданности этих людей самой идеи и их благородному доверию к Союзу О. У. получили мы возможность наладить и расширить работу в трех лагерях Германии. Те десятки тысяч наших пленных, которые в украинских лагерях сохранили здоровое тело, а в нем и здоровую душу, оправились духовно и не подозревали, что без доброй воли тех немецких патриотов, они могли бы из немецкого плена вынести лишь воспоминание о бессмысленной “игре в очко” и т.п.». Вместе с разрешением на работу в Германии через «Посредническую организацию во Франкфурте-на-Одере» осуществлялась и финансовая поддержка Союза со стороны МИД: «При этом эти люди приняли, как само собой разумеющиеся, мое (А.Ф. Скоропись-Иолтуховский. – *Д. К.*) сообщение, что Союз О. У., как только восстанет независимое Украинское Государство, приложит усилия, чтобы те расходы на культурно-просветительскую работу среди украинских пленных, будут возвращены Германии, как украинский государственный долг» [Скоропис-Иолтуховський, 1920–1921, *214–217*].

В 1914–1916 годах украино-германское сотрудничество развивалось в трех сферах: издательской деятельности, работе с военнопленными и населением на оккупированной территории. При этом официальные органы власти Германии, помня о неудачах своих австрийских коллег, избегали прямого сотрудничества с украинцами и не давали каких-либо четких обещаний относительно создания украинского государства.

В 1914–1916 годах общественно-политические организации, созданные неравнодушными к украинскому вопросу германцами, стали основным связующим звеном между украинскими структурами и правительством Германии.

Частные лица. Еще одним мостом, который соединял украинское движение с германским правительством во время войны, стали частные лица, находящиеся в нейтральных или союзных государствах и неофициально оказывающие разнообразные полезные услуги имперскому МИД. На востоке государствами, в которых немцам удалось организовать неофициальную работу, являлись Османская империя, Румыния и Швеция.

Одним из наиболее известных неофициальных агентов Германии являлся политический деятель и экономист белорусского происхождения А.Л. Парвус[7], благодаря связям которого Союз освобождения Украины смог установить контакт с официальными представителями Германской империи в Турции.

В конце сентября 1914 года М.М. Меленевский в качестве представителя СОУ прибыл в Константинополь, где встретился со своим старым соратником по социалистическому движению А.Л. Парвусом. Последний организовал встречу М.М. Меленевского с заместителем посла Германии в Турции М. Циммером. Предложенная СОУ идея участия украинцев в планируемой османским командованием десантной операции на Черном море заинтересовала руководителя германской военной миссии в Турции генерала О. Лимана фон Сандерса. Однако, несмотря на то что германское и австрийское правительства поддержали СОУ, Константинопольская акция ничем не закончилась.

В Румынии связь между находящимися там украинцами и германским правительством осуществлялась через Л. Розелиуса, кофейного магната из Бремена и создателя «Корреспондентского бюро» в Бухаресте, через которое организовывалась разнообразная прогерманская деятельность на территории юго-восточной Европы [Jürgen, 2017, *107–125*].

Сотрудничество украинцев с германскими представителями в Румынии началось с того, что в октябре 1914 года А. Циммерман рекомендовал своим подчиненным в Бухаресте обратить внимание на украинский вопрос и В.Я. Степанковского (находящегося в то время в Румынии) как надежного представителя украинского движения [PAAA, RZ 201/21222, *239*]. Степанковский, в свою очередь, предлагал Л. Розелиусу обратиться к представителю СОУ в Румынии Н.Г. Цеглинскому. Проникшийся искренним интересом к желанию Л. Розелиуса поддержать украинское движение, Н.Г. Цеглинский подготовил для него 10-страничный доклад, в котором описал свой личный опыт выполнения «важных заданий» руководства СОУ на территории Российской империи. Автор обвинял руководство Союза освобождения Украины в преувеличении эффективности своей деятельности, лжи и нецелевом использовании средств, выделяемых австрийским правительством для поддержки украинского движения [PAAA, RZ

[7] Настоящее имя – Израиль Лазаревич Гельфанд.

201/21222, *255–263*]. В конце ноября 1914 года «донос Цеглинского»[8] оказался в руках австрийского правительства. По времени это совпало с провалом украинской инициативы по высадке десанта на российском побережье Черного моря, что привело к отказу австрийцев от продолжения сотрудничества с Союзом освобождения Украины и перемещению его весной 1915 года в Германскую империю.

Подводя итог краткого обзора каналов взаимодействия украинского движения и Германской империи, можно сделать вывод, что стабильные контакты между украинцами и германскими государственными структурами были налажены только после начала Первой мировой войны в рамках противостояния с Россией.

Становлению украино-германских отношений способствовала как официальная дипломатия в лице представителей МИД Германской империи в Австро-Венгрии и Турции, так и неравнодушные к украинскому вопросу частные лица и общественно-политические организации в самой Германии.

В украинском движении, состоявшем из австрийской и российской частей, большую заинтересованность в сотрудничестве с Германией выражали российские украинцы, рассчитывавшие на поддержку Берлина в вопросе получения государственности. Австрийские украинцы занимали умеренную позицию в отношении Германской империи и оставались лояльными подданными империи Габсбургов.

Несмотря на активное украинско-германское взаимодействие в 1914–1916 годах, большинство совместных инициатив не внесло каких-либо значимых изменений в общую ситуацию на Восточном фронте и не привело к решению Центральных держав создать украинское государство. Причинами такой ситуации являлись отсутствие в 1914–1916 годах значимых военных успехов Центральных держав на южном участке Восточного фронта, слабая поддержка украинского движения населением Юго-Западного края Российской империи, противоречия между лидерами австрийской и российской частей украинского движения, наличие сильного конкурента в борьбе за поддержку Центральных держав, а именно польского национального движения.

ЛИТЕРАТУРА

Головченко В.І., Солдатенко В.Ф. Українське питання в роки Першої світової війни. Київ: Парламентське видавництво, 2009. 448 с.

ЕІУ – Енциклопедія Історії України. У 10 т. Т. 2: Г – Д. Київ: Наукова думка, 2004. 528 с.

ЕІУ – Енциклопедія Історії України. У 10 т. Т. 9: Прил – С. Київ: Наукова думка, 2012. 944 с.

Левицький К.А. Історія визвольних змагань галицьких українців: з часу Світової війни 1914–1918. Львів: Друкарня ОО. Василіян у Жовкві, 1928. 499 с.

Скоропис-Иолтуховський О. Мої «злочини» // Хліборобська Україна. 1920–1921; № 2–4. С. 191–237.

[8] Такое название документ получил в эмигрантской украинской историографии.

Bihl W. Das im Herbst 1914 geplante Schwarzmeer-Unternehmen der Mittelmächte // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, Bd. 14, H. 3. 1966. P. 362–366.
Golczewski F. Deutsche und Ukrainer 1914–1939. München, 2010. 1083 S.
Jürgen W. Schmidt. Spionage, Doppelagenten und Islamistische Bedrohung. Ludwigsfelde, 2017.
Politische Archiv des Auswärtigen Amts (PAAA). RZ 201/20950.
PAAA. RZ 201/21222.
Urbankowski B. Józef Piłsudski: marzyciel i strateg. Poznań: Zysk i S-ka, 2014. 1024 s.

D.A. Konovalov
Postgraduate Student,
Chair of Russian History,
Belarusian State University
Minsk, Belarus

Ways of Interaction between the Ukrainian Movement and German Authorities during the First World War (1914–1916)

The article explores the ways of interaction between the Ukrainian movement and the German authorities during the First World War (1914–1916). The author considers four main channels of communication between Ukrainian political organisations in Austria and the government of the German Empire. The results allow us to conclude that stable contacts between Ukrainians and German state structures were established only after the outbreak of the First World War in the framework of confrontation with Russia. In the Ukrainian movement, which consisted of Austrian and Russian parts, Russian Ukrainians expressed great interest in co-operation with Germany. Despite active Ukrainian-German co-operation in 1914–1916, most of the joint initiatives did not bring any significant changes in the overall situation on the Eastern Front and did not influence the solution of the Ukrainian question. The reasons for this situation were the absence in 1914–1916 of significant military successes of the Central Powers on the southern section of the Eastern Front, the weak support of the Ukrainian movement by the population of the South-Western region of the Russian Empire, the contradictions between the leaders of the Austrian and Russian parts of the Ukrainian movement, the presence of a strong competitor in the struggle for the support of the Central Powers, namely the Polish national movement.

Keywords: *World War I; Ukrainian question; Central Powers; national policy; international relations; German Empire; Austro-Hungarian Empire.*

REFERENCES

Golovchenko V.I., Soldatenko V.F. The Ukrainian question during the First World War [Ukraïns'ke pitannya v roki Pershoï svitovoï vijni]. Kyiv: Parlaments'ke vidavnictvo, 2009. 448 p. (in Ukrainian).
EHU − Encyclopedia of the History of Ukraine: in 10 vols. [EIU – Enciklopediya Istoriï Ukraïni: u 10 t.]. Vol. 2. Kyiv: Naukova dumka, 2004. 528 p. (in Ukrainian).
EHU − Encyclopedia of the History of Ukraine: in 10 vols. [EIU – Enciklopediya Istoriï Ukraïni: u 10 t.]. Vol. 9. Kyiv: Naukova dumka, 2012. 944 p. (in Ukrainian).

Levic'kij, K.A. History of the Liberation Struggle of Galician Ukrainians: Since the World War of 1914-1918 [Istoriya vizvol'nih zmagan' galic'kih ukraïnciv: z chasu Svitovoï vijni 1914–1918]. Lviv: Printing house of the Basilians in Zhovkva, 1928. 499 p. (in Ukrainian).

Skoropis-Ioltuhovs'kij O. My «crimes» [Moï «zlochini»]. 1920–1921. No 2–4. pp. 191−237 (in Ukrainian).

Bihl W. The Black Sea venture planned by the Central Powers in autumn 1914 [Das im Herbst 1914 geplante Schwarzmeer-Unternehmen der Mittelmächte]. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropa*s, Neue Folge, Bd. 14, H. 3. 1966. pp. 362–366 (in German).

Golczewski, F. Germans and Ukrainians 1914–1939 [Deutsche und Ukrainer 1914–1939]. München, 2010. 1083 s. (in German).

Jürgen W. Schmidt. Espionage, double agents and the Islamist threat [Spionage, Doppelagenten und Islamistische Bedrohung]. Ludwigsfelde, 2017. (in German).

Political Archive of the Federal Foreign Office (PAFFO) [Politische Archiv des Auswärtigen Amts (PAAA)]. RZ 201/20950. (in German).

Political Archive of the Federal Foreign Office (PAFFO) [Politische Archiv des Auswärtigen Amts (PAAA)]. RZ 201/21222. (in German).

Urbankowski, B. Józef Piłsudski: dreamer and strategist [Józef Piłsudski: marzyciel i strateg]. Poznań: Zysk i S-ka, 2014. 1024 s. (in Polish).

М.Д. Шумаков

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

УДК 930

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-216-227

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЦАРИЦЫНЕ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1918 ГОДА

Ключевые слова: *Гражданская война на Юге; Южный фронт; 1918 год; И.В. Сталин; К.Е. Ворошилов; Царицын; Военсовет; Северо-Кавказский военный округ; местное военное управление.*

В статье рассматривается проблема организации военной власти в Северо-Кавказском военном округе (и впоследствии на Южном фронте) с середины лета по начало зимы 1918 года, когда высшее военное руководство в округе осуществлял военный совет в составе И.В. Сталина, С.К. Минина и К.Е. Ворошилова. С опорой на впервые вводимые в научный оборот материалы федеральных и регионального архивов было установлено, что в период с июля по август 1918 года военсовет провел серию реформ, направленных на сосредоточение всей военной власти в округе в своих руках. Основным противником военсовета в этом вопросе стал орган местной военной власти Царицына – губернский военкомат. Из ведомства последнего были выведены склады, то есть реальный контроль за снабжением войск, а также ряд важных отделов. Все это перешло под непосредственный контроль военсовета. Попутно проходили изменения и в окружных отделах,

большинство из которых претерпели серьезную реорганизацию: во главе ведомств были поставлены новые руководители, преимущественно из группы Ворошилова. В статье делается вывод, что названные меры преследовали цель создать единую иерархическую систему снабжения и управления войсками в районе Царицына во главе с военным советом.

Оборона Царицына – одно из ярчайших событий Гражданской войны. Она имела большое военно-стратегическое и политическое значение в те годы, а ее идеологическое значение сохранялось и в дальнейшем. Неудивительно, что историография этого вопроса обширна. Упомянем здесь лишь основные работы. Помимо исследований, рассматривавших контекст Гражданской войны в целом, уже в 1920-е годы появились работы, посвященные обороне «Красного Вердена» [Клюев, 1928; Анулов, 1922]. После победы И.В. Сталина во внутрипартийной борьбе внимание историков к Царицыну становится еще более пристальным: выходят фундаментальные монографии, посвященные боям вокруг Царицына в 1918 году [Меликов, 1938; Генкина, 1940]. Со второй половины 1950-х годов из-за политических событий интерес к обороне Царицына спадает, хотя исследования местных политических и военных процессов продолжаются, в том числе и в специализированных монографиях [Водолагин, 1967]. В новейшей историографии Царицынские события сохраняют свою актуальность [Ратьковский, 2023; Гражданская война в Царицыне, 2021; Войтиков, 2023; Ганин, 2017а; 2017б], причем чувствуется нарастание интереса ученых к этой теме в последние годы. Несмотря на ее широкую разработанность, все еще остаются нерешенные проблемы и неосвещенные лакуны, в том числе вопрос о взаимодействии Военного совета Северо-Кавказского военного округа с местными царицынскими государственными учреждениями, напрямую связанный с проблемой того, как была выстроена система управления Царицыным в период первых двух его осад в 1918 году. Ему посвящена представленная статья.

19 июля 1918 года в руководстве Северо-Кавказского военного округа (далее – СКВО) произошли изменения. Прежнее руководство округа – в первую очередь в лице генерал-лейтенанта А.Е. Снесарева – было отстранено. Округ возглавил военный совет в составе И.В. Сталина, С.К. Минина и А.Н. Ковалевского (последний 4 августа был заменен на К.Е. Ворошилова). Встав во главе СКВО, военный совет занялся тем, чего, судя по всему, окончательно не удалось добиться предшествующему руководству округа, – установлением власти округа над всеми военными вопросами. Основным противником военного совета в этом деле стал царицынский губернский военный комиссариат. Фактически это был бывший Штаб обороны Царицына, созданный в 1917 году как орган руководства местными военными силами. На заседании Штаба 1 июля 1918 года было принято решение переименовать его в царицынский губвоенкомат [ГАВО, ф. Р-69, оп. 1, д. 1, *7*]. Ранее этот орган возглавлял С.К. Минин, но, по всей видимости, с переходом в военный совет

СКВО он оставил эту должность, так как в августе губвоенкомиссаром числился уже К.Я. Федотов [ГАВО, ф. Р-69, оп. 1, д. 1, *17*], бывший военком уезда.

Практически сразу после утверждения нового состава Военный совет начал процесс подчинения основных губернских военных учреждений окружным. Стоит заметить, что ситуация эта была не уникальна: с момента начала широкомасштабной гражданской войны и в ходе процесса централизации военного управления «военные ведомства стали рассматривать военкоматы в качестве органов, полностью и исключительно им подчиненных» [Гимпельсон, 2002, *354*]. Происходило это и в Царицыне. Надо учитывать, что губернские военные комиссариаты и так формально были подчинены окружным [Кляцкин, 1965, *170*], поэтому окружной военсовет имел право руководить губернским военкоматом, хотя методы фактического руководства могли выходить за пределы формальных рамок.

Вот как процесс подчинения губвоенкомата описывает его же оргтотдел в докладе от 15 октября: «Во второй половине июня – начале июля начало функционировать окружное артиллерийское управление Северо-Кавказского военного округа. За неимением собственных складов оно ограничилось выдачей нарядов на боевые припасы из огнескладов Губернского военного комиссариата… Таким образом отдел вооружения снабжал всем необходимым вооружением как действующую, так и формирующуюся армию вплоть до 1-го августа. В отделе вооружения было три огнесклада… Согласно распоряжению Военного Совета Северо-Кавказского военного округа 1 августа сего года Отдел Вооружения передал все свои склады со всеми боеприпасами… в окружное артиллерийское управление для единства снабжения фронта, т.к. к концу июля Окружное артиллерийское управление образовало собственный склад боевых припасов, правда, не снабжающийся разного рода оружием для удовлетворительного функционирования» [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 59, *175*]. Из доклада видно, что военсовет поставил все склады боеприпасов Царицына под свой контроль, мотивируя это созданием единства снабжения фронта. Еще раньше, 29 июля, Военный совет сделал один из первых шагов в этом направлении. Был принят приказ № 27, согласно которому следовало «отдел снабжения (подотдел вооружения) Штаба обороны и временное хранение с артиллерийским управлением объединить в одно учреждение, переместить персонал служащих из отдела снабжения Штаба обороны в соответствующие учреждения СКВО» [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 17, *1*]. Таким образом, системой указов военный совет поставил под окружной контроль вопрос снабжения фронта, в то время как ранее этот вопрос фактически контролировался местным военным руководством.

Впоследствии, после назначения Т.И. Дышлового заведующим окружным хозяйственным управлением, ведавшим снабжением фронта, все вопросы о выдаче обмундирования с царицынских складов также были по-

ставлены под окружной контроль, о чем мы узнаем из очередной телеграммы заведующего одним из отделов губвоенкомата руководителю данного ведомства от 24 августа: «[В связи с] объявлением мобилизации, так и [в связи] с вступлением на должность заведующим снабжением фронта товарища Дышлового (6 августа. – *М. Ш.*) склады мои совершенно почти опустели … на основании полученного от него отношения, в котором сказано, что ни одно требование без его санкции исполнено быть не может… Требований от него было много… склады Дышловой нераспорядился пополнить» [Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 193, оп. 1, д. 8, *33*].

Уже 14 сентября перемены коснулись отдела формирования и обучения: приказом Военного совета СКВО «отдел формирования и обучения Царицынского губернского комиссариата по военным делам перешел в отдел формирования и обучения СКВО. Заведующим отделом назначен товарищ Руднев» [ГАВО, ф. Р-69, оп. 1, д. 1, *55*]. Правда, далее указывалось, что Рудневу надлежит действовать в согласии с губернским военкомом Федотовым [ГАВО, ф. Р-69, оп. 1, д. 1, *55*].

То, что это была вполне обычная практика, видно из доклада губернского военного комиссара Л.Д. Троцкому (к сожалению, доклад не датирован, но, вероятно, приходится на конец октября): «с 5 сентября приказом № 44 Военным советом Северо-Кавказского военного округа отдел снабжения переведен в ведение хозяйственного управления СКВО» [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 3, *89*]. В подчинение СКВО в дальнейшем перешли санитарный, транспортный отделы и отделы связи и формирования [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 3, *89*].

Об отношении к таким переменам самого губернского военного комиссариата можно судить по пространному окончанию доклада: «Царицынский Губернский военный комиссариат *не является по существу высшей военной властью в губернии* (курсив мой. – *М. Ш.*) и работа его не может протекать нормально хотя уже по одному тому, что Военный Совет Северо-Кавказского военного округа изъяв из ведения губернского военного комиссариата все отделы и оставив таковые при уездных комиссариатах, создал невообразимую путаницу как в деле формирования, так равно и управления… Взяв губернский отдел формирования и обучения в свое распоряжение и назвав его окружным, Военный совет посылал непосредственно представителей в какой-либо уезд для формирования полка и тем самым нарушил правильную творческую работу отделом формирования и обучения при уездных военкоматах… Военный совет Северо-Кавказского военного округа, создав из отделов снабжения, агитационно-вербовочного, санитарного и транспортного – окружные отделы, Военный совет тем самым, не говоря уже о нарушении декрета, лишил возможности царицынский губернский военный комиссариат существовать во всем согласно штатам и по точному смыслу декрета Народного Комиссариата по военным делам № 296, лишил вместе с тем и возможности быть руководящим органом по

отношению уездных военных комиссариатов» [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 3, *90–91*]. Из этого доклада видно, что губернский военный комиссариат под напором военного совета оказался в подчиненном округу положении. В подчинение военного совета СКВО попали все военные организации, как это и было заявлено в опубликованной в Царицыне версии приказа центральной власти: «Руководство всеми военными организациями переходит из рук военного комиссариата в руки Военного совета Северо-Кавказского округа» [Из истории Гражданской войны в СССР, 1960, *478*].

В докладе явно чувствуется острое недовольство губкома сложившимся положением. Проявлением этого недовольства стала и телеграмма губернского военкома К.Я. Федотова в ВРС 10-й армии 10 декабря 1918 года. В ней Федотов заявлял, что он фактически отстранен от формирования, обучения и снабжения войск и не желает нести за это дело юридической ответственности, «не имея *фактической* (подчеркнуто в оригинале. – *М. Ш.*) возможности принимать участия в этом деле, а не только руководить им» [РГВА, ф. 193, оп. 1, д. 5, *307*]. В этой же телеграмме Федотов вновь упоминал о выведении из его подчинения ряда отделов и в свете всех изложенных фактов просил РВС 10-й армии разрешить вопрос о дальнейших взаимоотношениях между Военревсоветом 10-й армии и губернским военным комиссариатом [Войтиков, 2023, *202*].

Параллельно с подчинением ведомств губвоенкомата Округу шла проводимая Военсоветом реорганизация самого СКВО. 4 августа 1918 года было ликвидировано окружное артиллерийское управление, заведующим всеми складами Царицына был назначен М.Л. Рухимович [Войтиков, 2023, *202*] – партийный деятель, в ту пору близкий к К.Е. Ворошилову. В этот же день сам Ворошилов был введен в состав военсовета вместо Ковалевского. 6 августа ликвидировано окружное хозяйственное управление. Все организации, ведающие снабжением фронта в области вещевого и продовольственного довольствия, было приказано реорганизовать и объединить их деятельность, а заведование снабжением фронта и всеми интендантскими складами города Царицына и всего СКВО было поручено Т.И. Дышловому [РГВА, ф. 46, оп. 5, д. 84, *35*]. 4 августа ликвидирован и окружной штаб – вместо него был устроен оперативный отдел во главе с Л.С. Соколовым [Войтиков, 2023, *202*]. Прежний же глава окружного штаба А.Л. Носович вместе с Ковалевским 10 августа были арестованы по обоснованным подозрениям в контрреволюционной деятельности. Примечательно, что Носович, противодействуя Военсовету, постарался вовлечь окружного военного комиссара Анисимова. 10 августа С.К. Минин получил от него телеграмму: «Получена телеграмма от Носовича о том, что у Вас происходит переформирование Военного комиссариата и что мое присутствие необходимо. Прошу подтвердить» [РГВА, ф. 193, оп. 1, д. 5, *80*]. Анисимову был направлен ответ:

«Для улучшения дела снабжения мы делаем все необходимое. Носович арестован нами и препровожден в Москву. Просим не обращать внимания на провокаторские телеграммы» [РГВА, ф. 193, оп. 1, д. 5, *80*].

Таким образом, через действия Военсовета СКВО прослеживается стремление выстроить единую систему военного управления и снабжения войск. Построение данной системы можно разбить на два одновременно происходивших процесса: 1) объединение всех довольствующих ведомств (боеприпасов и интендантских) Царицына и окрестностей под одним окружным руководством; 2) реорганизация самого окружного руководства этими ведомствами. В первую очередь реорганизация заключалась в том, что во главе окружных управлений военсоветом были поставлены доверенные люди (по преимуществу из группы Ворошилова): М.Л. Рухимович, Т.И. Дышловой, Н.А. Руднев и др.

Господство коалиции Сталина, Минина и Ворошилова в военных вопросах округа (сначала в форме военного совета СКВО, потом в форме Реввоенсовета Южного фронта) продолжалось до начала октября 1918 года. С этого момента ситуация вновь стала меняться, что связано с включением в борьбу за политическое лидерство в Царицыне представителей центральных ведомств (в первую очередь Л.Д. Троцкого). 5 октября [Ратьковский, 2023, *148*] Сталин был отозван из Царицына. Это нанесло серьезный удар по позициям Ворошилова и Минина. Система, при которой все основные вопросы решала «царицынская тройка», начала рушиться. Как уже отмечалось, в октябре против них выступил губернский комиссариат, критиковавший сложившееся положение в докладах в Москву. По обрывочным сведениям можно предположить, что губком решил вернуть под свой контроль вопрос снабжения армии. 31 октября 1918 года в окружное артиллерийское управление СКВО было отправлено требование от оружейного отделения губернского военного комиссариата об отпуске оружия [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 59, *178*]. По всей видимости, это была весьма большая партия, так как уже 1 ноября датируются сразу две телеграммы: № 5788 «Заведующему центрброни. По приказу военного комиссариата, прошу сделать распоряжение о наряде вне очереди трех грузовых автомобилей для перевозки винтовок и патронов из окружного артиллерийского склада Севкавокра, в склад Губернского Военного комиссариата» [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 59, *163*] и № 5786: «Заведующему гаражем СКВО товарищу Федоренко. По распоряжению военного комиссара, прошу сделать распоряжение дать один грузовой автомобиль для перевозки винтовок и патронов из окружного армейского склада СКВО в склад Губернского военного комиссариата» [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 59, *180*]. Как видно, всего было запрошено четыре автомобиля, но, судя по недостающему номеру телеграммы, могли быть и другие запросы. Нельзя исключать, что этот случай не носил экстраординарного характера, однако очевиден факт перевозки большой партии вооружения из окружного склада в губернский, что дает

возможность заподозрить губвоенкомат в реванше за 1 августа, когда содержимое его складов было передано в склад округа. К тому же дальнейшие запросы на вооружение поступали уже в губвоенкомат [ГАВО, ф. Р-105, оп. 1, д. 59, *183*], следовательно, передача боеприпасов состоялась.

В этот же период, судя по всему, имел место и конфликт с местной царицынской властью. Сохранилось письмо К.Е. Ворошилова Р.Я. Левину – председателю исполнительного комитета царицынского совета. Левин долгое время был заместителем одного из лидеров Царицына Я.З. Ермана на посту председателя губисполкома (он когда-то прибыл в Царицын в составе того же студенческого отряда, что и Ерман [Юдин, 1965, *21*]) и стал председателем после гибели Ермана 19 июля 1918 года. Из письма (это ответ на протест Левина) мы узнаем позицию Ворошилова о том, что, так как Царицын находится в полосе военных действий, высшая власть принадлежит военным властям – то есть Реввоенсовету 10-й армии [РГАСПИ, ф. 74, оп. 1, д. 86, *202*]. Судя по ответу Ворошилова, очевиден спор о верховенстве в регионе, причем происходил он на самом высшем уровне. К сожалению, это письмо не датировано. Однако так как речь в нем идет о 10-й армии, то написано оно не раньше 3 октября, когда армия была создана, и, по всей видимости, относится к периоду уже после отъезда Сталина из Царицына.

Проявлением конфликта с гражданским руководством Царицына стал и спор о публикациях в советской газете города «Борьба». 3 декабря 1918 года в газету «Борьба» (копия – в газету «Солдат Революции») от РВС 10-й армии был направлен запрос: «Военревсоветом 10-й армии замечено, что препровожденные Вам статьи для напечатания в газете от 29 ноября: “Духовные отцы проснулись”, “ответ на письмо ко всем командующим”, “воззвание к казакам”, … статья Повзнера от 1 декабря за № 3438 о товарище Ворошилове до сего времени еще не напечатаны. Предлагаю напечатать в самом срочном порядке» [РГАСПИ, ф. 74, оп. 1, д. 87, *11*]. 3 декабря последовал ответ редакции «Борьбы»: «Предлагаемые нам статьи слишком нелитературны и малоубеждающи. Кроме того, редакция “Борьбы” помещает все, что находит нужным для пользы строительства коммунизма и в указаниях не нуждается» [РГАСПИ, ф. 74, оп. 1, д. 87, *11 об.*]. Уже очевидны повышенные тона этого конфликта. Дальше в него вступает сам Ворошилов. От руки на листе с первым запросом в редакцию «Борьбы» он делает приписку: «В Царицынский комитет партии коммунистов. Просьба обратить внимание на недопустимое отношение редакции, которая называется партийной, к товарищам, которые посылают свои статьи в газету… Статьи написали товарищи Межлаук, Повзнер, Щаденко и др. Кроме того поведение т.т. из “Борьбы” вообще недостойно коммунистов, если это коммунисты не особой масти. Для этого у меня есть факты, которые … могу сообщить комитету партии. К. Ворошилов» [РГАСПИ, ф. 74, оп. 1, д. 87, *11*]. Поскольку «Борьба» была газетой Совета, то спор с ее редакцией, очевидно,

связан с конфликтом с Р.Я. Левиным. Видна большая ожесточенность этого противостояния. Представляется вероятным, что данный конфликт можно рассматривать как стремление представителей местной власти Царицына, ранее серьезно потесненных назначением на ключевые посты городского управления людей Ворошилова, вернуть свои позиции в условиях пошатнувшегося положения самого Ворошилова.

Ярким проявлением и одновременно свидетельством ожесточенности конфликта стала прямая атака на Левина. 6 декабря 1918 года прошло заседание отдела революционно-полевого трибунала 10-й армии, на котором слушалось дело царицынского врача Есавы, обвиненного в воспрепятствовании мобилизации врачей, и председателя исполкома Левина, обвиненного в небрежном отношении к своим обязанностям. Трибунал постановил войти в сношение с соответствующими учреждениями об устранении Левина с поста председателя царицынского исполкома [РГВА, ф. 193, оп. 1, д. 3, *163*]. Речь, таким образом, шла не о простой критике сторонами друг друга, а о стремлении добиться удаления своих противников с занимаемых постов.

Наконец в период с октября по декабрь 1918 года Троцким было предпринято наступление на остатки влияния Минина и Ворошилова в Царицыне. 14 октября в РВС Южного фронта был введен А.И. Окулов – прибывший в Царицын соратник Троцкого [Войтиков, 2023, *163*]. 26 октября его ввели уже в РВС 10-й армии как противовес Ворошилову [Войтиков, 2023, *163*]. Ворошилов был опутан людьми Троцкого со всех сторон, а его собственных сторонников постепенно выводили из Царицына (например, 4 декабря был отозван В.И. Межлаук [Войтиков, 2023, *126*]). Причем при отстранении людей Ворошилова использовались довольно изощренные приемы. Так это описывает Е.А. Щаденко, цитируя полученную им в тот период телеграмму: «“Предписываем вам, согласно телеграмме Сталина, следовать в его распоряжение”. Я снесся с кремлем, спрашиваю товарища Сталина и получаю следующий ответ: “Мне сообщили, что Щаденко отзывается в Москву будто бы по приглашению Сталина. Прошу вас разъяснить недоразумение, т.к. никакого приказа о вашем отзыве не давал и не мог дать. Сталин. 3.01.1919”» [РГАСПИ, ф. 74, оп. 1, д. 18, *27*]. Щаденко высказал предположение, что эта провокация была инициирована людьми Троцкого в РВС 10-й армии [РГАСПИ, ф. 74, оп. 1, д. 18, *27*]. Наконец, отозван был и сам Ворошилов: по требованию Троцкого 18 декабря его перевели в Харьков [Войтиков, 2023, *134*].

Подведем итог. После перехода военной власти в СКВО к военному совету последний сразу инициирует комплекс мер, направленных на выстраивание единой системы военного управления и снабжения округа и назначение во главе управлений этой системы новых руководителей. В ходе этого процесса военсовет берет под контроль военные склады, ранее находившиеся под контролем губвоенкомата, а также выводит из состава последнего ряд отделов, переводя их под свое прямое управление. Учитывая скорость начала этих перемен после создания военсовета, можно предположить, что план их уже был

намечен Сталиным и его соратниками ранее, чем можно объяснить стремление последнего поставить военсовет именно во главе всех военных организаций. Это противоречило расчетам Москвы поставить военсовет во главе всех военных операций, то есть поручить ему только оперативные задачи [Шапошник, 1980, *160*]. После отъезда Сталина из Царицына в октябре 1918 года данная система претерпевает серьезные изменения: обостряются отношения с местными руководителями Царицына, отзываются с занимаемых постов деятели, назначенные военсоветом. Последним событием в этом процессе становится перевод Ворошилова в Харьков.

ЛИТЕРАТУРА

Анулов Ф.А. «Красный Верден» (Борьба за Царицын в 1918–1919 гг.) // Сборник трудов Военно-научного общества. М., 1922. С. 59–76.

Водолагин М.А. Красный Царицын. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 174 с.

Войтиков С.С. «Ворошилов командовать армией совершенно не может»: пиррова победа Троцкого над Сталиным, или Как Троцкий выжил Ворошилова из Царицына на Украину (1918–1919 гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 1. С. 120–150.

Войтиков С.С. Ворошилов между Сталиным и Троцким. М.: Вече, 2023. 491 с.

Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. Р-69. Оп. 1. Д. 1.

ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 17.

ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 3.

ГАВО. Ф. Р-105. Оп. 1. Д. 59.

Ганин А.В. «Комиссар, вы арестованы. Шофер, полный ход вперед, в Козловку, прямо к казакам!» История дезертирства помощника командующего советским Южным фронтом А.Л. Носовича из Красной армии // Клио (Санкт-Петербург). 2017. № 1(121). С. 165–175.

Ганин А.В. Анатолий Носович: «Я мог сдать Царицын белым...» Противостояние белых подпольщиков и И.В. Сталина в штабе Северо-Кавказского военного округа // Родина. 2017. № 7. С. 118–121.

Генкина Э.Б. Борьба за Царицын в 1918 году. М.: Политиздат, 1940. 220 с.

Гимпельсон Е.Г. Из истории организации местного военного управления 1918–1920 гг. // Гражданская война в России: события, мнения, оценки: Памяти Ю.И. Кораблева. М.: Раритет, 2002. С. 351–361.

Гончаров В.Л. Возвышение Сталина. Оборона Царицына. М.: Вече, 2010. 505 с.

Гражданская война в Царицыне: 1918–1920 гг. / Л.И. Будченко [и др.]. Волгоград: Принт, 2021. 300 с.

Клюев Л.Л. Борьба за Царицын (1918–1919 гг.). М.: Гос. воен. изд-во, 1928. 80 с.

Кляцкин С.М. На защите Октября. М.: Наука, 1965. 475 с.

Меликов В.А. Героическая оборона Царицына 1918 г. М.: Гос. воен. изд-во, 1938. 82 с.

Ратьковский И.С. Сталин. Пять лет гражданской войны и государственного строительства (1917–1922). СПб.: Питер, 2023. 352 с.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 1. Д. 18.

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 86.

РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 87.

Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 46. Оп. 5. Д. 84.

РГВА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 3.

РГВА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5.

РГВА. Ф. 193. Оп. 1. Д. 8.

Шапошник В.Н. Северо-Кавказский военный округ в 1918 году. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1980. 207 с.

Юдин В.Н. Яков Ерман. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1965. 158 с.

M.D. Shumakov
Postgraduate Student,
Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia

Organization of Military Administration in Tsaritsyn in the Summer and Autumn of 1918

The article deals with the problem of the organization of military power in the North Caucasus Military District from mid-summer to early winter of 1918, when the highest military leadership in the district was carried out by a military council consisting of I.V. Stalin, S.K. Minin and K.E. Voroshilov. Based on materials from federal and regional archives introduced into scientific circulation for the first time, it was established that in the period from July to August 1918, the military council carried out a series of reforms aimed at concentrating all military power in the district in its hands. The main opponent of the military council in this matter was the local military authority of Tsaritsyn – the provincial military registration and enlistment office. Warehouses were removed from the latter's department, i.e. real control over the supply of troops, as well as a number of important departments. All this came under the direct control of the military council. At the same time, changes took place in the district departments, most of which underwent a serious reorganization – new leaders, mainly from Voroshilov's group, were placed at the head of the departments. The article concludes that these measures were aimed at creating a unified hierarchical system of supply and command and control of troops in the Tsaritsyn region, headed by a military council.

Keywords: *Civil War in the South; Southern Front; 1918; J. Stalin; K. Voroshilov; Tsaritsyn; Military Council; North Caucasian Military District; local military administration.*

REFERENCES

Anulov F.A. The Red Verdun (The struggle for Tsaritsyn in 1918–1919) [«Krasnyi Verden» (Bor'ba za Tsaritsyn v 1918–1919)]. *Collection of works of Military Scientific Society.* Moscow, 1922. pp. 59–76 (in Russian).

Budchenko L.I., Boldyrev Yu.F., Kalashnikova O.A., Nasonova N.A., Kopchenova E.L., Besplemennova N.G., Nikonova O.V. The Civil War in Tsaritsyn: 1918–1920 [Grazhdanskaya voina v Tsaritsyne: 1918–1920]. Volgograd: Print, 2021. 300 p. (in Russian).

Voitikov S.S. Voroshilov between Stalin and Trotsky [Voroshilov mezhdu Stalinym i Trotskim]. Moscow: Veche, 2023. 491 p. (in Russian).

Voitikov S.S. «Voroshilov absolutely cannot command the army»: Trotsky's Pyrrhic victory over Stalin, or how survived Voroshilov from Tsaritsyn to Ukraine (1918–1919) [«Voroshilov komandovat' armiei sovershenno ne mozhet»: pirrova pobeda Trotskogo nad Stalinym, ili kak Trotskii vyzhil Voroshilova iz Tsaritsyna na Ukrainu (1918–1919)]. *New historical herald*, 2014. No 1, pp. 120–150 (in Russian).

Vodolagin M.A. The Red Tsaritsyn [Krasnyi Tsaritsyn]. Volgograd: Nizh.-Volzh. publishing house, 1967. 174 p. (in Russian).

State Archive of Volgograd Oblast [Gosudarstvennyi arkhiv Volgogradskoy oblasti (GAVO)]. Coll. P-69. Aids1. Fol. 1 (in Russian).

GAVO Coll. P-105. Aids 1. Fol. 3 (in Russian).

GAVO. Coll. P-105. Aids 1. Fol. 17 (in Russian).

GAVO. Coll. P-105. Aids 1. Fol. 59 (in Russian).

Goncharov V.L. The rise of Stalin. Defense of Tsaritsyn [Vozvyshenie Stalina. Oborona Tsaritsyna]. Moscow: Veche, 2010. 505 p. (in Russian).

Gimpel`son E.G. From the history of the organization of the local military administration in 1918–1920 [Iz istorii organizacii mestnogo voennogo upravleniya 1918–1920]. *The Russian Civil War: events, opinions, assessments: In memory of Yu.I. Korablev.* Moscow: Raritet, 2002. pp. 351–361 (in Russian).

Ganin A.V. «Commissioner, you are under arrest. The driver, full speed ahead, to Kozlovka, straight to the Cossacks!» The story of the desertion of the assistant commander of the Soviet Southern Front A.L. Nosovich from the Red Army [«Komissar, vy arestovany. Shofer, polnyi khod vpered, v Kozlovku, pryamo k kazakam!» Istoriya dezertirstva pomoshchnika komanduyushchego sovetskim Yuzhnym frontom A.L. Nosovicha iz Krasnoi armii]. *Klio (Sankt Peterburg),* 2017, No 1 (121), pp. 165–175 (in Russian).

Ganin A.V. Anatoly Nosovich: «I could have surrendered Tsaritsyn to the whites...» Confrontation between white underground workers and J. Stalin at the headquarters of the North Caucasus Military District [Anatolii Nosovich: «Ya mog sdat' Tsaritsyn belym...» Protivostoyanie belykh podpol'shchikov i I.V. Stalina v shtabe Severo-Kavkazskogo voennogo okruga]. *Rodina,* 2017. No 7, pp. 118–121 (in Russian).

Genkina E.B. The struggle for Tsaritsyn in 1918 [Bor'ba za Tsaritsyn v 1918]. Moscow: Politizdat, 1940. 220 p. (in Russian).

Klyuev L.L. The struggle for Tsaritsyn (1918–1919) [Bor'ba za Tsaritsyn (1918–1919)]. Moscow: State military publishing house, 1928. 80 p. (in Russian).

Klyaczkin S.M. On the protection of October [Na zashhite Oktyabrya]. Moscow: Nauka, 1965. 475 p. (in Russian).

Melikov V.A. The heroic defense of Tsaritsyn 1918 [Geroicheskaya oborona Tsaritsyna 1918]. Moscow: State military publishing house, 1938. 82 p. (in Russian).

Ratkovsky I.S. Stalin. Five years of civil war and state building (1917-1922) [Stalin. Pyat' let grazhdanskoi voiny i gosudarstvennogo stroitel'stva (1917–1922)]. Saint Petersburg: Peter, 2023. 352 p. (in Russian).

Russian State Archive of Socio-Political History [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)]. Coll.74. Aids 1. Fol. 18. (in Russian).

RGASPI. Coll. 74. Aids 1. Fol. 86 (in Russian).

RGASPI. Coll. 74. Aids 1. Fol. 87 (in Russian).

Russian State Military Archive [Rossijskij gosudarstvennyj voennyj arhiv (RGVA)]. Coll. 46. Aids 5. Fol. 84 (in Russian).

RGVA. Coll. 46. Aids 1. Fol. 3 (in Russian).

RGVA. Coll. 46. Aids 1. Fol. 5 (in Russian).

RGVA. Coll. 46. Aids 1. Fol. 8 (in Russian).

Shaposhnik V.N. The North Caucasian Military District in 1918 [Severo-Kavkazskii voennyi okrug v 1918]. Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1980. 207 p. (in Russian).

Yudin V.N. Yakov Erman. Volgograd: Nizh.-Volzh. publ. house, 1965. 158 p. (in Russian).

М.А. Голаев

Смоленский государственный университет
Смоленск, Россия

УДК 94(438)

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-227-240

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ СМОЛЕНСКА К ВОЗВРАЩЕНИЮ ГОРОДА В СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГОДЫ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: *шляхта; Речь Посполитая; Русско-польская война; лояльность.*

Исследование посвящено реакции различных категорий смоленских жителей на возвращение города в состав Российского государства в период Русской-польской войны 1654–1667 годов, а также особенностям российской политики в отношении смолян и ее трансформации за этот период.

Автор рассматривает изменения в восприятии смолянами русской власти на протяжении всей войны, уделяя внимание причинам этих изменений. Русско-польская война разделяется на три периода, в рамках каждого из которых анализируются положение смоленских жителей и их реакция на происходившие события, отношения между русскими войсками и местным населением, а также общий подход Алексея Михайловича в политике инкорпорации Великого княжества Смоленского в состав России. Затрагивается проблема лояльности населения монарху в период раннего Нового времени. Делается вывод, что в отношении Смоленска и его жителей впервые был использован новый подход, направленный на союз с местными элитами при полном сохранении их положения в регионе.

В свете истории международных отношений в Европе, истории Речи Посполитой и России обозначенная проблема очень существенна, однако и сегодня остается недостаточно изученной. В то же время ряд исследователей касался в своих работах тех или иных ее аспектов. Эти работы можно разделить на три группы по хронологическому признаку: дореволюционного периода, советского и современные.

Дореволюционный период открывает очерк М.М. Богословского [Богословский, 1899]. Он остается наиболее полным исследованием смоленского шляхетского полка. Опора Богословского на множество архивных источников позволяет этой работе сохранять свою актуальность. Но стоит заметить, что очерк в большей степени посвящен военной организации полка смоленской шляхты и его упадку в XVIII столетии, события XVII века в работе рассматриваются не слишком подробно.

Несколько важных работ были выпущены в журнале «Смоленская старина». Среди них статья В. Грачева о жизни смолян под польской властью [Грачев, 1911, *153–157*] и заметка Г. Бугославского о Борисоглебском монастыре [Бугославский, 1909, *177–194*].

В советское время была опубликована весьма значимая для нашего исследования работа А.Н. Мальцева «Россия и Белоруссия в середине XVII века» [Мальцев, 1974]. В основном она рассматривает ход Русско-польской войны 1654–1667 годов и влияние военных действий на жизнь населения Смоленщины, Северщины и Беларуси. Также стоит отметить исследования Л.В. Заборовского [Заборовский, 1981, 1992, *21–29*; 1994; 1998]. В них он много внимания уделил дипломатическим аспектам Русско-польской войны, а также опубликовал целый ряд важных источников.

На современном этапе также существуют исследования, которым нужно уделить внимание. Среди них монография Б.Н. Флори «Русское государство и его западные соседи в 1655–1661 гг.» [Флоря, 2010]. Особенно подробно в книге рассматриваются проекты выборов русского царя Алексея Михайловича и его сына Федора на престол Речи Посполитой. Необходимо упомянуть издание «Смоленская шляхта» в двух томах под редакцией Б.Г. Федорова [Смоленская шляхта, 2006a; 2006b]. Первый том включает различные статьи, посвященные истории этой социальной группы, второй содержит несколько важных источников по истории корпорации.

В целом можно констатировать, что степень изученности вопроса недостаточная, поскольку до сих пор нет крупных исследований на данную тему.

Настроения жителей Смоленска накануне и после 1654 года. Для начала вкратце рассмотрим положение города накануне начала Русско-польской войны 1654–1667 годов и проанализируем основные противоречия, имевшие место в регионе в этот период, а также охарактеризуем их влияние на настроения смолян.

Смоленское воеводство в 1654 году представляло собой регион, раздираемый внутренними политическими и религиозными противоречиями. Кризис королевской власти, разразившийся в Речи Посполитой на фоне неудачных карательных экспедиций короля Яна Казимира (1648–1668) против запорожских казаков [Заборовский, 1981, *21*], в полной мере проявил себя и на Смоленской земле. Накануне Русско-польской войны в город был назначен новый воевода – Филипп Казимир Обухович. Он являлся ставленником Яна Казимира и сразу по приезде в Смоленск столкнулся с сильным сопротивлением части местной шляхты, клиентеллы Януша Радзивилла, литовского магната и главы оппозиции королю. Зачастую сопротивление принимало роль настоящего саботажа всех распоряжений и мероприятий новоназначенного воеводы [Бобятынский, 2013]. Вкупе с абсолютной неподготовленностью города к осаде это сыграло главную роль в столь быстрой сдаче Смоленска после всего двух месяцев осады.

Инвентаризация, проведенная Филиппом Обуховичем при вступлении на воеводский пост, рисует весьма печальную картину. Менее чем за полгода до начала войны Смоленск был совершенно не готов к военным действиям. Городские укрепления не ремонтировались десятилетия и пришли в полный упадок. Пушек было немного, но даже из небольшого числа имевшихся не все были исправны. Пороха и ядер катастрофически не хватало. Солдаты гарнизона крепости не получали жалованья десятки лет, что не могло не оказать влияния на его боеспособность. Не будет преувеличением сказать, что со времен Смоленской войны обеспечением защиты города систематически пренебрегали.

Русские войска подошли к Смоленску летом 1654 года и сразу взяли его в осаду. У осаждавших было численное преимущество и подавляющее превосходство в артиллерии. Хотя первый штурм защитникам удалось отбить, иллюзий по поводу дальнейшей обороны города никто не испытывал. Без поддержки извне город неминуемо пал бы. Помощи, однако, можно было не ждать: Великий гетман Литовский Януш Радзивилл, спешивший на выручку Смоленску с войском, был разбит в битве под Шепелевичами, а его армия рассеяна [Малов, 2006, *16–17*]. Это поражение предопределило победу в осажденном Смоленске фракции, выступавшей за капитуляцию города русскому царю Алексею Михайловичу при условии сохранения за смолянами всех прав и привилегий.

Интересно, что за сдачу города русским войскам выступала практически вся верхушка Смоленска: городской судья Альбрехт Галимонт, королевский секретарь Ян Краменецкий, будовничий Якоба Ульнер и даже князь Юрий Друцкий-Соколинский, сын смоленского воеводы, успешно оборонявшего город во время Смоленской войны 1632–1634 годов. После капитуляции города все вышеназванные деятели перешли на русскую службу [Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией, 1942, *233*]. За ними последовала и большая часть шляхты. Те же, кто отказался приносить присягу русскому царю, были отпущены вместе с Обуховичем в Литву [Смоленская шляхта, 2006, *22–34*]. Некоторые исследователи пишут, что якобы шляхта выступала за сдачу города, а горожане были готовы бороться до конца [Чаевски, 2021, *26–39*]. Но это мнение подтверждается лишь некоторыми косвенными свидетельствами (опасениями Алексея Михайловича в лояльности смоленских мещан во второй половине войны), поэтому мы считаем его недостаточно аргументированным.

Алексей Михайлович действительно сохранил за смоленскими жителями привилегированное положение. В первые дни после возвращения города он занимался подтверждением шляхетских маетностей на землю [Мальцев, 1974, *139–141*]. Одновременно русский царь даровал Смоленску Жалованную грамоту, закреплявшую за горожанами все их права и привилегии. Изменения коснулись лишь части экономических прав (например, запрет держать

корчмы) и свободы вероисповедания. Этот документ правители России неоднократно подтверждали в дальнейшем [Федоров, 2006b, *22–34*].

В целом положение смолян после 1654 года изменилось не сильно, а в ряде случаев даже улучшилось. Во-первых, бывшие владения католической церкви и польско-литовского короля в Смоленском воеводстве были конфискованы и перераспределены. Кроме того, лишились своих земель и шляхтичи, не перешедшие на русскую службу. Соответственно, те из шляхты, кто вовремя присягнул русскому царю, получили возможность увеличить свои наделы за счет пожалований. Во-вторых, был положен конец систематической дискриминации православных в регионе. Отныне исповедовавшие греческую веру могли занимать любые городские должности. Смоленск легко перешел под русскую власть.

Однако со стороны жителей Смоленщины имели место и проявления нелояльности. Самым серьезным из них было движение шишей. В сущности, оно представляло собой антикрепостническое крестьянское движение, направленное против землевладельцев, причем как русских, так и польско-литовских [Мальцев, 1974, *210–212*]. Необходимо отметить, что одной из причин восстания было поведение русских ратных людей в военное время. Они нередко занимались грабежами и угоном крестьян в полон. Подобные события имели место и на территории Смоленской земли. Русская власть запрещала подобные акции, но они все равно периодически происходили. Особенное раздражение у смоленских крестьян вызывал угон их родственников в другие русские города с целью продажи или в дворянские поместья. На это указывал и Януш Радзивилл при переговорах с посольством Лихарева [Заборовский, 1994, *26*]. Пострадавшие обращались за помощью к царю, и нередко похищенных родственников удавалось вернуть. Однако многие предпочитали действовать на опережение и создавали вооруженные отряды с целью противостоять налетчикам или отбить угнанных односельчан. Подобные явления наблюдались среди крестьян и в Восточной Беларуси. Некоторую роль в развитии этого движения сыграли запорожские казаки под предводительством Золотаренко (бегство в казаки в период войны было настолько популярно, что Алексею Михайловичу пришлось выпускать специальные указы, воспрещавшие смоленским жителям уходить в казаки [Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете, 1898, *14–15*]). В советский период это движение считали проявлением классового антагонизма угнетаемых крестьян и угнетающих их феодалов. Нам, однако, оно кажется типичным для Средневековья и Раннего Нового времени крестьянским мятежом. Подобные выступления сопровождали многие достаточно длительные конфликты в Европе и были связаны со значительным ухудшением жизни «третьего сословия», несшего большую часть повинностей, а значит, наиболее затрагиваемого тяготами войны (голодом, налоговым гнетом). Особенно крупные выступления имели место в период главного европейского конфликта XVII века – Тридцатилетней войны

1618–1648 годов. В этом отношении движение шишей было абсолютно нормальным явлением эпохи. Крестьянские восстания на Западной Смоленщине и в Восточной Беларуси длились весь период войны. Причем в 1658 году они достигли такого размаха, что на их подавление пришлось посылать войска. Интересно, что расправиться с бунтующими указом царя Алексея Михайловича был отправлен полк смоленской шляхты под предводительством князя Г.А. Козловского [РГАДА, Разряд XXVII, д. 87, *1–6*]. Это стало первым поручением смолянам-шляхтичам после их перехода на русскую службу.

Стоит сказать, что среди восставших встречались и отряды совершенно иного образца: снабженные литаврами, знаменами, нередко под предводительством шляхты [Мальцев, 1974, *213*]. В данном случае, по всей видимости, мы имеем дело с партизанскими отрядами, созданными шляхтой с целью навредить снабжению русской армии и сделать невозможным управление присоединенными территориями. Но часто эти отряды нападали на другие деревни, порождая ненависть у обитателей русско-белорусского приграничья. Основываясь на данном факте, стоит признать, что какая-то часть жителей Смоленской земли была настроена пропольски. Скорее всего, это было население приграничных с Беларусью областей, но никакой конкретной информацией об их этническом составе или вероисповедании мы не владеем.

В то же время не подлежит сомнению, что жители Смоленска и прилегающей к городу местности не участвовали в бунтах. Наоборот, в период войны они часто жаловались смоленским воеводам на разбой со стороны «литовских людей», засевших на главных дорогах.

Можно подытожить, что внутри восстания шишей выделяются две очень разные по характеру силы. Первая состояла из обыкновенных бунтующих крестьян, которые воевали против всех землевладельцев, независимо от того, относились ли последние к «своим» или «чужим». А вот вторая напоминала партизанские формирования. У таких отрядов была атрибутика, полковые инструменты и, что самое важное, конкретные цели, такие как нарушение цепочек снабжения царского войска, уничтожение аванпостов. Для этого они были готовы жечь и грабить другие деревни, лишая тем самым русских провианта и фуража.

Подводя промежуточные итоги, стоит сказать следующее. Социально-политические противоречия и угнетение по религиозному признаку православных в Речи Посполитой привели к значительному росту прорусских настроений среди смолян и их нежеланию обороняться от войск Алексея Михайловича. Сразу после возвращения Смоленска в состав Российского государства его жители легко восприняли новую власть и проявили к ней высокую лояльность. В значительной мере это положительное отношение смолян стало результатом политики русского царя, мудро решившего подтвердить большинство их прав и привилегий. Причем привилегии сохранило не только благородное шляхетское сословие, но и мещане Смоленска.

В итоге положение, в том числе материальное, жителей города после их перехода в российское подданство мало изменилось.

Лояльность смолян после затягивания военных действий (1655–1667). Смоляне легко восприняли переход под российскую власть, но это было в начале войны, когда войска Алексея Михайловича победоносно шествовали по Украине, Литве, Польше. Что же произошло, когда война приняла затяжной характер, а фортуна изменила русской армии?

В период Русско-польской войны 1654–1667 годов Смоленск стал главной оперативной базой русских войск в ВКЛ и Украине [Акты Московского государства, 1890, *74, 113*]. Через него в литовские (Быхов, Витебск, Вильно) и украинские (Киев, Переславль) города шли хлеб, порох, посылалось подкрепление. Город стал узловым в системе снабжения русских гарнизонов в Восточной Беларуси, Литве, Украине. Эти обстоятельства привели к росту социальной напряженности на Смоленщине. Во-первых, потому что многочисленные русские отряды, проходившие через Смоленск, отчасти снабжались местными жителями. Во-вторых, из-за роли Смоленска как центра снабжения дороги вокруг него становятся мишенью для атак литовцев. Наиболее красноречиво о положении Смоленска и его жителей в этот период говорят отписки смоленских воевод. Особого внимания заслуживают послания князя Б.А. Репнина.

Сначала Репнин отчитывается о создании в Смоленске житного двора, на котором ему надлежало хранить хлеб до его рассылки в другие города [Акты Московского государства, 1890, *53, 67*]. Гораздо интереснее указание, полученное вскоре воеводой. В нем говорится «о пожаловании Смоленской шляхты и казаков за раны деньгами и соболями» [Акты Московского государства, 1890, *15*]. Пожаловать шляхтичей должны были за их участие в походе И.И. Лобанова-Ростовского в Восточную Речь Посполитую в 1658–1659 годах, в ходе которого они «на боях и приступах и в посылках ранены». Из данного факта следует, что смоленская шляхта спустя всего четыре года после перехода на царскую службу уже пользовалась достаточным доверием Алексея Михайловича, чтобы воевать против бывших соотечественников. Причем на этой службе она показывала себя с наилучшей стороны.

Благодаря усердной и верной службе смоленская шляхта пользовалась немалым доверием со стороны русского правительства. Но доверие это имело пределы: за шляхтой внимательно следили. В отписке Репнина от июня 1660 года сообщается о «затейных речах смоленской шляхты и скрывании ими вестей» [Акты Московского государства, 1890, *96*]. Воевода писал, что в Смоленск стекаются жители (преимущественно шляхтичи) из покоренных Россией городов. Эти пришельцы «ходят ко многой смоленской шляхте и к мещанам, по дворам и в деревни к ним ездят, и с ними говорят многие лишние затейные слова, и от тех затейных слов в смоленской шляхте и мещанах многих сумнение». Значит, хотя смоленская шляхта и мещане

были лояльны к России, в их среде к середине войны поселилось возмущение, раздуваемое приезжими из Литвы. Репнин опасался этих «брожений», в немалой степени потому, что под воздействием встреч с выходцами из ВКЛ смоляне перестали сообщать ему новости из ВКЛ.

Сама смоленская шляхта, однако, напряжения между собой и воеводой не ощущала. Наоборот, в это самое время она била челом Алексею Михайловичу о награде за верную службу. В 1660 году ротмистр полка смоленской шляхты просил «о пожаловании его с товарищами за их службы и раденье» [Акты Московского государства, 1890, *441*]. В этой челобитной ротмистр писал, что в составе войск Лобанова-Ростовского смоленское шляхетство ходило походом под Быхов и «город Быхов очистили, польских и литовских людей побили». Вклад смолян в штурм города был оценен по достоинству: на челобитной есть пометка Алексея Михайловича, приказывающая наградить ротмистра с товарищами деньгами и золотом.

Из этого эпизода очевидно одно необычное обстоятельство политической жизни Смоленска в 1654–1667 годах. Смоленская шляхта, несмотря на свою культурную инаковость и обособленность, легко инкорпорировалась в российскую военную систему и верно служила царю. Сам Алексей Михайлович также доверял смоленскому шляхетству и всячески старался его поддерживать. А вот отношения с крестьянами и мещанами складывались не так хорошо. В первую очередь это было связано с финансовым кризисом, разразившимся в России.

В годы Русско-польской войны в Смоленске был расквартирован внушительный гарнизон. С затягиванием военных действий немалая его часть отправилась на войну, а на территории Смоленщины остались примерно две тысячи солдат: 654 стрельца и 1452 солдата из полков «нового строя». Большинство из них находилось в различных «посылках». Разумеется, снабжение этих войск ложилось на местных крестьян, которые отнюдь не горели желанием делиться с армией провиантом и фуражом. Дело доходило до отказа предоставить русским ратным людям припасы, а когда те небольшими отрядами приходили с целью «реквизировать» необходимое, крестьяне их убивали. Это хорошо видно из грамоты 1661 года «о взимании кормов в полки кн. Долгорукова с дворцовых волостей и о сыске про убийство крестьянами детей боярских…» [Акты Московского государства, 1890, *335*]. На территории Смоленщины не прекращались крестьянские бунты. Карательные операции 1658–1659 годов не смогли с ними покончить. Но важно, что на территории Смоленского воеводства восстание было не столь масштабным, как в сопредельной Беларуси. В 1661 году князь Хованский из Опочки докладывал «о повсеместном бунтовании полоцких и себежских мужиков» [Акты Московского государства, 1890, *383–384*]. На территории Смоленщины крестьянские выступления таких масштабов не достигли.

Усугубила положение денежная реформа Алексея Михайловича. В годы Тринадцатилетней войны в России были введены медные деньги как эквивалент серебряной монеты. В реальности стоила медь гораздо дешевле серебра. Проблема была в том, что жалованье солдатам часто выплачивали именно медной монетой. Торговцы и ремесленники нередко отказывались продавать товары за медь, что приводило к конфликтам между армией и населением. Например, в 1661 году появилась челобитная стрельцов города Белой, в которой они обвиняли торговых людей «в непродаже ими хлеба и харчей на медные деньги» [Акты Московского государства, 1890, *349–350*]. Реформа сильно ударила по всем слоям жителей России, но тяжелее всего было положение крестьянства, которое и так изнывало под выросшим налоговым гнетом. Именно по этой причине крестьяне отказывались не просто делиться припасами, но даже продавать их русской армии.

Важно отметить, что некоторые историки говорят о связи медноденежной реформы с украинским вопросом, этим же объясняя и отмену впоследствии медных денег. Так, И.Г. Спасский предполагал, что посредством введения новой валюты русское правительство желало вывести из употребления ходившие в Украине польские деньги. Однако провал данного мероприятия вкупе с остальными факторами привел к сворачиванию реформы [Спасский, 1960, *103–156*]. Примечательно, что в момент излишнего увеличения медноденежной массы ценность монет определялась степенью лояльности власти и веры в царя. На «внутренних» русских землях медные деньги достаточно легко входили в оборот среди населения, а вот на украинско-белорусских встречали сопротивление [Расков, 2008, *69–79*]. С этого ракурса жалобы стрельцов Белой приобретают новую смысловую окраску: для жителей бывшего Смоленского воеводства российские власти и сам царь не обладали должным авторитетом, доверие к ним было недостаточным.

Опасения по поводу лояльности смолян мучили русское правительство практически до самого конца войны. С чем же был связан рост беспокойства смоленских воевод и царя Алексея Михайловича? Ведь в 1654 году никаких сомнений в смолянах не испытывали. Ответ кроется в ситуации на фронтах Тринадцатилетней войны. В первые годы русская армия победоносно шествовала по всей Украине, Беларуси, Литве и даже Польше. Однако военные действия затянулись, в войну вступили Швеция, Трансильвания и Крымское ханство. Это создало напряжение в отношениях между жителями занятых территорий и русскими властями. В 1660 году ситуация ухудшается. Русские войска потерпели несколько тяжелых поражений. А в ряде городов, контролируемых русской армией, вспыхивают мятежи. В 1661 году жители Могилева, некогда добровольно капитулировавшие перед Алексеем Михайловичем [Абцедарский, 1963, *299–342*], перебили русский гарнизон и вернулись в польское подданство. А ведь они несколько лет

бок о бок с русскими ратными людьми отбивали польско-литовские приступы [Абцедарский, 1963, *330–333, 359*]. Одновременно польский король Ян Казимир объявил о большом походе с целью вернуть утраченные земли [Акты Московского государства, 1890, *546*]. Положение становится критическим: возникает угроза потери всех завоеванных территорий.

На ранних этапах войны Алексей Михайлович часто шел навстречу жителям покоренных земель, потому что вынашивал план избраться на польский престол и получить в свои руки все ВКЛ или даже Речь Посполитую целиком [Флоря, 2010, *125, 136*]. Для этого ему нужна была поддержка населения. Но военные неудачи вынудили русского царя сменить подход.

Алексей Михайлович поручает заняться проверкой и обеспечением лояльности жителей занятых территорий. В рамках этих мероприятий в Смоленске воевода Федор Куракин проводит разбор мещан. Надежных, «лутчих» людей оставили в городе, остальных выселили в слободы за Днепр [Шпиленко, 2020, *956*]. Чуть позже был произведен повторный разбор семей, выселенных из города. Части из них разрешили вернуться в свои дома. В Смоленске осталось около двух сотен горожан с семьями. Важно заметить, что выселенным в посад мещанам оставили оружие, чтобы они могли защититься от возможных атак литовских людей.

Московский поход Яна Казимира 1663–1664 годов полностью провалился. После неудачной осады Глухова польско-литовские войска были разбиты русской армией. На этом контрнаступление Речи Посполитой захлебнулось и прекратилось. Угроза смещения линии фронта на Смоленщину была успешно преодолена.

На радостях Алексей Михайлович послал в Смоленск «похвальное слово к смоленской шляхте и мещанам, высланным и не высланным из города» [Шпиленко, 2020, *966–967*]. Царь благодарил смоленскую шляхту за верную службу, в качестве награды обещая не отсылать их от Смоленска. Одновременно он предостерегал шляхтичей от измены со стороны челяди, якобы имевшей «в литовских городех и в полках… многие свойственные люди…». Русский царь предлагал оставить в своих домах лишь самых надежных слуг, а остальных – «убавить». Этот эпизод в очередной раз показывает разницу в отношении русского правительства к благородным и неблагородным жителям Смоленска. Стоит сказать, что к мещанам царь в «похвальном письме…» также обратился. Причем его слова были адресованы как «лутчим людям», оставленным в городе, так и выселенным за ненадежность в Заднепровский посад. Алексей Михайлович сообщал, что, хотя ему докладывали о «неверной службе» смоленских мещан, он не верит этим слухам. Далее русский царь объяснял, что выселение из города – сугубо временная мера, «покаместа воинское время минетца» [Шпиленко, 2020, *968*]. По окончании военных действий все смоляне смогут вернуться в свои дома, а пока царь дарует им право жить в любых русских городах.

Подводя промежуточный итог, можно сказать следующее. Затягивание Русско-польской войны и повышение сопутствующих ей тягот отрицательно сказались на лояльности смоленских жителей. Среди горожан крепло недовольство. Информация об этом недовольстве вызывала опасения у смоленских воевод. А после серии поражений русской армии в 1660–1661 годах такое положение дел привело к пересмотру первоначальной политики и мероприятиям по прекращению идеологических брожений. В частности, были произведены «разборы» мещан, в ходе которых надежных смолян оставили в городе, а остальных выселили за Днепр. После этого опасность восстания в городе была успешно преодолена. Нужно отметить, что мера носила временный характер. По окончании войны выселенным смолянам разрешали вернуться в город.

Общая характеристика отношений между смолянами и русским правительством в период Тринадцатилетней войны. Итак, отношение смолян к возвращению города в состав Российского государства на протяжении Русско-польской войны менялось. Во многом это было связано с затягиванием военных действий и ухудшением положения в регионе из-за тягот военного времени.

На первом этапе, в 1654–1655 годах, подавляющее большинство жителей Смоленска, несомненно, желало перехода под русскую власть. Об этом красноречивее всего говорит их добровольная капитуляция в условиях, когда продолжать оборону еще можно было, пускай и с большими потерями.

Для второго этапа, 1655–1659 годов, характерно некоторое охлаждение смолян. Большинство из них по-прежнему поддерживали русское правительство, но на периферии смоленской земли дело обстояло иначе. Жители приграничных областей участвовали в движении шишей, отказывались снабжать царскую армию провиантом и фуражом и истребляли отряды, отправленные за «реквизициями». Однако в этом нет ничего удивительного. Крестьяне традиционно негативно воспринимали любое увеличение налогов и сборов. Тем более что периодически русские войска сами провоцировали жителей на мятежи, занимаясь грабежами и угоном в полон. В последнем также нет ничего исключительного. Для военных профессионалов любой конфликт означал прежде всего возможность обогатиться за счет военной добычи. Запреты Алексея Михайловича на обирание местных жителей периодически нарушались. А приводило это все к разочарованию в новой власти.

На третьем этапе, в 1660–1667 годах, напряженность в отношениях между царской властью и смолянами достигла предела. В среде горожан и шляхты Смоленска стали зреть специфические настроения, подогреваемые выходцами из ВКЛ. Они перестали сотрудничать с воеводами, например делиться новостями. На фоне военных неудач русской армии это привело к значительному изменению политики Алексея Михайловича, в частности были проведены мероприятия по выселению неблагонадежных жителей за

периметр городских стен. Основной задачей было недопущение восстания в городе. По окончании военных действий выселенные смогли вернуться в свои дома, и отношения между жителями и властями снова наладились.

Стоит сказать пару слов об общем подходе Алексея Михайловича при осуществлении политики в отношении смолян. Русский царь был настроен к жителям Смоленска благожелательно. Сохранение привилегий, а затем их подтверждение говорят именно об этом. Другим проявлением благожелательного подхода было выселение жителей всего лишь за пределы городских стен, а не в другие регионы. Кроме того, царь сразу попытался подсластить пилюлю, даровав смолянам право селиться в других русских городах. На основании вышеизложенных фактов очевидно, что Алексея Михайловича заботило отношение жителей Смоленщины и он старался идти им навстречу, где только было возможно. Однако, разумеется, у этой благожелательности были довольно ясно очерченные пределы. Алексей Михайлович опирался прежде всего на местное дворянство – смоленскую шляхту. Именно на союз с ней он и делал ставку.

ЛИТЕРАТУРА

Абецедарский Л.С. Русско-белорусские связи: сборник документов (1570–1667 гг.). Минск: Высшая школа, 1963. 542 с.

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 4. СПб., 1842. 604 с.

Акты Московского государства. В 3 т. Т. 3. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1890. 802 с.

Бобятынский К. Причины капитуляции Смоленска в 1654 году. Общественное мнение Речи Посполитой и взгляд историка // Родина. 2013. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20933434 (дата обращения: 12.04.1023).

Богословский М.М. Смоленское шляхетство в XVIII веке // Журнал министерства народного просвещения. 1899. URL: https://archive.org/details/xviii00libg_080/page/n13/mode/2up (дата обращения: 12.04.2023).

Бугославский Г. О Борисоглебской церкви г. Смоленска // Смоленская старина. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1909. № 1. С. 177–194.

Грачев В. Записка, почему владеют смоленские купцы и мещане землями в уезде и крестьянами // Смоленская старина. Смоленск: Тип. П.А. Силина, 1911. № 2. С. 153–157.

Заборовский Л.В. Некоторые проблемы внутренней и международной жизни Речи Посполитой 50-х годов XVII в. в источниках того времени // STUDIA POLONICA. К 60-летию Виктора Александровича Хорева. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1992. С. 21–29.

Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). М.: Наука, 1994. 189 с.

Заборовский Л.В. Католики, православные, униаты: проблемы религии в русско-польско-украинских отношениях конца 40-х – 80-х гг. XVII в. Документы. Исследования. Ч. 1: Источники времени гетманства Б.М. Хмельницкого. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 374 с.

Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. М.: Наука, 1981. 180 с.

Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М.: Цейхгауз, 2006. 48 с.

Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М.: Изд-во Московского университета, 1974. 255 с.

Расков Д.Е. Денежная реформа Алексея Михайловича и проблема доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2008. № 3. С. 69–79.

РГАДА. Разряд XXVII. Д. 87.

Смоленская шляхта. Т. II: Списки шляхты, хранящиеся в Российском Государственном архиве древних актов. (Историческая библиотека Б.Г. Федорова, Кн. 9). М.: Русское экономическое общество, 2006. 368 с.

Смоленская шляхта. Т. I. М.: Русское экономическое общество, 2006. 496 с.

Спасский И.Г. Денежное хозяйство русского государства в середине XVII в. и реформы 1654–1663 гг. // Археологический ежегодник. 1959. М., 1960. С. 103–156.

Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.). М.: Индрик, 2010. 656 с.

Чаевски Е. Королевский город Смоленск 1611–1654 // Польский штрих в смоленской картине: сборник статей. Смоленск: Маджента, 2021. С. 26–39.

Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1898 г. Кн. 3. М.: Университетская типография, 1898. 692 с.

Шпиленко Д.П. Материалы к родословию смоленского дворянства. Вып. 4: Акты, относящиеся к городу Смоленску. М.: Старая Басманная, 2020. 1128 с.

M.A. Golaev
PhD Graduate Student, Assistant Lecturer,
Chair of Universal History and International Relations,
Smolensk State University
Smolensk, Russia

The Relation of the Smolensk Citizens to the Returning of the City into the Russian State during the Russian-Polish War

This research is dedicated to reaction of different categories of Smolensk citizens to the returning of the city into the Russian state during the Russian-polish war of 1654–1667 and to the characteristics of the Russian policy related to Smolensk residents and its transformation in this period of time.

The author analyses changes in relation of Smolensk citizens to the Russian power during the war, especially pays attention to their reasons. For this the Russian-polish war was divided into three period of time. We are analyzing the situation of Smolensk inhabitants and their reaction to the going events. We examine the relation between Russian troops and territory residents in every case. Also we research the general approach of Alexey Mihailovich to the Smolensk incorporation into Russia. We touch the loyalty problem of the loyalty of the population to the monarch in the early Modern time.

We make a conclusion that a new Russian approach was used in relation to Smolensk and its inhabitants for the first time. It was aimed at an alliance with territory elites while fully preserving their positions in region.

Keywords: *gentry; the Polish-Lithuanian Commonwealth; the Russian-polish war; loyalty.*

REFERENCES

Abetsedarskiy L.S. Russian-Belarusian connections. Collection of documents (1570–1667) [Russko-belorusskie sviazi. Sbornik dokumentov (1570–1667 gg.)]. Minsk: Higher School, 1963. 542 p. (in Russian).

Historical acts collected and published by the Archeographic Commission. vol. 4. [Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye arkheograficheskoj komissiei. t.4] Saint Petersburg, 1842, 604 p. (in Russian).

Acts of the Moscow State. In 3 t. t. 3. [Akty Moskovskogo gosudarstva. V 3 t. T. 3.]. Saint Petersburg: Type. Imperial Academy of Sciences, 1890, 802 p. (in Russian).

Bobiatynskiy K. The reasons for the surrender of Smolensk in 1654. Public opinion of the Polish–Lithuanian Commonwealth and the view of a historian [Prichiny kapitulyatsii Smolenska v 1654 godu. Obshhestvennoe mnenie Rechi Pospolitoj i vzglyad istorika]. *Motherland*, 2013. Available at: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20933434 (accessed on April 12, 2023) (in Russian).

Bogoslovskiy M. M. Smolensk gentry in the XVIII century [Smolenskoe shlyaxetstvo v XVIII veke]. *Journal of the Ministry of Public Education, 1899.* Available: https://archive.org/details/xviii00libg_080/page/n13/mode/2up (accessed on April12, 2023) (in Russian).

Bugoslavskiy G. About the Borisoglebsky Church of Smolensk [O Borisoglebskoi tserkvi g. Smolenska]. *Smolenskaia starina.* Smolensk, Type. P.A. Silina, 1909. No 1, pp. 177−194 (in Russian).

Grachev V. A note on why Smolensk merchants and burghers own lands in the county and peasants [Zapiska, pochemu vladeiut smolenskie kuptsi i meshchane zemliami v uezde i krestianami]. *Smolenskaya starina*, Smolensk, Type, P.A. Silina, 1911. No 2, pp. 153−157 (in Russian).

Zaborovsky L. In Some problems of the internal and external life of the Polish-Lithuanian Commonwealth of the 50s of the XVII century. In the sources of that time [Nekotorye problemy vnutrennei i mezhdunarodnoi zhizni Rechi Pospolitoi 50-h godov XVII v. v istochnikah togo vremeni]. *STUDIA POLONICA. To the 60th anniversary of Viktor Aleksandrovich Khorev.* Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkanistics of the Russian Academy of Sciences, 1992. pp. 21−29 (in Russian).

Zaborovskiy L.V. The Grand Duchy of Lithuania and Russia during the Polish Flood (1655–1656) [Velikoe kniazhestvo Litovskoe i Rossiia vo vremya pol`skogo Potopa (1655–1656 gg.)]. Moscow: Nauka, 1999, 189 p. (in Russian).

Zaborovskiy L.V. Catholics, Orthodox, Uniates: Problems of religion in Russian-Polish-Ukrainian relations of the late 40s–80s of the XVII century. Documents. Researches. Part 1: Sources of the Hetmanate of B. M. Khmelnitskiy [Katoliki, pravoslavnye, uniaty: problemy religii v russko-pol`sko-ukrainskikh otnoshcheniiakh kontsa 40-h – 80-h gg. XVII v. Dokumenty. Issledovaniia. Chast` 1: Istochniki vremeni getmanstva B.M. Khmel`nitzkogo]. Moscow: Monuments of historical thought, 1998, 374 p. (in Russian).

Zaborovskiy L. V. Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth and Sweden in the middle of the XVII century [Rossiya, Rech` Pospolitaia i Shvetsiia v seredine XVII v]. Moscow: Nauka, 1981. 180 p. (in Russian)

Malov A.V. The Russian-Polish war of 1654–1667 [Russko-pol`skaia voina 1654–1667 gg.] Moscow: Tseykhauz, 2006. 48 p. (in Russian).

Maltsev A.N. Russia and Belarus in the middle of the XVII century [Rossiia i Belorussiia v seredine XVII veka]. Moscow: Moscow University Press, 1974, 255 p. (in Russian).

Raskov D.E. Aleksey Mikhailovich's monetary reform and the problem of trust [Denezhnaya reforma Alekseia Mikhailovicha i problema doveriia]. *Bulletin of St. Petersburg University. Economy*, 2008. No 3. pp. 69−79 (in Russian).

RGADA, Category XXVII, 87, l. 1-6 [RGADA, Razriad XXVII, d. 87, ll. 1-6] (in Russian).

Smolensk Gentry, Volume II. Lists of gentry kept in the Russian State Archive of Ancient Acts. (Historical Library of B. G. Fedorov, Book [Smolenskaya shliakhta, Tom II. Spiskishliakhty, khraniashchiesia v Rossiiskom Gosudarstvennom arkhive drevnikh aktov. (Istoricheskaia biblioteka B. G. Fedorova, Kn. 9)]. Moscow: Russian Economic Society, 2006. 368 p. (in Russian).

Smolensk Gentry. Vol. I [Smolenskaia shliakhta. T. I]. Moscow: Russian Economic Society, 2006. 496 p. (in Russian).

Spasskiy I.G. The monetary economy of the Russian state in the middle of the XVII century and the reforms of 1654–1663 [Deneznoe khoziaistvo russkogo gosudarstva v seredine XVII v. i reformy 1654–1663 gg.]. *Archaeological Yearbook for 1959*, Moscow. 1960, p. 103−156 (in Russian).

Florya B.N. The Russian state and its Western neighbors (1665–1661) [Russkoe gosudarstvo i ego zapadnye sosedi (1665–1661 gg.]. Moscow: Indrik, 2010, 656 p. (in Russian)

Chaevski E. The Royal City of Smolensk 1611–1654 [Korolevskii gorod Smolensk 1611–1654]. *Polish stroke in the Smolensk painting. Collection of articles.* Smolensk: Magenta, 2021. pp. 26−39 (in Russian).

Readings in the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University in 1898. Book 3 [Chteniia v Obshchestve istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete 1898 g. Kn. 3]. Moscow: University Printing House, 1898. 692 p. (in Russian).

Shpilenko D.P. Materials for the genealogy of the Smolensk nobility. Volume 4. Acts relating to the city of Smolensk [Materialy k rodosloviiu smolenskogo dvorianstva. Vypusk 4. Akty, otnoiashchiesia k gorodu Smolensku]. Moscow: Staraya Basmannaya, 2020. 1128 p. (in Russian).

М.А. Филимонова

Курский государственный университет
Курск, Россия

УДК 94(47).066

DOI 10.35785/2072-9464-2024-68-4-240-253

ДВОРЦОВЫЙ ПЕРЕВОРОТ 1762 ГОДА В РОССИИ В ОТРАЖЕНИИ АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЫ

Ключевые слова: *история прессы в США; эпоха дворцовых переворотов в России; Петр III; Екатерина II; Иоанн Антонович; восприятие России на Западе.*

Целью статьи является анализ представлений о России, в частности о царствовании Петра III и о приходе к власти Екатерины II, которые отражались в американской прессе 1760-х годов. Анализ газетного дискурса позволяет сделать выводы о том, какой информацией о России располагала читающая публика в североамериканских колониях Великобритании, как на восприятие этой информации влияла международная обстановка в конце Семилетней войны, как возникали искажения восприятия и фейковые сообщения.

Проведенное исследование опирается на имагологические методы и подходы. Источниковую базу составили периодические издания, прежде всего выходившие в 1760-х годах в Пенсильвании и Мэриленде, а также в Южной Каролине и Массачусетсе, поскольку именно эти газеты уделяли достаточное внимание русской тематике и располагали необходимой информацией. Также привлечены российские источники, включая законодательство Петра III и мемуаристику.

Полученные выводы: 1) хотя североамериканские колонии не имели прямых контактов с Россией, русская тема была актуальна для американцев

в глобальном контексте Семилетней войны; 2) дворцовый переворот 1762 года получил новостное покрытие в Америке; 3) тем не менее поступавшая информация могла быть недостаточной и/или противоречивой; 4) в этих условиях недостающая информация достраивалась на основе фольклорных мотивов или существовавших в культуре XVIII века стереотипов.

Материалы и выводы статьи могут быть использованы при подготовке обобщающих исследований по истории взаимовосприятия России и США.

В октябре 1762 года автор статьи в «Pennsylvania Gazette» рассуждал: «Нет ни одной страны, где было бы столько революций, сколько за последние пятьдесят лет произошло в России. И что удивительно, все они или большая их часть произошли без кровопролития» [The Pennsylvania Gazette, Oct. 7, 1762]. «Maryland Gazette» помещала у себя следующие рассуждения: по подсчетам Исаака Ньютона, английские короли правят в среднем по двадцать лет. Если подсчитать среднюю продолжительность царствования в России после Петра I, то она составит около шести лет. «Сравнительная краткость царствований в России – ясное указание на то, что ее правление еще не установлено должным образом» [The Maryland Gazette, Nov. 18, 1762], – приходила к выводу американская газета.

События 1762 года, бывшие частью бурной эпохи дворцовых переворотов, вызвали к себе пристальный интерес как в Великобритании, так и в ее североамериканских колониях. Американские газеты подробно освещали смерть императрицы Елизаветы Петровны, краткое царствование Петра III и его свержение. Происходящее в Санкт-Петербурге было для них важно прежде всего в связи с потенциальными изменениями во внешней политике России. Между Россией и Великобританией не велось боевых действий, зато российские войска находились на территории Пруссии, бывшей с Великобританией в союзе.

Если новости с полей сражений приходили в Америку главным образом через Берлин, Кельн или другие германские города и отражали прусскую точку зрения, то информация о правлении Петра III и о дворцовом перевороте шла из Петербурга (видимо, через Лондон). Между событием в России и новостной публикацией в американских газетах существовал большой временной лаг, составлявший четыре-пять месяцев. Впрочем, читатели XVIII века привыкли к медленным сообщениям. При передаче и интерпретации поступающих новостей актуализировались культурные стереотипы, свойственные американскому обществу середины XVIII века, в том числе особенности восприятия России, что делает изучение данной темы важным для современного российского исследователя.

Ни в американской, ни в отечественной историографии данная тема не затрагивалась. Восприятие России екатерининского периода в американской прессе было отчасти рассмотрено Д. Гриффитсом, но его статья касается другого аспекта – возможного участия русских в Войне за независимость США [Гриффитс, 2013].

Статья основана прежде всего на газетах Пенсильвании и Мэриленда, уделявших особенное внимание русской тематике и при этом относительно хорошо осведомленных. Методологической основой исследования стали имагологические методы и подходы.

Как известно, в последние годы жизни Елизавета Петровна тяжело болела. Великая княгиня Екатерина Алексеевна и английский посол в России Ч. Уильямс уже в 1756 году ожидали ее смерти [Анисимов, 2002, *403–404*]. Соответствующие слухи время от времени возникали в английской и американской печати, в особенности в связи с неожиданным отступлением генерала-фельдмаршала С.Ф. Апраксина после победы при Гросс-Егерсдорфе [Jackson's Oxford Journal, Oct. 8, 1757; The New Hampshire Gazette, Febr. 3, 1758].

В действительности Елизавета Петровна умерла 5 января 1762 года (все даты в статье приводятся по новому стилю). До Америки это известие дошло примерно через четыре месяца [The Maryland Gazette, Apr. 8, 1762].

Переход власти к официальному наследнику престола, ставшему Петром III, был позитивно воспринят в Америке. «Maryland Gazette» сообщала: «Все письма из Петербурга полны похвал новому царю, который, как говорят, подобно новому Титу, не проводит ни одного дня без какого-либо явного знака своей доброты» [The Maryland Gazette, May 27, 1762]. Кроме традиционных для культуры Просвещения римских параллелей, положительный образ Петра III включал отсылку к царствованию Петра Великого. Образ царя-реформатора был воспринят европейскими просветителями через устойчивый образ Законодателя, то есть мудрого правителя, выводящего свой народ от варварства к цивилизации. Евроцентризм реформ Петра I немало способствовал такому восприятию, поскольку и само Просвещение евроцентрично.

Отсылки к Петру Великому содержались и в российской пропаганде. Уже первый законодательный акт Петра III, манифест о его вступлении на престол, провозглашал намерение нового правителя «во всем последовать стопам премудрого государя, деда нашего императора Петра Великого» [Законодательство, 2011, *4*]. Аналогичное уподобление двух императоров-тезок выстраивала «Maryland Gazette»: «Частные письма из Петербурга говорят, что император Петр III, подобно своему прославленному деду, свободно допускает всю русскую знать в свое присутствие» [The Maryland Gazette, May 27, 1762].

Американская печать высоко оценила «Манифест о вольности дворянства», подписанный императором 1 марта 1762 года [Законодательство, 2011, *7–11*]. «Pennsylvania Gazette» считала, что это лишь начало определенной политической линии: «Первый великодушный акт нового царя – объявить в совете, что вся знать, джентри и пр. в России будут отныне пользоваться теми же вольностями и привилегиями, что и у других народов. До сих пор они скорее находились в рабстве» [The Pennsylvania Gazette, May 20, 1762]. Характерно также противопоставление рабства, существовавшего в России, и «вольностей и привилегий» других (подразумевается: западных) народов. Петр III, таким

образом, трактовался как носитель идей вестернизации. В том же русле дискурса «великодушия» Петра III шли сообщения о возвращении политических изгнанников елизаветинского правления, например «почтенного героя, графа Миниха» [The Pennsylvania Gazette, June 17, 1762].

Одновременно американские периодические издания проявляли понятный интерес к внешней политике Петра III. Его общеизвестное преклонение перед Фридрихом II открывало благоприятные перспективы для Пруссии. Соответственно, печать британских колоний благожелательно реагировала на новый внешнеполитический курс России (например: [The Maryland Gazette, May 13, 1762]).

Предполагалось, что разворот в сторону Пруссии будет принят и русской армией, и обществом. «Pennsylvania Gazette» информировала читателей: «Некоторые русские офицеры попросили у царя разрешения служить волонтерами под началом короля Пруссии» [The Pennsylvania Gazette, May 27, 1762]. Это, видимо, соответствовало действительности: Петр III направил часть русской армии в помощь Фридриху II против недавних союзников России – австрийцев [Мыльников, 2002, *184*].

В августе 1762 года в «Maryland Gazette» говорилось о том, что между прусским королем и новым русским царем подписан мир, где Пруссии гарантировались все территории, которыми она владела до войны [The Maryland Gazette, Aug. 12, 1762]. Действительно, по Петербургскому мирному договору, заключенному 5 мая 1762 года, все территории, занятые русской армией, возвращались Фридриху II [Семилетняя война, 1948, *810–814*; Анисимов, 2021, *764–817*].

Так или иначе, все эти дипломатические маневры были аннулированы дворцовым переворотом 9 июля 1762 года. «Maryland Gazette» поместила на своих страницах подробный рассказ об обстоятельствах «экстраординарной революции». По версии американской газеты, Екатерина находилась в Петергофе. 9-го числа она отправилась в город и призвала гвардию поддержать ее. Гвардейцы провозгласили ее императрицей всея Руси, а Петра III – низложенным. Новая государыня отстояла службу в Казанском соборе, после чего «гранды империи» принесли ей клятву верности. В статье было добавлено: «Некоторые фаворитки прежнего императора стали несчастными жертвами [переворота]; но благоразумие не позволяет назвать их имена» [The Maryland Gazette, Oct. 21, 1762].

Ожидалась полная перемена внешней политики. «Maryland Gazette» цитировала манифест Екатерины от 18 июня 1762 года, где о Петре III говорилось: «Слава России, завоеванная многой кровью и поднятая на предельную высоту ее победоносными войсками, была попрана ногами. Мир был заключен с ее величайшим врагом». Вопреки обыкновению, текст был снабжен редакторским комментарием: «Заслуживает внимания то, что предыдущего монарха обвиняют в том, что он заключил мир с *величайшим врагом* России. Кажется,

это обещает новую перемену в политической системе Европы и новые беспокойства» (курсив в оригинале) [The Maryland Gazette, Oct. 14, 1762].

В целом американские издания симпатизировали Петру III. «Pennsylvania Gazette» напоминала о его сложной генеалогии, благодаря которой он мог претендовать одновременно на российский и на шведский престол. Автор статьи сочувствовал низложенному императору: «Передача короны покойному царю кажется еще большим несчастьем оттого, что он мог стать наследником покойного короля Швеции и уже несколько лет спокойно сидел бы на троне того королевства» [The Pennsylvania Gazette, Nov. 04, 1762].

В то же время постфактум газеты начали находить недостатки во внутренней политике Петра III, которых раньше не замечали. Прежде всего, речь шла о его религиозных реформах, неоднозначно воспринятых русскими. Русский просветитель А.Т. Болотов вспоминал, что Петр III хотел удалить из церквей все образа, кроме Христа и Богородицы, а также заставить православных священников брить бороды. Это было воспринято как попытка введения в России «лютеранского закона» [Болотов, 2013, 1, *894*]. Впрочем, современные исследователи считают эти обвинения либо следствием неверного истолкования поступков и намерений Петра III, либо даже откровенной ложью [Елисеева, 2015, *238–239*; Мыльников, 2002, *209–212*; Курукин, 2019, *465*]. Пресса в Америке тоже писала о «лютеранстве» императора: «Согласно последним сведениям из России, погибелью покойного императора стала его религия… То была скала, о которую он разбился» [The Maryland Gazette, Oct. 21, 1762].

В октябре «Maryland Gazette» сообщила, не приводя, впрочем, никаких подробностей: «За новостью о восшествии императрицы Екатерины на российский трон вскоре последовала новость о смерти низложенного императора» [The Maryland Gazette, Oct. 21, 1762]. В ноябре в той же газете был перепечатан манифест Екатерины, в котором смерть Петра III приписывалась «жесточайшей колике» вследствие «геморроидального приступа» [The Maryland Gazette, Nov. 4, 1762].

Такое развитие событий, видимо, никого не удивило, тем более что американцы могли вспомнить хорошо знакомую им параллель из средневековой английской истории. «Maryland Gazette» писала: «Уже говорилось об удивительном сходстве судеб двух несчастных государей: короля Эдуарда II английского, низложенного своей супругой, и российского императора Петра III. К этому можно прибавить, что второй из упомянутых государей умер *от расстройства кишечника*, что делает параллель еще ближе. Это подтверждает истину наблюдения несчастного монарха Карла I, который говаривал: “*От заточения государей до их могил короткое расстояние”*» (курсив в оригинале) [The Maryland Gazette, Oct. 21, 1762].

Несмотря на то что американские газеты располагали довольно подробной информацией о перевороте 1762 года, в том числе исходящей из Петербурга, вокруг события формировалось немалое количество фейков,

которые также попадали в прессу. Ошибки и искажения информации показательны. Они подсвечивают работу культурных архетипов. Часть архетипов проговаривали сами современники. Часть не артикулировалась эксплицитно, однако их влияние может быть постулировано.

Можно выделить несколько основных сюжетов, вокруг которых концентрировались фейковые или искаженные сообщения.

1. *Чудесное спасение Петра III.* В октябре 1762 года «Maryland Gazette» приводила несколько версий судьбы низложенного правителя. Высказывание смещалось в область политического мифа. Часть из них близка к мифам о ложноумершем герое. В таких мифах (например, в современном сюжете об Элвисе Пресли или в более раннем – о мнимой смерти Александра I) нет утопических элементов; миф редуцирован до двух-трех мотивов: смерть героя была мнимой, герой скрыт, его могут встречать уже после его «официальной» смерти (например: [Бараньска, 2012, 2013, *97–113*; Иванов, 2012, *198–201*; Путилин, 2023, *66–71*]). В версии «Maryland Gazette» Петр III был заточен в Петропавловской крепости (St. Peter Castle) / отправлен в отдаленные края своей империи. Там же приводился слух, будто он бежал и присоединился к своей армии в Германии, причем войска поддержали его «с великим усердием и преданностью» [The Maryland Gazette, Oct. 14, 1762].

Общеизвестно, какую важную роль сыграл миф о чудесном спасении Петра III в российской истории [Чистов, 2003, *169–231*]. Однако вариант, распространившийся в англоязычной прессе, отличается. Здесь нет русских фольклорных мотивов узнавания царя по «царским знакам» [Мауль, Лазарева, 2024, *20–28*] и ожидаемого от него «избавления». Приводившийся в «Maryland Gazette» сюжет ближе к Шекспиру. В «Макбете» и «Ричарде III» используется аналогичная сюжетная схема: законный государь пребывает за пределами своей страны, он обретает трон при помощи находящейся за границей армии.

2. *Перспектива нового переворота и свержения Екатерины II.* В отличие от предыдущего сюжета, где степень мифологизации довольно высока, здесь имеет место не мифотворчество, а прогнозирование, но основанное отчасти на иррациональных посылах.

Американская и английская публика в 1762 году практически ничего не знала о Екатерине. К.П. Артеменкова приходит к выводу, что к середине XVIII века в британской прессе сложилась традиция освещения придворной жизни России. В частности, исследовательница выявила в британских газетах за 1741–1761 годы 60 сообщений, посвященных жизни Петра Федоровича и Екатерины Алексеевны [Артеменкова, 2024, *13–15*]. Но это были сообщения протокольного характера.

Американские газеты не могли быть более осведомленными, чем пресса метрополии. Поэтому после переворота «Pennsylvania Gazette» могла привести о новой правительнице лишь самые скудные сведения [The Pennsylvania Gazette, Oct. 28, 1762]. В номере той же газеты от 4 ноября 1762 года

из подобных сведений делался вывод: нужно посмотреть, как сможет царица завоевать симпатии русских и преодолеть их естественное недоверие к себе как к иностранке «без единой капли крови русских царей в жилах». Здесь приводилась аналогия из английской истории: это все равно как если бы народ Англии возмутился тем, как королева Анна Стюарт слушает советы миссис Мэшем и других фавориток, сверг бы ее и возвел на трон принца Георга Датского. «Весьма очевидно, что нынешняя царица не настоящая московитка», – убеждал автор статьи и в доказательство приводил распространенный в то время анекдот о том, что «настоящая московитка» воспринимает побои мужа как доказательство любви [The Pennsylvania Gazette, Nov. 4, 1762][1]. «Maryland Gazette» перепечатывала тот же пассаж, сопроводив его комментарием: «Британские леди куда мудрее и предпочитают, чтобы их ублаготворяли иначе» [The Maryland Gazette, Nov. 18, 1762].

В данном случае, видимо, на прогностику американской прессы повлияла недостаточная осведомленность. Колониальные редакторы не могли знать о том, что было известно более информированным наблюдателям: Екатерина годами выстраивала собственный имидж как истинно русской. Французский писатель К.К. Рюльер, бывший в Петербурге во время переворота 1762 года, писал о ней: «Сия государыня, истребляя все русские обычаи, умела искусно заставить забыть, что она иностранка» [Рюльер, 1989, *277*]. Это резко контрастировало с восприятием Петра III, о котором А.Т. Болотов писал в своих мемуарах: «Всем известно, что был сей государь и хотя и внук Петра Великаго, но не природной россиянин» [Болотов, 2013, 1, *888*].

Американцы, как было сказано выше, об имиджевой политике Екатерины ничего не знали. У них рациональные соображения (Екатерина как этническая немка, чуждая династии Романовых, не удержит власть) смешивались с менее рациональными стереотипами женщины-правительницы. Несмотря на впечатляющий пример Елизаветы Тюдор, общее убеждение сохранялось: женщина не должна править самостоятельно и не сможет управлять эффективно. Не случайно еще в одном сообщении «Maryland Gazette» говорилось, будто императрица стала всего лишь регентшей при своем сыне. Правда, тут же следовала оговорка: «Но аутентичный манифест… об этом вовсе не упоминает» [The Maryland Gazette, Oct. 14, 1762].

3. *Нарушения гендерной роли со стороны Екатерины II.* Обстоятельства переворота 1762 года произвели на современников большое впечатление. Рюльер с удовольствием описывал «военный туалет», бывший на императрице в тот день [Рюльер, 1989, *296*].

Травестизм влек за собой аллюзии на миф об амазонках. Сравнение Екатерины II с амазонкой использовалось тогда в самых разных контекстах, от

[1] Приведенный анекдот можно было найти, например, в романе Ш.Л. Монтескье «Персидские письма», правда, с оговоркой, что он относится к допетровской эпохе [Дидро, Лесаж, Монтескье, 1993, *266–267*].

официозных до комически сниженных[2]. Исследовательница В.В. Проскурина полагает, что маскулинизация образа императрицы вообще была характерна для ранней екатерининской пропаганды. Известна также острота принца де Линя, называвшего ее Екатериной *Великим* [Prince de Ligne, 1914, *53*][3].

В американской прессе маскулинизация образа раскрывалась через то, что в некоторых сообщениях о перевороте императрице приписывалась более агрессивная роль, чем в действительности. Так, в одном из номеров «Maryland Gazette» рассказывалось, будто императрица в мужском наряде поскакала в Ораниенбаум во главе гвардии и лично потребовала от мужа отречения, с чем он принужден был согласиться: «Ну, сир, вы это подпишете? Это ваше отречение в пользу меня и моего сына. Если нет, мы применим к вам иной метод» [The Maryland Gazette, Oct. 14, 1762].

Бытовой аспект травестизма раскрывает история, приведенная «Maryland Gazette» в том же 1762 году: в одном из лондонских пабов работала девушка в мальчишеском платье. Ее пол заподозрили по ее лицу и телосложению. Она объяснила свое переодевание тем, что «мальчишкам легче жить без чужой поддержки, чем девушкам» [The Maryland Gazette, Dec. 2, 1762]. Собственно, травестизм Екатерины II включал сходный смысл: как и скромная лондонская служанка, императрица претендовала на большую степень самостоятельности, нежели предписанная женщинам культурой XVIII века.

Нарушения гендерной роли воспринимались в XVIII веке неоднозначно и скорее негативно. Травестизм в его героическом аспекте можно рассмотреть на примерах Деборы Сэмпсон, «кавалерист-девицы» Войны за независимость США, и подобных ей девушек, сражавшихся переодетыми во французской революционной армии 1790-х годов. В этих случаях героини сталкивались одновременно и с признанием их героизма, и с общественным осуждением. Дебора Сэмпсон была изгнана из своей церковной общины [Филимонова, 2024, *263–264*]. Французские девушки-солдаты навлекали на себя обвинения в том, что «игнорируют законы природы, забывают о своем предназначении – рожать и воспитывать детей» [Вигарелло, 2013, *128*].

Нарушения гендерной роли, допущенные Екатериной, также не могли быть восприняты однозначно позитивно.

4. *Предполагаемый брак Екатерины с Иоанном Антоновичем.* Этот фейк, кажется, был логическим следствием представления о том, что Екатерина в силу своей женской природы и/или в силу своей иноэтничности не сможет удержать власть в одиночку. Иоанн Антонович (в англоязычной прессе его именовали «принцем Иваном» или даже «принцем Джоном») казался очевидной альтернативой. На самом деле британцы еще в 1740-х годах

---

[2] Сравнение Екатерины с амазонкой в имперской пропаганде см.: [Проскурина, 2006, *11–19*], в карикатуре см.: [Успенский, Россомахин, Хрусталев, 2016, *96–111*].

[3] См. также: [Проскурина, 2006, *25–35*]. В карикатуре см.: [Успенский, Россомахин, Хрусталев, 2016, *25–31*].

рассматривали Иоанна Антоновича как одного из главных претендентов на российский престол [Артеменкова, 2024, *18*]. В декабре 1762 года «Pennsylvania Gazette» передавала петербургские слухи, будто гвардия уже жалеет о возведении Екатерины на трон: «Партия, создавшаяся в пользу принца Джона (Prince John), каждый день набирает силу. Императрице уже намекали и даже открыто говорят на улицах, что у нее нет природного права на корону. Стоит предполагать, что царствование этой принцессы не будет долгим» [The Pennsylvania Gazette, Dec. 9, 1762].

В прессе Великобритании нередко печаталась какая-то информация о Брауншвейгском семействе, но при этом публикации либо были нейтральными, либо отражали петербургскую пропаганду, говорившую о хорошем обращении с узниками [Артеменкова, 2023, *43–51*]. О «принце Джоне» ходили слухи, но не было точных сведений. В условиях информационного голода его образ выстраивался в соответствии с фольклорной моделью «заточенного принца»: ему приписывали преимущества хорошего образования вместе с природной одаренностью. Елизавета будто бы сама подбирала ему учителей, которые наставляли его в науках, «подобающих принцу» [The Pennsylvania Gazette, Dec. 23, 1762]. Похожая характеристика содержалась в статье, написанной уже после трагической гибели Иоанна Антоновича: «Он был принцем великой души. Тягости вечного заточения не угасили блеск его ума и те счастливые таланты, которыми так знаменит блистательный Брауншвейгский дом»; «он был более достоин короны, нежели многие из тех, кто ее носит» [The Pennsylvania Gazette, Oct. 25, 1764].

Интерес к судьбе Иоанна Антоновича подогревался родством Брауншвейгского семейства с Фридрихом Великим (Фридриху II он приходился внучатым племянником). Прусский король являлся не только союзником Великобритании в Семилетней войне, но и объектом культа в Америке. Родословная воспринималась как своеобразная гарантия «счастливых талантов» шлиссельбургского узника. В этом аспекте показательна также попытка «Pennsylvania Gazette» связать Иоанна Антоновича с высоко мифологизированной фигурой Петра I. Газета писала о семье Иоанна Антоновича, вся вина которой в том, что они происходят от Петра Великого [The Pennsylvania Gazette, Oct. 25, 1764]. (На самом деле Иоанн Антонович был потомком Ивана Алексеевича, а не Петра.) Впрочем, в другом номере той же газеты приводилась его правильная родословная [The Pennsylvania Gazette, Dec. 6, 1764].

При таких представлениях о «принце Джоне» он мог показаться оптимальным консортом для Екатерины. Пожелания их брака звучали и в самой России, хотя, конечно, носили маргинальный характер [Павленко, 2006, *92*]. В американских же газетах они возникали неоднократно.

В декабре 1762 года «Pennsylvania Gazette» писала, что захват трона Екатериной, которая провозгласила себя императрицей, а не просто воспитательницей (tutress) наследного принца, возмутил ее врагов. Сообщалось, что даже ее друзья сочли это неосторожным; что «с помощью денежных ар-

гументов она заткнула многие рты, но еще больше заговорило». Газета рассказывала, будто министры предлагают Екатерине выйти замуж за Иоанна Антоновича, и подкрепляла это известие тем, что много говорят о ее визите инкогнито к Иоанну, «чтобы посмотреть, придется ли подобный консорт ей по вкусу и способствует ли ее интересам» [The Pennsylvania Gazette, Dec. 23, 1762]. Такой визит действительно имел место, но совсем с иными целями, нежели приписанные Екатерине американской газетой; императрица желала оценить степень опасности претендента на престол [Павленко, 2006, *58–59*]. В финале статьи делался вывод: «Если нынешняя императрица разделит с благородным изгнанником ложе и трон, это будет, без сомнения, один из лучших способов объединить все партии, исцелить все разногласия» [The Pennsylvania Gazette, Dec. 23, 1762].

Здесь сказывался традиционный гендерный стереотип: женщина-правительница не может оставаться без супруга. Одновременно актуализировались сразу два фольклорных мотива: о заточенном принце и об изгнаннике, который обретает трон и женится на принцессе.

Гибели Иоанна Антоновича американские газеты посвятили сочувственные статьи. Статья в «South Carolina Gazette» начиналась словами: «Новая ужасная сцена запятнала анналы России». Далее следовал рассказ о том, как некий Миренхофф (Mierenhoff, то есть В. Мирович) ночью прибыл в крепость Шлиссельбург (Sluttelburg), где по приказу Екатерины был заточен молодой принц Иоанн. Он предъявил подложный приказ, в котором говорилось о намерении императрицы отречься от престола и отдать трон Иоанну, «которого она вынуждена признать законным наследником и государем России». Комендант крепости не поверил приказу и поднял своих людей в ружье. Они «варварски» убили Иоанна в его постели. Далее приводились драматические подробности: «Первый удар пришелся мимо и лишь разбудил несчастного принца. Некоторое время он боролся за жизнь и даже сломал в схватке шпагу коменданта. Но [комендант] позвал на помощь и явился другой кровавый палач, который и завершил ужасное дело. Когда злополучный Иван скончался на руках отвратительных головорезов, комендант открыл ворота крепости, представил взорам Миренхоффа и его отряда мертвое тело, пронзенное в десяти местах, и сказал, насмехаясь: “Вот ваш император. Пусть теперь он вас возглавит. Он точно будет хорошо смотреться на императорском троне”» [The South-Carolina Gazette, Oct. 22, 1764].

«Pennsylvania Gazette» напечатала официальный манифест Екатерины по поводу смерти Иоанна Антоновича. В нем объявлялось, что коронация малолетнего императора была незаконной; что Екатерина хотела облегчить участь узника, «несчастного с младенчества», но нашла его совершенно лишенным разума. О Мировиче сообщалось, что он внук «первого изменника, последовавшего за Мазепой». Замысел Мировича оценивался как «отвратительный и опасный для страны», так что комендант Шлиссельбурга «решился на единственный оставшийся ему шаг, чтобы охранить общественное спокойствие через отнятие жизни несчастного принца» [The Pennsylvania Gazette, Dec. 13,

1764]. Как было принято в американской прессе XVIII века, официальный документ был опубликован без каких-либо комментариев. Но можно предположить, что симпатии американских читателей были не на стороне императрицы. Характерна публикация в «Boston Gazette», преувеличивавшая реакцию российского общества на гибель узника: «Манифест императрицы России, упомянутый в нашем прошлом номере, далеко не удовлетворил щепетильность русских, которые по-разному говорят об убийстве принца Ивана и почти все оплакивают его безвременную смерть» [The Boston Gazette, Jan. 21, 1765].

В целом и краткое правление Петра III, и дворцовый переворот 1762 года были подробно освещены американской прессой. Самые разные факторы способствовали интересу к этим сюжетам в североамериканских колониях Великобритании. Кроме сенсационного характера событий в России, для американцев было важно их влияние на ход Семилетней войны, в которую Америка была вовлечена. В случае Иоанна Антоновича имело значение его родство с Фридрихом Великим.

Тема дворцового переворота могла служить для конструирования превосходства Великобритании над Россией с ее менее стабильной монархией. С другой стороны, для событий 1762 года легко находились английские исторические параллели (Петр III и Екатерина – Эдуард II и Изабелла).

В условиях недостаточной и противоречивой информации происходила активная мифологизация дискурса американской прессы. На трактовку событий влияли фольклорные мотивы и отчасти шекспировские сюжеты.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М.: Молодая гвардия, 2002. 468 с.

Анисимов М.Ю. Российская дипломатия и Семилетняя война. М.: Академический проект, 2021. 887 с.

Артеменкова К.П. Придворная жизнь России в царствование Елизаветы Петровны в отражении британской прессы // Человеческий капитал. 2024. № 4(184). С. 11–21.

Артеменкова К.П. Слухи о Брауншвейгском семействе в британской прессе в 1740–1750-е годы // Клио. 2023. № 10. С. 43–51.

Бараньска А. Федор Кузьмич – сибирская жизнь после смерти императора Александра I. История легенды // Славянский альманах. 2012, 2013. С. 97–113.

Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанныя самим им для своих потомков: в 3 т. М.: Институт русской цивилизации, 2013.

Вигарелло Ж. Искусство привлекательности. История телесной красоты от Ренессанса до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 432 с.

Гриффитс Д. Русские идут, русские идут! А может, и нет… // Гриффитс Д. Екатерина II и ее мир: статьи разных лет. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 504–518.

Дидро Д., Лесаж А.Р., Монтескье Ш.Л. Французский фривольный роман. М.: ИОЛОС, 1993. 624 с.

Елисеева О.И. Петр III. М.: Молодая гвардия, 2015. 379 с.

Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. 336 с.

Иванов Н.Н. Типология фольклорных текстов об императоре Александре I и Наполеоне Бонапарте // Ярославский педагогический вестник. 2012. Вып. 1, № 3. С. 198–201.

Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России (1725–1762 гг.). СПб.: Наука, 2019. 761 с.

Мауль В.Я., Лазарева О.В. «Царские знаки» и мифические путешествия в системе аргументов Пугачева / Петра III // Гуманитарные исследования Центральной России. 2024. № 1(30). С. 20–28.

Мыльников А.С. Петр III. М.: Молодая гвардия, 2002. 511 с.

Павленко Н.И. Екатерина Великая. М.: Молодая гвардия, 2006. 548 с.

Проскурина В. Мифы империи: литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.

Путилин М.С. Сюжет о царе-старце как специфика провинциальной славянской ментальности в период модернизационного перехода // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 83. С. 66–71.

Рюльер К.К. История и анекдоты революции в России 1762 г. // Россия XVIII в. глазами иностранцев / подгот. текста Ю.А. Лимонова. Л.: Лениздат, 1989. С. 261–312.

Семилетняя война: материалы о действиях русской армии и флота в 1756–1762 гг. / под ред. Н.М. Коробкова. М.: Военное изд-во, 1948. 914 с.

Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталев Д.Г. Имперский шаг Екатерины. Россия в английской карикатуре XVIII в. СПб.: Арка, 2016. 288 с.

Филимонова М.А. Повседневная жизнь американцев во времена Джорджа Вашингтона. СПб.: Алетейя, 2024. 548 с.

Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 546 с.

Jackson's Oxford Journal. 1757.

Prince de Ligne. Lettres à la Marquise de Coigny. Paris: É. Champion, 1914. 96 p.

The Boston Gazette, and Country Journal. 1765.

The Maryland Gazette. 1757–1762.

The New Hampshire Gazette. 1758.

The Pennsylvania Gazette. 1757–1764.

The South-Carolina Gazette. 1764.

M.A. Filimonova
PhD in History, Doctor,
Leading Researcher,
Kursk State University
Kursk, Russia

The Palace Coup of 1762 in Russia as Reflected by the American Press

The purpose of the article is to analyze the ideas about Russia and, in particular, about Peter III's reign Catherine II's coming to power, which were reflected in the American press of the 1760s. The analysis of the newspaper discourse allows us to draw conclusions about what information the reading public had about Russia in the North American colonies of Great Britain; how the perception of this information was influenced by the international situation at the end of the Seven Years' War; how perception distortions and fake messages arose.

The research is based on imagological methods and approaches. The source base includes periodicals, primarily published in 1760s in Pennsylvania

and Maryland, as well as in South Carolina and Massachusetts, since those newspapers paid sufficient attention to Russian topics and had the necessary information. Russian sources are also involved, including Peter III's legislation and memoiristics.

The conclusions obtained: 1) although the North American colonies had no direct contacts with Russia, yet the Russian topic was relevant to Americans in the global context of the Seven Years' War; 2) the palace coup of 1762 received news coverage in America; 3) nevertheless, the information received could be insufficient and/or contradictory; 4) under those conditions, the missing information was completed on the basis of folklore motifs or stereotypes that existed in the culture of the XVIII century.

The materials and conclusions of the article can be used in the preparation of generalizing studies on the history of mutual perception of Russia and the United States.

Keywords: *the history of the press in the USA; the era of palace coups in Russia; Peter III; Catherine II; Ivan VI of Russia; perception of Russia in the West.*

REFERENCES

Anisimov E.V. Elizabeth Petrovna [Elizaveta Petrovna]. Moscow: Molodaja gvardija, 2002. 468 p. (in Russian).

Anisimov M.Y. Russian diplomacy and the Seven Years' War [Rossijskaja diplomatija i Semiletnjaja vojna]. Moscow: Academic project, 2021. 887 p. (in Russian).

Artemenkova K.P. The court life of Russia in the reign of Elizabeth Petrovna in the reflection of the British press [Pridvornaia zhizn' Rossii v tsarstvovanie Elizavety Petrovny v otrazhenii britanskoi pressy]. *Human capital*. 2024. No 4(184). pp. 11–21 (in Russian).

Artemenkova K.P. Rumors about the Brunswick family in the British press in the 1740s-1750s [Slukhi o Braunshveigskom semeistve v britanskoi presse v 1740–1750-e gody]. *Clio,* 2023. No 10. pp. 43–51 (in Russian).

Baranska A. Fyodor Kuzmich – Siberian life after the death of Emperor Alexander I. The history of the legend [Fedor Kuz'mich – sibirskaia zhizn' posle smerti imperatora Aleksandra I. Istoriia legendy]. *Slavic Almanac* [Slavianskii al'manakh]. 2012, 2013. pp. 97–113 (in Russian).

Bolotov A.T. The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants [Zhizn' i prikliucheniia Andreia Bolotova, opisannyia samim im dlia svoikh potomkov]. In 3 vols. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2013. (in Russian).

Vigarello J. The art of attractiveness. The history of bodily beauty from the Renaissance to the present day [Iskusstvo privlekatel'nosti. Istoriia telesnoi krasoty ot renessansa do nashikh dnei]. Moscow: New Literary Review, 2013. 432 p. (in Russian).

Griffiths D. Russians are coming, Russians are coming! Perhaps not… [Russkie idut, russkie idut! A mozhet, i net …]. *Griffiths D. Catherine II and her world. Articles from different years*. Moscow: New Literary Review, 2013, pp. 504–519 (in Russian).

Diderot D., Lesage A.R., Montesquieu Ch.L. French frivolous novel [Frantsuzskii frivol'nyi roman]. Moscow: IOLOS, 1993. 624 p. (in Russian).

Eliseeva O.I. Peter III [Petr III]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2015. 379 p. (in Russian).

The Legislation of Emperor Peter III: 1761–1762. The Legislation of Empress Catherine II: 1762–1782 [Zakonodatel'stvo imperatora Petra III: 1761–1762 gody. Zakonodatel'stvo imperatritsy Ekateriny II: 1762–1782 gody]. Compiled by V.A. Tomsinov. Moscow: Zertsalo, 2011. 336 p. (in Russian).

Ivanov N.N. Typology of folklore texts about Emperor Alexander I and Napoleon Bonaparte [Tipologiia fol'klornykh tekstov ob imperatore Aleksandre I i Napoleone Bonaparte]. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2012. Issue 1. No 3. pp. 198–201 (in Russian).

Kurukin I.V. The epoch of the «court storms». Essays on the political history of post-Petrine Russia (1725–1762) [Epokha «dvorskikh bur'». Ocherki politicheskoi istorii poslepetrovskoi Rossii (1725–1762 gg.)]. Saint Petersburg: Nauka, 2019. 761 p. (in Russian).

Maul V.Ya., Lazareva O.V. «Royal signs» and mythical journeys in Pugachev's/Peter III's system of arguments [«Tsarskie znaki» i mificheskie puteshestviia v sisteme argumentov Pugacheva/Petra III]. *Humanitarian studies of Central Russia*. 2024. No1(30). pp. 20–28 (in Russian).

Mylnikov A.S. Peter III [Petr III]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2002. 511 p. (in Russian).

Pavlenko N.I. Catherine the Great [Ekaterina Velikaia]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2006. 548 p. (in Russian).

Proskurina V. Myths of Empire: literature and power in the era of Catherine II [Mify imperii: literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II]. Moscow: New Literary Review, 2006. 328 p. (in Russian).

Putilin M.S. The story of the Elderly Tsar as a specificity of the provincial Slavic mentality during the modernization transition [Siuzhet o tsare-startse kak spetsifika provintsial'noi slavianskoi mental'nosti v period modernizatsionnogo perekhoda]. *Bulletin of Tomsk State University*. History, 2023. No83. pp. 66–71 (in Russian).

Rulhière C.C. History and anecdotes of the revolution in Russia in 1762 [Istoriia i anekdoty revoliutsii v Rossii 1762 g.]. *Russia of the XVIII century through the eyes of foreigners*. Text preparation by Yu.A. Limonov. Leningrad: Lenizdat, 1989. pp. 261–312 (in Russian).

The Seven Years' War. Materials on the actions of the Russian army and navy in 1756–1762 [Semiletniaia voina. Materialy o deistviiakh russkoi armii i flota v 1756–1762 gg.]. Edited by N.M. Korobkov. Moscow: Military Publishing House, 1948. 914 p. (in Russian).

Uspensky V.M., Rossomakhin A.A., Khrustalev D.G. Catherine's Imperial step. Russia in the English caricature of the XVIII century [Imperskii shag Ekateriny. Rossiia v angliiskoi karikature XVIII v.]. Saint Petersburg: Arka Publishing House, 2016. 288 p. (in Russian).

Filimonova M.A. The daily life of Americans in the time of George Washington [Povsednevnaia zhizn' amerikantsev vo vremena Dzhordzha Vashingtona]. Saint Petersburg: Alethea, 2024. 548 pp. (in Russian).

Chistov K.V. Russian folk utopia (genesis and functions of socio-utopian legends) [Russkaia narodnaia utopiia (genezis i funktsii sotsial'no-utopicheskikh legend)]. Saint Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 546 p. (in Russian).

Jackson's Oxford Journal. 1757. (in English).

Prince de Ligne. Letters to Marquise de Coigny [Lettres à la Marquise de Coigny]. Paris: É. Champion, 1914. 96 p. (in French).

The Boston-Gazette, and Country Journal. 1765. (in English).

The Maryland Gazette. 1757–1762. (in English).

The New Hampshire Gazette. 1758. (in English).

The Pennsylvania Gazette. 1757–1764. (in English).

The South-Carolina Gazette. 1764. (in English).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аделева Ольга Павловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: afo-olga@yandex.ru.

Андреев Вадим Сергеевич – доктор филологических наук, профессор Школы филологических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва). E-mail: vadim.andreev@ymail.com.

Василевская Елена Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языкознания Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка (г. Минск). E-mail: alena.vasil.26@gmail.com.

Голаев Михаил Александрович – ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета. E-mail: golaev2000@mail.ru.

Жарикова Ирина Александровна – соискатель кафедры английского языка Смоленского государственного университета. E-mail: Jarikowa.i@yandex.ru.

Коновалов Денис Александрович – аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета (г. Минск). E-mail: d.k.official.mail.box@gmail.com.

Лунькова Екатерина Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: ttf32lunkova@mail.ru.

Новикова Оксана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: onovikova2012@mail.ru.

Павлова Лариса Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: pavlar@inbox.ru.

Павлова Полина Анатольевна – аспирант кафедры немецкой филологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург). E-mail: pavlova-p@mail.ru.

Перфильева Зинаида Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и методики преподавания иностранного языка Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: Pse80@yandex.ru.

Романова Ирина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета. E-mail: irina.romanova@bk.ru.

Сафина Анна Сергеевна – аспирант кафедры истории зарубежных литератур Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: st096055@student.spbu.ru.

Скоропанова Ирина Степановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета (г. Минск). E-mail: SkoropanovaI@bsu.by.

Смирнова Людмила Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Смоленского государственного университета. E-mail: naksemit@gmail.com.

Тихонова Анастасия Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета; заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника. E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com.

Филимонова Мария Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Курского государственного университета. E-mail: mar-filimonova@yandex.ru.

Чалова Оксана Николаевна – кандидат филологических наук, докторант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Минского государственного лингвистического университета (Республика Беларусь). E-mail: oksana-chalova@mail.ru.

Чурляева Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета. E-mail: Churlyaevatatyana@gmail.com.

Шумаков Михаил Дмитриевич – аспирант кафедры новейшей истории России Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: mishumakov@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ СМОЛЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА» ЗА 2024 ГОД

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Автухович Т.Е. Экфрасис в произведениях Анны Матвеевой как индикатор современной литературной ситуации. – № 3(67). – С. 5–18.

Аделева О.П. Атрибутивная структура лирического сборника Теда Хьюза «Ястреб под дождем». – № 4(68). – С. 130–143.

Андреев В.С. Стихотворный размер и характеристики стихотворного переноса в гражданской лирике Дж.Г. Уиттьера. – № 3(67). – С. 101–111.

Андреев В.С., Павлова Л.В., Романова И.В. Репрезентация Армении в стихотворениях русских поэтов. – № 4(68). – С. 5–19.

Андреев С.Н. Мотивы Кёллера как маркер стиля: сопоставительный анализ «оригинал – перевод». – № 2(66). – С. 101–116.

Басовец И.М. Лучевидная субъектная модель текстовой деавторизации в медиажанрах (на материале английского и белорусского языков). – № 1(65). – С. 90–102.

Басыров Ш.Р. Оценочная лексика со значением нечестного поведения в немецком языке. – № 2(66). – С. 131–147.

Белютин Р.В. «Вошли в коммуникативный клинч»: дискурс противостояния в субкультуре футбольных фанатов (на примере Рурского дерби «Шальке 04» vs «Боруссия» (Дортмунд)). – № 1(65). – С. 119–130.

Белютин Р.В. Метафоры футбольного Евро-24 (на примере публикаций о сборной Германии). – № 3(67). – С. 140–148.

Белютина Ю.А. Президентские предвыборные дебаты в современном американском политическом нарративе. – № 3(67). – С. 112–125.

Бубнова Н.В. Разрядно-тематическая классификация имен собственных электронного ресурса «Армянский текст русской поэзии». – № 3(67). – С. 57–70.

Бутеев Д.В. Смоленск в жизни и творчестве Н.И. Рыленкова. – № 3(67). – С. 29–38.

Василевская Е.С. К проблеме построения моделей семантической деривации. – № 4(68). – С. 103–117.

Жарикова И.А. Специфика использования образных сравнений в романах Тони Моррисон «Милосердие» и «Боже, храни мое дитя». – № 4(68). – С. 143–156.

Искендеров М.Г. Репрезентация гендерных доминант в русском языке. Диахронический аспект. – № 2(66). – С. 89–101.

Карнюшин В.А., *Малофеев Н.А.* Пушкинские страницы историко-автобиографической романистики Б.Л. Васильева (по роману «Картежник и бретер, игрок и дуэлянт»). – № 1(65). – С. 44–54.

Каяниди Л.Г. Мистериально-дионисийский сюжет Вячеслава Иванова и его мистическая антропология (принцип «ты еси»). Статья вторая. – № 1(65). – С. 5–20.

Ковалева В.С. Похаленков О.Е. Мотив памяти в рассказах Б.Л. Васильева «Экспонат №…» и Э.М. Ремарка «История любви Аннеты». – № 3(67). – С. 19–28.

Копчук Л.Б. Фразеология берлинского урбанолекта как лингвокультурный феномен. – № 3(67). – С. 125–140.

Королева И.А. Образ малой родины в лирике современных смоленских поэтов. – № 1(65). – С. 34–44.

Королькова А.В. Ценностная парадигма афористического наследия Н.С. Гумилева. – № 1(65). – С. 54–65.

Короткова М.А. Из жизни смоленской писательской организации: альманах «Литературный Смоленск». – № 3(67). – С. 39–46.

Коста Э. Стихотворение М.И. Цветаевой «Попытка ревности»: сравнительно-сопоставительный анализ трех переводов на итальянский. – № 2(66). – С. 43–57.

Лаптева М.Л. Фразеологическая репрезентация понятия «абьюз» в русском языке. – № 3(67). – С. 46–56.

Лочмелис Е.Р. Пушкин и Достоевский в русской рок-поэзии. – № 2(66). – С. 28–43.

Лунькова Е.С. Производные существительные с нулевым суффиксом в смоленских говорах. – № 4(68). – С. 87–103.

Малышева Е.Г. Видеоэссе о кино: способы репрезентации и интерпретации содержательных доминант в поликодовом медиатексте. – № 2(66). – С. 58–76.

Марфина Ж.В. Вербальные репрезентанты ментального поля родства в современном публицистическом дискурсе. – № 1(65). – С. 66–79.

Молнар А. Компоненты дискурсивной поэтики на примере романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина». – № 2(66). – С. 19–28.

Набигулаева М.Н., Муртазалиев А.М., Баширова Р.С. Цикл стихов об Армении Расула Гамзатова. – № 2(66). – С. 5–18.

Новикова О.А. Роман «Не стреляйте в белых лебедей» Бориса Васильева в контексте «деревенской прозы». – № 4(68). – С. 19–31.

Павлова Л.В., Романова И.В. Образно-мотивные ситуации «сарьяновского» корпуса русской поэзии. – № 1(65). – С. 20–34.

Павлова П.А. Семантика и структура мало- и крупноформатных энигматических текстов (на материале немецкого языка). – № 4(68). – С. 157–172.

Перфильева З.Е. Особенности вербализации эмоции *Angst* в романе А. Хидера «Дворец несчастных». – № 4(68). – С. 172–186.

Петешова О.В. Влияние экстралингвистических факторов на формирование ойконимии Калининградской области. – № 1(65). – С. 79–90.

Россихина М.Ю., Икатова И.И. Интеракциональные маркеры в метаязыке экономического дискурса (на материале газет «The New York Times» и «Известия»). – № 3(67). – С. 85–101.

Сафина А.С. О принципах конструирования «городского текста» в романном проекте Петера Розая «Венские файлы». – № 4(68). – С. 61–72.

Сибирцева В.Г. Пути формирования литературной репутации: Ф.Г. Клопшток в России XIX века. – № 1(65). – С. 102–119.

Скоропанова И.С. «Триптих» Саши Соколова как книга размышлений. – № 4(68). – С. 31–47.

Смирнова Л.Г. Оценочный потенциал глагола в русском языке. – № 4(68). – С. 72–86.

Чалова О.Н. Виды высказываний с эксплицитным модусом веры в научном диалоге. – № 4(68). – С. 117–129.

Чурляева Т.Н. Лирическая событийность: к практике анализа и интерпретации. – № 4(68). – С. 47–60.

Шацкая Ж.Ю. Медиаобраз как объект научной рефлексии: обзор отечественных и зарубежных исследований. – № 3(67). – С. 71–84.

Шевелева И.А. Структурные и семантические особенности английских фразеологических единиц с компонентом «предмет посуды». – № 2(66). – С. 116–131.

Шитикова А.В. Семантически модифицированная пословица в системе немецкоязычной виртуальной коммуникации. – № 1(65). – С. 130–142.

Ян Сюе. Гендерные роли женщин в русских паремиях. – № 2(66). – С. 77–89.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Алентьева Т.В. Репрезентация Русско-турецкой войны 1877–1878 годов в карикатуре Великобритании (на примере журнала «Fun»). – № 3(67). – С. 193–208.

Беспалёнок Е.Д. Вяземский купец Савва Тимофеев сын Алтухов: проблема определения личности и мотивации храмостроителя XVIII века. – № 1(65). – С. 154–167.

Василькова Н.В. Железные дороги Смоленской губернии в контексте экономической модернизации (вторая половина XIX – начало XX века). – № 1(65). – С. 168–188.

Гальцов В.И., Макей А.Д. Попытка реформирования системы гражданского чинопроизводства в Российской империи в 1883–1885 годах. – № 2(66). – С. 148–163.

Голаев М.А. Отношение жителей Смоленска к возвращению города в состав Российского государства в годы Русско-польской войны. – № 4(68). – С. 227–240.

Иванова О.Ю. Партийное руководство партизанским движением в период оккупации Смоленщины немецко-фашистскими войсками (1941–1942). – № 2(66). – С. 226–238.

Ивонина Л.И. Итоги войны Аугсбургской лиги и репрезентация Рисвикского мира 1697 года. – № 1(65). – С. 189–201.

Кирчанов М.В. Английский национализм и изучение истории англосаксонской Англии. – № 2(66). – С. 194–209.

Кобец О.В. Белорусизация в российских регионах в 1920-е годы в современной отечественной историографии. – № 2(66). – С. 163–180.

Коновалов Д.А. Пути взаимодействия украинского движения с германскими органами власти в годы Первой мировой войны (1914–1916). – № 4(68). – С. 205–216.

Корнилова О.В. «Преступления Хрущева» на слушаниях Комитета Конгресса США по расследованию антиамериканской деятельности: геноцид украинского народа. Часть 1. – № 3(67). – С. 169

Кузнецов М.В. Смоленская губернская прокуратура в борьбе с «правым уклоном» и последствиями «Смоленского нарыва» в 1928 году. – № 3(67). – С. 159–168.

Кулаков В.И. Эволюция обкладки рукояти раннесредневековых мечей в Балтии и на Руси. – № 3(67). – С. 149–158.

Мязин Н.А. Протестантизм в Корее: от запрета христианства до крупнейшей в мире мегацеркви. – № 1(65). – С. 202–215.

Овчинников В.М. Феномен психологической войны в эпоху короля-солнце. – № 2(66). – С. 210–225.

Пашкова И.В. Смоленск в книжной традиции России XVI века. – № 1(65). – С. 143–154.

Попов М.В., Шитов А.К. Яков Денисович Петров: смоленский учитель во главе регионального педагогического вуза в годы Великой Отечественной войны. – № 2(66). – С. 181–194.

Севрюк В.С. Африканское направление в публичной дипломатии Британии после Брексита. – № 3(67). – С. 208–220.

Собко Е.М. Российско-нидерландские отношения в период Великого посольства и на первом этапе Северной войны (1697–1709). – № 3(67). – С. 182–193.

Тихонова А.В. Впечатления путешественников, посетивших Смоленск в 1820–1840-е годы. – № 4(68). – С. 187–204.

Филимонова М.А. Дворцовый переворот 1762 года в России в отражении американской прессы. – № 4(68). – С. 240–253.

Шумаков М.Д. Организация военного управления в Царицыне летом-осенью 1918 года. – № 4(68). – С. 216–226.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Белютин Р.В. Футбольный антисемитизм: будет ли красная карточка? Pavel Brunssen. Antisemitismus in Fußball-Fankulturen. Der Fall RB Leipzig. Weinheim: Beltz Juventa Verlag, 2021. 180 S. – № 1(65). – С. 216–220.

Кодин Е.В. Памяти историка Дмитрия Евгеньевича Комарова. – № 2(66). – С. 239–242.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

М.Н. Артеменков (Смоленск, председатель)

Михаил Николаевич Артеменков – кандидат исторических наук, доцент, завкафедрой государственно-правовых дисциплин, ректор Смоленского государственного университета

И.В. Романова (Смоленск, зампредседателя)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

В.А. Волков (Москва)

Владимир Алексеевич Волков – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Московского педагогического государственного университета

А.Б. Каменский (Москва)

Александр Борисович Каменский – доктор исторических наук, профессор, руководитель школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

В.С. Кошелев (Минск, Республика Беларусь)

Владимир Сергеевич Кошелев – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

А. Молнар (Дебрецен, Венгрия)

Ангелика Молнар – доктор, PhD, доцент Института славистики Дебреценского университета

Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород)

Лариса Викторовна Рацибурская – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой русского языка и общего языкознания Института филологии и журналистики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Ф.Б. Успенский (Москва)

Федор Борисович Успенский – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, директор Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

Н.А. Фатеева (Москва)

Наталья Александровна Фатеева – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук

З.А. Харитончик (Минск, Республика Беларусь)

Зинаида Андреевна Харитончик – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета

И.Р. Чикалова (Минск, Республика Беларусь)

Ирина Ромуальдовна Чикалова – доктор исторических наук, профессор, завкафедрой всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета им. Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси

THE EDITORIAL COUNCIL

M.N. Artyomenkov (Smolensk, The Chairperson)

Mikhail Nikolaevich Artyomenkov – Candidate of history, Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines, Rector of Smolensk State University

I.V. Romanova (Smolensk, Deputy Head)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

V.A. Volkov (Moscow)

Vladimir Alekseyevich Volkov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Moscow State Pedagogical University

A.B. Kamensky (Moscow)

Alexander BorisovichKamensky – Doctor of history, Professor, Head of School of History of the National Research University Higher School of Economics

V.S. Koshelev (Minsk, The Republic of Belarus)

Vladimir Sergeyevich Koshelev – Doctor of history, Head of the Department of Modern and Contemporary History, Belarusian State University

A. Molnar (Debrecen, Hungary)

Angelka Molinar – Doctor of sciences, PhD, Associate Professor, the Institute of Slavic Studies at the University of Debrecen

L.V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod)

Larisa Viktorovna Ratsiburskaya – Doctor of philology, Professor, Head of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

F.B. Uspensky (Moscow)

Fedor Borisovich Uspensky – Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of philology, professor, Director of V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

N.A. Fateyeva (Moscow)

Natalya Alexandrovna Fateyeva – Doctor of philology, Chief Researcher, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

Z.A. Kharitonchik (Minsk, The Republic of Belarus)

Zinaida Andreyevna Kharitonchik – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of General Linguistics, Minsk State Linguistic University

I.R. Chikalova (Minsk, The Republic of Belarus)

Irina Romualdovna Chikalova – Doctor of history, Professor, Head of the Department of World History and Theory and Methods of Teaching, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank; Leading Researcher, the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.В. Романова (гл. редактор)

Ирина Викторовна Романова – доктор филологических наук, профессор, завкафедрой литературы и журналистики Смоленского государственного университета

А.В. Тихонова (зам. гл. редактора)

Анастасия Владимировна Тихонова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, заместитель директора по науке Смоленского государственного музея-заповедника

Р.В. Белютин (отв. секретарь)

Роман Вячеславович Белютин – доктор филологических наук, доцент, завкафедрой немецкого языка Смоленского государственного университета

С.Н. Андреев

Сергей Николаевич Андреев – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков Смоленского государственного университета

С.Ю. Артемова

Светлана Юрьевна Артемова – доктор филологических наук, доцент кафедры истории и теории литературы Тверского государственного университета

Л.И. Ивонина

Людмила Ивановна Ивонина – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Смоленского государственного университета

Д.Е. Комаров

Дмитрий Евгеньевич Комаров – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории казачества и социально-гуманитарных наук Смоленского казачьего института промышленных технологий и бизнеса (филиала) Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)

А.В. Королькова

Анжелика Викторовна Королькова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

Л.В. Павлова

Лариса Викторовна Павлова – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета

О.Е. Похаленков

Олег Евгеньевич Похаленков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы Института филологии и массмедиа Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского

А.М. Ранчин

Андрей Михайлович Ранчин – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Ю.Л. Цветков

Юрий Леонидович Цветков – доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной литературы Института гуманитарных наук Ивановского государственного университета

РЕДАКТОРЫ РУБРИК

С.Н. Андреев, Л.В. Павлова (филологические науки)
Л.И. Ивонина, А.В. Тихонова (исторические науки)

EDITORIAL BOARD

I.V. Romanova (Editor-in-chief)

Irina Viktorovna Romanova – Doctor of philology, Professor, Head of the Departmentof Literature and Journalism, Smolensk State University

A.V. Tikhonova (Vice Editor-in-chief)

Anastasia Vladimirovna Tikhonova – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Departmentof History of Russia, Smolensk State University, Deputy Director of Science, Smolensk State Museum Reserve

R.V. Belyutin (Executive Editor)

Roman Vyacheslavovich Belyutin – Doctor of philology, Associate Professor, Head of the Department of the German Language, Smolensk State University

S.N. Andreev

Sergey Nikolayevich Andreev – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the Foreign Languages, Smolensk State University

S.Yu. Artemova

Svetlana Yurievna Artemova – Doctor of philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History and Theory of Literature, Tver State University

L.I. Ivonina

Lyudmila Ivanovna Ivonina – Doctor of history, Professor, Professor of the Department of World History and International Relations, Smolensk State University

D.Y. Komarov

Dmitry Yevgenyevich Komarov – Doctor of history, Associate Professor, Professor of the Department of the History of Cossack and Social and Humanitarian Sciences, Smolensk Regional Cossack Institute of Industrial Technologies and Business (branch) of K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management

A.V. Korolkova

Anzhelika Viktorovna Korolkova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

L.V. Pavlova

Larisa Viktorovna Pavlova – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of Literature and Journalism, Smolensk State University

O.Y. Pokhalenkov

Oleg YevgenyevichPokhalenkov – Doctor of philology, Associate Professor, Professor of the Departmentof Literature of the Institute of Philology and Mass Media, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovski

A.M. Ranchin

Andrei Mikhailivich Ranchin – Doctor of philology, Professor, Professor of the Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

Yu.L. Tsvetkov

Yuriy Leonidovich Tsvetkov – Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign literature of the Institute for Humanities, Ivanovo State University

EDITORS OF SECTIONS

S.N. Andreev, L.V. Pavlova (Philology)
L.I. Ivonina, A.V. Tikhonova (History)

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Доводим до Вашего сведения, что с **1 сентября 2023 года** во всех почтовых отделениях России открыта подписка на журнал **«Известия Смоленского государственного университета».**

Журнал включен в подписной каталог Почты России. Подписка осуществляется во всех отделениях почтовой связи и в онлайн-сервисе podpiska.pochta.ru.

Журнал выходит 4 раза в год. Годовая подписка состоит из 4 номеров.

Стоимость **полугодовой** подписки – 1144 руб. 44 коп.

Система доставки – **адресная**.

Индексы в Объединенном каталоге

Подписной индекс **– ПН182**

Адрес редакции и издателя:

214000, Смоленская область, Смоленск, ул. Пржевальского, 4
Смоленский государственный университет
Тел.: (4812) 700231, факс: (4812) 383157
E-mail: izwestija@smolgu.ru

Научное издание

Известия Смоленского государственного университета

Выходит 4 раза в год
2024, № 4(68)

Издательство
Смоленского государственного университета
214000, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

Редакторы *Е.А. Воропаева, И.В. Марусова, О.В. Папко*
Редактор англоязычных текстов *П.В. Силаев*
Технический редактор *И.В. Марусова*
Компьютерная верстка *А.П. Борисов*

Дата выхода 28. 02. 2025. Формат 70x100$^{1}/_{16}$.
Усл. п. л. 21,75 Тираж 300 экз.

Отпечатано: Типография ИП Суркова Н.Н.
Смоленская область, г. Смоленск, ул. Б. Советская, д.12/1

Цена свободная